ХОББИТ,
ИЛИ ТУДА И ОБРАТНО

Об иллюстрациях:

Иллюстрации в этом издании созданы с помощью искусственного интеллекта. Каждая картинка уникальна и сгенерирована специально для этой книги на основе текста произведения.

Изображения, созданные ИИ, могут содержать небольшие неточности — это особенность технологии. Мы надеемся, что это не испортит ваши впечатления от чтения. Мы постоянно работаем над улучшением качества иллюстраций.

—

Полезные ссылки:

taplink.cc/chitai

По ссылке выше вы найдёте ресурсы, где мы выкладываем подобные работы бесплатно и способы поддержать проект если вам понравилось и вы хотите больше подобных книг.

—

Мы искренне желаем вам насладиться данным произведением и надеемся, что наши иллюстрации помогут вам погрузиться в его мир.

Джон Рональд Руэл Толкин

Хоббит, или Туда и Обратно

John Ronald Reuel Tolkien
The Hobbit or There and Back Again
© The J. R. R. Tolkien Copyright Trust 1937, 1951, 1966, 1978, 1995, 1997
© М. Каменкович, С. Степанов, перевод на русский язык
© М. Каменкович, В. Каррик, комментарии
© Д. Гордеев, художественное оформление, иллюстрации
© ООО «Издательство АСТ»

* * *

Глава I. Незваные гости

В глубокой норе жил-был хоббит*. Разумеется, не в грязной сырой норе, где из стен лезут червяки и дурно пахнет, но и не в сухой песчаной норе, где шаром покати и не на чем даже посидеть, не говоря уже о том, чтобы чем-нибудь подкрепиться. Вовсе нет! То была настоящая хоббичья нора, а это значит – очень и очень уютная.

Круглая входная дверь была выкрашена в зеленый цвет, и точь-в-точь посередине блестела круглая латунная ручка. От входной двери начиналась прихожая – этакий туннельчик, точнее, труба, но очень симпатичная и безо всякого там дыма. Стены были обшиты деревянными панелями, на полу – паркет и коврики; здесь же стояли полированные стулья и великое множество вешалок для шляп и плащей – дело в том, что хоббит любил гостей. Туннель шел не прямо, а все поворачивал и поворачивал, уходя в глубину холма, который на много миль в округе все так и называли Холмом. И отнюдь не единственная круглая дверка распахивалась с рассветом на его склонах – сначала на одном, а потом и на другом… Бегать вверх-вниз по лестницам хоббиты не любят, поэтому спаленки, ванные, погреба, кладовки (их было много!), гардеробные (для одной только одежды у этого хоббита предназначалось несколько комнат!), кухоньки, гостиные – все это находилось на одном этаже, а если сказать точнее, было доступно из главного коридора. По левую руку от входа располагались самые лучшие комнаты, ибо только они имели окошки – глубоко сидящие круглые окошки, выходившие в сад и на луговину, которая шла по склону до самой речки.

Надо сказать, что хоббит этот был довольно зажиточный, а фамилия его была Бэггинс*. С незапамятных времен жили Бэггинсы в окрестностях Холма и во все времена пользовались всеобщим уважением – не только потому, что в большинстве своем были богаты, но и потому, что никогда не впутывались ни в какие приключения и никаких неожиданностей от них ждать не приходилось. Заранее можно было сказать, что ответит Бэггинс на любой вопрос, и даже не

трудиться спрашивать. Но эта история как раз о том, как с Бэггинсом вышло приключение и как он стал вытворять вещи совершенно неожиданные. Этот Бэггинс, возможно, потерял уважение соседей, зато снискал… Впрочем, снискал ли он хоть что-нибудь, вы узнаете только в самом конце.

Матерью этого самого хоббита… Впрочем, вы уже, конечно, вправе спросить, что собой представляют хоббиты. Думается, несколько слов о них сказать следует, поскольку теперь, помимо того, что и вообще-то хоббитов осталось на свете совсем мало, они еще и прячутся от Больших – так они называют нас с вами. Но и в прежние времена они были народцем весьма малочисленным. Росту в них – половина нашего, они даже меньше бородачей-гномов. Кстати, борода у хоббитов не растет. Ничего волшебного в хоббитах нет, не считая, конечно, одного – обиходного, так сказать – волшебства, которое помогает им мгновенно скрываться из виду, когда большие, неуклюжие существа вроде нас с вами с грохотом и топотом ломятся навстречу, словно слоны. А слышат нас хоббиты за целую милю. Они склонны к полноте, одеваются в яркие цвета, предпочитая желтый и зеленый, а вот обуви не носят вовсе, поскольку от природы на подошвах у них кожа толстая, как хорошая подметка; волосы на голове у них курчавые, равно как и бурая шерстка на ногах, густая и теплая. У хоббитов ловкие, подвижные пальцы, добродушные лица и сочный, заразительный смех (особенно после обеда, который они имеют обыкновение устраивать по два раза на дню, – если, разумеется, ничто не помешает). Ну вот, теперь вы знаете достаточно и мы можем двигаться дальше. Я уже обмолвился, что матерью этого хоббита (я имею в виду Бильбо* Бэггинса) была легендарная Белладонна Тукк, одна из трех достойных дочерей Старого Тукка, главы клана хоббитов, что жили по ту сторону Реки, – так называлась небольшая речка у подножия Холма. Хоббиты (разумеется, из других кланов!) поговаривали, что когда-то давным-давно кто-то из Тукков женился на фее*. Разумеется, все это только сплетни*, но, как бы то ни было, чувствовалось в Тукках что-то не совсем хоббичье, и время от времени кто-нибудь из них пускался в путешествие, в котором не обходилось без приключений. Исчезали они обычно без особого шума, а родственники тщательно скрывали их отсутствие. Но факт остается фактом – Тукков уважали куда меньше Бэггинсов, несмотря на то что, безо всякого сомнения, Тукки были богаче.

Едва ли можно утверждать, что после того, как Белладонна Тукк вышла замуж за Банго Бэггинса*, с ними что-то этакое

приключилось, – пожалуй, нет. Банго Бэггинс, отец Бильбо, отгрохал для своей супруги (правда, частично на ее средства) роскошную хоббичью нору, какой не сыскать было ни ниже, ни выше по Холму, ни даже по ту сторону Реки, – нору, в которой они и прожили до конца своих дней. Тем не менее не исключено, что их единственный сын Бильбо, который, хотя и был внешностью и характером точной копией своего уравновешенного и рассудительного отца, унаследовал кое-что и по линии Тукков – нечто такое, что ждало только случая, чтобы всплыть на поверхность. Однако случая все не подворачивалось – до тех самых пор, пока Бильбо не стал совсем взрослым (ему было уже около пятидесяти) и, прочно обосновавшись в обустроенной отцом отличной хоббичьей норе, которую я вам только что описал, не остепенился, как всем казалось, окончательно и бесповоротно.

Как-то утром, много-много лет назад, когда шума в мире было поменьше, а трава была зеленей, и хоббитов было еще довольно много, и жили они припеваючи, – Бильбо Бэггинс стоял у входа в свою нору и посасывал после завтрака длиннющую деревянную трубку, которая едва не доставала до его поросших шерсткой лодыжек (кстати, тщательно причесанных), – и тут ни с того ни с сего явился Гэндальф*. Да-да, Гэндальф! Если бы вы слыхали хотя бы четвертую часть из того, что слыхивал о нем я, а слыхивал я разве малую толику того, что о нем говорилось, вы бы наверняка уже приготовились к какой-нибудь замечательной истории. Истории и приключения, причем свойства самого необыкновенного, следовали за ним по пятам. Целую вечность не появлялся Гэндальф в окрестностях Холма. Пожалуй, с тех самых пор, как умер его давний приятель Старый Тукк. Так что хоббиты едва и помнили, как он выглядит. Ведь Гэндальф ушел за Холм и за Реку по своим делам еще в те времена, когда теперешние хоббиты-старожилы под стол пешком ходили.

Старик и посох – вот все, что ничего не подозревавший Бильбо увидел перед собой в то достопамятное утро. На старике была синяя остроконечная шляпа, длинный серый плащ и серебристый шарф, а его седая борода свисала ниже пояса. Обут он был в огромные черные сапоги.

– Доброе утро! – приветствовал его Бильбо, ничего другого не имея в виду. Светило солнышко, и трава была зеленей зеленого.

– Что ты имеешь в виду? – спросил Гэндальф, лукаво глядя на Бильбо из-под косматых бровей, выдававшихся даже за широкие поля его шляпы. – Ты просто желаешь мне доброго утра или говоришь, что утро доброе вообще, хочу я того или нет? Или что нынче утром ты

пребываешь в добром здравии? Или что это утро доброе во всех отношениях?

– Да все вместе! – ответил Бильбо. – А кроме того – что таким чудесным утром хорошо выкурить трубочку на пороге своего дома! Если ваша трубка при вас, присаживайтесь и отведайте моего табачку. Спешить-то ведь некуда – целый день впереди!

Бильбо сел на лавочку у двери, закинул ногу на ногу и выпустил отличное колечко серого дыма, которое поднялось в небо и целехоньким поплыло куда-то за Холм.

– Славно! – сказал Гэндальф. – Однако нынче утром мне недосуг пускать колечки. Я ищу спутников для одного приключения, да что-то никак не получается.

– И вряд ли получится! По крайней мере в наших местах. Мы народ тихий и пользы в приключениях не видим. Одна морока с ними! Из-за них иной раз и к обеду опоздать можно! Ума не приложу, что такого находят в этих приключениях? – сказал наш хоббит и, засунув большой палец за лямку штанов, выпустил еще одно колечко, побольше.

Затем он принялся просматривать утреннюю почту, всем своим видом показывая, что старик его больше не интересует. Хоббит пришел к выводу, что они друг другу не очень-то подходят, и хотел, чтобы гость поскорее откланялся. Но старик не двигался с места. Опершись на палку, он молча стоял и пристально смотрел на хоббита, покуда тот не почувствовал себя настолько неуютно, что даже немножко рассердился.

– Доброе утро! – вымолвил он наконец. – Благодарю вас! Нам тут никакие приключения не надобны. Лучше бы вам сходить куда-нибудь за Холм или за Реку.

Хоббит ясно давал понять, что на этом разговор окончен.

– Сколько же у тебя этих твоих «Доброе утро!»? – усмехнулся Гэндальф. – На этот раз оно, видимо, означает, что тебе не терпится отделаться от меня и что это утро не будет добрым до тех пор, пока я не уберусь подальше.

– Что вы, что вы, уважаемый! Извините, но что-то я не припоминаю вашего имени!

– Да уж вижу, уважаемый! Но я-то тебя отлично знаю, Бильбо Бэггинс! Да и мое имя тебе небезызвестно, хотя ты и не признал меня. Я Гэндальф! И Гэндальф – не кто иной, как я! Подумать только, до чего я дожил! Сынок Белладонны Тукк спроваживает меня с порога своими «Доброе утро!», словно я какой-нибудь жалкий торговец

пуговицами!

– Гэндальф?! Гэндальф! Вот это да! Уж не тот ли вы странствующий волшебник, что подарил Старому Тукку волшебные алмазные запонки, которые вдеваются сами, а расстегиваются только по команде? Не тот ли, что рассказывал на вечеринках столько чудесных историй о драконах и гоблинах, о великанах, о спасении принцесс и о том, как везет иногда бедным сиротам? Не тот ли, что снаряжал такие великолепные фейерверки? Я их еще помню! Старый Тукк обычно устраивал их в канун Преполовения Лета*. Это было восхитительно! Ракеты взлетали в небо, словно огромные огненные цветы – лилии, львиный зев, астры, – и держались там весь вечер!

Вы, наверное, уже поняли, что Бильбо Бэггинс был, в общем-то, не таким занудой, каким мог показаться с первого взгляда, и что к цветам он был весьма неравнодушен.

– Вот здорово! – не унимался Бильбо. – Не тот ли вы Гэндальф, который подбил стольких наших мальчишек и девчонок очертя голову ринуться навстречу сумасшедшим приключениям – лазать на деревья в гости к эльфам, ходить под парусами к далеким берегам… Все это так заманчи… Я хотел сказать, здорово вы умели всех тут переполошить! Прошу прощения, но я даже подумать не мог, что вы продолжаете заниматься подобными делами!

– Чем же мне еще прикажешь заниматься? – серьезно спросил волшебник. – Как бы то ни было, я рад удостовериться, что кое-что обо мне ты еще помнишь. Во всяком случае, ты вроде бы помянул добрым словом мои фейерверки. Значит, не все еще потеряно! Так и быть! Ради твоего достойного деда Тукка и незабвенной Белладонны я дам тебе то, чего ты так просишь!

– Прошу прощения, но я вообще-то ничего не просил!

– Нет, просил! Только что, а теперь уже и дважды! Моего прощения. Получай его! И даже больше – я таки отправлю тебя в это приключение. Мне забава, а тебе польза – да к тому же, очень может статься, что и выгода! Если, конечно, ты вернешься…

– Благодарю покорно, увольте! Не желаю я никаких приключений! Во всяком случае, не сегодня. Доброе утро! Однако заходите на чай, когда вам будет угодно. Отчего бы и не завтра? Приходите завтра! Всего доброго!

С этими словами хоббит повернулся и со всей возможной поспешностью скрылся за круглой зеленой дверью, захлопнув ее за собой настолько быстро, насколько это было, по его разумению, прилично. Что ни говори, а волшебники – они и есть волшебники.

«И зачем это я позвал его на чай, ума не приложу!» – подумал хоббит, направляясь в кладовку. И хотя он только что позавтракал, пирожок-другой и чашечка чаю после всего этого беспокойства показались ему совсем не лишними.

Тем временем Гэндальф все еще стоял перед зеленой дверью и тихонько посмеивался. Затем он подошел ближе и прямо по зеленой краске нацарапал концом посоха какой-то непонятный знак. И в тот самый миг, когда Бильбо, управившись со вторым пирожком, начал подумывать, что очень ловко отделался от приключений, – в этот самый миг Гэндальф повернулся и зашагал прочь.

На следующий день хоббит и думать забыл о Гэндальфе. Он никогда не помнил того, чего не записывал в Книгу Приглашений, – ну, что-нибудь вроде: «Гэндальф. Чай. Среда». А на этот раз он так переволновался, что ему было не до записей.

Была уже самая пора садиться пить чай, как вдруг раздался оглушительный звон дверного колокольчика. Тут-то хоббит и вспомнил! Он засуетился, быстро поставил чайник на огонь, принес вторую чашку с блюдцем, еще несколько пирожков и побежал открывать.

«Простите, что заставил вас ждать!» – собирался сказать хоббит, но обнаружил, что перед ним вовсе не Гэндальф, а гном* с голубой бородой и ясными глазами, блестевшими из-под темно-зеленого капюшона. Не успела дверь по-настоящему открыться, как гном прошмыгнул внутрь, словно только его здесь и ждали. Он повесил плащ и капюшон на вешалку* и, низко поклонившись, сказал:

– Двалин*, к вашим услугам!

– Бильбо Бэггинс, ваш покорный слуга! – поклонился хоббит, слишком ошарашенный, чтобы задавать вопросы. Когда наступившая пауза стала казаться ему неприличной, он добавил: – Я как раз собирался пить чай! Так что милости прошу, присоединяйтесь!

Вышло это, правда, несколько неловко, но хоббит решил, что и так сойдет. Да и как прикажете себя вести, когда без всякого приглашения является к вам какой-то гном и, ни слова не говоря, вешает свой плащ у вас в прихожей?!

Надо сказать, что недолго чаевничали они с глазу на глаз. Не успели они добраться до третьего пирожка, как колокольчик загремел пуще прежнего.

– Прошу прощения! – поперхнулся хоббит и удалился в прихожую.

«Ну вот наконец и вы!» – приготовил он на этот раз. Но это был опять не Гэндальф! Вместо волшебника Бильбо увидел на пороге

старого седобородого гнома в ярко-красном капюшоне. Подобно первому, этот гном прошмыгнул в едва открывшуюся дверь, словно и его тут ждали.

– Уже собираются, – одобрительно заявил гном, увидев на вешалке зеленый капюшон Двалина.

Он повесил свой красный капюшон рядом и, прижав ладонь к груди, произнес:

– Балин, к вашим услугам!

– Благодарю! – выдавил из себя Бильбо. Конечно, это вышло как-то невпопад, но слова «уже собираются» весьма озадачили его. Не то чтобы Бильбо не любил гостей, совсем наоборот! Но он привык знакомиться с ними до того, как они придут к нему в дом, и, кроме того, предпочитал приглашать гостей самостоятельно. Хоббит с ужасом подумал, что пирожков может не хватить и он как хозяин дома рискует опростоволоситься. Он знал свой долг гостеприимства и готов был стоически вынести все налагаемые этим долгом тяготы – даже если бы пришлось отказаться от пирожка самому.

– Пожалуйте пить чай! – с трудом произнес хоббит после глубокого вдоха.

– Если можно, я предпочел бы кружечку пива, – сказал седобородый Балин. – И не отказался бы от коврижки, тминной коврижки, если найдется.

– Сколько вашей душе угодно!

К своему удивлению, Бильбо был еще способен отвечать, но удивился еще больше, когда обнаружил, что бежит в погреб за баклагой с пивом и в кладовку за двумя соблазнительного вида тминными коврижками, которые он испек нынче утром, чтобы было чем перекусить после ужина.

Когда он вернулся, Балин и Двалин, словно старые друзья (а были они на самом деле братьями!), сидели за столом и вели беседу. Едва Бильбо поставил перед ними пиво и коврижки, как снова загремел колокольчик, а потом еще раз.

«Ну, это уж точно Гэндальф!» – решил хоббит, метнувшись в коридор.

Как бы не так! Еще два гнома – желтобородые, в синих капюшонах, с серебряными поясами! И у каждого – по котомке с инструментами и по лопате. Едва дверь отворилась, они прошмыгнули внутрь, но Бильбо уже ничему не удивлялся.

– Чем могу служить, уважаемые гномы? – вопросил он.

– Кили, к вашим услугам! – произнес один из гномов.

– И Фили! – добавил другой.

Оба сняли капюшоны и поклонились.

– Ваш покорный слуга! И всех ваших близких! – раскланялся Бильбо, вспомнив на этот раз о хороших манерах.

– Как я погляжу, Балин и Двалин уже здесь! – обрадовался Кили. – Пошли туда, в общую кучу!

«Куча! – подумал Бильбо. – Это мне уже не нравится! Нужно минуточку посидеть и собраться с мыслями. И выпить чего-нибудь».

Однако едва хоббит, забившись в уголок, сделал пару глотков – а четверо гномов тем временем сидели вокруг стола и вели разговоры о копях, о золоте, о стычках с гоблинами, о налетах каких-то драконов и о многом-многом другом, чего он не понимал, да и не желал понимать, потому что все это сильно смахивало на приключения, – снова зазвонил колокольчик: «Диндон! А-лин-дан!» – словно какой-то проказливый хоббитенок задумал оборвать шнурок.

– Еще один… – пробормотал хоббит, беспомощно хлопая глазами.

– Судя по звону, не один, а четверо, – уточнил Фили. – Мы вообще-то видели, как они шли сюда, только мы их немного обогнали.

Бедняга хоббит так и сел в прихожей и закрыл лицо руками, теряясь в догадках: что же это такое, и что же это такое будет, и не собирается ли вся эта «куча» остаться на ужин? Но тут колокольчик снова загремел, да так громко, что хоббиту не оставалось ничего другого, как поспешно открыть дверь. Там было даже не четверо, а пятеро! Пятый подоспел, покуда хоббит раздумывал в прихожей. Едва Бильбо повернул ручку, как пятеро гномов ввалились в дом, кланяясь и по очереди произнося неизменное «К вашим услугам!». Звали их Дори, Нори, Ори, Оин и Глоин. Минуты не прошло, как два пурпурных капюшона, равно как серый, коричневый и белый, уже висели на вешалке, а гномы, подтянув крепкими руками золотые и серебряные пояса, прошествовали в столовую. Это была уже настоящая «куча»! Одни гномы просили принести пива, другие – вина, нашелся даже один любитель кофе, а от коврижек не отказался никто. Так что некоторое время хоббит был очень занят по хозяйству.

Когда на огонь был поставлен большой кофейник, а от тминных коврижек остались одни воспоминания, так что гномы принялись за ячменные лепешки с маслом, раздался громкий стук. Нет, не звон колокольчика, а тяжелые удары в замечательную зеленую дверь. По ней колотили палкой!

Бильбо, возмущенный до глубины души, сломя голову бросился в коридор. В жизни еще не было у него такой ужасной среды! Он рванул

на себя дверь – и пришедшие ввалились в прихожую и попадали друг на друга. Еще гномы! Четверо! А следом, опираясь на посох, вошел смеющийся Гэндальф. От ударов его посоха на зеленой двери появилась здоровенная вмятина, не оставившая и следа от нацарапанного прошлым утром тайного знака.

– Эй, полегче там! – крикнул Гэндальф. – Бильбо! На тебя это совсем не похоже! Заставляешь друзей ждать на пороге, а потом срываешь дверь с петель! Позволь представить тебе Бифура, Бофура, Бомбура и отдельно – Торина!

– К вашим услугам! – выпалили Бифур, Бофур и Бомбур, стоя плечом к плечу. Затем они повесили на вешалку свои капюшоны – два желтых и один зеленый, а также небесно-голубой с длинной серебристой кисточкой. То был капюшон Торина, гнома, державшегося с исключительным достоинством. Да-да! Это был тот самый знаменитый Торин Дубощит! И, стоит заметить, ему не очень-то понравилось барахтаться на коврике для вытирания ног в одной куче с Бифуром, Бофуром и Бомбуром в придачу. А Бомбур, надо сказать, был гномом весьма тучным и тяжелым. Торин держался надменно и даже не стал упоминать об «услугах», однако несчастный господин Бэггинс столько раз извинился, что гном, проворчав наконец: «Ничего, ничего!» – перестал хмуриться.

– Ну вот, все и в сборе! – сказал Гэндальф, глядя на висящие в ряд тринадцать капюшонов – выходных капюшонов на застежках – и на свою собственную синюю шляпу. – Веселенькая компания! Надеюсь, опоздавшим еще осталось что-нибудь поесть и выпить! Что это? Чай?! Нет, благодарю покорно. Лучше, пожалуй, стаканчик красного вина!

– Мне тоже, – сухо добавил Торин.

– А еще малинового джема и яблочного пирога! – добавил Бифур.

– А еще печенья с миндалем и сыру! – добавил Бофур.

– А еще пирога со свининой и салату! – добавил Бомбур.

– А еще пирожков, пива и кофе! И побольше! – закричали гномы из столовой.

– И потрудись принести яичек! – крикнул Гэндальф вдогонку хоббиту, бросившемуся в кладовую. – Да не забудь холодного цыпленка и маринованных огурчиков!

«Похоже, содержимое моих кладовок ему известно не хуже моего», – в замешательстве подумал Бильбо, начиная сильно подозревать, что ему на голову свалилось приключение – причем отвратительнейшее из всех возможных. Расставляя на больших подносах бутылки, стаканы, тарелки, раскладывая ложки, вилки и

ножи, Бильбо совсем упарился.

– Чтоб им лопнуть, этим гномам! – пробормотал хоббит себе под нос. – Нет чтобы помочь!

И что бы вы думали? На пороге кухни тут же появились Балин и Двалин, а за спиной у них Кили с Фили! Бильбо глазом не успел моргнуть, как гномы унесли подносы в столовую, прихватив к тому же два небольших столика, и все там расставили.

Тринадцать гномов расселись вокруг стола с Гэндальфом во главе. А Бильбо, примостившись на стульчике у камина, без всякого энтузиазма грыз сухарик (аппетит у него совсем пропал!) и пытался делать вид, что все так и задумано и никаким приключением тут и не пахнет. Гномы всё ели и ели, говорили и говорили, а время шло и шло. Наконец один за другим они стали откидываться на спинки стульев, и Бильбо принялся собирать со стола посуду.

– Надеюсь, вы все останетесь у меня до ужина, – сказал он самым вежливым и непринужденным тоном.

– Ну разумеется! – ответил за всех Торин. – И после ужина тоже! До темноты нам с делами не управиться, а ведь сперва нужно послушать музыку. А ну-ка, приберите тут!

В ту же минуту двенадцать гномов, за исключением надменного Торина, оставшегося за столом беседовать с Гэндальфом, повскакивали с мест и, собрав посуду в высокие стопки, стали выносить ее без всяких подносов, балансируя на одной руке шаткими сооружениями, каждое из которых венчала бутылка. Хоббиту оставалось только бегать за ними и с ужасом приговаривать: «Осторожнее, стекло!» и «Не стоит беспокоиться, я сам!». Но гномы, не обращая на него ни малейшего внимания, начали петь:

Бей узорное стекло!
Гни серебряные вилки!
Бильбо Бэггинсу назло
Опрокинь его бутылки!

Лей по скатерти вино!
На пол все тарелки бухни!
Ляпни жирное пятно!
Кости разбросай по кухне!

С мылом мой и тряпкой три!
Не беда, что всё побили!
Что осталось, посмотри?
Может, что-нибудь забыли?!

Бильбо Бэггинсу назло!
Осторожнее, стекло!!!

Ну конечно, ничего такого гномы не учинили, и, покуда Бильбо метался по кухне и чуть не свернул себе шею, пытаясь проследить сразу за всеми, все было в два счета убрано, вымыто и расставлено по местам, причем в целости и сохранности. Затем все возвратились в столовую. Торин сидел, положив ноги на каминную решетку, и курил трубку. Он пускал невероятных размеров кольца дыма, и по его команде они перемещались по комнате, куда он приказывал – то к камину, то к стенным часам, то под стол, то под потолок. Но куда бы ни улетали кольца Торина, всюду их настигал Гэндальф! Пуф-ф! И маленькое колечко из его глиняной трубки проскакивало точно через кольцо Торина. Потом Гэндальфово колечко начинало зеленеть, возвращалось и зависало над головой волшебника. Над ним уже сгустилось целое облако, и при сумеречном свете в облике Гэндальфа и в самом деле появилось нечто волшебное. Бильбо застыл пораженный – колечки пускать он и сам любил, но тут ему стало стыдно за то, с какой гордостью он предавался этому занятию вчера утром, пуская колечки на ветер, который уносил их за Холм.

– А теперь послушаем музыку! – сказал Торин. – Принесите инструменты!

Кили с Фили кинулись к своим котомкам и достали оттуда маленькие скрипки. Дори, Нори и Ори извлекли откуда-то из курток флейты. Бомбур притащил из прихожей барабан. Бифур и Бофур тоже вышли и вернулись с кларнетами, которые оставили в прихожей, в стойке для тросточек.

– Ох! – хором выдохнули Балин и Двалин. – У нас всё на крыльце!

– Несите! А заодно и мою арфу! – велел им Торин.

Гномы вернулись в столовую с двумя виолами размером с них самих, а также с арфой Торина, завернутой в зеленое сукно. Это была красивая золотая арфа, и, когда Торин провел рукой по струнам, полилась музыка, да такая необычная и приятная, что Бильбо позабыл все на свете и унесся мыслями в загадочные страны под чужими звездами, далеко за Реку, далеко-далеко от его хоббичьей норы под Холмом*.

Через маленькое открытое окошко в столовую сочилась тьма, камин догорал (дело было в апреле), а гномы все играли, покуда тень от бороды Гэндальфа не доползла до стены.

В комнате стало совсем темно, камин потух, тени исчезли, а гномы все играли. И вдруг – сначала один, а затем и остальные – гномы начали петь. То была протяжная песнь о глубоких подземельях их

древней родины. Вот маленький отрывок из этой песни, хотя без музыки он дает о ней лишь отдаленное представление:

Там, за туманных гор хребтом,
В пещерах наш подземный дом.
Чуть рассветет, и мы в поход
Уйдем за древним золотом!

Там молот гномов не молчал
В глубоком мраке гулких зал,
Где жили мы в объятьях тьмы, —
И каждый золото ковал.

Людей и эльфов короли
За золотом к пещерам шли,
Чтоб рукоять меча убрать
Плененным пламенем земли,

Плененным пламенем лучей
Луны и звезд иных ночей —
Волшебный сплав драконьих лав
Шел на узоры для мечей.

Шли короли со всех сторон,
Ища рубинов для корон,
Чтоб лить окрест сиянье звезд,
Всходя на свой высокий трон!

Там, за туманных гор хребтом,
В пещерах наш богатый дом.
Чуть рассветет, и мы в поход
Уйдем за нашим золотом!

Там пели гномы при свечах,
Куя узоры на мечах, —
И в сердце жал огонь пылал
У них в негаснущих печах.

Чужой не знает до сих пор,
О чем та песнь, о чем тот хор, —
Вовек ни эльф, ни человек
Не проникал в чертоги гор.

Но, распластав свои крыла,
Несчастье буря принесла:

Упал на лес огонь с небес —
И сосны выжжены дотла!

В долине колокольный звон,
На город двинулся дракон,*
Свиреп и лют – и гибнет люд,
В руины город превращен!

Дымится черная гора
И входа черная дыра.
Последний гном покинул дом —
Настала черная пора.

Там, за туманных гор грядой,
В пещерах жили мы с тобой.
Чуть рассветет, уйдем в поход
За наше золото на бой!

Пока они пели, хоббит почувствовал, что сам проникается любовью к прекрасным вещам, созданным искусными руками, и не без волшебства, – любовью сильной и ревностной, всегда жившей в сердце у гномов. И то самое нечто, что унаследовал он по линии Тукков, проснулось в нем, и ему захотелось отправиться в путешествие, увидеть большие горы, услышать шум водопадов и свист ветра в соснах, проникнуть в подземные пещеры и носить меч, а не тросточку. Бильбо посмотрел в окно. Над кронами деревьев высыпали звезды. А хоббиту чудились драгоценные камни, сверкающие в подземных пещерах, о которых пели гномы. В лесу за Рекой неожиданно вспыхнул огонь, – наверное, кто-то разжег костер, – а хоббиту чудилось, что это ужасные драконы спускаются с неба на его тихий Холм и сжигают все на своем пути. Он содрогнулся от страха и тут же стал просто-напросто господином Бэггинсом из Котомки, что под Холмом.

Он встал, дрожа с головы до ног. С одной стороны, он понимал, что пора бы принести лампу, а с другой – его так и подмывало под этим предлогом убежать в погреб, спрятаться за бочками с пивом и не вылезать оттуда, пока эти странные гости не уйдут. Вдруг он обнаружил, что музыка и пение прекратились и гномы, блестя во тьме глазами, смотрят на него.

– Ты куда?! – грозно спросил его Торин.

Хоббиту показалось, что гном угадал его намерение.

– Может, стоит зажечь свечи? – извиняющимся тоном спросил

Бильбо.

– Нам нравится тьма! – запротестовали гномы. – Тьма в самый раз для темных дел! До рассвета еще далеко.

– Как вам будет угодно, – стушевался Бильбо и поспешно сел на каминную решетку, зацепив по дороге кочергу и совок, которые с грохотом повалились на пол.

– Тихо! – шикнул на него Гэндальф. – Пусть говорит Торин!

Торин начал так:

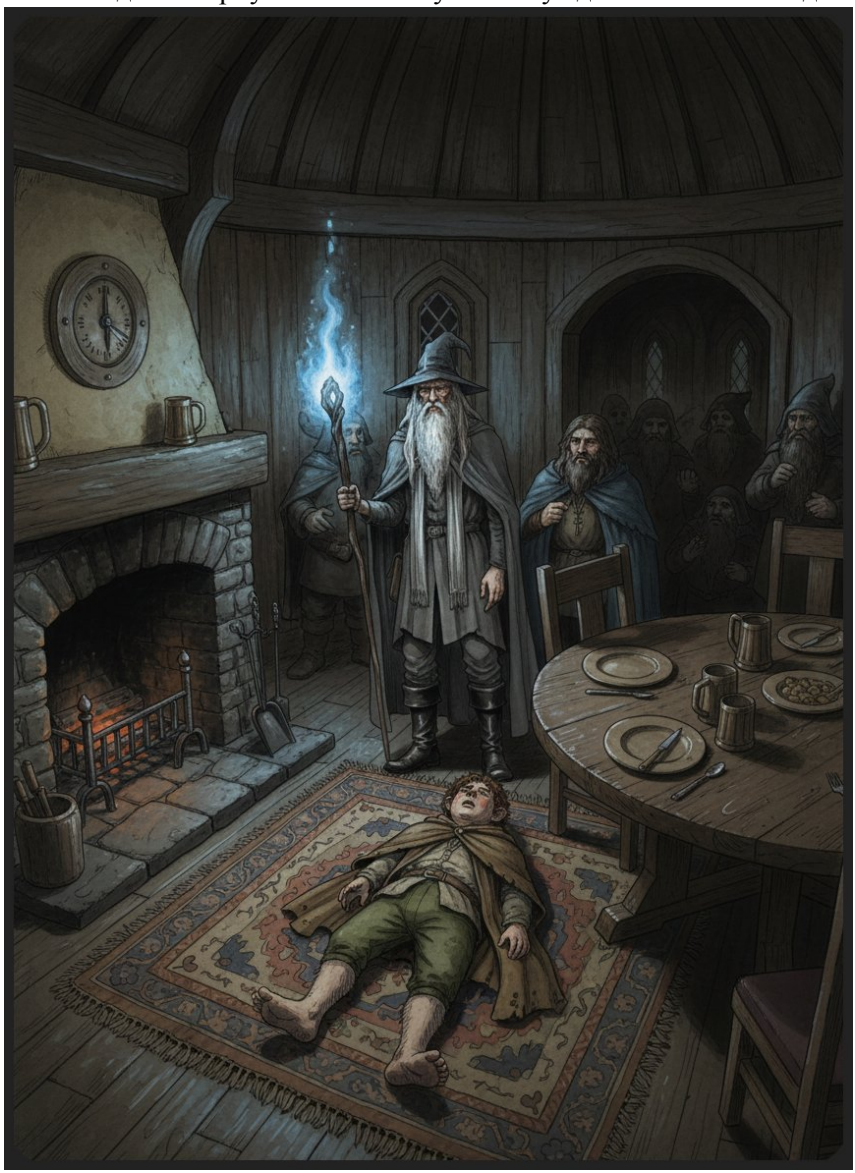
– Гэндальф, гномы и достойный господин Бэггинс! Мы собрались в доме нашего друга и полноправного участника заговора, в доме этого выдающегося и исключительно свирепого хоббита. Да не выпадет никогда шерстка на его ногах! И хвала его вину и пиву!

Здесь Торин сделал паузу, чтобы набрать воздуху и дать хоббиту время на изъявление полагающейся в таких случаях признательности. Однако усилиям Торина не суждено было получить должного вознаграждения со стороны Бильбо Бэггинса, который открыл было рот, чтобы выразить протест против эпитета «свирепый» и тем более против «полноправного участника заговора», но от замешательства не издал ни звука. И Торин продолжил:

– Мы собрались обсудить наши планы, пути, а также средства и способы достижения нашей цели. Еще до наступления рассвета мы отправимся в поход – в поход, из которого кое-кто из нас, а может быть, и никто из нас (за исключением, разумеется, нашего друга и наставника – я имею в виду многомудрого волшебника Гэндальфа) никогда не вернется. Запомните этот торжественный момент! Полагаю, цель наша всем вам хорошо известна. Что же касается уважаемого господина Бэггинса, а возможно, и одного-двух молодых гномов (думаю, не ошибусь, если назову, к примеру, Кили и Фили), то для них положение вещей к настоящему времени может потребовать некоторого краткого уточнения.

Торин говорил витиевато, поскольку происходил из весьма высокого рода. Дай ему волю, он мог бы продолжать в том же духе до хрипоты, не сказав при этом ничего, что не было бы всем известно и без него. Но Торина грубо прервали. Бедный Бильбо не мог больше терпеть. При словах «никогда не вернется» ему захотелось кричать, и он таки крикнул! Это было похоже на гудок паровоза, выходящего из туннеля. Гномы повскакивали с мест, опрокинув стол. Гэндальф заставил верхний конец своего волшебного посоха вспыхнуть синим пламенем – и в этом сиянии на коврике перед камином все увидели несчастного хоббита, который стоял на коленях и трясся мелкой

дрожью. И вдруг хоббит рухнул и остался лежать, вскрикивая: «Меня убило молнией! Меня убило молнией!» Довольно долго ничего другого добиться от него не удавалось. Гномы подняли хоббита, отнесли в соседнюю гостиную, положили на диван, поставили рядом стакан с водой и вернулись в столовую – обсуждать свои темные дела.



– Впечатлительный малый! – заметил Гэндальф, когда все снова расселись. – У него бывают припадки, но все же он один из самых

достойных, да-да, из самых достойных, и, кроме того, свиреп, как разъяренный дракон!

Тем из вас, кому хотя бы раз в жизни доводилось иметь дело с разъяренным драконом, нет необходимости объяснять, что по отношению к хоббиту такое сравнение является некоторым преувеличением, даже если взять двоюродного прадеда Старого Тукка – Бандобраса Волынщика*, который был настолько могуч (разумеется, для хоббита!), что мог ездить верхом на настоящем коне. В битве при Зеленополье он сражался с гоблинами* и своей дубиной снес голову их предводителю Гольфимбулу*. Голова отлетела на сотню шагов и угодила прямо в кроличью нору. Битва была выиграна, и с того дня ведет свою историю игра в гольф.

Тем временем в гостиной достойный, но куда более слабый духом потомок Волынщика постепенно приходил в себя.

Немного полежав, он выпил воды и, осторожно подкравшись к двери столовой, услышал:

– Фр-р! – это фыркнул Глоин. – А он потянет? Что бы там Гэндальф ни толковал о его свирепости, одного такого крика в решающий момент будет достаточно, чтобы разбудить дракона со всеми его родичами и всех нас погубить. Этот крик напоминает скорее вопль ужаса, чем клич отваги. Кабы не знак на двери, я решил бы, что мы не туда попали. Еще в прихожей, глядя на ужимки этого толстого малого, я сильно засомневался. Он больше смахивает на лавочника, чем на грабителя!

Тут Бильбо открыл дверь и вошел. Тукки в нем взяли верх! Он вдруг почувствовал, что ради прозвища «свирепый» он готов некоторое время обходиться без мягкой постели и даже без завтрака. А что касается «ужимок», то они привели его просто в бешенство. Бэггинсовская его половина не раз потом жалела о содеянном и говорила: «Дурень ты, Бильбо, дурень! Сам же полез на рожон!»

– Простите, что я подслушивал, – сказал он. – Я не вполне разобрался, о чем речь и при чем тут грабители, но, насколько я понимаю, – Бильбо пытался, как он сам называл это, «сохранить лицо», – вы говорите, что я не гожусь. Что ж, судите сами! Можете мне поверить, никаких таких знаков на моей двери нет и не было. Ее красили неделю назад! И попали вы все-таки не туда! Едва увидев ваши потешные лица, я начал сомневаться – не ошиблись ли вы дверью? Но все к лучшему! Скажите, что от меня требуется, и я постараюсь не подвести, даже если мне придется отправиться далеко на Восток и вступить в бой с драконами на какой-нибудь Дальней

Пустоши. Моим двоюродным прапрапрадедом был знаменитый Волынщик Тукк и…

– Волынщик давным-давно умер! – оборвал его Глоин. – А я говорю о тебе! Да и знак на двери имеется – недвусмысленный знак профессиональной принадлежности! Во все времена он означал одно: «Профессиональный грабитель*, готовый на все за умеренное вознаграждение». Ну, если угодно, не «грабитель», а «искатель сокровищ». Невелика разница! Гэндальф сказал, что в здешних краях есть большой мастер по этой части и что в среду мы должны собраться у него к чаю…

– Знак на двери, конечно же, имеется, тут и говорить не о чем! – вмешался Гэндальф. – Я сам его и поставил. И имел к этому все основания. Вы просили подобрать для похода четырнадцатого участника, и я остановил свой выбор на господине Бэггинсе. А если хоть один из вас скажет, что я выбрал не того и привел вас не туда, вас так и останется тринадцать, число несчастливое, и вам придется либо проверить это обстоятельство на собственной шкуре, либо вернуться в угольные копи!

Тут Гэндальф так грозно посмотрел на Глоина, что гном съежился, а когда Бильбо открыл было рот, собираясь что-то возразить, Гэндальф повернулся к нему и так страшно сдвинул свои густые брови, что у хоббита слова застряли в горле.

– Хватит! – твердо сказал Гэндальф. – Отставить препирательства! Господина Бэггинса выбрал я, и одного этого вам должно быть достаточно! Я сказал грабитель – значит, грабитель! Или станет грабителем в свое время. Вы еще не знаете, на что он способен, да он и сам пока не догадывается. И очень может статься, что вы до конца дней своих будете меня благодарить за мой выбор. А теперь, Бильбо, принеси-ка лампу, а то тут такая тьма, что хоть глаз выколи!

При свете большой лампы с красным абажуром Гэндальф развернул на столе какой-то пергаментный свиток, похожий на карту.

– Эту карту, Торин, сделал твой дед, Трор, – пояснил он разом загомонившим гномам. – Перед вами план Горы!

– Сомневаюсь, что карта нам пригодится, – разочарованно заметил Торин, едва взглянув на карту. – Я и так отлично помню Гору и все прилегающие земли. Знаю я и Чернолесье, и Чахлую Пустошь, где находится логово великих драконов…*

– Дракон тут помечен красным, – вставил Балин, – но мы найдем его и без карты – если, конечно, доберемся туда.

– Одного вы все-таки не заметили, – перебил его Гэндальф, – а

именно потайного хода! Обратите внимание на руну в западной части карты* и на стрелку, идущую к ней от других рун. Это потайной ход в Нижние Пещеры.

– Прежде он, может, и был потайным, – возразил Торин. – Но где гарантия, что тайна так и осталась тайной? Старый Смауг* живет там уже достаточно долго и наверняка успел разнюхать все, что только можно.

– Разнюхать-то он мог, но никак не воспользоваться!

– Отчего же?

– Вход слишком узок! Руны гласят: «Вход пяти футов высотой, трое пройдут плечом к плечу». А Смаугу в такую дырку было не пролезть, даже когда он был молодым, а тем более после того, как он сожрал столько гномов и людей из Дейла*.

– По мне, так это целая дырища! – не вытерпел и вмешался в разговор Бильбо, который слабо разбирался в драконах, но зато знал толк в хоббичьих норах.

Он воодушевился, и ему опять стало страшно интересно. Карты он любил, у него самого в прихожей висела большая карта окрестностей Холма, на которой красными чернилами были отмечены любимые маршруты его прогулок.

– И как это можно такую огромную дыру скрыть от кого бы то ни было, исключая разве что дракона? – не унимался Бильбо. Не стоит забывать, что Бильбо был всего-навсего маленьким хоббитом.

– Способов сколько угодно, – ответил Гэндальф, – но какой был выбран на этот раз, сказать заранее трудно. Однако, судя по рисунку на карте, вход закрыт, а дверь замаскирована так, что, не зная секрета, обнаружить ее невозможно. У гномов это дело обычное. Не так ли?

– Верно, – кивнул Торин.

– Кроме того, – продолжал Гэндальф, – я совсем забыл сказать, что к карте приложен ключ, этакий маленький затейливый ключик. Вот он! Не потеряй его! – И Гэндальф вручил Торину довольно длинный серебристый ключ с хитрой бородкой.

– Уж как-нибудь! – сказал Торин и пристегнул ключ к цепочке, что была у него на груди, под курткой. – Дело, похоже, налаживается! Последние события придают ему новый оборот. До сих пор у нас не было конкретного плана действий. Мы намеревались потихоньку и по возможности скрытно двигаться на восток до самого озера Долгого. А вот дальше должны были встретиться препятствия…

– Насколько я знаю дорогу на восток, препятствия встретятся

значительно раньше, – заметил Гэндальф.

– Далее мы собирались подняться по реке Бегучей, – продолжал Торин, не обращая ни малейшего внимания на замечание волшебника, – и дойти до Дейла, древнего города в долине у подножия Горы, однако необходимость идти через Главные Ворота ни в кого из нас не вселяла особого воодушевления. Река вытекает прямо из Ворот, пробитых в скале на южном склоне Горы. Ими-то и пользуется дракон – и очень даже часто, если, разумеется, не изменил своих привычек.

– Без какого-нибудь могучего воина или даже героя тут не справиться, – перебил Торина волшебник. – Я пробовал искать, но, оказывается, все воины заняты битвами друг с другом в далеких странах, а в здешних краях могучие воины редкость, – может, их тут и вовсе нет. Мечи в этих местах большей частью затупились, топорами рубят деревья, а из щитов делают колыбели и крышки для котлов. Драконов здесь никто не опасается, потому что они далеко, да и мало кто верит в само их существование. Вот почему я стал искать грабителя, особенно когда вспомнил о потайном ходе. И вот он перед вами – хоббит Бильбо Бэггинс, грабитель из грабителей! Так что приступим к разработке плана дальнейших действий.

– Вот именно! И думается, профессиональный грабитель должен первым высказать свои соображения. – Торин с издевательским видом поклонился Бильбо.

– Сперва было бы не худо объяснить мне кое-что, – не очень уверенно начал совершенно смущенный Бильбо, хотя Тукки победили в нем уже окончательно. – Я имею в виду все это золото, дракона, и как оно туда попало, и чье оно на самом деле, ну и так далее.

– Горы и камни! – возмутился Торин. – Разве ты не видел карту? Разве не слышал нашу песню? Разве не об этом мы ведем речь все это время?

– Как бы то ни было, все условия должны быть оговорены заранее, – с ударением на каждом слове произнес Бильбо, переходя на деловой тон (каким он обычно говорил с теми, кто просил у него денег в долг) и изо всех сил стараясь проявить расчетливость, благоразумие и соответствующие профессиональные качества, дабы оправдать столь лестную рекомендацию Гэндальфа. – Кроме того, хотелось бы знать заранее, чем я, собственно, рискую, сколько получу на непредвиденные расходы и сколько это займет времени, а также, разумеется, размеры вознаграждения.

На самом деле все это значило: «Что я с этого буду иметь и каковы мои шансы вернуться живым?»

– Хорошо, – согласился Торин. – Много лет назад, когда жив еще был мой дед Трор, его семье пришлось уйти с дальнего Севера со всем своим добром и инструментами. Они возвратились к Горе, что показана на карте. Эту Гору впервые обнаружил еще мой далекий предок, Траин Старый. На этот раз, вернувшись туда, гномы пробили в Горе множество шахт и туннелей, высекли в скалах огромные залы и мастерские, а кроме того, известно, что они нашли там груды золота и великое множество драгоценных камней. Гномы разбогатели и прославились, а мой дед сделался новым Королем-Под-Горой и пользовался большим уважением у смертных людей, которые постепенно расселились по реке Бегучей и в долине к югу от Горы и наконец построили веселый город Дейл. Короли Дейла часто призывали наших умельцев и щедро платили даже не самым искусным из них. И нередко бывало, что люди просили гномов взять их детей в обучение и не скупились, поставляя нам взамен съестное, – ведь мы никогда не опускались до земледелия и поисков пропитания. Для нас то была пора истинного расцвета, и даже самый бедный гном мог позволить себе тратить деньги не скупясь. А на досуге гномы делали чудесные волшебные игрушки, каких в наши дни уже не встретишь. Дворец Трора был полон оружия и драгоценных камней, резной скульптуры и великолепной посуды, а рынок игрушек в Дейле был жемчужиной Севера.

Конечно, это не могло не привлечь драконов. Они грабят людей, эльфов и гномов, отбирают у них золото и драгоценные камни, а потом всю свою жизнь (а живут они, считай, вечно, если их не убить!) сидят на груде награбленных сокровищ, не способные понять всей их бесценной красоты. Едва ли драконы могут отличить вещь изящную от безобразной, хотя прекрасно знают, что почем. И ничего они не умеют делать сами – не могут даже закрепить пошатнувшуюся чешуйку на своей броне. Драконов на Севере в те дни было много, а гномов, что добывали золото, становилось все меньше и меньше – одни уходили на Юг, другие гибли в битвах, и положение дел год от году становилось все хуже, пока не наступило полное запустение. Но особой жадностью отличался могучий и свирепый дракон по имени Смауг. В один прекрасный день он взмыл в небо и полетел на юг. Шум, поднятый его крыльями, был подобен грохоту урагана – стволы сосен на склонах Горы ломались, что твои тростиночки. Кое-кому из гномов случилось в то время быть снаружи. На мое счастье, я оказался в их числе, – в те дни еще наивный, жаждущий приключений юноша, я вечно шатался по окрестностям, – это и спасло мне жизнь! Так вот, издалека мы

увидели, как на нашу Гору садится огнедышащий дракон. Он пополз вниз по склону, сжигая лес на своем пути. Тут в Дейле зазвонили во все колокола, и воины взялись за оружие. Гномы бросились из подземелий наверх, к Главным Воротам, но там их уже поджидал дракон! Ни один гном не сумел выйти наружу. Вода в реке закипела, повалил пар, и над Дейлом повис туман, под покровом которого дракон проник в город и перебил почти всех его защитников. Такова эта печальная история, каких в те дни случалось немало. Затем дракон вернулся к Горе и через Главные Ворота заполз внутрь, где огнем прошел по всем залам и туннелям, боковым ходам и погребам, по всем до единого закоулкам, после чего там не осталось ни одного живого гнома, и дракон присвоил все их сокровища. Наверное, он, как это принято у драконов, свалил все сокровища в одну кучу где-нибудь в дальнем углу и спит на ней. Кроме того, дракон взял за обыкновение выползать по ночам из Главных Ворот наружу и наведываться в Дейл, где хватал людей, большей частью девушек, и утаскивал к себе, чтобы сожрать. Так продолжалось до тех пор, пока Дейл не превратился в развалины. Уцелевшие жители покинули город, и трудно сказать, что там делается теперь, но не думаю, чтобы в окрестностях Горы кто-нибудь жил – разве что на дальнем конце озера Долгого. Те немногие из нас, кому удалось спастись, спрятались и в слезах проклинали Смауга. Тут, совершенно неожиданно, к нам присоединились мой дед и отец, причем бороды у них были сильно обожжены. Выглядели оба мрачными и почти все время молчали. А когда я спросил, как им удалось выбраться, они велели мне попридержать язык и сказали, что в свое время я все узнаю. И мы ушли оттуда, и пришлось нам скитаться и зарабатывать себе на жизнь как придется, опускаясь до самой черной работы в кузнице, а то и просто в угольных копях. Но никогда не забывали мы о своих похищенных сокровищах. И сегодня, когда, осмелюсь заметить, у нас есть кое-что на черный день и мы вовсе не нищие, – тут Торин погладил золотую цепь, висевшую у него на груди, – мы не оставили мысли вернуть их и, если удастся, обрушить возмездие на голову Смауга. Я часто думал о тайне спасения отца и деда и пришел к выводу, что существовал какой-то им одним известный потайной ход. По-видимому, они и составили эту карту. Однако хотелось бы узнать, где раздобыл ее Гэндальф и отчего она не попала ко мне, законному наследнику?

– Я ее не раздобывал! Ее мне дали! – сказал волшебник. – Ты, наверное, не забыл, что твой дед Трор погиб в подземельях Мории в поединке с гоблином по имени Азог?*

– Азог! Будь он трижды проклят! – воскликнул Торин.

– И что твой отец Траин ушел из дома двадцать первого апреля – кстати, в прошлый четверг этому событию исполнилось ровно сто лет – и с тех пор ты его больше не видел?

– Все именно так, – подтвердил Торин.

– Так вот, эту карту дал мне твой отец, с тем чтобы я вручил ее тебе. Но, учтя, как трудно мне было тебя разыскать, ты, надеюсь, не осудишь меня за то, что я столь долго выбирал время и место! Ибо твой отец был в таком состоянии, что не помнил ни своего, ни твоего имени. Так что тебе остается лишь поблагодарить меня. Вот она! Держи! – сказал Гэндальф, вручая карту Торину.

– Чего-то я здесь не понимаю, – пробормотал Торин, да и Бильбо мог сказать о себе то же самое. Объяснения Гэндальфа ничего ему не объяснили.

– Перед тем как спуститься в подземелья Мории, – продолжал волшебник, – твой дед отдал карту на сохранение своему сыну. Вот после гибели Трора твой отец и решил попытать счастья с этой картой. Много жестоких испытаний выпало на его долю, но до Горы он так и не добрался. Уж не знаю, как он туда попал, но я нашел его среди узников, в темнице у Некроманта*.

– Что ты там делал?! – дрогнувшим голосом спросил Торин, а все остальные гномы в страхе примолкли.

– А это уже мое дело! Как обычно, я кое-что искал, и поиски эти были весьма неприятными и опасными. Даже мне, Гэндальфу, едва удалось унести ноги! Я пытался спасти твоего отца, но пришел слишком поздно. Он был при смерти и ничего не помнил, кроме того, что должен передать тебе карту и ключ.

– Мы давно уже отомстили гоблинам Мории! – с вызовом воскликнул Торин. – Теперь настала очередь Некроманта!

– Не говори глупостей! Этот противник не по зубам гномам, даже всем, вместе взятым, если их вообще теперь возможно собрать со всех концов мира. Единственное, чего хотел твой отец, – чтобы ты использовал карту и ключ по назначению. Дракон и Гора – вот задача, которой хватит тебе за глаза и за уши!

– Послушайте! – сам того не ожидая, воскликнул Бильбо.

– Что?! – хором откликнулись гномы и повернулись к хоббиту, который настолько смутился, что мог лишь повторить:

– Послушайте, что я хочу предложить!

– Да что же?!

– Мне кажется, вам нужно просто пойти на восток и посмотреть на месте, что к чему. В конце концов, там ведь есть потайной ход, да и дракону хоть когда-нибудь нужно выспаться. Осмелюсь выразить уверенность, что, если достаточно долго посидеть на приступочке, что-нибудь обязательно придумается. А теперь – я надеюсь, вы поймете меня правильно – не кажется ли вам, что разговоры на сегодня пора заканчивать? Как насчет того, чтобы сейчас лечь спать, а завтра выйти пораньше? Перед тем как вы уйдете, я приготовлю завтрак.

– Ты сказал, перед тем как мы уйдем?! – воскликнул Торин. – А ты?! Разве ты не грабитель?! Разве не твое это дело – сидеть на приступочке, я уж не говорю о том, чтобы открыть потайную дверь?! Однако я не возражаю против того, чтобы выспаться и позавтракать. Перед выходом я не отказался бы от глазуньи из полдюжины яиц с ветчиной. Да смотри не пережарь и не разбей глазков!

Тут и остальные без всякого зазрения совести (что Бильбо не преминул про себя отметить) принялись заказывать себе завтрак и наконец встали из-за стола. Хоббиту пришлось искать, где их всех разместить, устраивать гномов на диванах и в креслах, так что до своей спаленки Бильбо добрался уже совершенно измученным и бесконечно несчастным. Он твердо решил, что ни за что не станет подниматься ни свет ни заря и готовить заказанные завтраки. Тукки в нем как-то уже выдохлись, и теперь он далеко не так был уверен, что завтра утром отправится в путешествие.

Засыпая, Бильбо слышал голос Торина, бубнившего за стеной соседней (и самой лучшей!) спальни:

Там, за туманных гор хребтом,
В пещерах наш сожженный дом.
Чуть рассветет, уйдем в поход
За нашим древним золотом!

С этим Бильбо и уснул, но сон его был беспокоен. Проснулся он, когда уже давным-давно рассвело.

Глава II. Жареный барашек

Бильбо вскочил, быстро накинул халат и бросился в столовую. Если не считать обильных остатков весьма поспешного завтрака, там было пусто. В комнате не прибрано, на кухне – гора немытой посуды… Похоже было, что гномы перепачкали все имеющиеся в доме горшки и кастрюли. Малоприятная перспектива перемывать всю эту посуду была настолько реальной, что Бильбо сразу похоронил смутную надежду на то, что безобразное сборище прошлой ночью ему только приснилось. Сказать по правде, он с большим облегчением убедился, что гномы ушли – ушли без него и даже не разбудили!

«Хоть бы спасибо сказали!» – подумал Бильбо.

И все же, ничего уж тут не поделаешь, он был чуточку разочарован. Это его удивило.

«Не валяй дурака, Бильбо Бэггинс! – сказал он себе. – В твои-то годы какие могут быть драконы!»

Бильбо надел фартук, разжег огонь, нагрел воду и перемыл всю посуду. Потом он славно позавтракал на кухне, после чего вернулся в столовую. Солнце уже светило вовсю, входная дверь была открыта, и в нору задувал теплый весенний ветерок. Бильбо стал даже насвистывать и почти забыл о ночном происшествии. Сидя в столовой у открытого окна, он уже собирался приступить ко второму завтраку, когда неожиданно появился Гэндальф.

– Приятель! – воскликнул он. – Когда же ты намерен отправляться? Ты же хотел выйти пораньше! А сам завтракаешь, или как там это у тебя называется в пол-одиннадцатого? Гномы не могли ждать и оставили тебе послание.

– Какое еще послание? – пролепетал Бильбо в полном смятении.

– Хобот и бивни! – не выдержал Гэндальф. – Нынче утром ты, похоже, не в себе. Даже пыль с камина не вытер!

– Что ж тут удивительного? Мне вполне хватило мытья посуды за четырнадцатью обжорами!

– А вот вытри ты пыль с камина, прямо под часами ты нашел бы вот это, – наставительно сказал Гэндальф, вручая хоббиту записку, нацарапанную на листке, вырванном, разумеется, из его собственного блокнота.

Вот что там было написано:

«Торин и Ко приветствуют Грабителя Бильбо! Искренне благодарим за оказанное гостеприимство и весьма признательны за согласие оказать профессиональную помощь. Наши условия: одна четырнадцатая часть (но не более!) общего дохода (если таковой будет) выплачивается сразу по получении; возмещение дорожных издержек гарантируется в любом случае; похороны за наш счет или за счет наших правопреемников, по мере необходимости*.

Не усматривая особой нужды тревожить драгоценный сон досточтимого Грабителя, мы отправляемся заранее, дабы завершить некоторые приготовления. Будем ждать нашего уважаемого друга в Приречье, в трактире «Зеленый дракон», ровно в одиннадцать утра. Рассчитываем на пунктуальность.

Честь имеем оставаться, изъявляя при сем нижайшее почтение, Торин и Ко».

– У тебя осталось ровно десять минут. Придется, наверное, пробежаться, – заметил Гэндальф.

– Но… – начал было Бильбо.

– Обсуждать некогда! – отрезал волшебник.

– Но… – снова открыл рот Бильбо.

– Да некогда же! Бегом марш!

И много лет спустя Бильбо никак не мог припомнить, как это он оказался на улице без шляпы, без тросточки и даже без денег, то есть безо всего того, что он обычно брал с собой, выходя из дому. Оставив второй завтрак недоеденным и посуду невымытой, он сунул Гэндальфу ключи от дома и со всех своих мохнатых ног пустился по улице – мимо Мельницы и еще не меньше мили за Реку.

Часы как раз пробили одиннадцать, когда Бильбо добрался наконец до Приречья. Он совершенно упарился, и – надо же такому случиться! – у него не оказалось с собой носового платка!

– Браво! – зааплодировал Балин, дожидавшийся его на пороге трактира.

Тут же из-за поворота дороги, что вела из деревни, появились и остальные гномы. Все они ехали верхом на пони – и каждая лошадка была навьючена всевозможными тюками, мешками и прочим

снаряжением. Пони поменьше, очевидно, предназначался для Бильбо.

– Садитесь-ка оба – и в путь! – скомандовал Торин.

– Тысяча извинений, – замешкался Бильбо, – но я не успел надеть шляпу, забыл носовой платок и оставил дома все деньги. Послание ваше я прочел ровно в десять сорок пять, если быть точным…

– Точным быть незачем, – вмешался Двалин. – И незачем так беспокоиться! Теперь тебе до конца похода придется обходиться без носового платка – и много еще без чего другого. А шляпа… Не беда! У меня в мешке найдутся для тебя запасные капюшон и плащ.

Вот так, прекрасным утром, в самом конце апреля, они и отправились в путь, выехав из ворот трактира на тяжело навьюченных пони. Бильбо нахлобучил одолженный ему Двалином темно-зеленый капюшон (правда, несколько линялый) и облачился в темно-зеленый же плащ. Они были ему великоваты, так что выглядел Бильбо самым нелепым образом. Да-а… Страшно даже подумать, что сказал бы на все это его отец Банго. Единственное, чем Бильбо мог утешить свое задетое самолюбие, – его никак нельзя было принять за гнома, поскольку он был без бороды.

От трактира они отъехали совсем недалеко, когда их нагнал Гэндальф. На белой лошади он выглядел великолепно! Гэндальф привез для Бильбо целую стопку носовых платков, а также его любимую трубку и полный кисет табаку. После чего вся компания продолжила путь в самом добром расположении духа – гномы рассказывали разные истории, распевали песни; так они ехали весь день, делая, разумеется, остановки, чтобы немного перекусить. И хотя остановки эти были не столь частыми, как Бильбо того хотелось бы, он начал подумывать, что, в конце концов, приключения – это не так уж и страшно.

Поначалу на их пути лежали земли хоббитов – весьма благоустроенный край, населенный исключительно почтенной публикой. Дороги здесь были ухоженные, нет-нет да и попадался у обочины какой-нибудь трактир, то и дело путники встречали гномов и хоббитов, спешивших куда-то по своей надобности. Затем пошли края, где выговор у жителей был какой-то странный и пелись песни, каких Бильбо никогда раньше не слыхал. Наконец они добрались до Пустошей. Здесь никто не жил и, разумеется, не было уже никаких трактиров, а дороги становились все хуже и хуже. Впереди замаячили мрачные холмы, поросшие густым лесом. На некоторых холмах высились устрашающего вида замки – строили их, казалось, с самыми нехорошими намерениями. Стало как-то совсем невесело, да и погода

испортилась. Сначала-то она была отличной, какой и описывают майскую погоду в веселых сказках, но вдруг переменилась на сырую и прохладную. И без того на Пустошах ночевать приходилось где попало, но по крайней мере сперва было сухо…

– Подумать только, июнь на носу! – ворчал Бильбо, трясясь верхом на своем пони, который уныло месил копытами грязь позади остальных. Дело шло к вечеру, время чаепития давно миновало, дождь

лил с самого утра; по лицу Бильбо текли холодные струйки, плащ промок – хоть выжимай; бедный пони совсем выбился из сил и без конца спотыкался о камни, а гномы сникли и большей частью помалкивали.

«Дождь наверняка вымочил всю запасную одежду и залил мешки с провизией, – думал пригорюнившийся Бильбо. – И кто тянул меня за язык назваться грабителем?! Дорого бы я заплатил, чтобы оказаться сейчас дома, у камина, подле закипающего чайника!»

Надо сказать, это был первый, но далеко не последний случай, когда Бильбо посетили подобные мрачные мысли.

А гномы все ехали, ехали, и даже не оборачивались, словно совсем забыли о несчастном хоббите. Постепенно темнело, – наверное, где-то там, за черными тучами, садилось солнце. Поднялся ветер, и приречные ивы закачались и завздыхали. То была какая-то безымянная речка, вздувшаяся после непрерывных дождей и стремительно несшая с окрестных холмов и дальних гор свои мутные воды.

Вскоре стемнело. Ветер усилился, над холмами показалась бледная луна, обрамленная черными обрывками туч. Путники остановились, и Торин проворчал что-то насчет ужина и нечто вроде «Где бы нам найти местечко посуше для ночлега?».

И тут гномы обнаружили, что Гэндальф пропал! До сих пор он ехал вместе с ними, но так и не сказал определенно, участвует он в походе или только сопровождает их до поры до времени. Гэндальф больше всех ел, больше всех болтал и смеялся, а теперь – на тебе! – взял да исчез!

– И это в то самое время, когда какой-никакой волшебник очень даже пригодился бы! – недовольно ворчали Дори и Нори (которые, кстати, разделяли мнение хоббита, считавшего, что есть следует вовремя, много и часто).

В конце концов гномы решили, что лучше всего будет разбить лагерь, не сходя с места. До сих пор они останавливались в трактирах, но прекрасно понимали, что вскоре ночевать под открытым небом придется постоянно, особенно когда они доберутся до Туманных Гор, где никак не приходилось рассчитывать на гостеприимство, но этот дождливый вечер казался им не самым подходящим для первой попытки. В итоге гномы разбили лагерь в рощице неподалеку, и все-таки, хотя под деревьями было несколько суше, ветер то и дело стряхивал с листьев дождевые капли, и это беспрестанное «кап-кап» просто выводило из себя. Да и с костром что-то не заладилось. Уж на что гномы мастера разжигать костры где угодно и чем угодно, на ветру

и в безветрие, но этой ночью у них ничего не получалось – даже у Оина с Глоином, которые по части костров были особо крупными специалистами.

В довершение всего один из пони испугался невесть чего и ускакал. За ним тут же погнались, но нелегкая занесла его в речку. Выуживая его оттуда, Кили с Фили чуть не утонули, и, конечно же, всю поклажу с пони смыло. Как назло, то были большей частью мешки с провизией, так что на ужин почти ничего не осталось, не говоря уже о завтраке.

Так вот они и сидели – угрюмые, мокрые и раздраженные, а Оин с Глоином, переругиваясь, продолжали бесплодные попытки разжечь костер. Бильбо одолевали грустные мысли. Оказывается, приключения – это не только веселые прогулки под майским солнышком!

И вдруг Балин, который обычно выполнял обязанности караульного, закричал:

– Смотрите, огонь!

Неподалеку маячил поросший лесом холм, и сквозь гущу деревьев мерцал огонь, сулящий тепло и уют, – не то костер, не то факелы.

Вдоволь наглядевшись, гномы начали спорить. Одни говорили «Идем туда!», другие – «Ни за что!». Одни убеждали, что только подойдут и посмотрят, – мол, хуже, чем скудный ужин, утро без завтрака и ночевка в мокрой одежде, всяко не будет! Другие предостерегали: «Места тут незнакомые, да и горы больно уж близко. Какие тут могут быть путешественники? А старым картам верить нельзя – все изменилось к худшему, и на дорогах, наверное, полным-полно разбойников, поскольку в этих краях давно уже нет короля. Так что меньше будешь совать свой нос куда не следует – меньше вероятности попасть в беду». Кто-то сказал: «Нас же, в конце концов, целых четырнадцать!» А кто-то: «И куда это Гэндальф запропастился?» Этот вопрос хором подхватили все. Дождь тем временем припустил пуще прежнего, а Оин с Глоином окончательно передрались. Это обстоятельство и решило дело.

– В конце концов, среди нас есть профессиональный грабитель! – загомонили гномы и решительно направили своих пони (соблюдая, разумеется, необходимые меры предосторожности!) в сторону мерцающего огня. Они добрались до подножия холма и вскоре вошли в лес. Подниматься по склону было совсем не просто, поскольку там не оказалось никакой мало-мальски заметной тропы, какая могла бы вести к дому или ферме. Как гномы ни старались, но, покуда они ломились через кусты в кромешной тьме, не обошлось без шума,

шороха и треска (равно как без ворчанья и тихих проклятий!).

Неожиданно красный огонь ярко вспыхнул за стволами деревьев – и оказалось, что он совсем близко.

– Теперь черед грабителя! – зашептали гномы, имея в виду, разумеется, Бильбо.

– Иди и разведай: что за огонь, кто его зажег и нет ли там опасности, – приказал хоббиту Торин. – И поживее! Если там все в порядке – не задерживайся! А нет – постарайся вернуться живым! А увидишь, что не получается, – ухни два раза филином и один раз совой. Мы тут что-нибудь придумаем.

Пришлось Бильбо идти. Он даже заикнуться не успел, что и один-то раз ухнуть филином у него вряд ли получится. Зато хоббиты умеют бесшумно двигаться по лесу – ну совершенно бесшумно! Способностью этой они очень гордятся – поэтому Бильбо не раз презрительно фыркал по поводу шума, с которым гномы продирались через чащу. Он называл это «гномьим тарарамом». Правда, я почти уверен, что ни вы, ни я вообще ничего бы не услышали той ветреной ночью, даже если бы вся эта гномья кавалькада прошла всего в двух шагах от нас. Что же касается Бильбо, который прямиком зашагал на красный огонь, я уверен – и горностай бы ухом не повел! Бильбо подкрался к самому костру – а это был именно костер! – никого при этом не потревожив. И вот что он увидел.

У огромного костра, в котором пылали буковые бревна, сидели трое здоровенных детин. Пользуясь вместо вертела длинной жердью, они поджаривали барашка и время от времени облизывали с пальцев жир. Вокруг распространялся дивный аромат жареного мяса. Рядом стояла бочка с пивом, и великаны прихлебывали его из больших кружек. Тролли!* Сомневаться не приходилось – даже Бильбо, который мало чего видал в своей жизни, и тот сразу понял это по их грубым физиономиям, огромному росту и кривым ногам, не говоря уже о разговорчиках, которые ну никак нельзя было назвать благопристойными.

– Вчера баранина, сегодня баранина и завтра небось придется жрать эту вонючую баранину! – проворчал один из троллей.

– Давненько не едали мы человечинки, – отозвался другой тролль. – И какого рожна эта дурья башка Вильям затащил нас в эти проклятые края? И пиво кончается, балбес ты этакий! – добавил он и пихнул Вильяма локтем как раз в тот момент, когда тот отхлебывал из своей кружки.

Вильям поперхнулся.

– Заткнись! – заорал он, как только откашлялся. – Ты что, хочешь, чтобы люди сами лезли тебе в рот? С тех пор как мы спустились с гор, вы с Бертом сожрали деревни полторы. Мало вам? Пошли такие времена, что и за кусочек такого откормленного барашка вы вполне могли бы мне сказать: «Спасибо, Билл!»*

Вильям вцепился зубами в баранью ногу, откусил большущий кусок, а затем утерся рукавом.

К сожалению, тролли всегда ведут себя подобным образом – даже те, у которых только по одной голове. Слушая перебранку троллей, Бильбо пришел к выводу, что пора ему на что-то решаться. Может, потихоньку отступить и доложить гномам, что тут трое здоровенных троллей, которые пребывают далеко не в лучшем настроении и отнюдь не прочь отведать жареных гномов или на худой конец пони? А может, пуститься во все тяжкие и продемонстрировать свои профессиональные навыки? Настоящий грабитель высокого класса, наверное, первым делом обчистил бы карманы троллей – как правило, овчинка стоит выделки, хотя это и требует известной ловкости рук! – затем стащил бы барашка с вертела, уволок бочку с пивом и убрался бы подобру-поздорову. Грабитель же более практичный и менее тщеславный в профессиональном отношении, возможно, не преминул бы зарезать всех троих троллей ножом (для верности!), а потом провел бы остаток ночи в свое удовольствие.

Все это Бильбо знал – он был достаточно начитан. Из книг он вообще знал много такого, чего никогда не видел и с чем никогда не имел дела. Хоббиту стало страшно и противно. Ему захотелось поскорее оказаться за сто миль от этого места, и все же… и все же он никак не мог позволить себе вернуться к Торину и Ко с пустыми руками и несолоно хлебавши. Бильбо стоял во мраке, не в силах ни на что решиться. После продолжительных размышлений он пришел к заключению, что из всех возможных грабительских деяний обчистить карманы троллей будет, пожалуй, попроще. Поэтому он подкрался к Вильяму и спрятался за деревом, к которому тот прислонился спиной.

Берт и Том отошли к бочке, а Вильям сидел и пил пиво из кружки. Наконец Бильбо набрался храбрости и сунул свою маленькую руку в огромный карман Вильяма. Там лежал кошелек – большой кошелек, показавшийся Бильбо целым мешком.

«Ха! – подумал хоббит, начиная входить во вкус, и потащил кошелек из кармана. – Лиха беда начало!»

То-то и оно, что «лиха беда»! Кошельки-то у троллей очень вредные – и этот, естественно, не был исключением.

– И-хто-там? – запищал кошелек, едва Бильбо вытащил его из кармана.

Вильям тут же обернулся и, прежде чем Бильбо успел юркнуть в тень, схватил хоббита за горло.

– Лопни мои глаза, Берт! Гляди-ка, чего я сцапал! – заорал Вильям.

– Чего там?

– Поди знай… Ты кто?

– Бильбо Бэггинс я, граби… хоббит… – прохрипел трясущийся Бильбо, лихорадочно соображая, как бы исхитриться и ухнуть филином, прежде чем его задушат.

– Грабихоббит? – Тролли изумленно уставились на Бильбо.

Они были тугодумы и ко всему незнакомому относились с большим подозрением.

– А что грабихоббит делал в моем кармане? – вопросил Вильям.

– А если его поджарить? – вмешался Том.

– Надо попробовать, – подхватил Берт и потянулся за вертелом.

– Сдерешь с него шкуру – так на один зуб останется, – хмыкнул Вильям, который только что плотно поужинал.

– Может, он тут не один такой? Пирог бы сготовили… – предложил Берт. – Эй, ты, кролик вонючий, много вас тут шастает? – спросил он, поглядев на мохнатые ноги хоббита, а затем поднял Бильбо за пятки и хорошенько потряс.

– Много… – вырвалось у Бильбо, прежде чем он успел сообразить, что выдает своих друзей. – Совсем никого! – мгновенно поправился он.

– Это как понимать? – удивился Берт.

Он перевернул Бильбо и теперь держал его за волосы.

– Так и понимать, – прохрипел задыхающийся Бильбо. – Дяденька, пожалуйста, не нужно меня готовить! Я сам хорошо готовлю, и куда лучше, чем готовлюсь, извините за выражение. Я вам такой завтрак приготовлю! Если вы меня, конечно, не съедите за ужином…

– Эх ты, козявка, – буркнул Вильям, который уже наелся до отвала и надулся пивом. – Отпусти его, Берт!*

– Вот и нет! Пусть сначала объяснит, что значит «много» и «совсем никого», – возразил Берт. – Не хочу, чтобы мне глотку во сне перерезали! Сейчас вот подпалю ему пятки – живо заговорит!

– Не смей! – гаркнул Вильям. – Это я его поймал!

– Дубина ты стоеросовая, Вильям! – огрызнулся Берт.

– Сам ты бревно!

– Отвали, Билл Хаггинс! – процедил сквозь зубы Берт и двинул Вильяма кулаком в нос.

Началась жуткая потасовка. Берт уронил Бильбо на землю, и у того хватило ума отползти подальше, чтобы его не растоптали. А тролли грызлись, как псы, обзывали друг друга разными обидными (но, надо признать, весьма справедливыми!) словечками и орали на весь лес. В конце концов они сцепились и, молотя друг друга кулаками и ногами, покатились по земле, причем едва не угодили в костер. А Том прыгал вокруг и колошматил обоих дубиной, рассчитывая, видимо, таким

образом привести их в чувство, но от этого дерущиеся, разумеется, только распалялись пуще прежнего.

Казалось бы, самое время было уносить ноги, но Бильбо еле передвигал эти самые ноги, поскольку Берт сильно помял его своими лапищами, а кроме того, бедняга никак не мог отдышаться и у него кружилась голова. Поэтому он лежал за деревом, чтобы свет от костра на него не падал, и тяжело отдувался.

И вдруг, в самый разгар драки, на поляне появился Балин! Гномы издалека услышали крики троллей и, не дождавшись ни возвращения Бильбо, ни его уханья филином, один за другим осторожненько поползли на свет. Едва заметив Балина, Том дико завопил. Тролли, вообще-то, на дух не выносят гномов (сырыми, конечно!). Берт и Билл мгновенно прекратили драку и заорали: «В мешок его, Том! Скорее!» И прежде чем Балин, который ломал голову над тем, где же в этой неразберихе искать Бильбо, сообразил, в чем дело, на него накинули мешок.

– Сейчас еще наползут, – прошептал Том. – Вот увидите! Это и значит – много и совсем никого! Грабихоббитов – совсем никого, а гномов – много! Башкой работать надо!

– Похоже, ты прав, – прошипел Берт. – Отойдем-ка от костра.

Так тролли и сделали. Приготовив мешки, в которых они таскали баранов и прочую добычу, они затаились во мраке. Как только выползал очередной гном и начинал таращить глаза на костер, разбросанные кружки и обглоданные кости – хлоп! – на голову ему набрасывали дурно пахнущий мешок, и гном оказывался на земле. Вскоре Двалин уже лежал рядышком с Балином, Кили – с Фили, Дори, Нори и Ори – друг на друге, а Оина, Глоина, Бифура, Бофура и Бомбура свалили в кучу подле костра.

– Пусть полежат, успокоятся! – проворчал раздраженный Том, поскольку Бифур и Бомбур не дались ему в руки просто так – они сопротивлялись, как бешеные (гномы всегда так ведут себя в безвыходном положении!).

Торин полз последним – и события не застали его врасплох. Он рассчитывал на худшее, и ему не нужно было видеть ноги своих друзей, торчавшие из мешков, дабы понять, что дела идут далеко не блестяще. Не выползая на свет, он остановился и растерянно вопросил:

– Что тут творится? Кто обижает моих подданных?

– Тролли! – шепнул в ответ Бильбо, затаившийся за деревом. О нем в суматохе позабыли. – Они прячутся в кустах и набрасывают на всех мешки!

– Ах вот как! – воинственно воскликнул Торин и бросился прямо к костру, да так стремительно, что тролли не успели накинуть на него мешок. Торин выхватил из костра горящую ветку и ткнул ею прямо в глаз опешившему Берту. Таким образом на некоторое время Берт был выведен из строя. Но и Бильбо не зевал – он ухватил Тома за ногу (а это оказалось совсем не просто, потому что нога тролля была толщиной с хорошее дерево!) и тут же кувырком полетел в кусты, поскольку этой самой ногой Том размахнулся и со всей мочи пнул костер, пытаясь головешками попасть в Торина.

За это Том получил такой тычок веткой, что потерял передний зуб. Ну и взвыл же он, доложу я вам! Но тут Вильям изловчился и набросил на Торина мешок. На этом битва и закончилась. Гномам теперь трудно было позавидовать – крепко связанные, каждый с мешком на голове, они лежали подле трех обозленных троллей (двое из них дули на ожоги и синяки), которые спорили – то ли зажарить гномов на медленном огне, то ли накрошить и сварить похлебку, а может, просто сесть на них поочередно и превратить в лепешки? Бильбо тем временем висел на колючем кусте – исцарапанный, в изорванной одежде – и не смел пошевелиться, опасаясь, что его заметят.

Тут-то и вернулся Гэндальф. Правда, никто его не заметил. Тролли наконец решили зажарить гномов сразу, а съесть немного погодя; идея эта принадлежала Берту. После продолжительных препирательств остальные с ним согласились.

– Жарить сейчас, так до утра не управишься, – послышался чей-то голос.

Берт подумал, что это Вильям.

– Билл, кончай спорить, а то и впрямь до утра не управимся, – сказал Берт.

– А кто спорит-то? – возмутился Вильям, который подумал, что это Берт.

– Ты и споришь! – огрызнулся Берт.

– Не ври! Сам ты споришь! – обозлился Вильям.

И тролли снова стали препираться. В конце концов они сошлись на том, чтобы накрошить гномов и сварить похлебку. Тролли принесли большой закопченный котел и достали ножи.

– Воды-то нет, а до родника топать и топать, – снова раздался чей-то голос.

Берт и Вильям подумали, что это Том.

– Заткнись! – заорали они. – Так мы никогда не начнем! Еще раз

хлебало свое разинешь – сам за водой пойдешь!

– Сам заткнись! – рявкнул Том, который подумал, что это был голос Вильяма. – Кто тут хлебало разевает, как не ты?

– Ну и болван! – не выдержал Вильям.

– Сам болван! – не замедлил с ответом Том.

И тролли заспорили пуще прежнего. Наконец они решили сначала сесть на гномов и раздавить их, а потом уже варить похлебку.

– На кого первым сядем? – спросил чей-то голос.

– Первым на последнего! – сразу предложил Берт, которому Торин только что чуть не выколол глаз. Ведь Берт подумал, что вопрос задал Том.

– Что это ты сам с собой разговариваешь? – удивился Том. – На последнего так на последнего. Где он тут?

– Вон тот, в желтых чулках, – сказал Берт.

– Не в желтых, а в серых! – произнес голос, похожий на голос Вильяма.

– Да точно в желтых! – возразил Берт.

– В желтых, в желтых! – поддержал его Вильям.

– Чего ж ты говоришь, что в серых? – удивился Берт.

– Это не я, это Том.

– Вот уж нет! Это ты! – буркнул Том.

– Нас двое, а ты один – так что заткнись! – отрезал Берт.

– Чья бы корова мычала! – рявкнул Вильям.

– Кончай! – закричали Том с Бертом. – Ночь на исходе, а светает рано. За дело пора!

– С лучами рассвета камнями вам быть! – произнес голос, похожий на голос Вильяма.

Говорил-то, как вы понимаете, вовсе не Вильям. В эту самую минуту над холмом встало солнце, и в кронах деревьев поднялся оглушительный птичий щебет. И тут Вильям замолчал навек* – окаменев, он так и остался стоять, наклонившись к земле, а Берт и Том как смотрели на Вильяма, так и застыли, превратившись в огромные валуны. Так и стоят они по сей день, всеми позабытые, – разве что птицы иногда садятся на них. Впрочем, вы, наверное, и сами знаете, что тролли должны с рассветом прятаться под землю – иначе они превратятся в камни, из которых были созданы, и это уже навсегда. Так и случилось с троллями Бертом, Томом и Вильямом.

– Вот и славненько! – сказал Гэндальф, выходя из-за дерева и помогая застрявшему в терновнике Бильбо спуститься на землю. Тут-то хоббит все и понял – это голос Гэндальфа заставил троллей

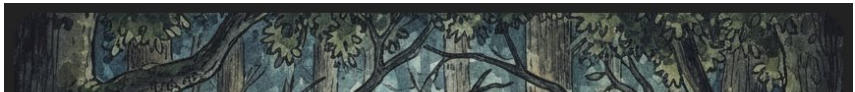
препираться, пока не встало солнце и не покончило с ними навек!

Затем волшебник с Бильбо поспешно развязали мешки и освободили гномов. К тому времени бедняги чуть не задохнулись и пребывали в сильном раздражении. Еще бы! Кому понравится сидеть в мешке и слушать, как тролли спорят – зажарить тебя, раздавить или накрошить?! Гномы пристали к Бильбо с вопросами и не отстали до тех пор, пока он не повторил свой рассказ дважды. Только тогда гномы несколько успокоились.

– Нашел время отрабатывать профессиональные навыки! – неодобрительно заметил Бомбур. – Мы же хотели просто погреться и поесть!

– Положим, просто так от этих громил вам вряд ли что-нибудь перепало бы, – возразил Гэндальф. – Как бы то ни было, сейчас вы напрасно тратите время. Поблизости должна быть пещера или нора, где тролли прятались от солнца. Не худо бы туда заглянуть!

После непродолжительных поисков они обнаружили следы каменных башмаков. Следы вели через лес. Держась этих следов, гномы поднялись по склону холма и оказались перед спрятанной в кустарнике большой каменной дверью, которая и была входом в пещеру. Однако как ни старались они, как ни толкали, открыть дверь никак не удавалось. Не помогли и заклинания Гэндальфа.



– Может, это подойдет? – с невинным видом спросил Бильбо, когда гномы окончательно выбились из сил и терпение их лопнуло. – Я подобрал его, пока они дрались. – И Бильбо достал здоровенный ключ, который Вильям, наверное, считал совсем крохотным. Видимо, ключ выпал у тролля из кармана – к счастью, до того, как тролль превратился в камень.

– Где же ты раньше-то был?! – стали пенять ему гномы.

Гэндальф выхватил у Бильбо ключ, вставил его в замочную скважину и повернул, после чего осталось только дружно подналечь – и дверь отворилась! Все вместе они вошли внутрь. На земле валялись обглоданные кости. Пахло в пещере отвратительно. Однако здесь была еда, много еды! Съестные припасы были повсюду – грудами валялись они на полках и на земле, вперемешку с разным хламом и награбленным добром, начиная от медных пуговиц и кончая горшками, которые доверху были наполнены золотыми монетами. На стенах пещеры висела разнообразная одежда – троллям она была явно мала и, боюсь, принадлежала раньше их жертвам. А кроме того, здесь оказалось несколько мечей различной формы, длины и отделки. Два из них сразу бросались в глаза своими великолепными ножнами и рукоятями, усыпанными драгоценными камнями.

Гэндальф взял себе один из этих мечей, Торин – другой. Бильбо присмотрел себе кинжал в кожаных ножнах. Для тролля это был бы просто перочинный ножичек, а для хоббита мог сойти за настоящий короткий меч!

– Отличные клинки! – воскликнул Гэндальф, до половины вытаскивая мечи из ножен и внимательно рассматривая. – Их ковали не тролли и не люди, а кроме того – давным-давно и не в этих краях. Если удастся прочесть начертанные на клинках руны – мы узнаем об этих мечах побольше.

– Давайте поскорее выйдем на свежий воздух! – взмолился Фили.

Они вынесли из пещеры горшки с монетами и те съестные припасы, что еще не испортились и с виду были пригодны в пищу, а также нераспечатанный бочонок с пивом. Было самое время позавтракать, а поскольку голод не тетка, никто не стал воротить носа от несколько залежалых тролличьих припасов. Своей-то провизии почти не осталось! Теперь же в их распоряжении были и хлеб, и сыр, и

вдоволь пива, а на углях догоравшего костра они пожарили себе ломтики копченой свинины.

А потом все улеглись спать – ночка-то выдалась весьма беспокойной! – да так и проспали чуть не до полудня. Проснувшись, гномы погрузили на пони горшки с золотыми монетами и отправились в лес, где и закопали их в тайном месте (у тропы, что шла вдоль реки), произнеся над ними множество надлежащих заклятий – на случай, если когда-нибудь удастся вернуться сюда и выкопать клад. Покончив с делами, они вновь сели верхом на своих пони и продолжили путь на восток.

– Интересно, куда это ты пропал вчера вечером? – спросил Торин, поравнявшись с Гэндальфом.

– Да так, заглянул вперед, – ответил волшебник.

– А что заставило тебя вернуться, причем в самый последний момент?

– Поглядел назад, вот и вернулся, – ответил Гэндальф.

– Вот уж действительно, – пробормотал Торин. – Ну а если поподробней?

– Я поехал вперед, чтобы разведать дорогу. Кстати, скоро она станет трудной и опасной. А кроме того, я искал, где бы нам запастись провизией. Однако отъехав совсем недалеко, я встретил двух своих старых друзей из Ривенделла*.

– Откуда-откуда? – переспросил Бильбо.

– Не перебивай! – оборвал его Гэндальф. – До Ривенделла всего несколько дней пути, и, если нам повезет и мы туда доберемся, сам все увидишь. Так вот, как я уже сказал, мне встретились двое подданных Элронда. Они спешили миновать эти места – боялись троллей. По их словам, с гор недавно спустились три тролля и поселились в лесу неподалеку от дороги. Эти трое распугали всех в округе жителей и принялись нападать на путников. Я сразу сообразил, что кое-кто нуждается в моей помощи. Поглядев назад, я увидел вдалеке свет костра и пошел на него. Вот, собственно, и все. В другой раз будьте, пожалуйста, осмотрительней, а то мы так никуда не доберемся!

– Что ж, спасибо, – сказал Торин.

Глава III. Короткий отдых

Погода наладилась. Однако гномы больше не пели и не рассказывали веселых историй – ни в этот день, ни на следующий. Им чудилось, что опасность подстерегает за каждым кустом. Ночевали они под открытым небом, и пони питались теперь куда лучше своих седоков, поскольку травы в этих местах было много, а вот мешки с провизией заметно похудели, несмотря на недавнее пополнение из запасов троллей. Как-то утром путники перешли вброд речку – на мелком перекате пенное течение с грохотом ворочало камни. Противоположный берег оказался крутым и скользким. Когда наконец они вскарабкались наверх и втащили за собой своих пони, они увидели впереди высокие горы. Казалось, до ближайшей горы не больше дня пути. Мрачной и страшной выглядела эта громадина, хотя кое-где на бурых склонах лежали яркие солнечные пятна, а вдали сверкали заснеженные вершины.

– Это та самая Гора? – шепотом спросил изумленный Бильбо. Он в жизни не видел ничего подобного!

– Да нет! – небрежно бросил Балин. – Это пока еще Туманные Горы*. Чтобы выйти в Дикие Земли, нам придется пересечь эти горы – либо поверху, либо понизу. Да и оттуда еще очень далеко до Одинокой Горы, где Смауг стережет наши сокровища.

– А-а… – протянул Бильбо. И в ту же минуту на него навалилась

такая усталость, какой он не знал никогда прежде.

Вновь он вспомнил о своем любимом кресле у камина в гостиной, ну и, разумеется, о закипающем чайнике… И разумеется, не в последний раз!

Теперь впереди ехал Гэндальф.

– Если прозеваем дорогу, пиши пропало, – обнадежил волшебник. – Во-первых, нам нужна провизия, во-вторых – отдых в сравнительно безопасном месте. А кроме того, в Туманных Горах нельзя сбиваться с пути, иначе рискуешь заблудиться – а тогда придется возвращаться и начинать все сначала, если вообще удастся вернуться!

Когда волшебника спросили, куда он их ведет, Гэндальф пояснил:

– Кое-кто из вас, наверное, знает, что мы вплотную подошли к Диким Землям. Где-то впереди – прекрасная долина Ривенделл: там находится Дом Элронда*, Последняя Гостеприимная Обитель по эту сторону Туманных Гор. Я послал Элронду весточку с друзьями, и нас там ждут.

Все это было очень хорошо, однако до Ривенделла еще предстояло добраться, а отыскать Дом Элронда в западных отрогах Туманных Гор было не так-то просто. Впереди и намека не было на долину, лес или хотя бы холм – голый пологий склон тянулся до самого подножия ближайшей горы: вереск да битый камень с редкими зелеными пятнами травы и мха там, где пробивались ключи.

Полдень уже миновал, а гномам так и не удалось обнаружить ни малейших признаков жилья посреди этой безмолвной каменной пустыни. Опасения их росли, поскольку стало очевидным, что Дом Элронда они могли и прозевать; то и дело под ногами разверзалась какая-нибудь узкая, зажатая в скалах долина, и путники с удивлением видели далеко внизу лес и бегущую по дну ущелья речку. Попадались и трещины с водопадами в глубине – такие узкие, что казалось, их запросто можно перепрыгнуть, зато бездонные. Порой перед путниками открывались черные расщелины, в которые невозможно было спуститься, не говоря уже о том, чтобы их перепрыгнуть. Встречались и топи – с виду этакий веселенький зеленый лужок, усыпанный яркими цветочками на высоких стеблях, но пони с поклажей, неосторожно ступивший на такой лужок, уже никогда бы оттуда не выбрался.

Оказалось, что от брода до подножия Туманных Гор куда дальше, чем представлялось сначала, и Бильбо не переставал этому удивляться. Тропа, которой они придерживались, была обозначена белыми

камушками, подчас едва различимыми во мху и вереске. Путники продвигались вперед очень медленно, несмотря на то что вел их сам Гэндальф, и вел, надо сказать, довольно уверенно.

Отыскивая белые камушки, волшебник то и дело нагибался, бородой почти доставая до земли; и вновь они шли вперед, и казалось, конца этому не будет… Близился вечер. Время чая давно миновало, а время ужина, похоже, собиралось последовать его примеру. В воздухе замелькали мотыльки, свет померк, луна всходить не спешила. Пони под Бильбо начал спотыкаться. И вдруг они оказались на краю крутого обрыва, да так внезапно, что лошадь волшебника едва не ступила за край.

– Вот мы и пришли! – объявил Гэндальф.

Все спешились и столпились на краю обрыва. Далеко внизу лежала долина. Оттуда доносилось журчание речки, бегущей по каменистому руслу, пахло лесом, а за речкой горели огоньки.

До конца жизни запомнил Бильбо спуск в таинственную долину Ривенделл по крутой петляющей тропке, в густых сумерках. Чем ниже они спускались, тем теплее делался воздух и сильнее становился дурманящий запах сосен, так что Бильбо начал клевать носом, то и дело больно стукаясь лбом о загривок пони. Чем ниже спускались путники, тем лучше становилось у них настроение. Вместо сосен пошли дубы и вязы. Даже сумерки были здесь какими-то уютными.

Когда путники оказались наконец на широкой луговине у речки, трава уже окончательно потеряла свой зеленый цвет.

«Однако дело пахнет эльфами!»* – подумал Бильбо и взглянул на звезды.

Яркие, светлые, они отливали голубизной. И вдруг откуда-то из-за деревьев, словно взрыв смеха, грянула звонкая песня:

Куда вы и что вы,
Усталые гномы?
Посбились подковы,
Заждались давно мы!
Шагайте живей!
Эгей!

Усталые ножки,
Бредете куда вы?
Пекутся лепешки,
Дымятся приправы!
Веселье у нас
Сейчас! Ха-ха!

Зачем же дорогу
Мести бородами?
Осталось немного —
И встретитесь с нами!
А нынче едва ли
И Балин, и Двалин
Соскучатся с нами —
И хоббит! Ха-ха!

Ну что вы там встали?
Какая заминка?
Пусть пони устали,
Пропала тропинка —
Не нужно бояться!
Давайте смеяться!
А мы не прочь
Смеяться всю ночь!
Ха-ха!

Вот такую песню пели в лесу и смеялись. Наверное, слова этой песни покажутся вам преизрядной чепухой. Однако если бы вы надумали обратить на это внимание певших – они едва ли смутились

бы и просто рассмеялись бы вам в лицо. То были, разумеется, эльфы! Вскоре в сгустившемся мраке Бильбо смутно разглядел их. Эльфы ему нравились, хотя раньше он с ними почти не сталкивался. Но при всем при том Бильбо их немножко и побаивался. А вот гномы-то эльфов как раз не жалуют. Даже такие здравомыслящие гномы, как Торин и его друзья, считали эльфов глупыми (а бóльшую глупость трудно себе и представить!) и несносными, поскольку те имеют обыкновение подшучивать над гномами – особенно над их длинными бородами.

– Ну и ну! – крикнул кто-то из темноты. – Гляньте-ка! Хоббит Бильбо верхом на пони! Вот потеха-то! Каков красавчик!

– Чудеса в решете!

Тут эльфы запели другую песенку – столь же нелепую, как и предыдущая, с которой вы уже познакомились.

Наконец какой-то эльф, молодой и довольно высокий, выступил из-за деревьев и поклонился Гэндальфу и Торину:

– Добро пожаловать в Ривенделл!

– Благодарю, – без особой радости в голосе произнес Торин.

Однако Гэндальф уже спешился и оживленно беседовал сокружившими его эльфами.

– Вы немного сбились с пути, – сказал молодой эльф. – Если, конечно, вам нужна тропа, которая ведет к мосту и за речку, к Дому Элронда. Мы покажем вам дорогу, но здесь лучше спешиться, пока не пройдете мост. А может, останетесь и споете с нами? Или вы прямо к Элронду? Ужин, похоже, давно готов. Вон как тянет дымком!

Хотя Бильбо смертельно устал, он, пожалуй, задержался бы ненадолго. Ведь никогда не стоит упускать случая послушать пение эльфов в июньскую звездную ночь – если вы, разумеется, знаете в этом толк! А кроме того, ему хотелось перекинуться парой слов с этими эльфами, которые откуда-то знают, как его зовут и кто он такой, хотя сам он раньше их в глаза не видел. Интересно, что скажут они об их походе? Ведь эльфам многое известно, а по части новостей им просто нет равных. Они как-то сразу узнают обо всем, что еще только затевается.

Однако гномы, все как один, были за ужин (и по возможности поскорее!), а потому не пожелали задерживаться. Ведя своих пони в поводу, они двинулись дальше. Эльфы указали им торную тропу, которая привела наконец к берегу речки. Речка оказалась быстрой и громко журчала, как журчат летним вечером все горные речки, после того как солнце целый день палило снега на вершинах. Через речку был переброшен узкий каменный мост без каких-либо ограждений –

такой узкий, что по нему едва мог пройти пони. Пришлось идти медленно и осторожно, один за другим, ведя лошадок под уздцы. А эльфы, пока вся компания переправлялась на ту сторону, освещали дорогу яркими фонариками и пели веселую песенку.

– Эй, папаша! – подтрунивали они над Торином, который полз по мосту чуть ли не на четвереньках. – Бороду не замочи! Она и так вон какая вымахала – зачем еще поливать-то?

– За Бильбо! За Бильбо присмотрите! Не то съест все блинчики и не пролезет в замочную скважину!

– Тише, тише, благородные эльфы! Доброй ночи! – урезонивал их Гэндальф, который шел по мосту последним. – Долины имеют уши, а некоторые эльфы – слишком длинный язык. Доброй вам ночи!

Наконец путники подъехали к Дому Элронда и увидели, что двери гостеприимно распахнуты.

Вот ведь какое странное дело: о чем-нибудь хорошем, скажем, о приятно проведенном времени, рассказывается как-то быстро – да и слушают вполуха; а вот истории о чем-нибудь малоприятном, пугающем и отчасти жутковатом получаются зачастую очень длинными и пользуются неизменным успехом.

В гостеприимном Доме Элронда путники задержались по меньшей мере недели на две – и у них не возникало ни малейшего желания уходить оттуда. Бильбо с большим удовольствием остался бы там навсегда – и даже предложи ему кто-нибудь немедленно и без всяких хлопот вернуться в свою уютную хоббичью нору, вряд ли он соблазнился бы. Однако, как это ни печально, рассказать об их пребывании в Доме Элронда почти нечего.

Хозяин этого Дома был Другом Эльфов. Предки его пришли на Север давным-давно и упоминались еще в тех страшных прапрадавних легендах, где рассказывалось о войнах, которые вели с гоблинами эльфы и первые люди-северяне. В те дни, к которым относится наше повествование, еще не перевелись люди, в чьих жилах текла смешанная кровь эльфов и героев Севера, а Элронд, хозяин Дома, был среди них самым известным.

Он был прекрасен собой, как благородный эльф, могуч, как воин, мудр, как волшебник, строг и благообразен, как король гномов, мягок и ровен, как теплое лето. Имя его прочно вошло в легенды, но в нашей истории о Большом Приключении Бильбо роль Элронда не особенно велика, хотя и не так мала, в чем вы сможете убедиться, если нам удастся когда-нибудь добраться до конца этой повести. Дом Элронда был поистине Дом: там можно было есть, пить, слушать истории, петь

песни, а можно было заниматься и тем, и другим, и третьим понемножку, в свое удовольствие. А Зло не имело доступа в долину Ривенделл.

Мне остается только пожалеть, что у меня нет времени пересказать вам и малую толику тех занимательных историй, которые услышали в Ривенделле гости, или привести здесь хотя бы пару песенок. Скажу только, что уже через несколько дней наши путники, равно как и их пони, как следует отдохнули и набрались сил. Поизносившаяся одежда была заштопана, синяки зажили, настроение у всех поднялось, и надежда на успех предприятия окрепла. Эльфы наполнили котомки гномов провизией – довольно легкой, но достаточно питательной, чтобы путникам хватило сил на тяжелый переход через горы. А кроме того, им надавали кучу полезных советов. Так они и дожили в Доме Элронда до кануна Преполовения Лета и с рассветом следующего дня собрались продолжить путь на восток.

Элронд был большим знатоком рун. Взглянув на мечи из пещеры троллей, он сказал:

– Их ковали не тролли. Это мечи старинной работы, сделанные моими родичами, Высшими эльфами Запада. Их выковали в Гондолине* для войны с гоблинами. Эти мечи, вероятно, стали добычей какого-нибудь дракона или гоблина, потому что много веков назад именно драконы и гоблины разрушили Гондолин. Это очень знаменитые клинки, и у каждого есть свое имя. Твой, Торин, зовется Оркрист*, что на языке Гондолина* означает «Сокрушитель Гоблинов». А тот, что у Гэндальфа, – Гламдринг, то есть «Молотящий Врагов». Некогда его носил король Гондолина. Берегите их!

– Интересно, как они попали к троллям? – подивился Торин, с любопытством разглядывая клинок.

– Трудно сказать наверняка, – покачал головой Элронд, – но легко догадаться, что ваши тролли ограбили каких-то других грабителей или, скажем, набрели на остатки сокровищ, припрятанных где-нибудь в горах Севера. Говорят, в заброшенных подземельях Мории до сих пор находят позабытые клады, зарытые там еще во времена войны

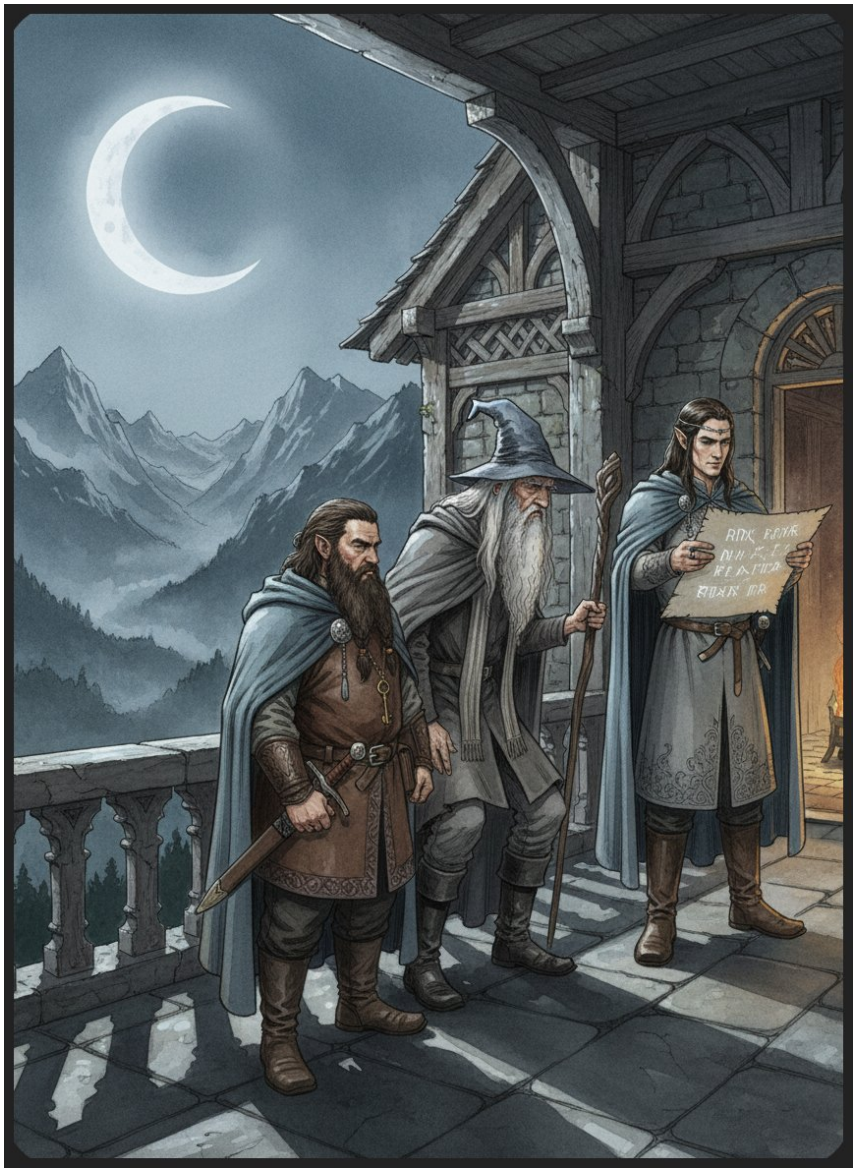
гномов с гоблинами.

Торин глубоко задумался над словами Элронда.

– Я не посрамлю этого меча! – вдруг воскликнул он. – И да сокрушает он гоблинов ныне так же, как встарь!

– Боюсь, что этим ему и придется заняться, когда вы окажетесь в горах, – с улыбкой заметил Элронд. – А теперь покажите мне вашу карту.

Элронд взял карту и долго изучал ее, а затем покачал головой, так как не вполне одобрял замысел гномов и их наследственную любовь к золоту. Однако он ненавидел драконов, их жестокость и коварство. С болью в сердце вспоминал он развалины Дейла, его некогда звонкие колокола и опаленные огнем берега реки Бегучей. В вечернем небе ярко светил серебряный месяц. Элронд поднял карту и посмотрел ее на просвет.



– Что это? – воскликнул он. – Лунные буквы! Вот здесь, рядом с обычными рунами, гласящими: «Вход пяти локтей в высоту, трое пройдут плечом к плечу»!

– Какие такие лунные буквы? – захлопал глазами хоббит, ничего не понимая.

Я уже говорил, что Бильбо любил карты, а также всевозможные

руны, буквицы и прочую каллиграфию. Правда, его собственные опыты оставляли желать лучшего.

– Лунные буквы, – пояснил Элронд, – это руническое письмо, видимое лишь в лунном свете. При этом подчас нужно, чтобы стояло то же время года и луна была в той же фазе, что и в тот день, когда эти руны были начертаны. Лунные буквы изобрели гномы – они чертили их серебряными перьями. Об этом ты можешь расспросить своих друзей. Похоже, эти руны были нанесены на карту именно в канун Преполовения Лета, при ясном месяце, и достаточно давно.

– Что же они гласят?! – не выдержали Гэндальф с Торином, несколько раздосадованные тем, что лунные буквы обнаружил Элронд, а не они сами, хотя, как выяснилось, они и не могли сделать этого раньше, да и смогли бы когда-нибудь – тоже еще неизвестно.

– «Встань у серого камня, когда застучит дрозд, – прочел Элронд, – и последние лучи заходящего солнца в День Дьюрина укажут замочную скважину».

– Дьюрин! Великий Дьюрин! – воскликнул Торин. – Это праотец древнейшего гномьего рода Длиннобородов! И ваш покорный слуга – прямой потомок и наследник Дьюрина!

– А что это за День Дьюрина? – спросил Элронд.

– Это первый день нашего Нового Года, – пояснил Торин. – Как вам, должно быть, известно, это первый день последней луны осени – на самом пороге зимы. В День Дьюрина луна и солнце стоят в небе одновременно. Правда, боюсь, нам это мало поможет, так как мы давно разучились высчитывать, когда наступает этот день.

– Поживем – увидим, – заметил Гэндальф. – Есть ли там еще лунные буквы?

– При этой луне больше ничего не видно, – сказал Элронд и вернул карту Торину, после чего все спустились к речке и присоединились к пляшущим и поющим эльфам, которые праздновали канун Преполовения Лета.

Утро выдалось свежим и прекрасным. О таком можно было только мечтать: на голубом небе ни облачка, на воде пляшут солнечные блики… И путники двинулись дальше, получив на прощание хорошую порцию песен и добрых напутствий. Теперь они были готовы к новым приключениям, а кроме того, твердо знали дорогу, которая вела через Туманные Горы.

Глава IV. В Гору и под Гору

Много троп в Туманных Горах и много перевалов – однако тропы эти большей частью обрываются и ведут в никуда, а то и куда похуже; перевалы же, все как один, смертельно опасны, и там на каждом шагу путника подстерегают нехорошие твари. Тем не менее гномы и хоббит, следуя мудрым наставлениям Элронда и полагаясь на опыт и память Гэндальфа, шли вперед и вперед, твердо придерживаясь единственно верной тропы.

С тех пор как они покинули Дом Элронда, прошло уже несколько дней, и гостеприимная долина Ривенделл осталась далеко позади, а путники поднимались все выше, выше и выше… Трудная, опасная тропа! Извилистый, пустынный, бесконечный путь! Далеко внизу расстилались покинутые ими земли. Бильбо знал, что где-то там, далеко-далеко на Западе, за голубоватой белесой дымкой, осталось его родное Заселье и уютная нора, где все было так славно – и никаких тебе опасностей… Бильбо поежился. Холодать стало… Поднялся ледяной ветер. Яркое солнце палило снега, вниз по склонам то и дело скатывались огромные камни – и хорошо еще, если они проносились между путниками, которые длинной цепочкой растянулись по тропе, но иной раз валун пролетал прямо над головой, что и вовсе грозило крупными неприятностями*. Ночевки были холодными и неуютными; ни о каких удобствах в горах не могло быть и речи, не говоря уже о песнях и даже громких разговорах, потому что эхо здесь было каким-то недобрым, – казалось, горы не желали, чтобы безмолвие их нарушало что-либо, кроме шума воды, завывания ветра и грохота камней.

«А внизу лето в самом разгаре, – думал Бильбо, тяжело вздыхая, – сено, поди, давно уже косят, пикники устраивают… Если так и дальше пойдет, то, пока мы перевалим через эти горы, у нас небось урожай соберут и ежевика поспеет…»*

У остальных настроение было не лучше. А между тем, прощаясь с

Элрондом теплым летним утром, все были полны надежд и радостно предвкушали, как перевалят через горы и двинутся дальше. Гномы рассчитывали добраться до потайного хода в Одинокой Горе никак не позже первого осеннего новолуния. «Как раз ко Дню Дьюрина и поспеем», – приговаривали они. Один только Гэндальф с сомнением покачивал головой да помалкивал. Гномы уже много лет не бывали в тех местах, а Гэндальф-то бывал и прекрасно знал, насколько опасно стало в Дикоземье с тех пор, как драконы выжили оттуда людей и там в неимоверных количествах расплодились гоблины, победившие в битве за Морийские Копи. Так что даже самый тщательно продуманный план, составленный таким мудрым волшебником, как Гэндальф, и таким добрым другом, как Элронд, вполне мог провалиться из-за непредвиденных обстоятельств – кто-кто, а Гэндальф это хорошо понимал.

Гэндальф, разумеется, понимал, что они могут столкнуться с чем-нибудь неожиданным, и не тешил себя надеждой, что им удастся без приключений перевалить через эти могучие горы с их уходящими в небо пиками и безмолвными долинами, где давно уже не ступала нога человека и где не правил ни один король. Волшебник оказался прав. Все шло своим чередом до тех самых пор, пока однажды они не попали в грозу – а лучше сказать, в грозищу! Всякий знает, как страшна настоящая гроза на равнине – особенно когда, грохоча, сходятся две грозовые тучи. Можете себе представить, что творилось в горах, когда, двигаясь навстречу друг другу с востока и запада, изрыгая громы и молнии, две грозы сошлись на страшную битву, да еще ночью! Молнии били в горные пики, скалы содрогались от ударов, неимоверный грохот раскалывал небо и прокатывался по ущельям, эхом отдаваясь в самых глубоких пещерах, и тьма готова была лопнуть от громовой канонады и ослепительных вспышек.

Бильбо и представить себе не мог ничего подобного. Гроза застала их на узком карнизе, который обрывался в бездонную пропасть. Ночлег устроили под нависшей скалой. Хоббит натянул на голову одеяло и дрожал как осиновый лист. Выглянув в щелочку при вспышке молнии, он увидел на другой стороне ущелья каменных великанов*, которые играючи швыряли друг другу огромные обломки скал, ловили их и бросали в черную пропасть, где те с треском ломали стволы вековых деревьев и с грохотом разбивались вдребезги. Тут поднялся ветер и хлынул ливень, причем ветер все время менял направление, и нависающая скала уже не могла защитить путников от

града и струй косого дождя. Вскоре они промокли до нитки, а пони, понурив головы и поджав хвосты от страха, тихонько всхрапывали. Над горами стоял зловещий хохот разыгравшихся великанов.

– Нельзя здесь больше оставаться! – подал голос Торин. – Даже если нас не сдует, не смоет и не убьет молнией, мы сильно рискуем попасть под ногу какому-нибудь великану, который нечаянно пнет кого-нибудь из нас, как футбольный мяч, и отправит погостить на луну.

– Ну, если ты знаешь местечко получше, отведи нас туда, и поскорей! – сварливо откликнулся Гэндальф, которому зрелище великаньих игр тоже, признаться, не доставляло особого удовольствия.

Дело кончилось тем, что Кили с Фили были отправлены поискать убежище понадежнее. А поскольку эти двое обладали острым зрением, а кроме того, были лет на пятьдесят моложе других гномов, то подобные поручения всегда выпадали на их долю (разумеется, только в тех случаях, когда всем было совершенно ясно, что от Бильбо толку не будет).

«Кто ищет, тот всегда найдет! – примерно так напутствовал Торин молодых гномов. – Хоть что-нибудь, а обязательно найдет! Правда, не всегда то, что ищет!»

Торин оказался совершенно прав. Кили с Фили вернулись довольно быстро; передвигались они ползком, цепляясь за камни, чтобы не снесло ветром.

– Мы нашли сухую пещеру! – доложили они. – Тут совсем рядом, за поворотом. Места хватит на всех, и на пони тоже!

– А вы внимательно посмотрели? – строго спросил волшебник.

Он-то знал, что пещеры в горах редко бывают необитаемыми.

– Конечно! – дружно ответили Кили с Фили, хотя всем было ясно, что на тщательный осмотр у них просто не было времени: слишком уж быстро они вернулись. – Не такая уж она большая и глубокая!

На самом деле в том-то и заключается коварство пещер – никогда не знаешь, насколько они глубоки, и куда ведут ходы, и что тебя там ожидает. Как бы то ни было, все сочли, что Кили с Фили принесли добрые вести. Путники поднялись и стали собираться. Ветер завывал по-прежнему, и громыхание в небесах продолжалось, так что немалых трудов стоило, ведя пони в поводу, добраться до пещеры. К счастью, она и в самом деле оказалась недалеко, и вскоре, обогнув большую скалу, они оказались перед низким входом. Он был так узок, что пони, даже развьюченные и расседланные, едва протиснулись. Войдя в пещеру, путники перевели дух – приятно было сознавать, что ветер и

ливень беснуются где-то там, снаружи, не говоря уже о том, что резвящиеся великаны теперь не могли причинить им никакого вреда. И все же Гэндальф не хотел рисковать попусту. Он засветил свой жезл – точно так же, как сделал это в столовой у Бильбо (о, как давно это было!), – и они тщательно обследовали все вокруг.

Пещера оказалась большой, но не слишком, и ничуть не таинственной. Тут было сухо и вполне удобно. Хватило места и для пони – опустив головы в торбы с овсом и отфыркиваясь, они смирно стояли в сторонке и явно радовались перемене обстоятельств. Оин с Глоином хотели было развести у входа костер и просушить одежду, но Гэндальф запретил им даже думать об этом. Пришлось раскладывать мокрую одежду прямо на земле и лезть в тюки за сухой; затем гномы поплотней завернулись в одеяла, вынули трубки и стали пускать колечки, а Гэндальф для забавы окрашивал их в разные цвета и заставлял выделывать всевозможные выкрутасы. Гномы загомонили и постепенно забыли о грозе. Они даже принялись обсуждать, кто как поступит со своей долей сокровищ (получив их наконец на руки, – а в том, что этот миг наступит, они на радостях нисколько не сомневались); мало-помалу их одолела дремота, и они, один за другим, заснули. Больше им не довелось увидеть ни своих пони, ни тюков и вьюков, ни припрятанного в них скарба.

События этой ночи со всей очевидностью показали, что, взяв себе в спутники хоббита Бильбо, гномы поступили мудро. Бильбо долго не мог заснуть, а когда наконец заснул, ему приснился прегадкий сон. Ему снилось, что трещина в дальней стене пещеры становится все шире и шире. От страха Бильбо окаменел и не мог ни на помощь позвать, ни даже пошевелиться; он просто лежал и смотрел. Потом ему приснилось, что земля под ним наклоняется, и вот он скользит и

падает, падает – неизвестно куда!

Он проснулся в холодном поту и обнаружил, что сон оказался явью! Трещина в дальнем конце пещеры и в самом деле раздалась, превратившись в довольно широкий проход. Бильбо едва успел заметить, как в темноте прохода мелькнул хвост последнего пони. Хоббит, естественно, завопил что было мочи. Только хоббиты умеют так вопить – для их скромных размеров, надо заметить, на удивление громко.

И тут из трещины повыскакивали гоблины, здоровенные гоблины, огромные уродливые гоблины, гоблин, можно сказать, на гоблине, – да так быстро, что вы бы и пикнуть не успели! По меньшей мере по шесть штук на каждого гнома и никак не меньше двух – на Бильбо! Они живо похватали всех, кто был в пещере, и поволокли в трещину. Всех, но только не Гэндальфа! Бильбо вопил не напрасно: волшебник мгновенно проснулся, и, когда гоблины бросились на него, в пещере сверкнула подобная молнии ослепительная вспышка. Запахло порохом, и несколько гоблинов упали замертво.

Тут же проход в стене со стуком захлопнулся, и Бильбо с гномами оказались отрезанными от пещеры! А что же Гэндальф? Ни гномы, ни гоблины не имели ни малейшего представления, что с ним сталось, а гоблинам недосуг было и выяснять. Они схватили пленников и поволокли их по проходу. Туннель уводил куда-то в глубь горы, в глубь, в темноту, где только гоблины, привыкшие жить глубоко под землей, могли что-либо разглядеть. Сеть подземных туннелей была

весьма разветвленной и запутанной, но гоблины отлично знали дорогу и шли уверенно – ну совсем как вы ходите на почту. Туннель уходил все ниже и ниже, стало невыносимо душно. Гоблины особенно не церемонились с пленниками – они то и дело пребольно щипали их, а сами при этом хрипло гоготали. Хоббит совсем раскис: это было еще хуже, чем висеть вниз головой в лапах у тролля. Ему отчаянно захотелось немедленно оказаться в своей уютной хоббичьей норе – и надо заметить, захотелось далеко не в последний раз!

Но вот впереди показалось красное зарево. Гоблины запели, точнее сказать – закаркали, отбивая ритм босыми ступнями и немилосердно потряхивая пленников:

Боб! Доб! Шлеп! Хлоп!
Тяп! Ляп! Оп! Цап!
Бум! Бом! Здесь наш дом!
Шире шаг! Поднажми!

Грох! Трах! Ух! Страх!
Пык! Мык! Гоп! Тык!
Топ! Топ! Скоро стоп!
Хо-хо! Поднажми!

Щелк! Хлясь! Дзынь! Хрясь!
Кнут, бей сильней!
Эй! Давай! Не зевай!
Прочь писк! Визг вдрызг!
Жи-во! В логово!
А ну, поднажми!

Звучало это жутковато. Зловещее эхо гулко повторяло «Шлеп! Хлоп!», «Грох! Трах!» и бесконечно множило хриплое «Хо-хо! Поднажми!». Песню гоблинов понять было немудрено – тем более что гоблины достали кнуты и плети и – «Щелк! Хлясь!» – погнали пленников перед собой. Попискивая, повизгивая и подвывая от боли, гномы ввалились наконец в большую пещеру.

Посередине пылал огромный костер, на стенах горели факелы. Пещера была полным-полна гоблинов. Увидев гномов, подгоняемых щелканьем кнутов (несчастный Бильбо еле поспевал за гномами и плелся в хвосте, то есть ближе всех к плетям и кнутам!), гоблины дружно загоготали, затопали ногами и захлопали в ладоши. Пони стояли тут же у стены; рядом валялась поклажа путешественников – гоблины рылись во вспоротых мешках и тюках, гоблины ощупывали

гномьи пожитки, гоблины обнюхивали их драгоценные припасы и, переругиваясь, растаскивали гномье барахлишко по углам.

Увы, гномы в последний раз видели своих замечательных пони, в том числе и славного крепыша белой масти, которого Элронд подарил Гэндальфу взамен лошади, не годившейся для горных троп. Дело в том, что гоблины вечно голодны и охотно едят конину, ослятину и (если можно так выразиться!) «понину», не говоря уже о таком, о чем и подумать-то страшно. Правда, сейчас пленникам было не до пони – они боялись за себя. Гоблины живо скрутили им руки за спиной, сковали всех одной цепью и загнали в угол пещеры. Бедный Бильбо, как всегда, оказался крайним.

У стены, на большом плоском камне, восседал огромный гоблин с непомерно большой головой. Вокруг него стояли гоблины поменьше, вооруженные топорами и кривыми саблями. Следует заметить, что все гоблины хитры, злы и жестоки. Ничего хорошего делать они не умеют, зато большие мастера чинить всякие пакости. Впрочем, гоблины могут рыть туннели и не хуже иных гномов, если, конечно, захотят; только вот ходят вечно грязными и чумазыми. Еще они умеют изготавливать топоры и молотки, мечи, кинжалы и пики, а также щипцы и прочие орудия пыток, но обычно заставляют работать других – то есть обращенных в рабство пленников, которые рано или поздно умирают от недостатка воздуха и света. Не исключено, что именно гоблины изобрели страшные устройства, которые и по сию пору не дают миру спать спокойно, – я имею в виду хитроумные приспособления, позволяющие убить множество живых существ разом. Дело в том, что гоблины издревле увлекаются всевозможными механизмами, машинами и особенно взрывчаткой – и все потому, что при всяком удобном случае стараются увильнуть от работы. Но в те времена в диких Туманных Горах гоблины еще не были настолько, так сказать, развиты. Не то чтобы гоблины питали к гномам особую ненависть – вовсе нет; просто они ненавидели всех и вся, а больше всего – тех, кто жил в покое и довольстве. Кое-где некоторые вконец опустившиеся гномы даже заключали с гоблинами союзы. Что же касается гномов из племени Торина, то вот их-то как раз гоблины ненавидели лютой ненавистью из-за упоминавшейся выше войны, о которой здесь я рассказывать не буду. А вообще, гоблинам все равно кого хватать – лишь бы все было шито-крыто и жертва не особенно сопротивлялась.

– Кто эти мерзавцы? – проворчал Большой Гоблин.

– Гномы! – рявкнул один из погонщиков. – А с ними вот этот! – И гоблин так сильно дернул за цепь, что Бильбо упал на колени. – Они

прятались в пещере у Главного Входа.

– Какого рожна? – Большой Гоблин повернулся к Торину. – Небось напакостить хотели! А то с чего бы им совать нос в дела моего народа? Нисколько не удивлюсь, если они воры! А еще, чего доброго, убийцы и пособники эльфов! Иди сюда! Что скажешь?

– Гном Торин, к вашим услугам! – пролепетал Торин (разумеется, это была простая учтивость!). – Ничего такого, о чем вы тут говорите, мы не замышляли. Мы просто укрылись от грозы в первом же подходящем месте. Да и пещера была пуста… В наши планы никоим образом не входило вмешиваться в дела гоблинов!

Тут Торин сказал сущую правду!

– Хм! – фыркнул Большой Гоблин. – Вот, значит, как! Но позволь спросить, что вам понадобилось в наших горах, откуда вы притащились и куда вас несет? Я хочу знать все! Впрочем, это едва ли облегчит твою участь, Торин Дубощит! Как видишь, я хорошо осведомлен о твоих делах. Выкладывай-ка лучше правду, а не то тебе сильно не поздоровится!

– Мы идем в гости к нашим родственникам – к нашим племянникам и племянницам, двоюродным, троюродным и четвероюродным, и к прочим потомкам наших пращуров, живущим к востоку от этих воистину гостеприимных гор… – витиевато начал Торин, не очень-то хорошо представляя себе, как выкладывать правду, когда это ну совершенно невозможно!

– Он лжет, о Воистину Ужасный! – оборвал Торина один из погонщиков. – Нескольких наших воинов убило молнией, когда мы пригласили этих мерзавцев пройти с нами! Наши воины мертвы, как камни! Пусть лучше скажет, откуда у него вот это? – И гоблин показал отобранный у Торина меч – меч из пещеры троллей.

Увидев его, Большой Гоблин издал чудовищный вопль, а гоблины из его охраны заскрежетали зубами, загремели оружием и затопали ногами. Они сразу узнали этот меч. Не одну сотню их соплеменников поразил он в свое время, когда эльфы бились с гоблинами на холмах и под стенами Гондолина. Эльфы называли его Оркрист, что значит Сокрушитель Гоблинов, а гоблины – просто Рубилом. Они люто ненавидели этот меч, а еще больше – того, кто его носит.

– Я же говорил! Убийцы и пособники эльфов! – заорал Большой Гоблин. – Бей их! Хлещи их! Коли их! Грызи их! Бросить их в темную яму со змеями, чтоб никогда больше не видели света!

Он так рассвирепел, что вскочил с камня и, оскалив пасть,

бросился на Торина.

В это мгновение все факелы вдруг погасли, а костер потух; из него поднялся огромный столб светящегося сизого дыма, который с ног до головы осыпал гоблинов жгучими искрами.

Началась неописуемая суматоха, визг и писк, трещание и верещание, крики, вопли, стоны и проклятия! Сотня диких кошек и волков, которых заживо поджаривают на медленном огне, не сумела бы произвести такого шума! Искры прожигали гоблинов насквозь, а в сплошном дыму даже их острые глаза не могли ничего рассмотреть. Вскоре все они повалились друг на друга и как бешеные стали кататься по полу пещеры, неистово кусаясь и лягаясь.

Вдруг в дыму сверкнул сияющий меч и на глазах у Бильбо вонзился в Большого Гоблина. Тот упал замертво, а его охранники с воплями бросились прочь, во тьму.

Меч вернулся в ножны.

– Живо за мной! – сказал кто-то твердо и спокойно. И прежде чем Бильбо понял, что произошло, он уже мчался вслед за гномами по темному коридору. Вопли гоблинов за спиной становились все тише и тише. Впереди маячило какое-то слабое сияние.

– Поторапливайтесь! – снова раздался голос. – Скоро снова зажгут факелы!

– Минуточку! – попросил Дори, семенивший как раз перед Бильбо.

Он сжалился над хоббитом и, насколько позволяли скованные за спиной руки, помог Бильбо вскарабкаться к себе на закорки; затем все двинулись дальше, где бегом, где шагом, позвякивая цепями, беспрерывно спотыкаясь и падая. Вскоре они остановились. Не было никаких сомнений в том, что они находятся в самом дальнем закоулке подземных переходов.

Тогда Гэндальф – а это был, разумеется, Гэндальф! – засветил свой жезл поярче. Конечно, гномам сейчас было не до расспросов. Волшебник вновь вытащил меч из ножен, и тот слабо замерцал. В прошлый раз, когда гоблины были рядом, он сверкал как молния, а теперь светился тихим голубым сиянием*, словно был доволен тем, что убил огромного хозяина подземной пещеры. Нечего и говорить, что меч мгновенно перерубил цепи и освободил истомившихся пленников. Если вы еще не забыли, то был Гламдринг – Молотящий Врагов. Сами-то гоблины называли его Кувалдой и ненавидели еще больше, чем Рубило, если только возможно такое представить. Оркрист тоже был вызволен из плена, так как Гэндальф вовремя выхватил его у охранника. Волшебник успел подумать обо всем и, хотя был далеко не всемогущ, на этот раз оказал огромную услугу своим друзьям, попавшим в безвыходное положение.

– Никого не потеряли? – спросил он, с поклоном вручая Торину Оркрист. – А ну-ка, проверим: раз, два, три, четыре, пять, шесть, семь, восемь, девять, десять, одиннадцать… А где Кили с Фили? Ах, вот они! Значит, двенадцать, тринадцать и господин Бэггинс – четырнадцать! Отлично! Бывает и хуже, хотя, с другой стороны, бывает и лучше. А теперь вот – ни пони, ни еды, ни малейшего представления, где мы находимся, да еще полчища гоблинов на хвосте

в придачу! Вперед!

И они поспешили дальше. Гэндальф оказался совершенно прав: вскоре в глубине туннеля, оставшегося за спиной, послышались крики и устрашающие вопли гоблинов. Это заставило гномов еще больше поторопиться – следует сказать, что гномы, если потребуется, могут бежать весьма быстро! А поскольку бедный Бильбо и вполовину не имел такой прыти, гномы по очереди брали его к себе на закорки.

И все же гоблины бегают куда быстрее гномов, а здешние гоблины к тому же знали дорогу как свои пять пальцев, поскольку сами же и рыли эти туннели; кроме того, они были вне себя от злости, так что крики и вопли гоблинов за спиной становились все громче и громче. Вскоре гномы различили и топот босых ног. Казалось, преследователи вот-вот выскочат из-за поворота. Позади разгоралось красное зарево факелов – а гномы уже почти выбились из сил.

– И зачем, зачем только я покинул свою нору? – всхлипывал несчастный Бильбо, подпрыгивая на спине Бомбура.

– И зачем, зачем только мы взяли с собой этого жалкого хоббита? – ворчал Бомбур.

Если вы еще не забыли, он был весьма тучен и обливался потом от усталости и страха.

Тут Гэндальф переместился в арьергард, и Торин последовал его примеру. Миновав крутой поворот, Гэндальф крикнул Торину:

– Стой! Доставай меч!

Это было последнее средство – и оно подействовало! Выскочив из-за поворота на полном ходу, гоблины с ужасом увидели прямо перед собой сияющие холодной сталью Оркрист и Гламдринг. Передние гоблины выронили факелы и, не успев даже вскрикнуть, упали мертвыми. Остальные завопили пуще прежнего и бросились назад, сбивая с ног бегущих навстречу. «Рубило и Кувалда!» – вопили они. Образовалась большая свалка – и вскоре гоблины во весь дух мчались по туннелю, но уже в обратном направлении.

Довольно продолжительное время никто из гоблинов не осмеливался даже заглянуть за этот проклятый поворот. А гномы тем временем побежали дальше – дальше по темному туннелю, в таинственные владения гоблинов. Между тем их преследователи пришли в себя, снова зажгли факелы, надели мягкую обувь и, выбрав самых быстроногих, остроглазых и остроухих, отправили в погоню за беглецами. На этот раз гоблины были не только быстры, как хорьки, но и бесшумны, как летучие мыши.

Вот почему ни Бильбо, ни гномы, ни даже Гэндальф ничего не

услышали. И не увидели. А гоблины, тенью следуя позади, видели их отлично, потому что Гэндальф слегка засветил свой жезл, чтобы гномы не переломали себе в темноте ноги.

И вдруг Дори, бежавший теперь последним с Бильбо на закорках, почувствовал, что его схватили за ногу. Дори вскрикнул и упал. Хоббит кубарем покатился куда-то в темноту, стукнулся головой о камень и потерял сознание.

Глава V. Загадки во мраке

Открыв глаза, Бильбо даже засомневался: открыл ли? Вокруг стоял такой мрак, что с тем же успехом глаза можно было и не открывать. Рядом никого не было. Представляете, как хоббит испугался? Он ничего не видел, ничего не слышал и не ощущал ничего – только холод каменного пола.

Кое-как встав на четвереньки, он принялся ощупывать камни вокруг себя. Наконец рука его наткнулась на стену туннеля, но справа и слева зияла пустота: рядом не было ничего. Ничего и никого – ни гоблинов, ни гномов. Голова у Бильбо кружилась. Он не мог даже сказать с уверенностью, в какую сторону бежали гномы перед тем, как он упал. Выбрав наконец одно из направлений, которое ему показалось верным, хоббит, не вставая с четверенек, пополз по туннелю. Полз он довольно долго – и вдруг под руку ему попало нечто, на ощупь напоминавшее холодное металлическое колечко. Это было поворотное событие в жизни хоббита, но сам он об этом даже не догадывался*. Не долго думая он взял да и сунул колечко в карман; в это мгновение у него и в мыслях не было, что оно может ему как-то пригодиться. Вскоре он остановился и, сев на холодный пол, предался горестным размышлениям. Он представил себе, что находится у себя дома, на кухоньке, и жарит яичницу с беконом, – у бедняги давно уже сосало под ложечкой… Самое время чем-нибудь подкрепиться! Но от этих мыслей ему стало только хуже.

Бильбо никак не мог сообразить, что же ему теперь делать. А главное – ему было совершенно непонятно, что, собственно, произошло, почему гномы бросили его, и если уж бросили, то почему гоблины не подобрали? И вообще, почему так болит голова? А дело обстояло довольно просто; упав, он лежал тихо и без движения в темном углу – вот его и не заметили; как говорится, с глаз долой – и голова в кустах! Так, не подавая признаков жизни, он пролежал неизвестно сколько времени.

Немного погодя Бильбо нащупал трубку. Уже кое-что! Затем он нащупал кисет. В нем остался табачок – кое-что еще! Затем он принялся шарить по карманам в поисках спичек – но тщетно! Все его надежды разом рухнули. Правда, по здравом размышлении, Бильбо пришел к выводу, что нет худа без добра. Кто знает, какую беду накликали бы на него в этом ужасном подземелье чиркание спичками и табачный дым! И все же в первый момент хоббит пришел в отчаяние. Однако, похлопав себя по карманам и ощупав куртку и штаны, Бильбо наткнулся на рукоять меча или, вернее, кинжала, того самого, который он подобрал в пещере троллей. Хоббит о нем совсем позабыл, да и гоблины его не заметили, потому что Бильбо спрятал кинжал под курткой, поближе к телу.

Он вытащил меч из ножен – и тот слабо засветился у него перед глазами.

«Этот клинок, наверное, тоже эльфийский, – сообразил хоббит. – Значит, поблизости гоблинов нет, хотя не так уж они и далеко, чтобы можно было успокоиться».

Тем не менее он немного успокоился. Хорошо все-таки иметь меч, выкованный не где-нибудь, а в Гондолине, и не для чего-нибудь, а для знаменитых войн с гоблинами, о которых сложено столько песен! А кроме того, хоббит еще не забыл, как пугаются гоблины, если помахать у них перед носом эльфийским оружием!

«Пойти обратно? – раздумывал Бильбо. – Никакого смысла! Вбок? Вроде некуда… Вперед? Конечно! Только вперед!»

Хоббит встал на ноги и двинулся по туннелю, одной рукой держа перед собой обнаженный меч, другой ощупывая стену. Сердце у него колотилось, а душа ушла в пятки…

Следует признать, что Бильбо попал в безвыходное положение. Однако не стоит забывать, что для хоббита это положение было не таким безвыходным, каким показалось бы, скажем, нам с вами. Дело в том, что хоббиты все-таки сильно отличаются от людей. Несмотря на то что хоббичьи норы – чистые, уютные, хорошо проветренные – не чета гоблинским туннелям, хоббитам куда как привычнее под землей, чем нам, да и направление в пещерах они теряют не так-то быстро – тем более когда голова после удара о камни уже почти и не болит и в мыслях проясняется. Кроме того, ступают хоббиты почти бесшумно, прячутся с непревзойденной ловкостью, сравнительно быстро оправляются после синяков и ушибов, а главное – держат в голове неисчерпаемый запас мудрых пословиц и поговорок, причем таких, каких люди по большей части никогда и не слыхивали, а если и

слыхивали, то давным-давно забыли.

При всем при этом не хотелось бы мне оказаться на месте господина Бэггинса! Казалось, что туннель не кончится никогда. Он вел все прямо и прямо, не меняя направления, если не считать одного-двух незначительных поворотов. То и дело попадались боковые ответвления – ведя рукой по стене, Бильбо обнаруживал их на ощупь и даже мог в слабом сиянии своего меча разглядеть их неясные очертания. Внимания на эти боковые ходы хоббит не обращал, только старался побыстрее прошмыгнуть мимо, опасаясь, что оттуда ненароком выскочит гоблин или, чего доброго, еще какая-нибудь неведомая и страшная тварь. Вокруг по-прежнему не было слышно ни звука, если не считать того, что над ухом то и дело проносились летучие мыши. Поначалу хоббит каждый раз пугался и вздрагивал, но мышей становилось все больше, и вздрагивать ему скоро надоело. Сколько он так шел, преодолевая страх и в то же время боясь остановиться, – не знаю, однако долго ли, коротко ли, а кончилось тем, что Бильбо выдохся, то есть устал так, что дальше некуда. Ему стало казаться, что уже наступило по меньшей мере завтра, а может, и послезавтра.

Вдруг ноги Бильбо неожиданно, без всякого предупреждения, зашлепали по воде. Бр-р! Ледяная! Хоббит вмиг забыл про усталость и весь подобрался. Кто знает, что это такое – просто лужа, подземный ручей, а может, целое пещерное озеро? Меч почти не светился. Бильбо замер и прислушался. «Кап-кап-кап!» – капала вода откуда-то сверху, из темноты. И больше как будто ничего.

«Значит, никакая это не река и не ручей, а лужа или озеро», – заключил хоббит.

И все-таки в такой темноте идти вброд он не отваживался. Плавать Бильбо не умел, и, кроме того, ему подумалось о шныряющих в подземной воде противных скользких тварях со слепо выпученными глазами. В самом деле, довольно странные существа водятся в подземных озерах и лужах, находящихся глубоко под горами, к примеру, рыбы, прародители которых заплыли сюда в незапамятные времена да так и не выплыли. Пытаясь хоть что-нибудь разглядеть в кромешном мраке, они таращили и таращили глаза – и глаза у них становились все больше, больше и больше. Впрочем, помимо рыб, попадаются в подземных озерах и твари куда более скользкие. Даже в туннелях и пещерах, которые гоблины прорыли для себя сами, встречаются неизвестные хозяевам существа, прокравшиеся туда извне и таящиеся во мраке. Но и пещеры, где хозяйничают гоблины, не все

пробиты ими самими – некоторые существовали задолго до их прихода. Гоблины только расширили подземные переходы и соединили пещеры новыми туннелями; однако прежние хозяева не ушли – они затаились в укромных уголках и, по временам выбираясь оттуда, рыскали по темным коридорам.

Здесь, глубоко под землей, у черного подземного озера, жил старый Голлум* – тварь невеликая, но довольно противная. Откуда он

там взялся – не знаю; не знаю я и того, кто он был такой и что он был такое. Голлум – и все тут! Голлум, черный, как сама чернота, черный с головы до ног – не считая двух больших и круглых, как плошки, белесых глаз на костистом лице. У Голлума был челнок, в котором он совершенно бесшумно разъезжал по всему озеру (а это было именно озеро – большое, глубокое и ледяное). Свесив ноги за борт, он загребал большими плоскими ступнями, причем без единого всплеска. Не таков был Голлум, чтобы шуметь попусту! Своими круглыми глазами он высматривал слепую рыбешку и с быстротой молнии выхватывал ее из воды длинными цепкими пальцами. Мясо он тоже любил и при случае не прочь был полакомиться гоблином, но прикладывал все старания, чтобы эти самые гоблины о нем не прознали. Обычно он нападал на них сзади и душил – если только гоблину случалось забрести на берег озера, где промышлял Голлум. Случалось это, правда, крайне редко: гоблины чувствовали, что здесь, у озера, под самыми корнями гор, их не ожидает ровным счетом ничего хорошего. Наткнулись они на это подземное озеро давно, еще в те времена, когда пробивали свои туннели, но перебраться на ту сторону не смогли, поэтому дорога здесь и обрывалась – так что ходить сюда было, в общем-то, незачем, разве что Большой Гоблин пошлет. Время от времени у него возникало желание отведать озерной рыбки. Правда, время от времени в итоге получалось, что он оставался и без рыбки, и без рыбака…

Если говорить точнее, Голлум жил на осклизлом островке посреди озера. Его белесые глаза, зоркие, как подзорная труба, издалека высмотрели хоббита и теперь следили за ним. Бильбо Голлума, конечно, не видел, а тот, сообразив, что перед ним вовсе не гоблин, пришел в некоторое замешательство и решил не торопиться.

Он сел в челнок и отчалил от острова, а Бильбо тем временем, оказавшись в тупике в прямом и переносном смысле слова, сидел на берегу в полном отупении – удача и способность соображать покинули его одновременно и окончательно. И тут к берегу подплыл Голлум и свистящим шепотом произнес:

– Какое яс-ство, с-сокровище мое!* С-славно, с-славно! Сладкий кус-сочек с-сам идет нам в ручки, голлм, голлм!

Словечко «голлм» он сопровождал отвратительным сглатывающим звуком, за что и получил свое имя – Голлум, хотя сам называл себя не иначе как «сокровище мое».

Когда шипение Голлума достигло ушей хоббита, последний от удивления чуть не выскочил из собственной кожи – и в следующий миг увидел перед собой два бледных глаза, уставившихся прямо на

него.

– Ты кто такой? – выдавил из себя Бильбо, выставив меч.

– Ш-што с-сие такое, с-сокровище мое, а? – прошепелявил Голлум (он привык обращаться к самому себе, так как больше было не к кому). Дело в том, что Голлум еще не успел достаточно проголодаться и явился на берег из чистого любопытства; в противном случае он сперва свернул бы хоббиту шею, а зашепелявил бы уже потом.

– Я – Бильбо Бэггинс. Я потерял гномов, потерял волшебника и вообще не знаю, где я. Да и знать не хочу – лишь бы выбраться отсюда!

– А ш-што это за гадость у него в ручках? – прошипел Голлум, глядя на меч, который ему не очень-то нравился.

– Как что? Меч из Гондолина!

– С-с-с-с! – засвистел Голлум и стал заметно вежливее. – Может, присядем, с-сокровище мое, побеседуем? Может, оно загадки уважает? Загадки?

Он изо всех сил старался изобразить дружелюбие – до поры до времени, конечно. Просто ему надо было пообстоятельнее разобраться с этим мечом, а особенно с этим хоббитом: правда ли он тут один, и съедобный ли он, и стоит ли с ним возиться – к тому времени Голлум еще не успел проголодаться как следует. Ну а кроме загадок, он ничего придумать не смог*. Загадывать загадки, а иногда и отгадывать, было единственной игрой, в которую ему доводилось играть когда-то с некими забавными созданиями, жившими, как и он, в норах; только было это очень давно, еще до того, как он потерял всех своих друзей, стал изгнанником и, оставшись один, заполз глубоко-глубоко под горы, в самую темень.

– Хорошо! – согласился Бильбо, решив не особенно перечить – до поры до времени, конечно, пока не разберется с этой тварью пообстоятельнее: одна ли она здесь, не слишком ли злобная, не голодна ли и не в союзе ли с гоблинами.

– Чур, ты первый! – выпалил хоббит, так как еще не успел придумать подходящую загадку. И Голлум прошипел:

Подош-шва ес-сть, а не с-сапог —
Под небеса вздымаяс-сь,
Вс-се поднимается она,
Ничуть не поднимаяс-сь.

– Это просто! – сразу сообразил Бильбо. – Гора, конечно!

– Прос-сто ему? Тогда пус-сть у нас будет состязание, с-сокровище

мое! Ес-сли мы с-спросим, а оно не ответит, мы с-съедим его, да-да, сокровище мое! А ес-сли оно нас-с с-спросит, а мы не ответим, тогда мы сделаем то, о чем оно прос-сит. Мы покажем ему дорогу, да-да, сокровище мое, договорились?

– Договорились! – ответил Бильбо, не смея отказаться. Он лихорадочно вспоминал все известные ему загадки: теперь только они могли спасти его от зубов Голлума!

Тридцать белых жеребцов
На пригорке алом,
Закусивши удила,
Мчат галопом шалым.

Табунком они летят
И топочут вместе,
А присмотришься – стоят
Все на том же месте!*

Ничего лучшего хоббиту придумать не удалось, все его мысли вертелись вокруг еды – ведь он сам теперь мог в нее превратиться! Загадка была, как вы понимаете, «с бородой», так что Голлум, разумеется, знал ответ не хуже вашего.

– С-старье! – просвистел Голлум. – Зубсы! Зубсы, сокровище мое! Но у нас их только ш-шес-сть! И Голлум задал вторую загадку:

Без крыльев летает,
Без пас-сти кусает,
Без пальцев он с-свищет
И по с-свету рыщет.

– Минуточку! – воскликнул Бильбо. Он все еще не мог отделаться от мысли, что его вот-вот съедят. На его счастье, что-то похожее он уже слышал раньше; хоббит напряг свою память и сразу же вспомнил: – Ветер! Конечно, ветер!

Бильбо был так доволен собой, что тут же сочинил новую загадку («Пусть помучается эта подземная каракатица!» – подумал он со злорадством):

Сокрушался как-то раз
Глаз на синем поле,
Увидав в низине глаз
На зеленом поле:
«Мы друзья, да вот беда —

Не спуститься мне туда!»

– С-с-с-с! – зашипел Голлум.

Он жил под землей безвылазно уже много, много лет и почти забыл о подобных вещах, то есть в буквальном смысле забыл обо всем на свете. Но когда Бильбо уже начал надеяться, что это чучело так и не догадается, о чём речь, Голлум вспомнил, как много, много веков назад жил со своей бабушкой в норе на берегу речки, и…

– С-с-с-с, с-сокровище мое! – прервал он наконец молчание. – С-солнце и подс-солнух! Вот ш-што!

Как бы ни были заурядны эти «наземные» загадки, Голлума они порядком утомили. Кроме того, они напомнили ему о тех далеких днях, когда он был еще не так одинок, не так подл и гадок, и тем самым испортили ему настроение, хуже того – пробудили в нем голод. На этот раз он придумал загадку потрудней и пострашней:

Не уловиш-шь это ухом,
Не отыщеш-шь это нюхом,
Не дотронеш-шься рукой —
Всякий он и никакой.

Залегает в звездных с-сферах
И хоронитс-ся в пещерах;
Он начало и конец —
С-смертного меча кузнец!

К несчастью для Голлума, Бильбо уже где-то слышал нечто в этом роде, а кроме того, за ответом не нужно было ходить далеко – он был повсюду.

– Мрак! – уверенно сказал хоббит, даже не наморщив лба и не почесав в затылке. И сразу же задал новую загадку:

Ларчик без ключа закрыт —
Слиток золота хранит.

Бильбо решил просто выиграть время для того, чтобы в следующий раз придумать по-настоящему трудную загадку. А эту он считал совсем простенькой, несмотря на то что несколько переиначил ее на свой лад. Однако против всяких ожиданий она привела Голлума в явное замешательство. Он шипел, пыхтел, бормотал себе что-то под нос – и все не мог догадаться.

Бильбо начал терять терпение.

– Ну так как? – не выдержал он. – Судя по твоему пыхтению, ты,

верно, решил, что речь идет о кипящем чайнике!

– Дай нам подумать. Пус-сть нам дадут подумать, с-сокровище мое!

– Ну? – повторил Бильбо после некоторой паузы, которую он счел вполне достаточной. – Говори!

И Голлум вдруг вспомнил! Вспомнил, как лазал когда-то по деревьям и разорял птичьи гнезда, а потом сидел на берегу реки и учил свою бабушку, учил бабушку, как высасывают…*

– Яйтс-со! – прошипел он, – Яйтс-со, вот ш-што это такое! И он задал новую загадку:

И не дышит, а живет,
Жажды нет, а воду пьет,
Холоднее, чем гранит,
И в броне, а не звенит*.

Голлум, в свою очередь, считал эту загадку совсем простенькой, тем более что ответ все время вертелся у него в голове, но предыдущая загадка про яйцо потребовала от него такого напряжения, что ничего лучшего никак не припоминалось. Однако хоббиту пришлось крепко поломать над ней голову, тем более что он всегда старался держаться от воды как можно дальше – если удавалось. Вы, наверное, знаете отгадку или уже догадались; но ведь вы сидите дома, в тепле и уюте, и никто не мешает вам сосредоточиться, не стоит над душой и не угрожает съесть вас. Бильбо сел на камень и разок-другой откашлялся, но на ум по-прежнему ничего не приходило.

Вскоре довольный собой Голлум прошипел, обращаясь к самому себе:

– А оно вкус-сное, с-сокровище мое? С-сочное? А может, оно восхитительно х-хрустящее? – И Голлум уставился на Бильбо из темноты.

– Еще чуть-чуть, – взмолился хоббит, дрожа от страха. – Я же дал тебе в прошлый раз время подумать!

– Пус-сть оно поторопитс-ся, поторопитс-ся! – со значением прошипел Голлум и начал потихонечку вылезать из челнока на берег, подбираясь поближе к Бильбо. Но едва Голлум опустил в воду свою длинную перепончатую лапу, как оттуда выскочила перепуганная рыбка и упала на камни прямо к ногам хоббита.

– Ой! – воскликнул Бильбо. – Холодная! – И тут его осенило. – Рыба! Рыба! – закричал он. – Это рыба!

Голлум был весьма раздосадован. А Бильбо, не теряя времени, тут

же задал новую загадку, так что Голлуму не оставалось ничего другого, как вернуться в челнок и снова думать.

На одной без ног лежала,
Рядом сели две на трех,
И от двух с одной упало
Кое-что для четырех.

Бильбо выбрал не самое подходящее время для этой загадки, но уж больно он торопился. В другой ситуации Голлум, пожалуй, и поломал бы себе голову в поисках ответа, но тут, когда речь только что шла о рыбе, это «без ног» он раскусил в два счета, а остальное было, как говорится, делом техники. «На одноногом столике лежит рыба, которую ест человек, сидящий на трехногой табуретке, а кости получает кошка» – таков ответ, и Голлум не замедлил его найти. После этого Голлум решил, что пришла пора спросить о чем-нибудь по-настоящему трудном и страшном, он немного помешкал – и вот какую он загадал загадку:

Вс-се ш-што ни попадя с-сожрет —
Траву, кус-старник, зверя, птицу;
Железо ржавое с-сгрызет
И камень с-сгложет по крупицам.
И города, и горы рушит,
И королей в объятьях душ-шит*.

Бедный Бильбо сидел во мраке и перебирал в уме имена всех ужасных великанов и людоедов, о каких ему только доводилось слышать в разных страшных историях, но ни один из них не годился, так как не мог сотворить стольких бед сразу. У хоббита было ощущение, что ответ лежит где-то рядом и что он, Бильбо, ищет его совсем не там, где надо, но в голове у него словно что-то заклинило. Ему становилось все страшнее, а это, как вы понимаете, никак не помогало думать. Тем временем Голлум вновь начал вылезать из челнока. Вот он уже спустил ноги за борт и зашлепал к берегу… Бильбо увидел приближающиеся к нему из темноты бледные светящиеся глаза… Язык у него прилип к нёбу, во рту пересохло. Хоббит попытался крикнуть; «Дай мне время подумать! Дай мне время!» – но смог только жалобно пропищать:

– Время! Время…

Бильбо спасся по чистой случайности – именно в этом слове и заключалась разгадка!

Голлум был раздосадован пуще прежнего; более того, он начинал злиться, да и вообще, игра ему уже порядком надоела. Но главное – он почувствовал, что зверски проголодался. На этот раз в челнок он возвращаться не стал, а уселся в темноте, рядом с Бильбо. В таком

соседстве хоббит почувствовал себя в высшей степени неуютно, и в голове у него все перемешалось.

– Пус-сть оно спрос-сит нас-с, пус-сть с-спросит, с-сокровище мое! – прошипел Голлум.

Но Бильбо, как назло, начисто потерял всякую способность загадывать загадки – что вполне понятно, когда рядом с тобой сидит мерзкого вида холодное страшилище и норовит то прикоснуться к тебе, то пощупать мокрой лапой. Хоббит царапал себя, щипал – все напрасно: голова не варила – и все тут!

– С-спрос-си нас-с, с-спрос-си! – сипел Голлум.

А Бильбо все щипал себя и хлопал руками по бокам. Одна его рука легла на рукоять меча, другая полезла в карман и… наткнулась на кольцо, которое хоббит не так давно подобрал на полу туннеля; Бильбо совсем позабыл о нем.

– Что у меня в кармане? – сказал он вслух.

Он произнес это случайно, но Голлум решил, что это очередная загадка, и ужасно забеспокоился.

– Это нечес-стно, нечес-стно! – прошипел он. – Нечес-стно, с-сокровище мое, не по правилам спрашивать, ш-што у него в карманс-сах, в грязных, парш-шивых карманс-сах!

Бильбо наконец понял, что произошло, но, поскольку ничего другого так и не придумалось, он решил стоять на своем.

– Что у меня в кармане? – твердо повторил он.

– С-с-с! – зашипел Голлум. – Пус-сть оно дас-ст нам три попытки, с-сокровище мое, три попытки!

– Согласен, – быстро сказал Бильбо. – Начинай!

– Рука? – неуверенно предположил Голлум.

– Нет! – ответил Бильбо. На его счастье, руку из кармана он успел вынуть. – Давай еще раз!

– С-с-с! – снова зашипел Голлум, как никогда встревоженный.

Он принялся перебирать в уме все, что могло быть в кармане у него самого: рыбьи кости, зубы гоблинов, мокрые ракушки, обломок крыла летучей мыши, кусочек кремня для заточки клыков и прочая дрянь… Затем он стал вспоминать, что бывает в карманах у других.

– Нож! – выдавил он наконец.

– Нет! – ответил Бильбо: нож он недавно потерял. – Последняя попытка!

На этот раз Голлуму пришлось потруднее, чем с «яичной» загадкой. Он шипел, плевался, раскачивался взад и вперед, шлепал лапой по камням, ерзал и корчился – но никак не мог решиться

использовать последнюю попытку.

– Ну говори же! Я жду! – поторопил его Бильбо.

Он храбрился и старался не показать виду, что боится, хотя далеко не был уверен в благоприятном исходе игры независимо от того, догадается Голлум или нет.

– Все! Время истекло! – не выдержал хоббит.

– Ш-шнурок или пус-сто! – взвизгнул Голлум.

А это было уже не совсем честно: две попытки в одной!

– Нет и нет! – победно воскликнул Бильбо и перевел дух, но тут же вскочил, прижался спиной к стене и выставил перед собой меч.

Разумеется, хоббит знал, что игра в загадки уходит корнями в глубокую древность, что это, вообще говоря, дело святое и что даже самые нехорошие твари боятся в этой игре прибегать к обману. Но он прекрасно понимал и то, что этому скользкому Голлуму доверять ни в коем случае нельзя: чтобы вывернуться, такой на все пойдет. Тем более если строго придерживаться древних правил игры, последний вопрос загадкой никак не являлся.

Как бы то ни было, Голлум поостерегся нападать на хоббита сразу. Как-никак в руке у того был меч! Голлум сидел на месте, подергивал плечами и что-то бормотал. Наконец хоббиту надоело ждать.

– Ну так что? – спросил он раздраженно. – Как насчет твоего обещания? Я хочу выбраться отсюда, а ты обещал показать мне дорогу!

– Разве мы так с-сказали, с-сокровище мое? Мы обещали вывес-сти этого мерзкого Бэггинса к воротам? А ш-што все-таки у него в карманс-сах? Не ш-шнурок и не пус-сто, с-сокровище мое? А ш-што же, голлм, голлм!

– Какая разница? – в сердцах бросил Бильбо. – Обещал – так выводи!

– С-сердитый какой, с-сокровище мое! Ему не терпится! – зашипел Голлум. – Придется подождать, подождать, да. Мы не можем так с-сразу брос-саться в туннель, не можем. Нам нужно с-сначала с-сходить за одной вещицей, да, очень нужной нам вещицей.

– Тогда поторапливайся! – сказал Бильбо; он с облегчением подумал, что вот-вот отделается от Голлума; наверняка тот сейчас удерет – и поминай как звали! Что он там бормочет? Какую такую вещицу мог он забыть посреди этого таинственного озера?.. Но Бильбо ошибался. На самом деле Голлум собирался вернуться, и как вернуться! Он успел и разозлиться, и как следует проголодаться. А кроме того, он был тварью на редкость подлой и бессовестной, и в

голове у него созрел коварный план.

Его остров (о существовании которого Бильбо даже не догадывался) находился совсем недалеко; там Голлум хранил разные дрянные штуковины и в придачу к ним одну очень красивую вещицу – очень красивую и очень волшебную. Это было кольцо, золотое кольцо, драгоценное кольцо!

– Деньрожденный подарочек! – шептал Голлум по дороге на остров, как часто шептал в течение бесчисленных дней и ночей, которые он провел здесь, в подземном мраке. – Деньрожденный подарочек! Вот ш-што нам с-сейчас нужно, да, да!

Дело в том, что кольцо это было и впрямь волшебным: надень его на палец – и ты невидимка. Заметить тебя можно будет лишь при ярком солнце – по тени! – да и тень-то будет слабая, неотчетливая.

«Деньрожденный подарочек! Подарочек на день рождения, с-сокровище мое!» – вечно приговаривал Голлум. Но кто знает, откуда на самом деле взялся у Голлума этот «подарочек»? Тем более что случилось это давным-давно, когда такие кольца еще не перевелись в мире. Вероятно, даже сам Хозяин Колец, повелевавший всеми подобными кольцами, не мог бы пролить свет на эту тайну. Поначалу Голлум носил кольцо на пальце – до тех пор, пока оно не стало ему мешать; тогда он приноровился прятать его в особом мешочке на груди – пока шнурок не натер шею; теперь Голлум обычно хранил кольцо на острове, в укромной ямке, и часто проверял: на месте ли? Надевал он его теперь редко, но все-таки надевал, когда совсем уже становилось невмоготу без него или когда очень-очень проголодается, а на рыбу уже и смотреть тошно. Тогда он покидал свое убежище и крался по темным туннелям, выслеживая неосторожных гоблинов. Иногда у него хватало духу заглядывать даже туда, где горели факелы; правда, свет их слепил его, и глазам было больно, но сам Голлум оставался в безопасности! О да, в полной безопасности! Никто не видел и не замечал его до тех пор, пока его пальцы не смыкались на горле очередной жертвы. Всего несколько часов назад он ходил на охоту с кольцом и поймал гобликенка. Ну и верещал же тот! У Голлума еще и теперь оставалась про запас пара косточек, но ему хотелось чего-нибудь поосновательнее.

– Ничего опас-сного нету, – бормотал Голлум. – Оно не увидит нас, с-совсем не увидит, с-сокровище мое, правда ведь! Да! Оно не увидит нас-с и напрас-сно будет махать с-своим мерзким мечом, напрас-сно!

Вот какие гадкие мысли роились в его маленькой голове*, когда он внезапно шагнул в сторону от Бильбо, зашлепал к челноку и исчез во

мраке. Бильбо решил, что никогда в жизни больше о нем не услышит. Как бы то ни было, он почел за лучшее немного подождать – ведь у него по-прежнему не было ни малейшего представления о том, как выбираться отсюда без проводника.

И вдруг Бильбо услышал дикий вопль, от которого у него мурашки по спине побежали. Голлум выл и сыпал проклятиями – причем где-то совсем рядом. Он добрался до своего острова и теперь метался по нему в бесплодных поисках.

– Где оно? Куда оно ис-счезло?! Проклятсие, треклятсие, рас-спроклятс-сие! С-сокровище ис-счезло! С-сокровище!

– Что случилось-то? – крикнул Бильбо. – Что ты там потерял?

– Пус-сть оно нас не с-спрашивает! – взвизгнул Голлум. – Его это не касается, не кас-сается, голлм, голлм! Оно потерялос-сь! Голлм, голлм, голлм!

– Я тоже потерялся! – обиделся Бильбо. – И хочу найтись! Я выиграл, а ты обещал меня отсюда вывести! Иди немедленно сюда! Иди и выведи меня наружу! Потом поищешь!

Судя по воплям, Голлума постигло ужасное горе, но Бильбо не нашел в своем сердце ни капли жалости: он сильно подозревал, что эта столь необходимая Голлуму вещь не сулит ему, Бильбо, ничего хорошего.

– Иди сюда! – крикнул Бильбо еще раз.

– Нет еще, нет, с-сокровище! – откликнулся Голлум. – Нужно поис-скать еще, голлм, голлм!

– Но ведь ты не ответил на мой последний вопрос, и ты обещал! – требовал Бильбо.

– Не ответил?! – повторил Голлум – и вдруг испустил сиплое шипение: – А ш-што, ш-што у него в кармансах? Пусть оно с-скажет! Пус-сть с-сначала с-скажет, а там пос-смотрим!

По правде говоря, у Бильбо не было особых причин не сказать Голлуму правды. Но Голлум уже понял, в чем дело, да и немудрено – ведь Голлум трясся над своим единственным сокровищем много долгих веков и каждый день боялся, как бы колечко не выкрали… Ну а Бильбо тем временем начал терять терпение. В конце-то концов, он выиграл, и выиграл сравнительно честно, да еще с риском для жизни… И он крикнул в темноту:

– Хитрый какой! Догадайся сам – на то и загадка!

– Нечес-стная загадка! – взвизгнул Голлум. – Вообще не загадка! Просто вопрос-с, вопрос-с, с-сокровище мое!

– Ах так? Ну ладно! Если мы заговорили о вопросах, то я, между

прочим, спросил первый! Что ты потерял? Говори!

– Ш-што, ш-што у него в кармансах? – повторил Голлум вместо ответа.

Его шипение становилось все громче и пронзительнее, и хоббит увидел, что из темноты в него вперились две светящиеся точки, – вместе с подозрением разгорался и бледный огонь в глазах Голлума.

– Так что же ты потерял? – не отставал Бильбо.

Но глаза Голлума уже вспыхнули новым, зеленым огнем и начали быстро приближаться: Голлум сел в челнок и бешено греб к темному берегу. Пропажа и жестокие подозрения привели его в такую ярость, что теперь никакой меч не остановил бы его.

Бильбо никак не мог взять в толк, что так взбесило эту гадкую тварь, но вовремя почувствовал, что дело принимает скверный оборот и Голлум вознамерился убить обидчика во что бы то ни стало. Хоббит повернулся спиной к озеру и бросился обратно в темный туннель, не забывая держаться поближе к стене и касаясь ее на бегу левой рукой.

– Ш-што у него в кармансах? – услышал он у себя за спиной разъяренное шипение и всплеск, свидетельствовавший о том, что Голлум вылез из челнока.

«А и в самом деле, что это за колечко?» – подумал Бильбо, тяжело дыша и спотыкаясь на бегу. Он сунул правую руку в карман, и ледяное на ощупь колечко тихо скользнуло ему на указательный палец.

Шипение раздавалось уже прямо за спиной хоббита. Он обернулся и увидел за собой два светящихся глаза. Бильбо в ужасе прибавил ходу, но тут в очередной раз споткнулся и грохнулся на живот, причем меч оказался прямо под ним.

Тут-то Голлум и настиг его. Но Бильбо не успел и дух перевести, не говоря уже о том, чтобы вскочить и выставить перед собой меч, а Голлум на всех парах промчался мимо, не обратив на хоббита никакого внимания. На бегу он бранился и что-то бормотал.

Как же так? Ведь Голлум отлично видел в темноте! Даже сейчас, глядя вслед удаляющемуся Голлуму, Бильбо различал бледный свет его глаз. Хоббит с трудом встал, вложил меч в ножны – клинок опять слегка светился – и осторожно двинулся за Голлумом. А что было делать? Не возвращаться же назад, к озеру!

Как знать, может, Голлум, сам того не желая, как-нибудь и выведет его отсюда?

– С-смерть! С-смерть Бэггинсу! – шипел Голлум на бегу. – Оно исчезло! Ш-то у него в кармансах? О, мы догадались, догадались, с-сокровище мое! Он нашел его, да, по всему видать! Мой

деньрожденный подарочек!

Бильбо навострил уши. Наконец-то до него стало понемногу доходить, что случилось на самом деле. Он прибавил шагу, стараясь, насколько хватало духу, держаться поближе к Голлуму, а тот мчался дальше, не оборачиваясь и лишь поглядывая по сторонам, о чем можно было судить по слабым отсветам его глаз на стенах туннеля.

– Деньрожденный подарочек! Проклятс-сие! Как же оно потерялось, с-сокровище мое? Теперь нам вс-се яс-сно, все, все яс-сно, да! Мы потеряли его в прош-шлый раз, когда с-свернули шею тому сопливому пис-скуну, да, да! Проклятс-сие! Оно усскользнуло от нас-с, да, после с-стольких лет, с-стольких лет! Оно ис-счезло, голлм, голлм!

Неожиданно Голлум сел на камни и разрыдался. Слушать его сопение и горловое бульканье было просто невыносимо. Бильбо остановился и прижался к стене. Вскоре Голлум перестал рыдать и принялся бормотать себе под нос, как будто споря сам с собой:

– Нет никакого с-смысла ис-скать дальше, нет, нет. Разве упомнишь вс-се мес-ста, где мы побывали? Бес-сполезно! Оно у Бэггинса в кармансах! Этот гаденыш нашел его, да, да! Хотя вес-сьма с-сомнительно, с-сокровише мое, с-сомнительно. Откуда нам знать, пока мы не с-схватим его и не с-свернем ему шею? Он ведь не знает, ш-што нужно делать с подарочком, нет, не знает. Оно с-сейчас у него в кармансах, в кармансах. Он не знает, ш-што делать, и не уйдет далеко, нет! Бэггинс потерялся, да, парш-шивец потерялся, не знает дороги отс-сюда, он с-сам так с-сказал, с-сам! С-сказал-то сам, но он хитренький, хитренький, да! Он не сказал, не сказал, ш-што у него в кармансах! Он знает, знает дорогу сюда, значит, знает дорогу и отсюда! Он побежал к задним воротсам, яс-сно. К задним воротс-сам! А там его схватят гоблинсы, да! Там он не проскочит, с-сокровише мое! С-с-с! Голлм, голлм! Гоблинсы! Но если он и правда с-стащил наш подарочек, то он достанется гоблинсам, голлм, голлм! Они отберут его у Бэггинса и догадаются, ш-што с ним нужно делать. Тогда прощай наша безопас-сность, голлм, голлм! Кто-нибудь из гоблинсов наденет его и станет невидимым. Никуда не денется, а увидеть его будет нельзя! Даже наш-ши зоркие глазки не увидят его. Он исхитрится, подползет и схватит нас, голлм, голлм! Довольно болтать, с-сокровище мое, нужно торопиться! Если Бэггинс проскочил здесь, нужно спешить! Тут недалеко, нужно с-спешить.

Голлум вскочил и огромными прыжками помчался по туннелю. Бильбо последовал за ним, но осторожно, чтобы не споткнуться снова

и не наделать шуму. В голове у него перемешались надежда и изумление. Похоже, что кольцо-то волшебное – оно делает невидимым! Конечно, Бильбо слыхал о таких штуках и раньше, в старых-старых сказках, но ему с трудом верилось, что он нашел именно такую вещь, да еще по чистой случайности. И тем не менее! Ведь остроглазый Голлум пробежал мимо него – причем в двух шагах!

Бранясь и шипя, Голлум шлепал по туннелю, а Бильбо поспешал следом; ступал он совершенно бесшумно, как умеют ступать хоббиты. Вскоре они добрались до уже знакомого Бильбо места, где от главного туннеля отходили боковые ходы. Голлум сразу же начал считать их:

– Один налево, так. Один направо, так. Два направо, так, так, два налево…

По мере того как счет возрастал, Голлум двигался все медленнее, начиная понемногу поеживаться и причитать: озеро осталось далеко позади, и Голлуму становилось страшно. Гоблины могли появиться в любую минуту, а кольца с ним уже не было… Наконец Голлум остановился возле низкого прохода, темневшего в левой стороне туннеля.

– С-семь направо, так, так, хорошо. Ш-шесть налево, – прошептал он. – Здесь! Дорога к задним воротсам!

Он заглянул в проход – и отшатнулся.

– Нет, мы не пойдем туда, с-сокровище мое, не пойдем! Там гоблинс-сы, да, гоблинсы! Много гоблинсов! Мы чуем их, да! С-с-с-с! Ш-ш-ш! Ш-што будем делать? Ш-штоб им лопнуть, этим гоблинсам! Мы будем ждать здес-сь, с-сокровище мое, здес-сь! Подождем и пос-смотрим, да!

На этом дело и встало. Голлум привел Бильбо к выходу, но выйти хоббит не мог! Согнувшись в три погибели, Голлум уселся прямо в проходе. Опустив голову ниже колен, он поворачивался то в одну, то в другую сторону, и глаза его горели холодным огнем.

Бильбо отделился от стены тише мыши. Но Голлум мгновенно насторожился, потянул носом воздух, и в глазах у него вспыхнуло зеленое пламя. Он зашипел тихо, но угрожающе. Видеть хоббита он не мог, но был начеку, и у него оставались другие чувства, кроме зрения, – слух и нюх! Причем долгая жизнь в темноте сильно обострила их. Уперевшись плоскими лапами в землю, Голлум напрягся и вытянул шею так, что его нос почти коснулся камней. Несмотря на то что в темноте Голлум выглядел черной тенью, едва различимой в бледном свете его собственных глаз-плошек, Бильбо почувствовал, что тот, подобно натянутой тетиве, в любую минуту

готов прянуть вперед.

Хоббит затаил дыхание и тоже напрягся. Он был в отчаянии. Нужно выбираться из этой проклятой темноты, пока еще есть силы. Нужно пробиваться! Ударить эту гадкую тварь мечом, выколоть ей глаза, убить! Ведь Голлум хотел убить Бильбо… Но бой-то ведь будет нечестным: хоббит невидим, и к тому же у Голлума нет меча. Если смотреть правде в глаза, тот еще не пытался убить Бильбо, не угрожал ему впрямую. И потом, он такой несчастный, такой одинокий, всеми покинутый… Хоббит ощутил прилив сочувствия и жалости, смешанной со страхом: на мгновение ему представилась однообразная череда беспросветных дней, ожидавших Голлума, – никакой надежды на лучшее будущее, только жесткие камни, холодная рыба, скитания в подземельях да бесконечное бормотание… Бильбо содрогнулся. Но в следующее мгновение у него словно сил прибавилось. Исполнившись внезапной решимости, он прыгнул!

По человеческим меркам прыжок был так себе, но следует учесть, что то был прыжок в неизвестность. Бильбо пролетел прямо над головой Голлума. Три локтя в высоту и семь в длину! Знал бы хоббит, что лишь чудом не раскроил себе череп о низкий свод бокового туннеля!

Не успел Бильбо перелететь через Голлума, как тот сообразил, в чем дело, откинулся и сгреб воздух позади себя – но слишком поздно! Бильбо приземлился на ноги – а ноги у него были крепкие – и во весь дух помчался по туннелю! Он не стал оборачиваться, чтобы посмотреть, что делает Голлум. Поначалу за спиной слышались проклятия и шипение, но вскоре все стихло. И вдруг позади раздался вопль, от которого у Бильбо чуть кровь в жилах не застыла, – вопль,

полный ненависти и отчаяния. Голлум потерпел поражение! Он не осмеливался идти дальше. Все было для него кончено: он упустил добычу, а главное, потерял то единственное, что было ему дорого, что он любил, – свое сокровище! От вопля Голлума сердце у Бильбо чуть не выпрыгнуло наружу, но останавливаться хоббит не стал. До ушей его донесся приглушенный, слабый, как эхо, крик:

– Вор, вор, вор! Бэггинс – вор! Ненавидим! Ненавидим! На веки вечные!

И – тишина. Но и в тишине хоббиту чудилась угроза. «Если Голлум учуял гоблинов, значит, они близко, – подумал Бильбо, – и наверняка слышали, как он вопит и ругается. Надо держать ухо востро, а то как бы не нарваться на что похуже».

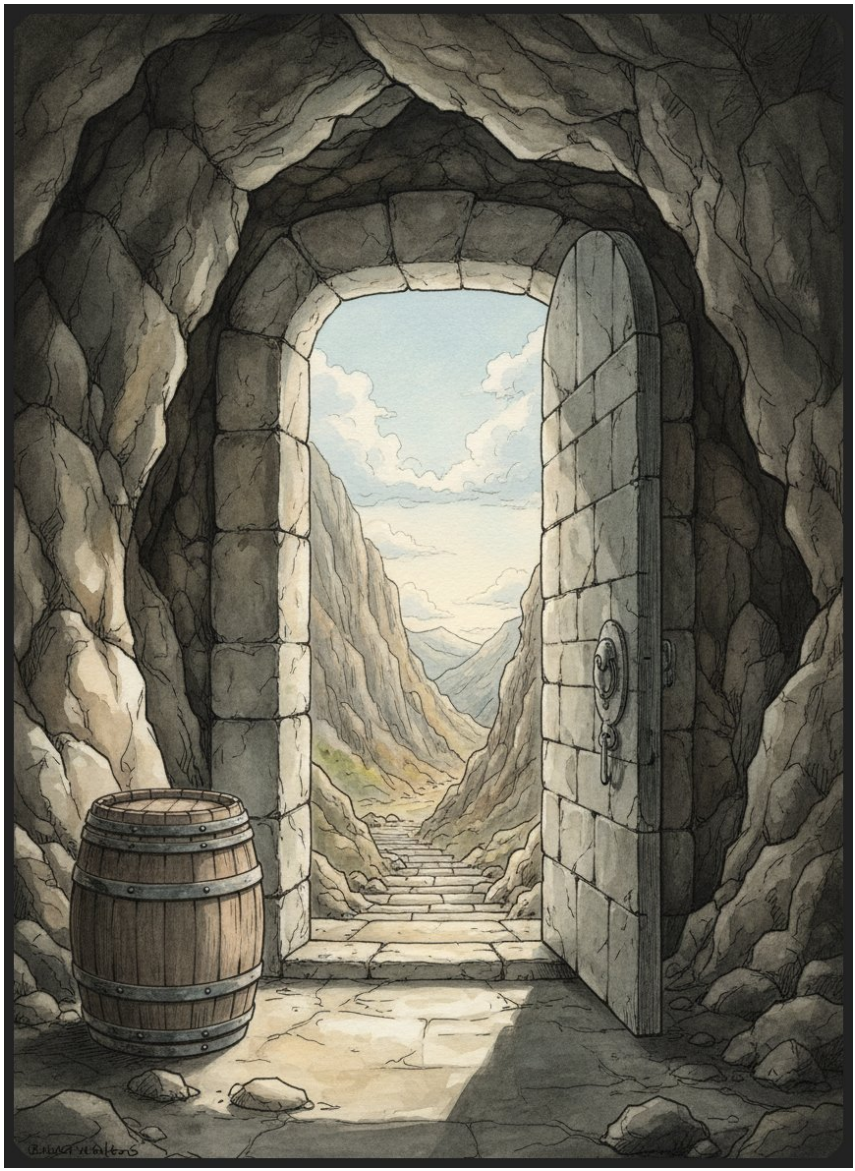
Туннель был низкий и грубо вырубленный. Идти по нему оказалось не так уж и трудно; правда, несмотря на все предосторожности, Бильбо несколько раз споткнулся об острые камни и снова отшиб себе пальцы на ногах.

«Низковато здесь для гоблинов-то, – подумал Бильбо. – Во всяком случае, для крупных».

Откуда ему было знать, что даже крупные гоблины, то бишь орки, бегают по таким туннелям с неимоверной быстротой; просто на бегу они сильно наклоняются вперед, так что почти касаются руками земли.

Туннель, до сих пор шедший все вниз и вниз, стал понемногу забирать вверх, все круче и круче. Бильбо умерил шаг. Наконец подъем кончился; туннель повернул, снова нырнул вниз – и после короткого спуска впереди из-за поворота забрезжил свет. Не красноватый свет от костра или факела, а бледный, настоящий дневной свет! И Бильбо побежал!

Он мчался со всех ног и вскоре, завернув за угол, оказался в большой, залитой светом пещере. После стольких часов кромешного мрака дневной свет показался хоббиту ослепительно ярким. На самом деле в пещере было полутемно – свет проникал в нее через распахнутую каменную дверь.



Бильбо сощурился, заморгал – и вдруг увидел гоблинов. Да-да, гоблинов – в полном вооружении, с обнаженными мечами в руках: они сидели на пороге и таращились на туннель, по которому прибежал хоббит. Гоблины были начеку и ко всему готовы.

Гоблины увидели хоббита раньше, чем он их. Да-да, не удивляйтесь, они увидели его! Вышло это случайно, или коварное кольцо сыграло со своим новым хозяином злую шутку – неизвестно.

Но на пальце его не оказалось! Весело улюлюкая, гоблины бросились на Бильбо. Страх и боль утраты – эхо Голлумова несчастья – остро полоснули Бильбо по сердцу, и он, забыв даже обнажить меч, принялся лихорадочно шарить по карманам! Здесь! На месте! Кольцо, как и прежде, обреталось в левом кармане и само тихонечко скользнуло ему на палец. Гоблины остолбенели. Добычи как не бывало! Они взвыли пуще прежнего, но теперь уже от досады.

– Где он? – вопил один.

– Убежал обратно в туннель! – голосили другие.

– Да нет, сюда!

– Не сюда, а туда!

– Следить за воротами! – рявкнул начальник стражи.

Раздался свист, забряцало оружие, зазвенели клинки; гоблины ругались, бранились, бегали по пещере взад и вперед, спотыкались, падали друг на друга – и злились все больше и больше. Поднялась невообразимая суматоха.

Бильбо насмерть перепугался, но у него хватило ума спрятаться за большой бочкой, где хранилась питьевая вода для стражи; таким образом он убрался с дороги, его не сбили с ног, не растоптали и не схватили.

«Нужно добраться до ворот, добраться до ворот», – твердил себе Бильбо.

Однако отважился он на это далеко не сразу. Все это напоминало игру в чудовищные жмурки. Пещера так и кишела гоблинами; бедный маленький хоббит уворачивался от них как мог. Один раз его сшиб с ног какой-то верзила, который долго потом не мог понять, во что это он врезался; тем временем Бильбо, встав на четвереньки, удачно проскользнул между ног у начальника стражи, вскочил и бросился к воротам.

Ворота все еще не были заперты, но один из гоблинов притворил их так, что осталась только маленькая щелочка. Бильбо поднатужился, но не смог даже сдвинуть с места тяжелые створки. Тогда он попробовал протиснуться в щель. Он протискивался, протискивался – и вдруг застрял! Какой ужас! Он зацепился пуговицами за косяк! А ведь хоббит уже видел, что делается там, снаружи! От ворот начинались каменные ступени, которые вели вниз, в узкую горную долину; из-за туч вышло солнце и залило все вокруг ярким светом. Но Бильбо застрял – ни туда, ни сюда!

Вдруг один из гоблинов закричал:

– Тень! У ворот тень! Там кто-то есть!

Сердце у Бильбо так и упало. Он рванулся что было сил – и пуговицы брызнули в разные стороны! Свобода! В разодранной куртке и рваном жилете он, словно горный козел, понесся вниз по ступеням, а сбитые с толку гоблины кинулись собирать его красивые медные пуговицы.

Разумеется, гоблины вскоре опамятовались и бросились в погоню; долго рыскали они по лесу, крича и улюлюкая, но дело в том, что гоблины не любят солнечного света – от него у них подгибаются ноги и кружится голова. Где им было поймать Бильбо, который с кольцом на пальце проворно перебегал от дерева к дереву, стараясь держаться в тени и не показываться на прогалинах! Вскоре гоблины, ворча и бранясь, несолоно хлебавши потянулись обратно – стеречь ворота. Бильбо был спасен!*

Глава VI. Из огня да в полымя

От гоблинов-то Бильбо ушел, но не имел никакого представления, где теперь находится. Он потерял капюшон и плащ, оказался без еды, без пони, а также без пуговиц и без друзей. Он брел куда глаза глядят; тем временем за его спиной солнце уже клонилось к закату – за горы. На тропу легли длинные тени от вершин, и Бильбо оглянулся. Затем он вновь посмотрел вперед, но увидел перед собой только гребни гор да крутые склоны, которые спускались в лощины, видневшиеся сквозь густые кроны деревьев.

– Ну и ну! – воскликнул Бильбо. – Похоже, я угодил на другую сторону Туманных Гор, и это уже Потусторонье! О, где же, где же Гэндальф и гномы? Только бы они не попали в лапы гоблинам!

Он пересек высокогорную долину, поднялся на гребень и вновь двинулся вниз. И все это время его мучила одна очень неприятная мысль. А не должен ли он теперь, когда у него есть волшебное кольцо, вернуться в эти ужасные подземелья и поискать своих друзей? Он уже начал склоняться к мысли, что вернуться все-таки придется, так как это его долг, и почувствовал себя самым несчастным хоббитом на свете, но тут вдруг услышал голоса.

Бильбо замер и прислушался. На гоблинов вроде не похоже… Хоббит осторожно подобрался чуть ближе. Находился он на каменной тропе, вьющейся вдоль скалы; справа от тропы начинался склон, прорезанный множеством лощин, заросших кустами и невысокими деревьями. В одной из таких лощин, в гуще кустарника, и слышались голоса.

Бильбо подкрался еще ближе и вдруг меж двух валунов увидел чью-то голову в красном капюшоне: это был Балин, которого поставили следить за дорогой. От радости Бильбо едва не захлопал в ладоши и не закричал, но вовремя сдержался. Кольцо по-прежнему было у него на пальце – опасаясь встретиться с чем-нибудь неожиданным и неприятным, хоббит так и не снял его, и Балин, глядя

на Бильбо в упор, только хлопал глазами, ничего не замечая.

«Вот сюрприз-то будет!» – подумал Бильбо и углубился в кусты, росшие по краю лощины.

Гэндальф и гномы спорили. Они горячо обсуждали подземные происшествия и гадали, как быть дальше. Гномы ворчали, а волшебник убеждал их, что не может быть и речи о том, чтобы продолжать поход, бросив господина Бэггинса на произвол судьбы, даже не выяснив, жив ли он, и не попытавшись вызволить его из лап гоблинов.

– В конце концов, он мой друг! – возмущался волшебник. – И неплохой малый к тому же. Я за него в ответе. И как только вы умудрились его потерять?!

Гномы не соглашались и требовали разъяснений: зачем-де Гэндальфу вообще понадобилось брать с собой этого молодчика, если тот всегда тащится в хвосте и что ни шаг отстает? Не лучше ли было найти кого-нибудь порасторопней?

– Одни хлопоты от него! – бросил в сердцах кто-то из гномов. – Да гори он ясным пламенем! Не лезть же нам теперь снова в эти проклятые подземелья!

Гэндальф не на шутку рассердился:

– В поход его взял я, а я никогда не беру с собой ничего лишнего! Так что выбирайте! Либо вы поможете мне искать его, либо я ухожу, и выпутывайтесь самостоятельно! Помяните мои слова! И учтите вот что: если нам удастся его найти, вы еще не раз скажете мне спасибо за это. Дори, Дори! Как же ты мог бросить его одного?

– Бросишь тут! – огрызнулся Дори. – Схватит тебя гоблин в темноте за ногу, да в спину пихнет – еще и не то бросишь!

– Хорошо, но почему ты его не поднял?

– Горы и камни! Он еще спрашивает! Вокруг носятся гоблины, машут мечами, все падают в кучу и дубасят кулаками по чему придется – поди подними! Ты, Гэндальф, чуть голову мне не снес своим Гламдрингом! А тут еще Торин тычет Оркристом куда ни попадя! И вдруг ты ослепляешь всех своей вспышкой. Гоблины как завизжат – и врассыпную! Ты кричишь: «Все за мной!» Все и побежали. Во всяком случае, мы были уверены, что все. Где нам было пересчитываться! Сам знаешь, мы еле успели проскочить в нижние ворота – и кубарем сюда. И вот мы здесь – а Грабителя и след простыл, чтоб ему лопнуть!

– А Грабитель-то вот он! – объявился Бильбо, выходя на середину круга и снимая кольцо.

Как все подпрыгнули! А придя в себя – закричали от радости и удивления. Гэндальф удивился не меньше других, а обрадовался, наверное, куда больше. Он подозвал Балина и тут же высказал ему все, что думает о дозорных, которые считают ворон и благодаря которым любой лазутчик может запросто похлопать тебя по плечу! Надо признать, что после всего случившегося репутация первоклассного грабителя прочно укрепилась за хоббитом. Если прежде, несмотря на

все заверения Гэндальфа, гномы сомневались в его профессиональных качествах, то теперь сомнения развеялись. Больше всех удивлялся Балин, но в конце концов и он вынужден был признать: чистая работа!

Бильбо охотно принимал похвалы*, а про себя посмеивался; о кольце он не сказал ни слова. А когда его стали расспрашивать, как это ему удалось так незаметно подобраться, он скромно пояснил:

– Да что там! Просто подкрался – тихонечко так, осторожненько…

– Не было еще случая, чтобы и мышь вот так вот «тихонечко, осторожненько» прошмыгнула незамеченной под самым моим носом! Снимаю шляпу! – воскликнул восхищенный Балин и снял свой красный капюшон. – Балин, ваш покорный слуга!

– Бильбо Бэггинс, к вашим услугам! – раскланялся хоббит.

Естественно, гномы пожелали знать, что случилось после того, как хоббит потерялся. Бильбо уселся и рассказал все по порядку – за исключением истории с кольцом, разумеется. «Как-нибудь потом», – подумал он про себя. Особенно гномам понравился рассказ об игре в загадки; правда, они содрогнулись от отвращения, когда Бильбо описал им Голлума.

– Ну а когда он уселся рядом со мной, у меня все мысли спутались, и я не смог придумать загадку, – рассказывал Бильбо. – Тогда я спросил: «Что у меня в кармане?» Он выпросил три попытки и не отгадал. Тогда я ему говорю: «Ты обещал? Теперь выводи меня отсюда!» А он как бросится на меня – убить хотел! Я побежал и упал, и он проскочил в темноте мимо. Тогда я пошел следом за ним и подслушал, что он бормочет себе под нос. Он думал, что я соврал и знаю, где выход, а потому направился прямо туда. Но, найдя нужный ход, он уселся прямо на пороге, и я не мог его обойти. Тогда я через него перепрыгнул – и бегом к воротам!

– А стража?! – ахнули гномы. – Там что, гоблинов не было?

– Как же – не было! Целая куча гоблинов! Но я увернулся от них и проскочил к воротам. Правда, застрял по дороге, между створок-то узенькая щелка оставалась, так что я все пуговицы оборвал! – Бильбо вздохнул и с грустью посмотрел на свою изодранную одежду. – Но все-таки протиснулся! И вот я с вами!

Гномы воззрились на него с еще большим уважением: хоббит так спокойно рассказывал о том, как увернулся от гоблинов, как перепрыгнул через Голлума и протиснулся в щель, словно все это было плевым делом и ему было ничуть не страшно!

– Ну, что я вам говорил? – смеясь, воскликнул Гэндальф. – Господин Бэггинс не так прост, как кажется! У него наверняка и еще

что-нибудь припасено, чтобы удивить вас! – И волшебник так странно посмотрел на Бильбо из-под своих густых бровей, что хоббиту почудилось: не иначе как Гэндальф заподозрил неладное!

Однако у хоббита и у самого накопилось немало вопросов. Может, конечно, Гэндальф успел объяснить гномам, что к чему, но Бильбо-то еще ничего не слышал. А ему очень хотелось узнать, как Гэндальф проник в пещеру и куда они в итоге попали.

По правде говоря, волшебник ничего не имел против представившегося ему случая повторить свой рассказ, ясно свидетельствовавший о его мудрости и предусмотрительности. Поэтому он не заставил себя упрашивать и поведал Бильбо, что они с Элрондом, оказывается, прекрасно знали о существовании злых гоблинов в этой части Туманных Гор. Но раньше Главные Ворота гоблинских подземелий выходили на другой перевал, более удобный для путников, и гоблины частенько устраивали там облаву на заночевавших близ ворот людей, эльфов и гномов. Теперь, судя по всему, той дорогой пользоваться перестали и гоблинам пришлось прорубить новые ворота, выходящие на тот перевал, который избрали гномы. До сих пор он считался хотя и трудным, но вполне безопасным, так что ворота эти были пробиты, видимо, совсем недавно.

– Придется поискать какого-нибудь более или менее добропорядочного великана, чтобы завалил эти ворота, – сказал Гэндальф. – Того и гляди через горы вообще ходу не будет!

Ну так вот. Услышав вопль Бильбо, Гэндальф сразу понял, в чем дело. Вспышка убила гоблинов, бросившихся на волшебника, а сам он в последний момент успел проскользнуть в уже закрывавшиеся ворота. До самой пещеры Гэндальф шел следом за гоблинами, гнавшими пленников перед собой; потом он сел в уголке и устроил небольшое волшебное представление – лучшее из тех, на какие был способен в темноте.

– Тонкое было дело, – с удовольствием заметил Гэндальф. – Все висело на волоске!

Недаром же он считался большим мастером по части волшебства с огнем и светом (хоббит, к примеру, с самого детства помнил его волшебные фейерверки на празднествах у Старого Тукка, что, бывало, устраивались на каждое Преполовение Лета!). Все остальное вам уже известно – кроме того, что, оказывается, Гэндальфу было ведомо и о нижних воротах, где Бильбо потерял свои пуговицы (гоблины называли эти ворота попросту черным ходом). Вообще-то, о существовании нижних ворот знал всякий, кто был мало-мальски

знаком с этой областью Туманных Гор, но едва ли кто-нибудь, кроме взаправдашнего волшебника, смог бы не заблудиться в подземельях и вывести гномов прямо к цели.

– Они пробили эти ворота много веков назад, – пояснил Гэндальф. – Как запасной выход на всякий случай и как путь на другую сторону Туманных Гор, куда эти негодяи часто наведываются по ночам и творят разные бесчинства. Нижние ворота охраняются днем и ночью, и никому еще не удавалось завалить их. Теперь гоблины небось поставят там двойную стражу!

Он рассмеялся, и все засмеялись вместе с ним. Что ни говорите, а все-таки они покончили с Большим Гоблином и его присными и при этом вышли сухими из воды, хотя и понесли кое-какие убытки. Можно сказать, легко отделались!

Но волшебник не замедлил поставить все на свои места.

– Передохнули малость? Тогда в путь! Когда стемнеет, за нами погонятся гоблины, и не одна сотня. А тени-то уже вон какие длинные! До сумерек нужно уйти как можно дальше, хотя след наш гоблины возьмут в любом случае, даже если он к тому времени остынет. Если не набегут тучи, будет луна, а это нам на руку. Не то чтобы гоблины особенно боялись лунного света, но по крайней мере мы не заблудимся!

Вопросы у хоббита еще не кончились, и волшебнику пришлось на них ответить:

– В том-то и дело, Бильбо! В подземельях ты потерял счет времени. Сегодня четверг, а гоблины напали на нас в понедельник ночью – точнее, уже во вторник. Мы прошагали много-много миль, побывали в самом сердце подгорной страны и оказались по другую сторону. Короче говоря, дорогу мы срезали! Но попали в итоге не совсем туда, куда собирались, а значительно севернее. Места тут не слишком приятные, а нам еще спускаться и спускаться. Так что в путь!

– Но я ужасно проголодался, – простонал Бильбо, который внезапно вспомнил, что с позапозавчерашнего вечера у него во рту и маковой росинки не было. Представьте себе, каково это выдержать хоббиту! Теперь, когда все треволнения остались позади, ноги у Бильбо сразу подогнулись, а живот подвело.

– Ничего не могу тебе предложить, – развел руками Гэндальф. – Разве что возвратиться в подземелья и вежливо попросить гоблинов вернуть пони и поклажу?

– Благодарю покорно! – замахал руками Бильбо.

– Так-то оно лучше! Тогда затяните ремни потуже – и вперед!

Иначе мы рискуем попасть кое-кому на ужин, а это едва ли лучше, чем самим остаться без ужина!

По дороге Бильбо то и дело поглядывал по сторонам в поисках чего-нибудь съедобного, но ежевика еще только цвела, а про орехи да боярышник нечего и говорить. Хоббит пожевал щавеля, зачерпнул воды из пересекавшего дорогу горного ручейка, съел три земляничины, алевшие на берегу, но это мало ему помогло.

Они шли и шли вперед. Каменистая тропа пропала, исчезли кусты и высокотравье среди валунов, перестали попадаться на пути общипанные кроликами лужайки, не говоря уже о чабреце, шалфее, майоране и желтом ладаннике. Впереди открылся широкий крутой склон, усеянный камнями, – явные следы недавнего оползня. Когда гномы начали спускаться, из-под ног стали выскальзывать мелкие камешки и щебень; следом, увлекая большие обломки, посыпались булыжники покрупнее и с грохотом покатились вниз, влача за собой пыльный шлейф. Вскоре вся осыпь и ниже, и выше пришла в движение; в полном смятении, цепляясь друг за друга, гномы заскользили вниз по склону, оглушенные треском и грохотом катящихся камней.

Хорошо еще, что внизу росли деревья! Вместе с осыпью гномы, хоббит и волшебник «доехали» до опушки соснового леса, мрачно темневшего внизу, в горных долинах. Кто-то успел ухватиться за ствол или повис на нижней ветке, кто-то (например, не отличавшийся высоким ростом хоббит) сумел пристроиться за стволом, чтобы защититься от каменной лавины. Вскоре опасность миновала: осыпь остановилась – лишь где-то далеко внизу, в папоротниках, еще громыхали, подскакивая на корнях деревьев, последние, самые крупные валуны.

– Славно прокатились! – перевел дух Гэндальф. – Теперь, если гоблины нас и выследят, им будет трудно подкрасться без шума!

– Да уж! – проворчал Бомбур. – Зато им легко будет скатывать камни прямо нам на голову!

Короче говоря, гномы (да и Бильбо тоже) радоваться были не расположены. Они мрачно потирали сбитые ноги и дули на синяки.

– Чепуха! – откликнулся Гэндальф. – Отойдем немного в сторону – вот и все. Нужно торопиться! Темнеет!

Солнце уже давно село за гребень. Тени вокруг сгущались, – правда, равнину за лесом и кроны деревьев, росших ниже по склону, еще освещали закатные лучи. Путники поспешно, насколько позволяли сбитые ноги, заковыляли на юг по вьющейся среди стволов

пологой тропинке. Они то ныряли в густые заросли высокого папоротника, скрывавшие хоббита с головой, то бесшумно шагали по ковру из сосновых иголок, а лесные сумерки становились все темнее, и тишина наступила такая, что звенело в ушах; вокруг царило безветрие, сосны стояли как бездыханные, не шелохнувшись.

– Может, хватит? – взмолился Бильбо, когда стемнело окончательно и он перестал что-либо различать вокруг, кроме бороды шедшего рядом с ним Торина, которая мерно покачивалась в такт его шагам. В тишине сопение гномов казалось оглушительным. – Я посбивал себе все пальцы, ноги у меня подгибаются, а живот висит, как порожний мешок!

– Еще чуть-чуть! – подбодрил его Гэндальф.

Это «чуть-чуть» показалось хоббиту вечностью. И вдруг они вышли на поляну, освещенную ярким лунным светом. Всем почему-то сразу показалось, что поляна эта какая-то нехорошая, но никто не мог сказать, почему именно.

Внезапно они услышали вой, доносившийся от подножия холма, – страшный, протяжный вой справа, совсем недалеко от поляны, потом еще и еще, уже слева. Волки! Это они выли на луну! Волки собирались в стаю!

Хотя в окрестностях норы Бильбо Бэггинса волки не водились, хоббит сразу же понял, кто это воет. В старых сказках о волках говорилось достаточно. А кроме того, один из его старших двоюродных братьев (по линии Тукков, естественно!), большой, кстати сказать, любитель путешествовать, частенько завывал волком, чтобы попугать маленького Бильбо. Но волчий вой в лесу, ночью, да еще при луне – это было для хоббита уже слишком! Между прочим, от волков не могут уберечь даже волшебные кольца – особенно если это волк из той злобной стаи, что обитала у подножия кишащих гоблинами Туманных Гор, на окраине Дикоземья – мест нехоженых и неведомых. Нюх у этих волков еще тоньше, чем у гоблинов: чтобы выследить жертву, им вовсе не обязательно ее видеть!

– Что же делать-то? Что делать?! – запричитал Бильбо. – Надо же – от гоблинов да прямо волку в пасть!

Позже эти слова вошли у хоббитов в поговорку; правда, у нас в таких неприятных случаях говорят: «Из огня да в полымя».

– Живо на деревья! – крикнул Гэндальф, и все бросились к деревьям, окаймлявшим поляну, выбирая те, у которых ветки начинались пониже и были не слишком толстыми, чтобы легче было взобраться.

Можете себе представить, как стремительно гномы взлетели наверх! Вы, наверное, не удержались бы от улыбки, будь у вас случай взглянуть на эту милую картину (разумеется, с безопасного расстояния!): нечасто доводится видеть, как гномы сидят по веткам, свесив длинные бороды, – точь-в-точь почтенные старички, которым вздумалось поиграть в мальчишек! Кили с Фили взобрались на высоченную лиственницу, напоминавшую огромную рождественскую елку*. Дори, Нори, Ори, Оин и Глоин устроились несколько удобнее – на могучей сосне, ветки у которой росли через равные промежутки и торчали во все стороны, как спицы в колесе. Бифур, Бофур, Бомбур и Торин залезли на сосну по соседству. Балин и Двалин вскарабкались на высокую стройную ель; правда, сучьев на ней было маловато, и гномы пристроились среди зеленых молодых ветвей, на самой макушке. Гэндальф ростом был выше остальных; он выбрал себе дерево, на которое никто из гномов все равно не влез бы, – большую сосну, стоявшую на самом краю поляны. Он укрылся в гуще ветвей так, что снизу его было трудно заметить – только глаза поблескивали в лунном свете, когда волшебник выглядывал наружу.

А как же Бильбо? Он не сумел забраться ни на одно из деревьев и в растерянности бегал от ствола к стволу, словно потерявший свою нору кролик, за которым гонится собака.

– Ты опять бросил Грабителя! – крикнул Торин, обращаясь к Дори.

– Что я, нанялся таскать на себе грабителей? – возмутился Дори. – То вниз его тащи, то наверх! Носильщик я, что ли?

– Если мы ничего не предпримем, его, наверное, съедят, – глубокомысленно заметил Торин: волчий вой доносился уже со всех сторон сразу и становился все громче. – Дори! – крикнул Торин, рассудив, что Дори сидит на самом удобном дереве и к тому же на одной из нижних веток. – А ну-ка, Дори! Немедленно подай руку господину Бэггинсу!

В душе Дори был добрый малый – даром что ворчун. Спустившись еще ниже, он протянул хоббиту руку – но несчастный Бильбо все равно никак не мог дотянуться. Пришлось Дори слезть на землю и подставить хоббиту спину.

И в этот миг на поляну, подвывая, рысцой выбежали волки. Еще мгновение – и на нашу парочку уставились сотни волчьих глаз. Но Дори не бросил Бильбо! Он дождался, пока тот переберется с его спины на дерево, и лишь после этого подпрыгнул и уцепился за нижнюю ветку. И вовремя! Один из волков, щелкнув зубами, успел ухватить гнома за плащ и едва не стащил на землю. Через минуту на

поляне собралась вся стая. Волки с воем кружили вокруг деревьев, подпрыгивали и скребли стволы когтями; глаза у зверей горели, языки свешивались…

Но даже варги* (так назывались эти злобные хищники, рыскавшие по окраинам Дикоземья) не умеют лазать по деревьям – в этом они не отличаются от обычных волков. Пока что нашим друзьям не о чем было беспокоиться. К счастью, ночь выдалась тихая и безветренная. Вообще-то на деревьях и просто так долго не высидишь, а на холодном ветру, да еще когда внизу беснуется волчья стая, поджидающая, пока ты свалишься, – это, знаете ли, занятие и вовсе неприятное.

Эта окруженная кольцом деревьев поляна, по всей видимости, служила волкам излюбленным местом встречи. Хищников все прибывало и прибывало. Несколько волков остались сторожить дерево, на котором сидели Дори и Бильбо, а прочие разбежались по поляне и вскоре вынюхали все деревья «с начинкой». Под этими деревьями тоже выставили стражу; остальные волки (а было их тут – сотни и сотни!) собрались в большой круг на середине поляны, и в круг этот вышел огромный серый волчище. Обращаясь к собравшимся хищникам, он заговорил с ними на ужасном языке варгов. Гэндальф понимал этот язык, Бильбо – нет, но хоббиту и без того было ясно: речь идет о чем-то страшном – такая в рычании волка звучала жестокость и злоба. Сидящие в кругу звери время от времени хором отвечали своему вожаку, а Бильбо каждый раз едва не падал с дерева от испуга.

Сейчас я вам расскажу, чего не мог понять Бильбо и что удалось разобрать Гэндальфу. Вообще-то, ни варги, ни гоблины обычно не уходят далеко от своих убежищ – разве когда их выгонят оттуда и им приходится искать новое пристанище либо если идут воевать (чего, надо сказать, не случалось к тому времени уже очень давно, и я рад это отметить). Однако в те дни гоблины нередко совершали набеги на окрестные поселения, особенно когда у них кончались запасы еды или нужны были новые рабы. Тогда они призывали на подмогу варгов, а потом делили с ними добычу. Иногда гоблины даже садились на волков верхом, как всадники. Вероятно, в эту ночь намечался один из таких набегов, и варги явились на условленную встречу – да вот гоблины что-то задерживались. Причиной задержки была, конечно, гибель Большого Гоблина, ну и, разумеется, страшный переполох, который учинили в подземельях гномы, Бильбо и Гэндальф. По-видимому, гоблины до сих пор разыскивали беглецов.

Невзирая на все опасности, подстерегавшие людей в этой далекой

стороне, те, кто похрабрее, стали потихонечку возвращаться сюда из южных земель. Они валили лес и ставили себе дома в долинах и по берегам рек, где леса были не такими мрачными. Набралось этих поселенцев к тому времени немало, все они были храбры и хорошо вооружены, так что даже варги остерегались нападать на них при свете дня или когда люди собирались вместе. Но этой ночью варги при поддержке гоблинов, все-таки намеревались наведаться в ближайшие к горам деревеньки. Если бы набег состоялся, то к следующему утру там не осталось бы ни одной живой души – за исключением тех немногих, кого гоблины увели бы к себе в подземелья как пленников.

Даже слушать об этом было жутко – причем страшно было не только за отважных лесорубов, их жен и детей; оказывается, волшебнику и его друзьям тоже грозила нешуточная опасность! А варги были просто в бешенстве. Они никак не могли взять в толк, как на место их тайных сборищ могли проникнуть лазутчики? Наверняка это соглядатаи лесорубов! Пришли сюда подслушать, что затевают варги, и сообщить об этом в долину; тогда, вместо того чтобы легко разделаться со спящими людьми – кого сожрать на месте, кого взять в плен, – варгам и гоблинам придется выдержать жестокую битву! Поэтому варги вовсе не желали упустить засевших на деревьях лазутчиков и решили караулить их по крайней мере до утра. Тем более, по словам волков, с гор вот-вот должны были спуститься гоблины, которые прекрасно умеют лазать по деревьям, а в случае чего просто-напросто срубят их – и вся недолга.

Теперь вам, наверное, понятно, почему Гэндальф, разобравшись, о чем рычат и воют волки, пришел в полное отчаяние, даром что был волшебником: он до конца осознал, в какое нехорошее место они попали и чем все это пахнет. Тем не менее сидеть сложа руки он не собирался, хотя на высоком дереве, под которым туда-сюда шныряют разозленные волки, особенно не развернешься! Волшебник набрал побольше сосновых шишек, зажег одну из них ярким голубым пламенем и бросил в самую гущу волков. Он угодил какому-то волку прямо в спину, лохматая шкура его тут же вспыхнула, он подскочил, протяжно взвыл и заметался по поляне, оглашая ее ужасным визгом и рычанием. За первой шишкой последовала вторая, потом – еще и еще; одна горела голубым пламенем, другая красным, третья зеленым… Шишки падали на землю посреди круга волков и взрывались, поднимая столбы густого дыма и разноцветных искр.

Одна особенно большая шишка угодила вожаку прямо в нос; вожак подпрыгнул чуть ли не на семь локтей и, обезумев от злобы и ужаса, стал носиться по поляне, кусая всех напропалую.

Гномы и Бильбо радостно кричали и хлопали в ладоши, хотя беснующиеся внизу варги представляли собой довольно жуткое зрелище; казалось, что волки перевернули вверх дном весь лес. Волки и вообще-то огня боятся, а этот огонь был вдобавок какой-то

необыкновенный и особенно жгучий. Искра, попадая на шкуру, прожигала ее насквозь, и если обладатель шкуры не начинал сразу кататься по земле, то вспыхивал как свечка. Вскоре уже почти все волки катались по поляне, пытаясь загасить упавшие им на спину искры, а те, что уже вовсю горели, с воем носились вокруг и поджигали своих собратьев. Таких, с позволения сказать, «огнеопасных» волков отгоняли прочь их же сородичи; рыча и завывая, охваченные огнем звери бежали вниз по склону в поисках хоть какой-нибудь речушки.

– Что это за шум в лесу? – вопросил Повелитель Орлов. Черным изваянием маяча в лунном свете, он сидел на вершине утеса, одиноко возвышавшегося на востоке Туманных Гор. – Я слышу волчий вой! Уж не гоблины ли там озоруют?

Он взмыл в небо, и в то же мгновение за ним последовали двое его охранников, сидевших на скалах по обе стороны от него. Они поднимались кругами, все выше и выше, пока не увидели внизу Поляну Варгов, которая с такой высоты казалась совсем крошечной. Но у орлов прекрасное зрение – даже на большом расстоянии они могут различать самые мелкие предметы. Повелитель Орлов, гнездившихся на вершинах Туманных Гор, умел смотреть на солнце не мигая и даже в лунном свете мог с огромной высоты разглядеть копошащегося в траве кролика. Поэтому, хотя он и не заметил сидящих на деревьях гномов, от него не укрылся переполох среди волков и какие-то вспышки внизу; он расслышал даже, как рычат и воют беснующиеся варги. А кроме того, он заметил отблески лунного света на шлемах и копьях гоблинов, которые один за другим выходили из своих ворот и длинной вереницей спускались в поросшую лесом долину.

Орлы – птицы не особенно добрые; бывают среди них трусливые, бывают и жестокие. Но орлы из великого древнего племени, обитавшего в северных горах, были горды, могучи и благородны. Гоблинов они презирали и не боялись их. Если орлы и обращали внимание на гоблинов (что случалось нечасто, ибо орлы не едят такую дрянь!), то лишь затем, чтобы обрушиться на них с высоты и загнать их, вопящих и отбивающихся, обратно в подземелье, не дав им сотворить очередное злое дело.

Немудрено, что гоблины орлов ненавидели и боялись, но при всем желании добраться до их высокогорных гнездовий и выжить орлов из этих мест гоблины не могли.

На этот раз Повелителя Орлов одолело любопытство; он захотел

непременно выяснить, что творится в ночном лесу. По его приказу десятки орлов поднялись со скал, чтобы сопровождать своего Повелителя. Делая круг за кругом, они спускались все ниже и ниже над поляной, где варги назначили свидание гоблинам.

Орлы прилетели вовремя! Ибо внизу творилось нечто ужасное. Горящие волки, которые убежали в лес, успели в нескольких местах поджечь его. Лето стояло жаркое, и по эту сторону Туманных Гор давно уже не было дождя. Пожухший папоротник, сухие ветки, толстый ковер опавшей хвои, сухостой – все это вскоре загорелось, и лес вокруг поляны запылал вовсю. Однако варги, приставленные сторожить гномов под деревьями, не уходили. Вне себя от ярости они высоко подпрыгивали, щелкали зубами, с воем кружили вокруг стволов и на чем свет стоит кляли гномов на своем ужасном наречии; языки у них вываливались из пасти, глаза горели красным пламенем…

И вдруг на поляну с боевым кличем выскочили гоблины. Они думали, что сражение с лесорубами уже началось, но быстро разобрались, что к чему. А когда разобрались, кое-кто из гоблинов даже сел на землю от смеха, а остальные принялись потрясать копьями и стучать древками о щиты. Дело в том, что гоблинам огонь не страшен. Так вот, вскоре у них созрел план, показавшийся им весьма забавным.

Одни гоблины принялись скликать варгов, другие обкладывали стволы деревьев сушняком и папоротником, а прочие носились по лесу, топая и хлопая, хлопая и топая, пока не сбили почти все пламя. Но ближе к деревьям, на которых сидели гномы, пламя сбивать не стали. Наоборот – то и дело подбрасывали в огонь сухих листьев, хвороста и папоротник. Вскоре эти деревья оказались в кольце дыма и огня, причем распространяться в сторону огню не давали. Все ближе и ближе к стволам подбиралось пламя, и вскоре кучи хвороста, сложенные у подножия деревьев, занялись и запылали. Дым начал есть хоббиту глаза, стало припекать; сквозь дымовую завесу Бильбо видел гоблинов, пляшущих вокруг деревьев, словно вокруг костров, разожженных в честь Преполовения Лета. Позади пляшущих гоблинов, потрясающих копьями и боевыми топорами, на почтительном расстоянии теснились волки – они смотрели и ждали.

Бильбо слышал страшную песню, которую распевали гоблины:

Пятнадцать птичек по елкам сидят,
Цветные перышки огнем горят!
Не улететь им! Горе какое!
Что же нам с птичками сделать такое?

Мы подожгли их! Мы и потушим!
Живьем зажарим! Или потушим!

– Летите, птички! Летите, если можете! – кричали гоблины. – Летите сюда, цып-цып-цып, а то зажаритесь прямо в гнездышке! Пойте, пойте, птички! Где же ваши песни?

– Ступайте домой, мальчики! – в тон им крикнул Гэндальф. – Не время разорять птичьи гнезда! И учтите: кто будет баловаться с огнем, того строго накажут!

Он хотел подразнить гоблинов и показать, что ничуть не боится, хотя, даром что волшебник, он, конечно, боялся, и еще как!

Но гоблины не обратили на него никакого внимания и снова запели:

Жарь! Жарь! Пепел и гарь!
Хворост кидай! Жару поддай!
Ох, светло нам! И ночь – прочь!
Йа-хой!

В пламя и в дым их! Мы закоптим их!
В этакой печечке бороды – свечечки!
Скрючатся пальцы их, вытечет сальце их,
Кожа скукожится, кости скорежатся —
Будет зола!
Жги факела!
Дотла!

Ох, светло нам! И ночь – прочь!
Йа-хой!
Йа-хорри-хой!
Йа-хой!

С последним «Йа-хой!» языки пламени лизнули ствол дерева под Гэндальфом; вскоре та же участь постигла и другие деревья – кора стала обугливаться, нижние ветки затрещали в огне.

Гэндальф перебрался на самую верхушку. Из его посоха ударила ослепительная, подобная молнии вспышка. Волшебник решил прыгнуть с дерева прямо на копья гоблинов. То была верная смерть, но зато он наверняка поубивал бы немало врагов, обрушившись на них подобно удару грома. Но прыгнуть он не успел…

В самое последнее мгновение Повелитель Орлов камнем упал с неба, схватил волшебника в когти и полетел прочь.

Изумленные гоблины завопили от возмущения! Тем временем

Гэндальф что-то сказал Повелителю Орлов, и тот громко заклекотал; сопровождавшие его огромные птицы немедленно повернули назад и, словно гигантские черные тени, ринулись вниз. Волки завыли и заскрежетали зубами; гоблины закричали, затопали ногами и стали бросать в орлов тяжелые копья, но тщетно. Птицы пронеслись прямо над их головами; поднятый черными крыльями вихрь повалил гоблинов на землю, они побежали прочь, но орлы настигали их и когтями впивались им в лица. Несколько орлов подлетели к вершинам деревьев и подхватили гномов, которые забрались так высоко, как только смогли.

Беднягу Бильбо опять чуть было не бросили! Он едва успел ухватиться за ноги Дори, когда того уже уносил орел. Так, вместе, они и взлетели над горящей, переполошенной поляной, причем Бильбо болтался в воздухе, и руки у него буквально готовы были оторваться.

Далеко внизу гоблины и волки рассеялись по всему лесу. Несколько орлов все еще кружили над полем битвы. Видно было, как пламя неожиданно взвилось и охватило деревья по самую макушку. Оглушительно треща, они запылали. Над поляной поднялся столб огня и дыма. Промешкай Бильбо – и ему пришел бы конец!

Вскоре зарево пожара осталось далеко внизу, превратившись в багряную мерцающую искорку. Орлы плавными кругами поднимались все выше и выше. На всю жизнь запомнил Бильбо этот полет! Вцепившись пальцами в лодыжки гнома, хоббит причитал: «Ох, рученьки мои, рученьки!» – в ответ на что Дори постанывал: «Ох, ноженьки мои, ноженьки!»

И в лучшие-то времена Бильбо боялся высоты. При взгляде вниз даже с небольшого обрыва ему становилось дурно. Он и на стремянку-то влезать опасался, не то что на дерево (ведь ему еще никогда прежде не доводилось спасаться от волков!). Так что можете представить себе, как закружилась у него голова, когда он глянул вниз и увидел под своими болтающимися в воздухе ногами темные просторы с редкими отблесками лунного света на выступающем из леса ребре какой-нибудь скалы или на глянцевой воде равнинной речки!

Бледные, озаренные луной горные пики все приближались. Слабо мерцающие скалы, словно зубцы, торчали из густого мрака. Лето летом, а здесь, наверху, было довольно холодно. Зажмурившись, Бильбо подумал: интересно, долго ли он еще продержится? Потом представил, что будет, если его руки разожмутся. От этого ему стало дурно.

Хорошо еще, что полет закончился вовремя – как раз перед тем,

как руки окончательно разжались; хоббит охнул – и упал прямо на жесткое дно орлиного гнезда, устроенного на скальном карнизе. Не смея проронить ни звука, хоббит лежал и удивлялся чудесному спасению – и смертельно боялся пошевелиться, чтобы не полететь в пропасть, темневшую по обе стороны. Чувствовал он себя самым отвратительным образом, да и немудрено: столько приключений за три последних дня, да еще на голодный желудок! Неожиданно Бильбо услышал свой собственный голос:

– Теперь я знаю, что чувствует кусочек копченого сала, когда его вдруг подцепят ножиком, снимут со сковородки и положат обратно в шкаф!

– А вот и нет! – услышал Бильбо голос Дори. – Сало-то знает, что рано или поздно все равно попадет на сковородку, а мы, будем надеяться, уже не попадем! Да и орлы тебе не ножики!

– Не ножики, конечно! – согласился Бильбо. – Но далеко и не чижики! – И он, приподнявшись на локтях, с опаской поглядел на сидевшего рядом орла. Может, он сболтнул лишнего и орел сочтет это за грубость? А грубить орлам вообще-то не рекомендуется, тем более если росту в тебе всего ничего и находишься ты в орлином гнезде, да еще ночью!

Но орел продолжал точить клюв о камень и чистить перья, не обращая на хоббита никакого внимания.

Вскоре к ним подлетел еще один орел.

– Повелитель приказывает тебе доставить пленников на Большой Уступ, – прокричал он и улетел обратно.

Первый орел взял Дори в когти и скрылся в темноте, оставив Бильбо в полном одиночестве. У Бильбо еще хватило сил подумать над тем, что имелось в виду под словом «пленники» и не употребят ли их орлы на ужин вместо кроликов, но тут настал и его черед.

Орел вернулся, схватил хоббита за шиворот и взмыл в небо. На этот раз летели они совсем недолго, и вскоре дрожащий от страха Бильбо был аккуратно опущен на широкий скальный карниз. Добраться сюда по горам было невозможно – только по воздуху, а выбраться отсюда можно было, лишь перепрыгнув через пропасть. Гномы и Гэндальф уже прибыли; они сидели, прислонившись спинами к скале. Повелитель Орлов тоже был здесь – он разговаривал с Гэндальфом.

Складывалось такое впечатление, что съедать хоббита никто не собирается. Судя по всему, Гэндальф и Повелитель Орлов были немного знакомы, более того – на дружеской ноге. Так оно и было на

самом деле. Волшебник нередко наведывался в горы и как-то раз сослужил орлам добрую службу – он вылечил их Повелителя от раны. Так что «пленников» следовало понимать как «пленников, вырванных из гоблинских лап», и никак не иначе. Послушав, как Гэндальф беседует с Повелителем Орлов, хоббит понял, что теперь-то они спасены уже по-настоящему и покинут наконец эти злополучные горы. Гэндальф просил Повелителя Орлов, чтобы тот приказал своим подданным перенести гномов, Бильбо и его самого подальше от гор и поближе к цели их похода.

Однако Повелитель Орлов наотрез отказывался лететь туда, где живут люди:

– Люди будут стрелять в нас из больших тисовых луков. Они подумают, что мы прилетели за их овцами. И для этого у них есть все основания. Нет! Нам приятно было отобрать у гоблинов игрушку и тем более приятно вернуть тебе долг благодарности, но ради гномов мы не станем рисковать жизнью.

– Хорошо, – согласился волшебник. – Отнесите нас как можно дальше, но не подвергая себя опасности. И без того мы у вас в неоплатном долгу. Но, прости, мы умираем с голоду!

– Я, кажется, уже умер, – добавил Бильбо слабым голосом, но никто его не услышал.

– Это дело поправимое! – заметил Повелитель Орлов.

Немного погодя можно было увидеть, как на скальном карнизе весело пылал костерок, вокруг которого суетились фигурки гномов, и в горах разлился дивный аромат жареного мяса. Откуда-то из темноты орлы принесли хворосту для костра, а также несколько зайцев, кроликов и даже барашка. Оживившиеся гномы принялись за стряпню. Но Бильбо настолько устал, что сил помогать у него просто не осталось, а кроме того, и толку тут от него было мало: свежевать кроликов и разделывать тушки он все равно не умел, полагаясь обычно в таких делах на мясника. Гэндальф тоже прилег отдохнуть, – правда, сперва он помог гномам разжечь костер, потому что Оин и Глоин потеряли где-то свои трутницы (кстати, гномы и по сию пору спичками не пользуются).

Вот так и закончилось приключение в Туманных Горах.

Вскоре желудок Бильбо порядком отяжелел и удовлетворенно успокоился. Хоббита потянуло в сон – хотя, сказать по правде, кусочкам мяса, насаженным на палочки и обжаренным только снаружи, он предпочел бы простой хлеб с маслом. Свернувшись калачиком на жестких камнях, Бильбо заснул, и заснул так крепко, как ему еще ни разу не удавалось заснуть дома, на мягкой перине. И все

же всю ночь ему снилась родная норка: он бродил из комнаты в комнату, что-то искал и никак не мог вспомнить, что же, собственно, ищет…

Глава VII. Необыкновенные хоромы

Утром Бильбо проснулся от того, что в глаза ему било солнце. Он вскочил и собрался было взглянуть на часы: не пора ли ставить чайник?.. Но тут же, сообразив, что он не дома, сел и с тоской подумал об умывальнике и зубной щетке. Ни того ни другого не было, не говоря уже о горячем чае с гренками и ветчиной; пришлось довольствоваться остатками холодной баранины и кроликом. Позавтракали – и в путь!

На этот раз хоббиту позволили вскарабкаться на спину орла и держаться за перья. Ветер засвистел у Бильбо в ушах, и он зажмурился. Гномы что-то кричали на прощание, обещая при случае отблагодарить Повелителя Орлов, а тем временем пятнадцать огромных птиц, набирая высоту, уносили их все дальше и дальше. Солнце еще как следует не поднялось, утро стояло прохладное, в распадках лежал туман, лишь кое-где задиравший к вершинам белые хвосты. Бильбо приоткрыл один глаз и увидел, что земля уже далеко-далеко внизу, а горы остались за спиной. Хоббит снова зажмурился и покрепче вцепился в перья.

– Полегче там! – крикнул орел. – Что ты трусишь? Не кролик ведь! Впрочем, ты и впрямь похож на кролика… Тихое утро, почти безветренное! Что может быть прекраснее полета?

Бильбо хотел ответить: «Горячая ванна и поздний завтрак на лужайке перед домом!» – но почел за лучшее промолчать и лишь немного ослабил хватку.

Через некоторое время орлы, увидев, вероятно, какой-то ориентир (с этакой-то высоты!), большими кругами начали снижаться. Спуск, однако, затянулся; хоббит не выдержал и снова открыл глаза. На этот раз земля оказалась гораздо ближе: внизу уже можно было различить деревья, по виду все больше дубы да вязы, и реку, бегущую по обширной зеленой равнине. Путь реке преграждал огромный утес, почти гора, так что реке приходилось волей-неволей разделяться на

два рукава. То ли это был форпост оставшихся в отдалении гор, то ли гигантский обломок скалы, заброшенный сюда величайшим из великанов*, – неизвестно.

Один за другим орлы камнем падали на вершину и ссаживали своих пассажиров.

– Доброго вам пути, куда бы он ни лежал! – прокричали орлы. – Желаем благополучно вернуться в родные гнезда!

Так принято у орлов прощаться с друзьями.

– Попутного вам ветра на тропах солнца и на путях луны! – прокричал Гэндальф – он-то знал, как положено прощаться с орлами!

И орлы улетели. Надо заметить, что впоследствии Повелитель Орлов стал Королем Всех Пернатых и носил золотой венец, а его пятнадцать товарищей получили от гномов в подарок золотые ошейники. Однако Бильбо никогда больше орлов не видел – разве что однажды, да и то высоко в небе, во время Битвы Пяти Воинств. Обо всем этом будет рассказано в конце нашей истории, а здесь, пожалуй, и хватит об орлах.

На вершине скалы была широкая площадка: истертые каменные ступени спускались от нее к реке, через которую можно было переправиться по большим плоским камням, ведущим на поросший зеленой травой берег. Спустившись к реке, гномы обнаружили в скале небольшой грот; дно его было устлано галькой. Здесь они и остановились обсудить свои планы.

– Я рассчитывал перевести вас через горы целыми и, если получится, невредимыми, – начал волшебник. – И вот, благодаря мудрому руководству, ну и, разумеется, удачному стечению обстоятельств, дело сделано. Вообще-то я не собирался идти с вами так далеко на восток. В конце концов, это не мое Приключение! Я, наверное, еще наведаюсь к вам до того, как оно закончится, но в настоящее время меня ждут другие неотложные дела.

Гномы расстроились и заворчали, а Бильбо даже прослезился от огорчения. Они как-то уже привыкли к мысли, что Гэндальф пойдет с ними до самого конца и до самого конца будет вызволять их из затруднительных положений.

– Ну не сию же минуту я исчезну! – успокаивал гномов волшебник. – Погожу денек-другой. Скорее всего я еще помогу вам выбраться отсюда, да мне и самому кое-какая помощь понадобится. Нет у нас ни провизии, ни поклажи, ни пони, да и где мы находимся, никто из вас толком не знает. Сейчас я вам все расскажу. Находимся мы к северу от дороги, по которой вам надлежало идти, если бы в

спешке мы не сбились в горах с пути. Людей в этих местах мало, если, конечно, они не пришли за те несколько лет, что я сюда не заглядывал. Правда, неподалеку живет тут один… ну, скажем, человек. Он-то и высек ступени, по которым мы только что спускались. Эту скалу он называет, кажется, Каррок*. Наведывается он сюда не часто, во всяком случае днем – никогда, так что едва ли мы его тут дождемся. Да это и опасно. Мы сами должны его отыскать. А когда найдем и если все будет складываться как следует, я с чистой совестью смогу отправиться по своим делам, пожелав вам, как и орлы, «доброго пути, куда бы он ни лежал».

Тем не менее гномы принялись уговаривать волшебника не покидать их. Они предлагали ему серебро, золото и драгоценные камни, но Гэндальф упорно отнекивался, а потом заявил:

– Поживем – увидим! А вообще-то мне кажется, что и без того я уже заслужил право на известную долю ваших сокровищ, – разумеется, если они когда-нибудь станут вашими!

После такого заявления гномы немедленно прекратили всякие уговоры. Немного погодя все разделись и пошли купаться: вода в реке была чистой, а дно у переправы – мелким и твердым. Обсохнув на солнышке, которое поднялось уже высоко и припекало вовсю, они несколько приободрились, хотя недавние ушибы еще побаливали и все, кажется, опять немножко проголодались. Вскоре все оделись, переправились на другой берег (хоббита на всякий случай перенесли на закорках) и пошли по широкой зеленой луговине, где росли раскидистые дубы и стройные вязы.

– А почему эта скала называется Каррок? – спросил Бильбо, шагавший рядом с волшебником.

– Он назвал ее Карроком, потому что это самый настоящий каррок. Такие штуки он всегда называет карроками, а эту величает Карроком с большой буквы, поскольку она в окрестностях его дома одна такая и он хорошо ее знает.

– Но кто назвал и кто хорошо ее знает?

– Один человек. Это очень важная персона. Когда я стану вас представлять, будьте предельно вежливы. Пожалуй, представлять я вас буду не всех сразу, а, скажем, по двое. Постарайтесь не раздражать его, иначе я не знаю, что он с вами сделает. В хорошем настроении он вполне добродушен, но в гневе ужасен! И предупреждаю: он очень вспыльчив!

Услыхав, о чем волшебник толкует хоббиту, гномы собрались вокруг них и засыпали Гэндальфа вопросами:

– Ты что, ведешь нас к этой важной персоне? А не найдется ли тут кого-нибудь поспокойнее? И нельзя ли изъясняться понятней?

– Именно туда! Нет, не найдется! А говорю я и так яснее ясного! – сердито ответил волшебник на все вопросы сразу. – Ну а если вам так неймется, то зовут его Беорн*. Он очень силен и может менять шкуру.

– Так он меховщик?! Меховщик, который выделывает кошку под кролика, когда не получается под белку? – спросил Бильбо.

– Гром и молния! Нет, нет, нет, НЕТ! – замахал руками волшебник. – Извольте не болтать глупостей, господин Бэггинс! Во имя всех чудес на свете, забудь о слове «меховщик» и не вспоминай его, пока не отойдешь на сотню миль от дома Беорна. В равной степени это относится к таким неуместным словам, как «шапка», «шуба» и «муфта». Он и в самом деле меняет шкуру, но свою собственную. Он оборотень! Иногда он оборачивается огромным черным медведем, иногда предстает в облике черноволосого силача – вот с такими ручищами и вот с такой бородищей. Больше я вам ничего сказать не могу, хотя и этого, считаю, вполне достаточно. Одни говорят, что он потомок великого и древнего племени медведей, которые жили в горах задолго до великанов. А другие считают, что он потомок древних людей, которые пришли в эти места за много лет до Смауга и прочих драконов и за много лет до того, как в горах поселились пришедшие с севера гоблины. Как оно есть на самом деле – не знаю, но мне кажется, второе ближе к истине. Однако самого его спрашивать об этом опасно, да и бесполезно. Во всяком случае, никто его не заколдовывал, разве что он сам. А живет он в дубовой роще, в большом деревянном доме. Как и обычные люди, он держит скотину и лошадей, которые не менее удивительны, чем их хозяин. Они работают на него и разговаривают с ним. Скотину он не забивает, да и не охотится, и диких животных тоже не ест. У него огромная пасека, а в ульях живут большущие злые пчелы. Питается он главным образом медом и сливками. Иногда, приняв обличье медведя, он рыщет по ближним и дальним окрестностям. Однажды ночью я видел его на вершине Каррока. Совершенно один, он сидел, смотрел на луну, опускавшуюся за Туманные Горы, и рычал на медвежьем языке: «Придет день, когда все они сгинут – и я вернусь!» Вот почему я думаю, что некогда он спустился с гор.

Хоббиту и гномам было о чем призадуматься, и они умолкли. Впереди лежал долгий путь. Они шли без остановки – то вверх, то вниз по склонам. Стало очень жарко. Изредка они делали короткие привалы в дубовых рощицах, и Бильбо чувствовал такой голод, что готов был

грызть желуди, но они еще не созрели и крепко держались на ветвях.

День клонился уже к вечеру, когда путникам стали попадаться цветущие лужайки, причем на каждой росли цветы только одного сорта – можно было подумать, их там нарочно посеяли. Особенно много было клевера – волнистые лужайки «петушиных гребешков», фиолетовый клевер и целые поля низкорослой медвяной кашки. Воздух дрожал от непрерывного жужжания и гудения. Повсюду трудились пчелы. И какие! Таких пчел Бильбо никогда еще не видел.

«Если такая укусит, – подумал хоббит, – вдвое распухнешь!» Эти пчелы были даже крупнее шершней, а их трутни были по меньшей мере с большой палец толщиной. Желтые полосы на их угольно-черных спинах отливали огненным золотом.

– Уже близко, – сказал Гэндальф. – Мы вышли к его пчелиным пастбищам.

Вскоре перед ними встала стена могучих древних дубов, под которыми шла колючая изгородь, да такая густая и высокая, что невозможно было ни продраться через нее, ни увидеть, что там за ней делается.

– Вам лучше обождать здесь, – сказал волшебник гномам. – Когда

позову или свистну, подходите. Но только по двое, поняли? По двое, через каждые пять минут. Бомбур самый толстый и сойдет за двоих, так что ему лучше идти одному и, стало быть, последним. Пойдемте, господин Бэггинс! Где-то здесь должны быть ворота.

С этими словами Гэндальф двинулся вдоль изгороди, ведя за собой порядком струхнувшего хоббита.

Вскоре они подошли к деревянным воротам, большим и высоким, за которыми виднелся сад и множество низких деревянных построек; среди всевозможных – в том числе крытых соломой и сложенных из нетесаных бревен – амбаров, конюшен и сараев стоял длинный приземистый деревянный дом. Во дворе, с южной стороны колючей изгороди, как грибы, рядами стояли островерхие ульи, тоже крытые соломой. Вокруг беспрерывно жужжали снующие туда и обратно гигантские пчелы.

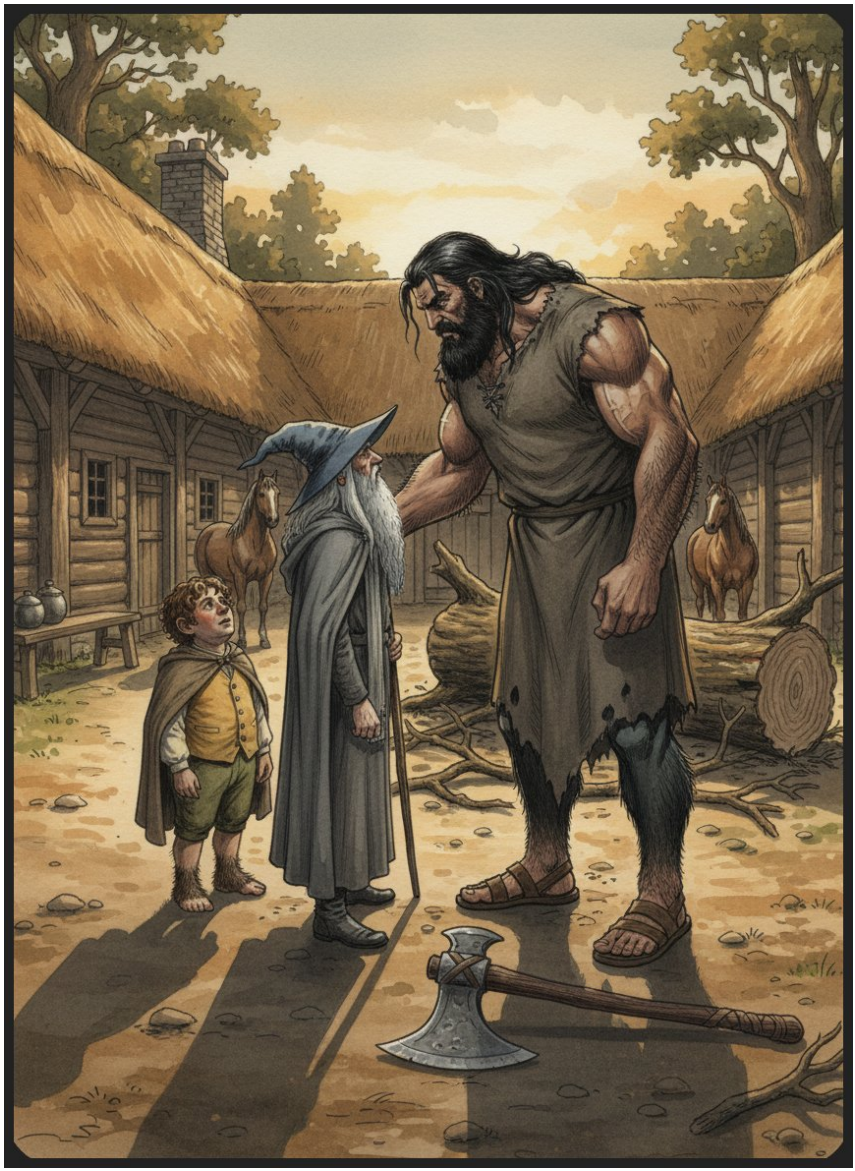
Волшебник с хоббитом толкнули тяжелые скрипучие ворота и по широкой дорожке направились к дому. Прямо по траве навстречу им выбежали несколько гладких, хорошо ухоженных лошадей с очень умными мордами; лошади внимательно посмотрели на пришедших, развернулись и галопом поскакали к дому.

– Они доложат хозяину о нашем прибытии, – пояснил Гэндальф.

Наконец они вступили во двор, ограниченный домом и двумя его

длинными крыльями. Посередине двора лежал ствол большого дуба, вокруг валялись обрубленные сучья. Рядом со стволом стоял огромный черноволосый человек с густой черной бородой. Бугры мускулов на его обнаженных руках и ногах внушали уважение. На нем была шерстяная рубаха до колен; он опирался на здоровенный топор. Здесь же были и лошади; они тыкались мордами ему в плечо.

– Ух! Вот они! – сказал человек лошадям. – С виду безобидные. Ступайте! – Он расхохотался гулко и раскатисто и положил топор. – Кто вы такие и что вам тут нужно? – спросил он и стал угрожающе надвигаться на Гэндальфа, пока не остановился прямо перед волшебником, возвышаясь над ним, как башня.



Что же касается хоббита, он безо всяких затруднений мог бы пройти у великана между ног, не задев макушкой краев его коричневой рубахи.

– Я Гэндальф, – учтиво поклонился волшебник.

– Что-то не слыхал про такого, – проворчал великан. – А это что за малявка? – Он склонился над хоббитом и сдвинул косматые брови.

– А это господин Бэггинс, хоббит с безупречной репутацией и из

хорошей семьи, – поспешил с ответом Гэндальф.

Бильбо поклонился. Снимать шляпу ему не понадобилось, поскольку свой капюшон он давно потерял. Признаться, стоять вот так, с оторванными пуговицами, ему было не очень-то ловко.

– Я волшебник, – продолжал Гэндальф. – Хоть ты меня и не знаешь, я о тебе наслышан достаточно. Тебе, должно быть, знаком мой родич Радагаст? Он живет у южных границ Чернолесья.

– Знаю такого. Ничего себе старичок, даром что волшебник. Не раз он мне попадался, – кивнул Беорн. – Хорошо, теперь я знаю, кто вы! С ваших же слов, правда. Ну и что вам от меня нужно?

– Честно говоря, мы остались без поклажи, немного заблудились и очень нуждаемся в помощи или хотя бы в добром совете. Дело в том, что в горах нам немало хлопот доставили гоблины…

– Гоблины? – переспросил великан, немного подобрев. – Ого! Значит, с гоблинами вы не поладили… А зачем вам понадобилось шляться рядом с их пещерами?

– Это вышло нечаянно. Они напали на нас ночью, на перевале. Мы шли через Туманные Горы, но это длинная история…

– Тогда, пожалуй, пошли в дом. Расскажете, что там с вами приключилось, если, конечно, на это не уйдет весь день, – добродушно проворчал великан и отворил дверь в свои хоромы.

Последовав за ним, Гэндальф и Бильбо оказались в просторном помещении. Несмотря на жаркое лето, в очаге, устроенном прямо посередине, пылали поленья; дым поднимался к закопченным потолочным балкам и уходил через дыру в крыше. Они пересекли этот мрачноватый зал, в котором всего и было света, что пламя костра да лучи, проникавшие в потолочную дыру; затем, пройдя в небольшую дверь, Гэндальф и Бильбо попали на веранду, стоявшую на деревянных сваях, сделанных из цельных дубовых стволов. Веранда выходила на юг и за день прогрелась; заходящее солнце пронизывало ее косыми лучами и золотило полный цветов сад, подступавший к самому крыльцу.

Все трое уселись на деревянные лавки, и Гэндальф начал рассказывать. Бильбо тем временем болтал ногами, не достававшими до пола, и, поглядывая на диковинные цветы в саду, гадал, как они называются, поскольку никогда в жизни и половины таких цветов не видел.

– Я шел через горы с двумя друзьями… – начал волшебник.

– С друзьями? Я вижу только одного, да и того еле-еле! – удивился Беорн.

– Ну, если честно, я не хотел говорить сразу, что нас больше, чтобы не тревожить тебя и по возможности не отрывать от дела. Если не возражаешь, я позову…

– Давай зови!

Гэндальф пронзительно свистнул, и тут же на садовой дорожке, ведущей к дому, показались Торин и Дори. Вскоре они уже стояли на крыльце и кланялись Беорну.

– Ты, видно, хотел сказать – с двумя или тремя! – заметил Беорн. – Да к тому же это не хоббиты, а гномы!

– Торин Дубощит, к вашим услугам! Дори, к вашим услугам! – представились гномы и поклонились еще раз.

– Благодарю! В услугах ваших я не нуждаюсь! – не слишком любезно ответил Беорн. – Зато вы, похоже, нуждаетесь в моих. Не очень-то я люблю гномов! Впрочем, если ты и впрямь Торин, сын Траина и внук Трора, а твой спутник тоже гном вполне порядочный и вы враги гоблинов и не намерены озорничать в моих владениях… Но каким ветром вас сюда занесло?

– Гномы направляются в земли своих предков, лежащие к востоку от Чернолесья, – вставил Гэндальф. – В твоих владениях мы оказались совершенно случайно. Мы шли через Верхний Перевал, чтобы попасть на тракт, что идет южнее твоих владений, но на нас напали гоблины. Я как раз собирался об этом рассказать.

– Ну так и рассказывай! – поторопил его Беорн, не отличавшийся особой учтивостью.

– В горах разразилась страшная гроза. Каменные великаны швыряли друг в друга обломки скал, и нам пришлось укрыться в пещере у самого перевала. Нам, то есть мне, хоббиту и нескольким нашим друзьям…

– Двое, по-твоему, это несколько?

– В общем-то, нет… На самом деле их было несколько больше…

– Где же они? Их убили, съели, они вернулись домой?

– В общем-то, нет… Они почему-то не явились на зов все сразу. Стесняются, наверное. Видишь ли, мы очень боимся, что в таком количестве можем доставить тебе некоторые неудобства…

– Давай уж, свисти! Все равно вы уже тут, а одним-двумя гостями больше – невелика разница, – проворчал Беорн.

Гэндальф свистнул еще раз, но свист еще не смолк, а Нори и Ори были уже тут как тут, поскольку, если вы не забыли, волшебник велел гномам подходить по двое через каждые пять минут.

– Ну и ну! – удивился Беорн. – Вот это проворство! Вы что, из-под

земли выросли? Подходите-ка, подходите!

– Нори, к вашим услугам! Ори, к ва… – начали было гномы, но Беорн прервал их:

– Благодарю! Когда ваши услуги мне понадобятся, я вам сообщу. Присаживайтесь, и продолжим рассказ, а то и до ужина не управимся.

– Едва мы уснули, – продолжил Гэндальф, – как в задней стене пещеры появилась трещина. Оттуда повыскакивали гоблины и схватили хоббита, гномов и всех пони из нашего каравана…

– Караван пони? Да вы что – циркачи бродячие? Или купцы какие? Или в ваших краях шесть пони – это уже караван?

– Да нет же! На самом деле их было больше шести, да и нас, если честно, тоже… А вот и еще двое!

В то же мгновение появились Балин и Двалин. Они поклонились так низко, что их бороды коснулись каменного пола.

Беорн сперва нахмурился, но гномы до того старались угодить хозяину, так уморительно кивали, кланялись, расшаркивались и помахивали капюшонами у своих колен (как это принято у гномов), что великан перестал хмуриться и хрипло расхохотался.

– Право слово, цирк! – выговорил он наконец. – Ну и клоуны! Проходите, весельчаки, проходите. Как вас зовут? Услуги ваши мне сейчас не надобны – только имена! Садитесь и кончайте вертеться перед глазами.

– Балин и Двалин, – пролепетали гномы, не смея возражать, и в полном замешательстве сели прямо на пол.

– Продолжай же! – Беорн повернулся к Гэндальфу.

– На чем это я остановился?.. Ах да! Меня-то гоблины не схватили. Парочку гоблинов я убил вспышкой…

– Славно! – проворчал Беорн. – Стало быть, и волшебники кое на что годятся!

– …и едва успел проскочить в смыкающуюся трещину. Я шел за ними следом до главной пещеры – она кишмя кишела гоблинами! Вместе с Большим Гоблином там было тридцать, а то и все сорок вооруженных охранников. И тогда я подумал: «Даже если бы пленников не сковали всех вместе, что значит жалкая дюжина против такой оравы?»

– Дюжина? Первый раз слышу, что восемь – это дюжина! Может, тут прячутся еще несколько клоунов, а?

– Так и есть! Вот и еще парочка подоспела. Это, наверное, Фили и Кили… – бодро произнес Гэндальф, когда на крыльце, улыбаясь и кланяясь, появились еще двое гномов.

– Достаточно! – Беорн махнул им рукой. – Садитесь и молчок! Продолжай, Гэндальф!

И волшебник продолжал рассказывать про стычку с гоблинами, про то, как им удалось проскочить в нижние ворота и в какой ужас они пришли, когда обнаружили, что хоббит потерялся.

– Мы пересчитались, и оказалось, что хоббита нет! Нас осталось только четырнадцать!

– Четырнадцать? Впервые слышу, что десять минус один равно четырнадцати! Наверное, девять? Или ты представил мне еще не всех?

– Разумеется, недостает еще Оина и Глоина. А вот и они! Надеюсь, они не доставят тебе лишнего беспокойства…

– Пусть идут все! Да поживее! Эй вы, двое! Проходите и садитесь! Послушай, Гэндальф, давай считать – ты, да десять гномов, да хоббит, который потерялся. Всего одиннадцать (хоббит в уме!), а вовсе не четырнадцать! Или волшебники считают как-то иначе? И все-таки продолжай рассказывать!

Беорн старался не показать виду, что история его очень заинтересовала. Дело в том, что в прежние времена он знал каждую тропинку в тех местах, о которых рассказывал Гэндальф. Великан кивал и одобрительно ворчал, слушая, как нашелся хоббит, как путники прокатились по осыпи, и о Поляне Варгов.

Когда Гэндальф перешел к тому, как, спасаясь от волков, они влезли на деревья, Беорн встал и принялся расхаживать по веранде.

– Эх, меня бы туда! – пробормотал он. – Фейерверком бы они тогда не отделались!

– Я сделал, что смог, – скромно сказал Гэндальф, с удовольствием отметив про себя, что рассказ производит надлежащее впечатление. – Так вот, мы сидели на деревьях, а волки под нами ну просто бесновались. И тут с гор спустились гоблины и сразу же нас обнаружили. Они завизжали от радости и запели страшную песню, чтобы поглумиться над нами: «Пятнадцать птичек по елкам сидят…»

– Б-р-р-р! Погоди, – остановил его Беорн. – Никогда не поверю, что гоблины не умеют считать! Еще как умеют! Двенадцать – это тебе не пятнадцать, и гоблины это прекрасно знают!

– Я тоже… Там были еще Бифур и Бофур. Я не осмеливался прежде представить их тебе… Да вот и они! На веранду поднялись Бифур и Бофур.

– И я! – выдохнул совершенно запыхавшийся Бомбур.

Он был очень толстым и очень обиделся, что его поставили в самый конец. Не желая выжидать положенных пяти минут, он пошел

сразу же за Бифуром и Бофуром.

– Ну вот, теперь вас и в самом деле пятнадцать. А так как гоблины считать все-таки умеют, то думаю, что именно столько вас и было на деревьях! Надеюсь, теперь нам удастся благополучно добраться до конца этой истории и никто нас больше не прервет!

Только теперь Бильбо понял, насколько хитро поступил Гэндальф. Перерывы лишь подогревали любопытство Беорна, а сама история удержала великана от того, чтобы с порога отказать гномам в помощи и выгнать прочь как подозрительных бродяг и попрошаек. Беорн редко кого пускал к себе в дом без особой на то необходимости. Друзей у него было мало, и жили они очень далеко. Поэтому больше одного-двух гостей одновременно Беорн никогда не приглашал. А тут у него на веранде собралось целых пятнадцать незнакомцев!

К тому времени, когда Гэндальф закончил свой рассказ, поведав о том, как их спасли орлы и как перенесли потом на Каррок, солнце скрылось за вершинами Туманных Гор и в саду Беорна пролегли длинные тени.

– Славная история! – одобрил Беорн. – Давненько я такой не слыхивал! Если каждый попрошайка будет рассказывать что-нибудь в этом духе, придется мне стать добрее. Может, конечно, вы все выдумали, но ужин тем не менее заслужили. Идемте-ка поедим чего-нибудь.

– Спасибо! Большое спасибо! – вежливым хором отозвались гномы.

В зале было уже совсем темно. Беорн хлопнул в ладоши, и тут же в зал вбежали четыре замечательных белых пони и несколько больших собак, серых и длиннотелых. Беорн обратился к ним на непонятном языке, который напоминал скорее звериное ворчание. Собаки убежали, но вскоре вернулись, держа в зубах факелы, зажгли их от очага и воткнули в низкие гнезда на столбах, окружавших очаг. Оказалось, собаки умеют ходить на задних лапах и держать передними лапами разные вещи. Они быстро придвинули к очагу стоявшие у стены козлы и положили на них доски.

Затем послышалось «бе-е-е, бе-е-е!», и в комнату вошли несколько снежно-белых овец, ведомых большим черным как смоль бараном. Одна из овец несла белую скатерть, вышитую по краям изображениями животных; другие овцы тащили на спинах плетеные подносы с чашками, тарелками, ножами и деревянными ложками. Собаки расставили на столах посуду. Столы оказались непривычно низкими, так что даже хоббиту сидеть было удобно. К торцу стола

один из пони придвинул две низкие скамеечки с плетеными сиденьями и короткими толстыми ножками, предназначенные для Гэндальфа и Торина; к другому торцу пони поставил большой черный и тоже плетеный стул – для Беорна. Тот уселся на него, вытянув огромные ноги далеко под стол. Все сиденья, равно как и стол, были у Беорна низкими, – видимо, для удобства удивительных животных, обслуживающих трапезу. А на чем же сидели остальные гости? О них тоже не забыли! Другие пони прикатили круглые, как барабаны, ошкуренные чурки – тоже невысокие, как раз для маленького Бильбо; вскоре все расселись, и, надо заметить, за столом Беорна уже много-много лет не бывало такой славной компании.

Наконец приступили к ужину, а можно сказать, что и к обеду, – называйте кому как нравится. Подобной трапезы у гномов не было с тех самых пор, как они покинули гостеприимный Дом Элронда и попрощались с его хозяином. Ужинали при колеблющемся свете очага и коптящих факелов, а на столе горели две большие красные свечи, сделанные из пчелиного воска. Пока гости ели, Беорн говорил не умолкая – низким, рокочущим голосом рассказывал он разные истории о диких землях, лежащих по эту сторону гор, в особенности же – о мрачном и полном опасностей лесе, протянувшемся далеко на север и на юг, о лесе, который находился всего в сутках пути отсюда и преграждал дорогу на восток, о таинственном Чернолесье.

Гномы слушали, кивали и трясли бородами – они знали, что очень скоро им придется углубиться в этот лес, который после оставшихся позади гор был самым опасным препятствием на пути к логову дракона. Когда с ужином было покончено, гномы принялись рассказывать свои истории, но Беорн, казалось, начал задремывать и как будто вовсе не слушал их. Гномы рассказывали большей частью о золоте, серебре и драгоценных камнях, о тонкостях кузнечного ремесла, а такие вещи Беорна занимали мало: в его доме не было ни золота, ни серебра, да и вообще никакого металла – ну разве что ножи. Гости еще долго сидели за столом и пили мед из деревянных чаш. Тем временем стемнело и снаружи. В очаг подбросили поленьев, факелы унесли, а гномы всё сидели и сидели; отсветы пламени плясали за их спинами на столбах, подпиравших крышу и уходивших вверх, в темноту, словно настоящие деревья. Волшебство то было или нет, но хоббиту почудилось, что ветер, гуляя в стропилах, шумит листвой и во мраке кричат совы… Немного погодя Бильбо начал клевать носом, звуки стали понемногу отдаляться – и тут хоббит, вздрогнув, открыл

глаза. Тяжелая входная дверь скрипнула и со стуком захлопнулась. Беорн ушел. Гномы сидели теперь вокруг очага прямо на полу, скрестив ноги. Вскоре они затянули песню. Вот небольшой отрывок из нее, хотя на самом деле песня была куда длиннее:

На склонах вереск ветры гнут,
Но лист в лесу не шевельнут —
И ночь и день лежит там тень,
И твари страшные живут.

Был ветер с гор колюч и зол,
Над лесом смерчем он прошел —
Лес задрожал и застонал,
С тех пор он черен стал и гол.

Дул ветер прямо на восток,
Неистов, страшен и жесток —
И лес поник, молчащ и дик,
Последний обронив листок.

Под ветром низко полегли
И камыши, и ковыли —
И в клочья рвет он лоно вод,
И в клочья тучи рвет вдали.

Пронесся над горами он,
Над логовом, где спит дракон,
Где валуны черным-черны
И до сих пор дымится склон.

Пронесся ветер над землей
И над бессветной глубиной,
И звездный лик затмил на миг,
Глумясь над бледною луной*.

Мало-помалу Бильбо снова задремал, но тут неожиданно Гэндальф встал.

– Всем пора спать! – сказал он. – Всем, кроме Беорна. Здесь мы можем отдыхать спокойно, никто нас не тронет. Но предупреждаю, не забудьте, что сказал на прощание Беорн: до восхода солнца выходить из дома нельзя – это может плохо для вас кончиться!

Бильбо обнаружил, что им уже постелили на низком помосте, поставленном у стены, за столбами. Специально для хоббита принесли небольшой тюфячок, набитый соломой, и несколько шерстяных одеял.

Хоббит скользнул под одеяла с большим удовольствием – время хоть и летнее, а все же… Огонь постепенно угасал, и Бильбо вскоре забылся мирным сном. Но среди ночи вдруг проснулся; очаг дотлевал, гномы и Гэндальф, судя по их ровному дыханию, крепко спали; на полу белело мутное пятно лунного света, проникавшего через отверстие в крыше.

Снаружи доносилось какое-то глухое ворчание, словно под самыми дверьми шумно пыхтел какой-то крупный зверь. Бильбо подумал: не Беорн ли там, часом, бродит в медвежьем обличье и не вломится ли он сюда? Еще съест, чего доброго… Хоббит натянул одеяло на голову и, несмотря на все свои страхи, снова заснул.

А проснулся он поздним утром. Кто-то из гномов, не заметив хоббита в углу, споткнулся о него и, грохнувшись на помост, кубарем покатился по полу. Это был Бофур. Когда Бильбо продрал глаза, Бофур все еще ворчал себе под нос.

– Вставай, лежебока! А то без завтрака останешься! – сказал он.

– Завтрак! – вскричал Бильбо и вскочил на ноги. – Где?!

– Большая часть уже здесь! – ответили гномы, похлопывая себя по животам. – А то, что осталось, – на веранде! Мы с рассвета ищем Беорна, но его нигде нет. Зато на веранде стоял накрытый к завтраку стол!

– А где Гэндальф? – спросил Бильбо и со всех ног бросился на веранду.

– Да шляется где-то неподалеку, – крикнули гномы вдогонку хоббиту.

Однако волшебник не возвращался до самого вечера. Появился он лишь на закате, когда хоббит и гномы уже сидели за ужином. Вечером, как, впрочем, и днем, за столом прислуживали удивительные животные Беорна. Но о самом хозяине до наступления темноты никто ничего так и не узнал. Гномы терялись в догадках.

– Где его только носит? – вопрошали они. – И тебя, кстати, тоже! Целый день о тебе ни слуху ни духу!

– Вопросы, чур, по одному! – отмахнулся волшебник. – И только после ужина! У меня с утра во рту ни крошки!

Наконец Гэндальф отодвинул тарелку и кувшин – он умял две буханки хлеба (с изрядным количеством масла, меда и сбитых сливок!), а меда выпил не меньше кварты. Затем волшебник достал трубку.

– Ну вот, – произнес он удовлетворенно. – Пожалуй, сперва я отвечу на второй вопрос… Кстати, здесь весьма подходящее место, чтобы попускать колечки.

Гэндальф и в самом деле принялся пускать колечки, и довольно долго гномы не могли от него ничего добиться: волшебник гонял колечки вокруг столбов, заставляя их менять цвет и форму, пока наконец все они друг за другом не улетели в дымовое отверстие. Удивительное, наверное, было зрелище, если поглядеть со стороны, когда колечки одно за другим поднялись над крышей: зеленые, голубые, красные, серо-серебристые, желтые, белые, большие колечки и колечки маленькие, целые цепочки колечек – словно птичья стая, они взмыли в небо и улетели прочь.

– Я изучал медвежьи следы, – сказал наконец Гэндальф. – У меня такое впечатление, что прошлой ночью здесь состоялась настоящая медвежья сходка. Я сразу понял, что в одиночку Беорну так не наследить. Следов было великое множество, причем самых разных. Здесь, похоже, почти всю ночь топтались медведи – большие и маленькие, обыкновенные и гигантские. Они пришли отовсюду. Только вот с запада, из-за реки, то есть с гор, никто не пришел. В этом направлении вел, правда, один след, но не сюда, а в горы. Я шел по нему до самого Каррока. Там след пропадал в реке. Но река в том месте за скалой слишком глубокая и течение слишком сильное, так что я не рискнул переправиться. С этой стороны, вообще-то, нетрудно добраться до Каррока через брод, но, если вы помните, у противоположного берега вода бурлит с неистовой силой. Мне пришлось довольно далеко пройти вниз по течению, прежде чем я нашел подходящее мелководье и переправился на другой берег, а потом вернулся вдоль берега обратно к Карроку и снова разыскал след. А вел он прямехонько в тот самый сосновый лес на восточных склонах Туманных Гор, в котором прошлой ночью у нас состоялась милая вечеринка с варгами. Ну вот, я, кажется, ответил и на первый вопрос, – закончил Гэндальф и замолк.

Бильбо решил, что понял, куда клонит волшебник, и переполошился:

– Что же делать-то? А ну как Беорн притащит всех этих варгов и гоблинов сюда?! Нам же тут крышка будет! А ты еще говорил, что он их не жалует!

– Конечно, говорил! И нечего молоть чепуху! Иди-ка лучше ляг да выспись как следует!

Хоббит сообразил, что попал впросак и что, похоже, ему не остается ничего другого, как отправиться на боковую. Гномы еще некоторое время посидели за столом и попели песни, а Бильбо лежал, тщетно ломая голову над загадкой Беорна, и сам не заметил, как

заснул. Во сне он увидел, как на залитом лунным светом дворе Беорна сотни черных медведей тяжело топчутся в круговой медвежьей пляске. Тут он снова проснулся и обнаружил, что все давно спят, а со двора, как и прошлой ночью, доносится какое-то шарканье, сопение и ворчание.

На следующее утро их разбудил уже сам Беорн:

– Так вы еще здесь! – Он приподнял хоббита с постели и рассмеялся: – Как я погляжу, не съели тебя ни гоблины, ни варги, ни злые медведи! – И Беорн не очень-то вежливо ткнул господина Бэггинса в животик. – Кролик-то наш, похоже, отъелся на булке с медом! Пойдем добавим еще!

И все пошли завтракать. На этот раз Беорн был очень разговорчив; настроение у него и в самом деле было на редкость хорошим, он не умолкая балагурил и рассказывал забавные истории. Гостям не пришлось долго ломать голову над тем, где он пропадал и чему так радуется, – Беорн рассказал все сам. По его словам получалось, что ходил он за реку, в горы, – из чего вам, очевидно, нетрудно сделать вывод, что бегать он умел исключительно быстро, во всяком случае в медвежьем обличье. Выйдя к сожженной Поляне Варгов, он убедился, что по крайней мере эта часть рассказа Гэндальфа не вымысел. Более того он поймал в лесу варга и гоблина и узнал от них, что отряды гоблинов вместе с варгами по сию пору разыскивают гномов и полны решимости отомстить за смерть Большого Гоблина, а также за обожженный нос Вожака варгов и гибель многих его собратьев от насланного Гэндальфом огня. Вот и все, что вытянул Беорн из своих пленников. Но он догадывался, что дело обстоит значительно хуже, – видимо, армия гоблинов при поддержке варгов готовится к опустошительному набегу на земли предгорий, чтобы найти гномов и отомстить людям и прочим обитателям этих мест, которые, по мнению гоблинов, укрывают беглецов.

– Ты рассказал славную историю, – повернулся Беорн к волшебнику, – но теперь она мне нравится еще больше, потому что оказалась к тому же и правдой. Простите, что я не поверил на слово, но если б вы сами жили в соседстве с Чернолесьем, вы бы на слово не верили никому, ну разве что самым близким друзьям. Да и то не всегда. Убедившись, что вы не лгали, я со всех ног поспешил домой – и вот вижу вас целыми и невредимыми и предлагаю вам любую помощь, какая в моих силах. А о гномах я теперь буду думать лучше. Это надо же, укокошить Большого Гоблина!

– А как же варг и гоблин! Что ты с ними сделал? – неожиданно

спросил Бильбо.

– Иди посмотри! – Беорн указал взглядом на дверь.

Все вышли во двор и, обогнув дом, увидели за воротами посаженную на кол голову гоблина, а чуть подальше – шкуру варга, прибитую к стволу дуба. Да, с врагами Беорн был беспощаден! Но гномам он теперь был другом, и Гэндальф отметил про себя, насколько правильно поступил, рассказав Беорну все начистоту, ведь теперь они получат от него необходимую помощь!

Вот что он им пообещал. Гномам и хоббиту он решил дать каждому по пони, а Гэндальфу – лошадь, чтобы путники могли верхом добраться до Леса. А кроме того, Беорн собирался снабдить их провизией, которой должно было хватить на несколько недель. Он обещал упаковать все так, чтобы нести было легко и удобно: орехи, муку, запечатанные кувшины с сушеными фруктами, а также глиняные горшочки с медом и дважды пропеченные лепешки, которые долго не

плесневеют и очень питательны: съешь кусочек – и сыт! Рецепт их приготовления Беорн держал в секрете; во всяком случае, они были на меду, как и многое на его столе, и довольно вкусные, хотя их все время хотелось чем-нибудь запить. Беорн предупредил, что запасаться водой нет нужды, так как по дороге к Лесу будет много ручьев и ключей.

– Зато путь по Чернолесью опасен, тяжел и неизведан, – сказал он. – Трудно там найти воду и пищу. Даже орехи еще не поспели. Хотя к тому времени, когда вы окажетесь по ту сторону, как знать, может, и поспеют! Кроме орехов, ничего там съедобного скорее всего и нет, а твари в чаще обитают диковинные и свирепые. Я дам вам мехи для воды, а также луки и стрелы. Однако сильно сомневаюсь, что в Чернолесье вам удастся найти что-либо годное в пищу, да и воду тоже. Есть там одна речка, черная, с сильным течением. Она как раз пересекает тропу. Но пить из нее нельзя и купаться тоже. Я слыхал, что вода там заколдована*: от нее находит сон и пропадает память. Не думаю, чтобы в тех темных местах вам удалось подстрелить какую-нибудь дичь, да еще не сходя с тропы. А сходить с тропы нельзя ни в коем случае!* Вот и все мои советы на дорогу. В лесу я вам не помощник – придется полагаться на удачу и мужество и надеяться, что запасов еды все-таки хватит. Когда доберетесь до опушки Леса, вам придется отпустить моих пони и лошадку. Доброго вам пути! Если случится возвращаться этой дорогой, мой дом всегда открыт для вас!

Гномы, разумеется, благодарили Беорна, бесконечно кланялись и помахивали у колен капюшонами, повторяя: «К вашим услугам, о Хозяин просторных деревянных хором!» – но на душе у них от зловещих слов Беорна было совсем невесело; теперь им стало понятно, что приключение оказалось куда опаснее, чем они предполагали, и, кроме того, даже если удастся преодолеть все трудности пути через Чернолесье, в конце-то, как ни крути, поджидает дракон!

Все утро ушло на сборы. Вскоре после полудня они в последний раз поели вместе с Беорном – и, что называется, «по коням!». Тепло попрощавшись с хозяином, они быстрым шагом выехали за ворота.

Оставив за спиной обнесенные живой изгородью владения Беорна, гномы, Гэндальф и Бильбо проехали немного к северу, а потом свернули на северо-запад. Следуя совету Беорна, они отказались от намерения попасть на главную лесную дорогу, лежавшую к югу от его владений. Если бы гномы перешли через горы там, где собирались, они спустились бы вдоль горного потока до Великой Реки и оказались бы в нескольких милях южнее Каррока. Там был довольно глубокий брод, через который вполне можно было бы переправиться верхом,

если бы они, конечно, не потеряли своих пони. А дальше они вышли бы к опушке леса, где и начиналась лесная дорога. Но Беорн предупредил, что в тех местах часто шныряют гоблины, а сама дорога, как он слыхал, совсем заросла, и с той стороны леса по ней никто не ходит; к тому же она теряется в непроходимых болотах, троп через которые не помнит уже никто. А помимо всего прочего, из лесу она выходит слишком далеко к югу от Одинокой Горы. Даже если они сумеют пройти этой дорогой через Чернолесье, им придется потом проделать большой и трудный путь на север. К северу же от Каррока граница Чернолесья подходит совсем близко к Великой Реке, и, хотя Туманные Горы здесь тоже близковато, Беорн посоветовал пойти именно туда, так как всего в нескольких днях пути к северу от Каррока начинается одна мало кому известная тропа, которая тоже идет через Чернолесье и выводит почти прямо к Одинокой Горе.

– Даже на сто миль к северу от Каррока гоблины не отважатся перейти Великую Реку, а к моему дому тем более не сунутся – ночью он охраняется надежно! Но на вашем месте я все равно поспешил бы, так как если они не будут тянуть с набегом, то переправиться могут и южнее и сразу начнут прочесывать опушку леса, чтобы отрезать вам путь. Не забывайте: варги куда проворнее ваших пони. И все же на север идти безопаснее, хотя может показаться, что северная дорога пролегает совсем близко от логова гоблинов. Но ведь и гоблины такой дерзости от вас не ожидают и будут искать вас в других местах. А теперь езжайте, да поживее!

Неудивительно, что ехали они больше молча, неизменно пуская лошадок в галоп везде, где трава была пониже и земля поровнее. По левую руку темнели горы, и линия росших вдоль реки деревьев все приближалась. Солнце, едва перевалившее за полдень, когда они отъезжали от ворот Беорна, золотило окрестные земли весь день до самого вечера. Трудно было свыкнуться с мыслью, что по пятам гонятся гоблины, и, отъехав несколько миль от дома Беорна, гномы стали потихонечку разговаривать и даже запели, забыв и думать о поджидавшей их впереди опасной лесной тропе. Тем не менее вечером, когда надвинулись сумерки и лучи заката окрасили багрянцем горные пики, гномы, остановившись на ночлег, не преминули выставить караульных. Спали почти все неважно, и в сны вплетались вопли гоблинов и волчий вой.

Утро выдалось ясным и вновь обещало погожий денек. На земле по-осеннему лежал белый туман. Было свежо, но вскоре на востоке встало красное солнце, и туман рассеялся; еще тени не успели как

следует укоротиться, а путники были уже в седлах. Так они ехали еще два дня и за всю дорогу не видели ничего, кроме травы, цветов, птиц да одиноких деревьев; изредка встречались небольшие стада благородных оленей – они паслись на лугах или скрывались от полуденного солнца под лиственными кронами. Время от времени Бильбо замечал в высокой траве ветвистые оленьи рога, которые сперва принимал за сучки упавших деревьев. К концу третьего дня путники прибавили ходу (Беорн настоятельно советовал добраться до опушки не позднее утра четвертого дня) и, не остановившись даже с наступлением сумерек, долго ехали при свете луны. Когда стемнело, хоббиту стала мерещиться то справа, то слева черная тень огромного медведя, бегущего в том же направлении, что и они. Бильбо поделился своими наблюдениями с Гэндальфом, но тот лишь тихо предостерег его:

– Тс-с-с! Молчи!

На следующий день, толком не выспавшись, они тронулись в путь еще затемно. Едва рассвело, как впереди вырос Лес, – казалось, эта черная, мрачная стена деревьев их только и поджидала. Дорога пошла вверх, и хоббиту вдруг почудилось, что тишина засасывает их все глубже и глубже. Птицы как-то примолкли, олени больше не попадались, да и кролики пропали. К полудню путники наконец достигли опушки Чернолесья и устроили привал почти под огромными ветками первых деревьев. Стволы у этих деревьев были могучие, все в каких-то наростах, сучья скрюченные, а листья – длинные и темные. Плющ увивал деревья сверху донизу и волочился по земле.

– Ну вот и Чернолесье! – объявил Гэндальф. – Величайший из лесов Севера! Надеюсь, вид его не вызывает у вас неприятных ощущений? Ну а теперь придется отпустить этих замечательных пони, предоставленных вам, как известно, только на время.

Гномы протестующе заворчали, но волшебник живо их образумил:

– Беорн не так далеко, как вы думаете, и лучше бы вам сдержать данное ему слово. С Беорном шутки плохи! Вот господин Бэггинс

оказался поглазастее вас, а вы, похоже, и не заметили, что с наступлением темноты каждой ночью вокруг нас бродил огромный медведь или сидел неподалеку под луной, охраняя наш лагерь. Но он не только охранял и провожал вас – он еще присматривал за лошадками. Беорн, разумеется, вам друг, но животных своих он любит, как собственных детей. Вы даже не догадываетесь, какую милость он оказал вам, гномам, позволив поехать на них, да еще так далеко и так быстро, и, похоже, не представляете себе, что он с вами сделает, если вы посмеете потащить их за собой в Лес!

– Ну а как же лошадь? – ехидно спросил Торин. – Ты ведь и словом не обмолвился, что тебе тоже придется ее отпустить!

– Не обмолвился, потому что не отпущу.

– А как же твое слово?

– Это уж моя забота! Лошадь мне еще пригодится. Я верну ее сам!

Гномы наконец осознали, что тут, на опушке Чернолесья, с Гэндальфом и впрямь придется расстаться! Они были в полном отчаянии, но мольбы и уговоры не имели никакого успеха – волшебник остался непреклонен.

– Обо всем этом мы договорились с вами еще под Карроком, – отрезал Гэндальф. – Спорить бесполезно. Я же говорил, что на юге меня ждут неотложные дела, а вы, господа хорошие, и без того меня сильно задержали. Быть может, мы еще встретимся до того, как все закончится, а может статься, и нет… Все зависит от вашего мужества, находчивости и удачи, а кроме того, я посылаю вместе с вами господина Бэггинса! Я уже говорил, что вы и не подозреваете, на что он способен, – и очень скоро сами в этом убедитесь. Веселей, Бильбо! Не вешай носа! Веселей, Торин и Компания! Это же ваша затея, в конце концов! Думайте о сокровищах и выбросьте из головы Лес и дракона, во всяком случае до завтрашнего утра!

Уломать волшебника не удалось и утром. Гномам не оставалось ничего другого, как наполнить мехи чистой водой из протекавшего неподалеку ручейка и развьючить пони. Поклажу честно разделили на всех, но хоббиту его доля показалась просто неподъемной, и мысль о том, что всю эту тяжесть придется тащить на себе много-много миль, совершенно его не вдохновляла.

– Не беспокойся! – утешил его Торин. – Очень скоро котомки полегчают, даже слишком скоро. Пройдет немного времени, и мы еще пожалеем, что они были слишком легкими!

Наконец они попрощались со своими пони и повернули их мордами к дому. Пони живо затрусили прочь, явно обрадованные тем,

что мрачное Чернолесье остается позади. Бильбо готов был поклясться, что, когда лошадки начали удаляться, какое-то похожее на медведя животное выскочило из-под деревьев и помчалось вслед за ними.

Стал прощаться и Гэндальф. Бильбо сидел на земле, чувствуя себя самым несчастным хоббитом на свете и желая только одного – оказаться за спиной у волшебника, на его большой лошади. После завтрака (признаться, весьма скудного!) Бильбо успел заглянуть в Лес: там было темно, как ночью (это утром-то!), и как-то чересчур мрачно и таинственно.

«Следит и ждет», – подумал Бильбо.

– Прощай, – сказал Гэндальф Торину. – Прощайте все! Теперь ваш путь лежит через Лес. С тропы не сходите! А сойдете – ставлю тысячу против одного, что никогда больше ее не отыщете и не выберетесь из Чернолесья. И никто вас никогда больше не увидит.

– А нам туда обязательно? – жалобно спросил хоббит.

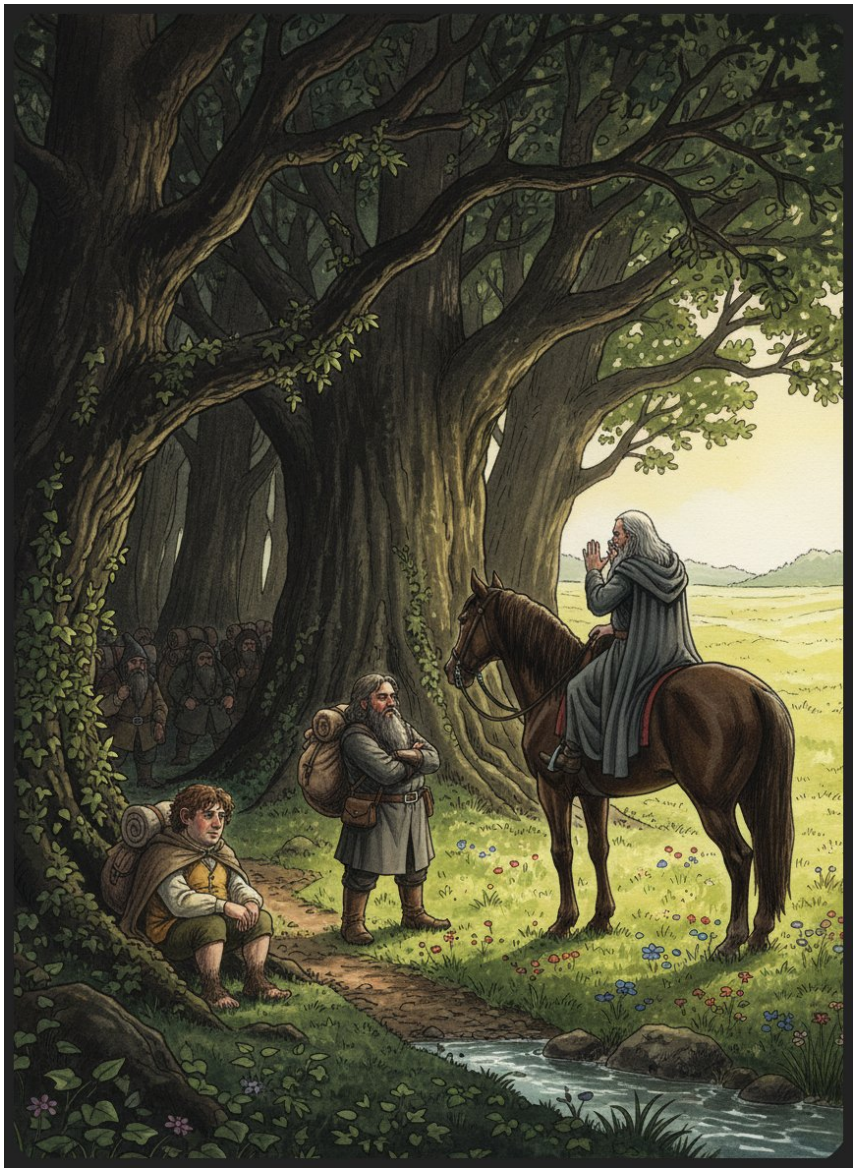
– Обязательно! – твердо сказал волшебник. – Обязательно, если хотите оказаться по ту сторону! Обязательно – или возвращайся домой несолоно хлебавши! Но этого я не допущу, господин Бэггинс! Мне стыдно за тебя! Не трусь! Помни, что теперь ты в ответе за всех этих гномов! – И он рассмеялся.

– Да нет же, нет! – оправдывался Бильбо. – Я не об этом! Просто нельзя ли как-нибудь обойти эту чащобу?

– Можно и обойти, – вздохнул Гэндальф. – Можно, если тебя не смущает крюк в добрых две сотни миль к северу, но учти: потом придется возвращаться на юг. Но и там, по ту сторону Леса, далеко не все спокойно. В этой части мира вообще нигде нельзя чувствовать себя в безопасности. Не забывай, что вы давно уже в Диких Землях, а здесь может случиться все, что угодно и где угодно. Обходя Чернолесье с севера, вы попадете в Серые Холмы, которые подходят к Лесу почти вплотную, а там полным-полно гоблинов, хоб-гоблинов* и орков, да таких, что и рассказывать страшно. А обходя Чернолесье с юга, вы попадете во владения Некроманта. Но ведь даже тебе, Бильбо, нет нужды растолковывать, какой это ужасный чародей! Не советую вам и близко подходить к местам, на которые простирается тень его черной башни! Ступайте-ка лучше по этой лесной тропке, наберитесь мужества и уповайте на лучшее. И если вам сильно повезет, в один прекрасный день вы выйдете из Леса и увидите перед собой Длинное Болото, а за ним, на востоке, – Одинокую Гору, где живет ваш ненаглядный Смауг. Впрочем, надеюсь, он не ожидает вашего визита.

– Утешил, нечего сказать, – проворчал Торин. – До свиданьица! Не идешь с нами, так хоть помолчал бы, что ли!

– Прощайте же! – бросил Гэндальф, повернул лошадь и поскакал на запад, но не удержался от последнего напутствия, – немного отъехав, волшебник обернулся, приложил ладони ко рту и крикнул. Голос его был уже еле слышен: – Прощайте!.. Будьте паиньками!.. Берегите себя!.. С ТРОПЫ НЕ СХОДИТЕ!



Затем Гэндальф пустил лошадь в галоп и вскоре пропал из виду.

– Скатертью дорога! – напутствовали его гномы, тем более рассерженные, что им и в самом деле было очень жаль расставаться с волшебником. Ведь начиналась самая опасная часть путешествия! Взвалив на спину тяжелые котомки и мехи с водой (кому что досталось), они повернулись спиной к свету, золотившему опушку, и углубились в Лес.

Глава VIII. Пауки и мухи

Следуя друг за другом, цепочкой, они вступили под полог ветвей. Вход напоминал арку темного туннеля, образованную склонившимися по обе стороны тропы деревьями, старыми, задушенными плющом и обросшими лишайником, так что редких почерневших листьев было почти не видно. Узкая тропа прихотливо петляла между деревьями. Вскоре о дневном свете напоминало лишь небольшое пятнышко, оставшееся далеко позади; звук шагов гулко отдавался в мертвой тишине, и казалось, что деревья нагибаются и прислушиваются.

Когда глаза привыкли к сумраку, путники смогли кое-что рассмотреть в темно-зеленой мгле по сторонам тропы. Иногда эту мглу пронизывал тонкий солнечный лучик, которому удавалось отыскать брешь в густой листве и не застрять в сплошном переплетении веток и плюща. Но случалось такое нечасто, а вскоре и вовсе прекратилось.

В лесу жили черные белки. Когда зоркие и любопытные глаза хоббита попривыкли, он стал замечать, как эти белки то и дело стремительно перебегают тропу и скрываются за стволами. В подлеске и в огромных кучах опавшей листвы время от времени слышались какие-то подозрительные шорохи, возня, сопение и ворчание, но что там такое творилось, Бильбо разглядеть не мог. Наименее приятным из увиденного оказалась паутина – густая, темная и необыкновенно толстая; ее нити тянулись по обеим сторонам тропы от одного дерева к другому, прихватывали нижние ветки и доходили до самой земли. Но саму тропу паутина нигде не пересекала: то ли тропа была заколдована, то ли еще что – неизвестно. Прошло совсем немного времени, и гномы возненавидели этот лес; им казалось, что он ничуть не лучше гоблинских подземелий – да и не кончится, наверное, никогда. Тем не менее приходилось идти вперед, невзирая на то что им давно уже страшно хотелось увидеть солнце да синеву над головой и глотнуть свежего воздуха. Под пологом леса не ощущалось ни дуновения – здесь навечно воцарились темень, безмолвие и духота. Не

по себе было даже гномам, которым вообще-то было не привыкать к подземельям, – у себя дома они проводили порой по многу дней без солнца. Что же говорить о хоббите, который хоть и любил жить в норе, но никогда не сидел в ней день-деньской, да еще летом! Бедняга просто умирал от удушья.

А по ночам приходилось еще хуже. Ночи были черны как деготь. Я говорю не про те ночи, которые мы с вами называем «черными как деготь». Здесь ночи были так черны, словно все вокруг было и впрямь залито черным дегтем. Бильбо подносил ладонь к самому носу, но не мог ее разглядеть. Впрочем, не вполне справедливо было бы утверждать, что путники не видели вообще ничего – нет! Они видели чьи-то глаза. Спали, тесно прижавшись друг к другу, и по очереди караулили. Во время своей стражи Бильбо то и дело замечал во тьме какие-то проблески, а иногда невдалеке зажигалась пара желтых, красных или зеленых глаз, которые на миг вперялись в него и медленно гасли, но лишь затем, чтобы неожиданно вновь появиться в другом месте. А порой глаза загорались прямо над головой, где-то на ветках, – и это было страшнее всего. Но наибольшие опасения внушали хоббиту иногда появлявшиеся во мраке отвратительно бледные, выпуклые глаза – самые страшные из всех.

«Насекомые, – думал Бильбо. – У зверей глаза другие. Только что-то они великоваты для насекомых!»

Ночи были не очень холодными. Тем не менее гномы до самого утра жгли костер, но вскоре от костра пришлось отказаться. Складывалось впечатление, что на свет пламени со всего леса собираются сотни и сотни глаз. Но самих обладателей этих глаз разглядеть не удавалось – они не выходили на свет слабо мерцавшего костерка. Хуже того, тысячи каких-то темно-серых и черных ночных бабочек, некоторые размером с ладонь, слетались на огонь, хлопали крыльями прямо у лица, лезли в уши. Терпеть их было совершенно невозможно, равно как и огромных, черных, что твоя галоша, летучих мышей, так что костры гномы разводить перестали и всю ночь дремали в зловещей тьме.

Хоббиту казалось, что все это продолжается уже целую вечность, а кроме того, он был вечно голоден – ведь припасы приходилось экономить. День шел за днем, но ничего не менялось – лес оставался прежним, и гномы забеспокоились. Как ни экономь, а припасы когда-нибудь да выйдут – а таяли они прямо на глазах! Гномы попытались охотиться на белок и потратили немало стрел, прежде чем один из зверьков упал на тропу. Но когда добычу поджарили, оказалось, что

есть мясо невозможно, – и белок оставили в покое.

Мучила их и жажда, потому что воды тоже осталось всего ничего, а по дороге они не встретили ни ручейка, ни ключа. В таком вот настроении путники в один прекрасный день и обнаружили, что тропа уперлась в речку*. Течение было довольно сильным, тем более что речка в этом месте была не очень широкой – только вот вода в ней почему-то казалась черной, или, может быть, виной тому был просто лесной полумрак? Хорошо, что Беорн предупредил, иначе они наверняка напились бы этой воды, даром что черная, и наполнили бы ею мехи. Теперь же все их мысли были направлены только на то, чтобы как-нибудь переправиться на другой берег и не замочить ног. Когда-то здесь был мостик, но он давно сгнил и провалился – остались только обломки свай. Бильбо встал на колени и пригляделся.

– На той стороне лодка! – вскричал он. – Вот досада! Нет чтобы на нашей!

– Далеко ли до лодки, как тебе кажется? – спросил Торин.

Гномы давно уже убедились, что Бильбо среди них самый глазастый.

– Да нет, не очень. Локтей, наверное, тридцать.

– Всего-то! Я думал, тут никак не меньше ста!.. Ничего не

попишешь, глаза мои теперь далеко не так остры, как сто лет назад. Впрочем, что тридцать, что сто тридцать – все едино: не перепрыгнешь! А вплавь боязно…

– А кто-нибудь из вас умеет бросать веревку?

– Что толку-то? Если и зацепим, в чем я сильно сомневаюсь, лодка наверняка привязана.

– Да вряд ли, – усомнился Бильбо. – Впрочем, в такой темноте не разглядишь. И все-таки мне кажется, что ее просто вытащили на берег, а берег с той стороны совсем пологий.

– Дори самый сильный, а Фили самый молодой, стало быть, и зрение у него получше, – сказал Торин. – Иди-ка сюда, Фили! Посмотри, не видишь ли ты лодку, о которой толкует господин Бэггинс?

Фили вглядывался, вглядывался в сумрак и наконец вроде бы уяснил, куда нужно бросать. Гномы достали из мешков веревки и, выбрав самую длинную, привязали к ней большой железный крюк, один из тех, которыми они крепили к ремням заплечную поклажу. Фили взял крюк в руку, прикинул-на вес, примерился и, размахнувшись, бросил через поток.

Крюк плюхнулся в воду!

– Недолет! – сообщил Бильбо, изо всех сил таращась во мглу. – На пару бы локтей подальше, и ты бы попал. Попытайся еще разок. Не думаю, что вода тут настолько уж заколдована, что сильно повредит тебе, если ты потрогаешь мокрую веревку.

Фили с большой опаской вытащил веревку, снова взялся за крюк и бросил еще раз – подальше.

– Полегче! – крикнул Бильбо. – На этот раз ты угодил на тот берег. Тяни потихоньку к себе!

Фили потянул за веревку, и вскоре Бильбо скомандовал:

– Осторожно! Крюк в лодке! Будем надеяться, зацепится…

Зацепился! Веревка натянулась, но этим дело и ограничилось. Тогда на помощь Фили пришел Кили, а затем и Оин с Глоином. Они тянули, тянули – и вдруг все четверо опрокинулись навзничь! Бильбо смотрел не на них, а на противоположный берег, но все же успел перехватить веревку и вовремя придержал небольшую черную лодочку подобранной с земли палкой.

– Помогите! – закричал он, и подоспевший Балин ухватился за лодку, не дав ей уплыть вниз по течению.

– А все-таки она была привязана, – заметил Балин, разглядывая оборванный конец веревки, висящий на носу лодки. – Хорошо, братцы,

тянули! И хорошо, что наша веревка оказалась крепче!

– Кто первый переправляется? – спросил Бильбо.

– Я, – сказал Торин, – а со мной ты, Фили и Балин. Больше лодка не выдержит. Потом Кили, Оин, Глоин и Дори. Следом за ними Ори, Нори и Бифур с Бофуром. А последними – Двалин и Бомбур.

– Чего это я все время последний да последний? Надоело! – недовольно заворчал Бомбур. – Хватит с меня!

– А нечего быть таким толстым! – отрезал Торин. – Поедешь последним, вместе с Двалином. Ты же один половину лодки займешь! И не ворчи попусту, а не то с тобой случится что-нибудь нехорошее.

– Вёсел вот только нет, – заметил Бильбо. – Как же будем переправляться?

– Дайте-ка мне еще одну веревку с крюком, – попросил Фили.

Ему подали веревку, и он со всей силы швырнул крюк во мглу – как можно выше. Судя по тому, что крюк не упал на землю, он, видимо, зацепился за ветки.

– Садитесь в лодку, – сказал Фили. – Один из нас будет держаться за веревку с крюком, застрявшим в ветвях, и перебирать руками, а другой пусть держит крюк, которым мы притащили лодку к этому берегу. Когда переправимся, зацепим этим крюком лодку, а вы подтащите ее обратно.

Таким образом довольно скоро все они благополучно переправились через заколдованную речку. Двалин уже смотал веревку на локоть и выбрался из лодки, а Бомбур (все еще недовольно ворча) собирался последовать за ним – но тут и в самом деле произошло нечто нехорошее. Впереди на тропе раздался дробный стук копыт. Из мглы неожиданно вынырнула тень бегущего оленя. Олень врезался в гномов, раскидал их в разные стороны и в высоком прыжке взвился над потоком… Однако ему не суждено было приземлиться на другом берегу целым и невредимым. Торин оказался единственным, кто устоял на ногах и не потерял присутствия духа. Переправившись, он сразу достал лук и положил стрелу на тетиву – на тот случай, если вдруг объявится неведомый хозяин лодки. Увидев оленя, Торин не растерялся и мгновенно выстрелил; достигнув противоположного берега, олень сразу же начал спотыкаться. Правда, он мгновенно скрылся во мраке, но гномы еще некоторое время слышали неровный перестук его копыт, который вскоре прекратился. Не успели, однако, гномы поздравить меткого стрелка, как Бильбо испустил такой страшный вопль, что всем сразу стало не до оленины.

– Бомбур! Бомбур тонет! – вопил хоббит.

К сожалению, то была чистая правда. Когда олень прыгнул через Бомбура, тот стоял на берегу только одной ногой, а другая была еще в лодке. Пошатнувшись, гном умудрился оттолкнуть лодку от берега, а сам плюхнулся в воду! Он стал отчаянно цепляться за свисавшие с берега скользкие корни, а лодка тем временем поплыла по течению и исчезла из виду.

Когда гномы подбежали к воде, над поверхностью торчал только

кончик капюшона. Бомбуру бросили веревку с крюком; тот ухватился за нее, и его с превеликим трудом выволокли на берег. Вымок он с головы до ног, и это было бы еще полбеды. Оказавшись на берегу, Бомбур сразу же крепко уснул, с такой силой сжав в руках веревку, что высвободить ее никак не удавалось. Хуже того – самые отчаянные попытки разбудить его ни к чему не привели.

Гномы все еще сидели на земле вокруг спящего, проклиная свое невезение и неуклюжесть Бомбура, и громко досадовали об упущенной лодке, без которой теперь невозможно было переправиться на другой берег и посмотреть, что стало с подстреленным оленем, как вдруг до них донеслись приглушенные звуки рогов и что-то вроде собачьего лая. Гномы сразу примолкли, прислушиваясь, – казалось, откуда-то с севера доносится шум большой охоты*.

Они сидели так довольно долго, не решаясь ничего предпринять. Бомбур не просыпался, и на его широком лице блуждала блаженная улыбка, словно общие тревоги больше его не касались. Неожиданно впереди на тропе появилась олениха с оленятами – они были ослепительно белые, в отличие от совершенно черного подстреленного недавно оленя*. В сумраке они как будто светились. Не успел Торин и рта открыть, как три гнома вскочили на ноги и выстрелили из луков. Все стрелы, по-видимому, пролетели мимо цели. Олени свернули с тропы и скрылись в лесу так же бесшумно, как и появились, – и напрасно гномы стреляли им вслед.

– Стойте! Прекратите! – закричал Торин, но было уже поздно: вошедшие в азарт гномы истратили весь запас стрел, и теперь подаренные Беорном луки превратились в совершенно бесполезные деревяшки.

Ночь гномы провели в полном унынии, которое в последующие дни только усугубилось. Хоть и переправились они через заколдованную речку, но за нею тропа была ничуть не лучше, да и в лесу как будто ничего не изменилось. Тем не менее, знай гномы о Лесе чуточку больше и догадайся они, что означает шум охоты и появление белой оленихи, они наверняка сообразили бы, что восточный край Леса уже недалеко. Надо было только набраться мужества и терпения – еще чуть-чуть, и они вышли бы к самой опушке, где деревья были потоньше и сквозь кроны пробивался солнечный свет…

Но они ничего этого не знали и ни о чем не догадывались, а идти стало гораздо труднее. Тяжелого Бомбура пришлось тащить на самодельных носилках; четверо гномов несли спящего, остальные делили между собой поклажу – и так по очереди. Если бы котомки не

полегчали за последние несколько дней, ни за что бы гномам не справиться; однако замену котомок, доверху загруженных провизией, на безмятежно улыбающегося толстяка Бомбура едва ли можно было назвать вполне равноценной. Вскоре настал день, когда ни еды, ни воды почти не осталось. Да и в лесу не попадалось ничего съедобного – одни поганки да какая-то чахлая и дурно пахнущая трава.

На четвертый день после заколдованной речки тропа пошла буковым лесом. Поначалу эта перемена несколько ободрила гномов: подлесок пропал, да и мгла стала не такой густой. Вокруг разлился зеленоватый полусвет, и по сторонам тропы теперь можно было кое-что разглядеть. Однако в зелени виднелись лишь бесконечные ряды прямых серых стволов, похожих на колонны огромного сумрачного зала. Появился ветерок и тихо зашелестел в листве, но шелест этот нес с собой мало утешения. Листья, кружась, опускались на землю, лишний раз напоминая о наступлении осени. Опавшая листва шуршала под ногами, перемешиваясь с прошлогодней, которую сносило на тропу с багряного ковра по обеим сторонам пути – ковра, который наслаивался здесь не одну осень.

Бомбур по-прежнему спал, а гномы уже выбились из сил. Время от времени они слышали в лесу какой-то непонятный смех, а иногда и далекое пение. Смех был звонким, стало быть, смеялись никак не гоблины, а пение так и попросту было красивым, хотя мелодия казалась печальной, странной и почему-то пугала. От этого гномы чувствовали себя еще неуютней и, собрав последние силы, спешили уйти подальше.

Спустя еще два дня тропа пошла под уклон, и вскоре гномы оказались в низине, почти сплошь поросшей могучими дубами.

– Когда же кончится этот проклятый лес? – проворчал Торин. – Кто-нибудь должен залезть на дерево и осмотреться, если получится! Ничего лучше вот этого высоченного дуба, пожалуй, и не найдешь.

Говоря «кто-нибудь», Торин, разумеется, имел в виду Бильбо.

Выбор пал на хоббита еще и потому, что если уж залезать, то залезать надо было на самую верхушку, где ветки тонкие и ломкие, то есть явно не способные выдержать, скажем, гнома. Опешивший господин Бэггинс, вообще-то, не имел никакого опыта в области лазания по деревьям, но ему дружно помогли забраться на нижние ветки огромного дуба, что стоял рядом с тропой. А дальше – полезай как знаешь! Продираясь сквозь сплетение веток, Бильбо едва не выколол себе глаза, перемазался какой-то зеленью и с головы до ног выпачкался, прижимаясь к старой дубовой коре; несколько раз он

срывался и едва успевал ухватиться руками за ветку; наконец, отчаянным усилием преодолев трудный участок, где, казалось, и вовсе не за что было уцепиться, он добрался до самой верхушки. При этом хоббит не переставая думал: а нет ли там случайно пауков и как, вообще-то, отсюда спускаться (не спрыгивать же!)?

И вот наконец он раздвинул теменем самые верхние ветки и голова его высунулась из кроны. Тут-то он и обнаружил пауков! Впрочем, это были самые обыкновенные пауки самых обыкновенных размеров – они охотились всего-навсего на бабочек. От хлынувшего в глаза солнечного света Бильбо почти ослеп. Гномы, задрав головы, что-то кричали снизу, но хоббит только жмурился да покрепче цеплялся за ветку – ответить он был не в силах. Солнце светило так ярко, что далеко не сразу Бильбо смог открыть глаза. Когда же наконец это ему удалось, он увидел вокруг себя темно-зеленое море, волнующееся под порывами ветра. Повсюду порхали тысячи бабочек. Наверное, то были бабочки из рода пурпурных нимфалин – именно они обычно облюбовывают кроны могучих дубов; однако бабочки, которых увидел Бильбо, вовсе не были пурпурными – они были совершенно черные, словно бархатные, и без единой отметины.

Бильбо долго с восхищением любовался на этих черных нимфалин, с наслаждением ощущая, как ветер треплет волосы и ласкает лицо, но в конце концов крики и топанье потерявших всякое терпение гномов вернули хоббита к печальной действительности, и он вспомнил, зачем, собственно, здесь обретается. Однако сколько ни смотрел хоббит по сторонам, сколько ни поворачивался, кругом колыхалось бесконечное зеленое море листвы. Сердце его, поначалу радостно забившееся от встречи с солнцем и ласковым ветром, упало: спускаться было не с чем!

На самом же деле, как я уже говорил, гномы и хоббит находились совсем недалеко от края Леса. Будь Бильбо чуть-чуть повнимательней, он наверняка сообразил бы, что дуб, на который он вскарабкался, хоть и самый высокий в округе, стоит почти на самом дне чашеобразной низины, и поэтому даже с самой его верхушки нельзя было увидеть, где кончается Лес, – этому мешали деревья, росшие по склонам и по краю «чаши». Но Бильбо, к сожалению, этого не сообразил и в полном отчаянии начал спускаться. Исцарапанный, взмокший с головы до ног и совершенно несчастный, он добрался наконец донизу и долго не мог ничего разглядеть в полумраке. Его сообщение повергло в отчаяние всех его спутников.

– Лес без конца и края, куда ни погляди! Что же делать? Вот и

посылай этих хоббитов! – недовольно ворчали гномы, как будто хоббит был в чем-то виноват. Его восторгов по поводу бабочек слушать никто не захотел, а рассказ о ласковом ветерке, который по причине их излишней тяжести оказался, к сожалению, гномам недоступен, вызвал лишь новую бурю негодования.

Вечером они доели последние остатки провизии; первое, что они ощутили, проснувшись утром, был острый голод, а еще – еще пошел дождь; редкие тяжелые капли там и сям глухо ударялись о землю. Дождь лишний раз напоминал путникам о жестокой жажде, но никоим образом не облегчил их страданий: не будешь же вечно стоять под дубом и, высунув язык, дожидаться, покуда какая-нибудь капля соизволит упасть тебе на язык! Единственное и совершенно неожиданное облегчение явилось со стороны Бомбура.

Ни с того ни с сего он вдруг открыл глаза и сел, почесывая макушку. Бомбур никак не мог сообразить, где он находится и отчего ему так хочется есть; оказывается, он совершенно забыл все, что произошло с того давнего майского утра, когда они отправились в путешествие. Последнее, что он еще помнил, была вечеринка у хоббита; немалых трудов стоило гномам заставить его поверить рассказу обо всех случившихся с ними приключениях.

Когда Бомбур услышал, что еды у них совсем не осталось, он сел на землю и горько заплакал – он и без того очень ослаб и едва держался на ногах.

– И зачем я только проснулся! – всхлипывал он. – Я такой замечательный сон видел! Мне снилось, что бреду я по лесу, очень похожему на этот, только на деревьях факелы горят, фонарики на ветвях качаются, а на земле пылают костры и пир идет горой и никогда не кончается. И был там лесной король в лиственном венце, и веселые песни, и бесчисленное множество блюд и напитков, которые я описывать не берусь…

– Описывать не надо! – оборвал его излияния Торин. – А если ни о чем другом говорить ты не в состоянии, то лучше помолчи. И без того мы с тобой натерпелись! Если бы ты сейчас не проснулся, мы бы скорей всего оставили тебя в лесу досматривать твои дурацкие сны! Таскай тут его! Вон уже сколько не ел, а все такой же неподъемный!

Делать, однако, было нечего – пришлось потуже затянуть пояса, закинуть за плечи пустые мешки и котомки и брести по тропе дальше без особой надежды выбраться из лесу живыми. Так брели они весь день, еле-еле волоча ноги, в сопровождении нескончаемых жалоб Бомбура: и ноги-то его, дескать, больше не держат, и хорошо бы

теперь поспать.

– Ишь чего захотел! – одергивали его гномы. – Давай работай! Двигай ногами! Хватит, натаскались!

Тем не менее Бомбур неожиданно остановился и, не в силах сделать больше ни шагу, улегся на тропе.

– Идите себе, если вам так хочется, – объявил он. – А я, пожалуй, посплю и досмотрю сон о еде, раз уж никакой настоящей еды не предвидится. И хорошо бы вовсе не просыпаться.

В этот самый момент Балин, шедший немного впереди, обернулся и крикнул:

– Что это? Похоже, впереди мерцает какой-то огонек!

Все повернулись и стали вглядываться во тьму. В самом деле – где-то в глубине леса мигал красный огонек. Вскоре к нему прибавились другие. Даже Бомбур поднялся, и все заспешили вперед, хотя огонь вполне могли жечь тролли или, скажем, гоблины. Огоньки мелькали впереди и слева от тропы. Когда наконец гномы поравнялись с ними, стало ясно, что, по-видимому, это горят факелы и костры, правда, на порядочном удалении от тропы.

– Сон-то мой, кажется, в руку! – выдохнул подоспевший Бомбур. Он был готов немедленно броситься в лес, к огням, но гномы отнюдь не забыли предупреждений волшебника и Беорна.

– Пир не впрок, когда с него живым не уйти, – заметил Торин.

– А без пира едва ли мы долго протянем, – возразил ему Бомбур.

Надо сказать, Бильбо готов был подписаться под этими словами. Гномы спорили, прикидывали так и сяк и в конце концов решили выслать двоих-троих на разведку. Разведчики должны были тихо-тихо подкрасться к огням и посмотреть, что и как. Однако гномы никак не могли договориться, кто пойдет: кому охота заблудиться в лесу и навсегда потерять друзей? В конце концов голод заставил махнуть рукой на все предупреждения, тем более что Бомбур снова принялся проникновенно описывать всевозможные яства, которые, согласно его сновидению, подавались на пиру у лесного короля. В результате гномы сошли с тропы все вместе и углубились в лес.

Они долго подкрадывались и подползали к огням – и, выглянув наконец из-за стволов, увидели полянку, расчищенную от деревьев и как следует утоптанную. На полянке было полным-полно народу – никак эльфы?! – в зеленых и коричневых одеждах. Эльфы широким кругом сидели у костра на распиленных стволах, а по краям полянки на деревьях были укреплены горящие факелы – и, что самое замечательное, эльфы ели, пили и весело смеялись!

Аромат жареного мяса так подействовал на гномов и хоббита, что они не сговариваясь разом вышли из-за деревьев. Они имели в виду только одно: попросить чего-нибудь поесть. Однако едва первый из гномов шагнул на свет, все огни, словно по волшебству, погасли. Кто-то пнул костер ногой, снопами брызнули искры, и пламя мгновенно потухло. Гномы оказались в кромешной тьме и потратили немало времени на то, чтобы по крайней мере найти друг друга. Они блуждали во мраке наугад, наталкивались на стволы, спотыкались о поваленные деревья и аукали во весь голос, так что наверняка перебудили всех обитателей леса на много миль в округе, пока наконец им не удалось собраться вместе и на ощупь пересчитаться. К тому времени они, разумеется, совершенно перестали ориентироваться и не могли припомнить, в каком направлении осталась тропа. Они безнадежно заблудились – во всяком случае до утра.

Пришлось гномам устраиваться на ночлег, не сходя с места; опасаясь вновь потерять друг друга, они не решились даже поискать, не осталось ли на поляне какой-нибудь еды. Однако долго разлеживаться гномам не пришлось. Бильбо еще и задремать не успел, когда Дори, выставленный в караул, громко прошептал:

– Смотрите! Опять огоньки! Их стало еще больше!

Все мгновенно вскочили. В самом деле, немного в стороне опять замелькали огоньки, и оттуда ясно слышались веселые голоса и смех. Крадучись, гномы снова направились на свет – цепочкой, положив руку на плечо впереди идущего. Когда они подошли ближе, Торин объявил:

– Никому вперед не выходить! Все остаются в укрытии! Первым пойдет господин Бэггинс и поговорит с ними. Его они не испугаются. – («А я их?» – подумал Бильбо.) – Ну и во всяком случае, надеюсь, они не сделают ему ничего плохого!

Подойдя почти вплотную к кругу огней, гномы неожиданно вытолкнули Бильбо вперед, и хоббит, не успев надеть кольцо, вылетел на свет к ярко пылавшему костру. Естественно, ни к чему хорошему это не привело. Все огни снова погасли, и наступила полная темнота.

И в прошлый-то раз им с большим трудом удалось собраться вместе, а теперь дело обернулось еще хуже. Гномам никак не удавалось отыскать хоббита! Сколько они ни пересчитывались, все время получалось тринадцать. Они аукали и кричали:

– Бильбо! Господин Бэггинс! Ау! Хоббит, чтоб тебя! Эй! Чтоб ты лопнул, паршивец! Где же ты?! – и все такое прочее, но безуспешно – хоббит не отвечал.

Они потеряли уже всякую надежду, когда Дори по чистой случайности споткнулся об него. В темноте Дори подумал, что это бревно, но оказалось, что он ошибся, – это был свернувшийся калачиком хоббит, который крепко спал. Пришлось долго трясти его, прежде чем Бильбо проснулся и недовольно заворчал:

– Я такой славный сон видел! Мне снился обед! И такой знатный…

– Силы небесные! Еще один Бомбур выискался! – завозмущались гномы. – Хватит с нас этих снов! Обедом во сне сыт не будешь!

– Ничего лучшего мне пока не предлагают, – пробормотал хоббит, вновь укладываясь на землю с явным намерением во что бы то ни стало досмотреть свой сон.

Однако на этом приключения с лесными огнями не закончились. Перевалило уже, наверное, за полночь, когда стоявший в карауле Кили вновь разбудил гномов:

– Смотрите! Неподалеку отсюда целое море света! Можно подумать, там горят тысячи факелов и целые сотни костров! Как вспыхут! Наверное, волшебство какое-то! Слышите пение и звуки арфы?*

Гномы полежали, прислушиваясь, но вскоре, не в силах бороться с искушением, решили встать и снова попытать счастья. Они вновь пошли на огонь; однако на этот раз случилось уже настоящее несчастье. Им открылась картина пира еще более великолепного, чем раньше: пиршество возглавлял золотоволосый лесной король в лиственном венце – точь-в-точь как во сне у Бомбура! Эльфы передавали по кругу кубки, играли на арфах и пели. В их сияющие волосы были вплетены цветы, на воротниках и в пряжках ремней сверкали драгоценные камни; лица эльфов, равно как и песни, были радостны и беззаботны, а голоса звучали звонко и прекрасно… Не долго думая, Торин выступил вперед.

Песня оборвалась на полуслове. Наступила мертвая тишина*. Все огни мгновенно погасли. От костров повалил черный дым. Пепел и зола запорошили гномам глаза, и лес вновь огласился криками и ауканьем.

Бильбо обнаружил, что беспорядочно бегает по кругу и истошно вопит:

– Дори, Нори, Ори, Оин, Глоин, Фили, Кили, Бомбур, Бифур, Бофур, Двалин, Балин, Торин Дубощи-и-ит!

Примерно тем же самым занимались и все вышепоименованные его спутники (с той только разницей, что иногда кто-нибудь выкрикивал и «Бильбо!»). Однако крики гномов удалялись и становились все глуше; немного погодя хоббиту показалось, что гномы уже не зовут никого конкретно, а просто зовут на помощь, но уже где-то в стороне. Вскоре их стало совсем не слышно – Бильбо остался один в кромешном мраке и в полном одиночестве.

Это была одна из самых ужасных минут в его жизни. Тем не менее у хоббита хватило ума и присутствия духа сообразить, что до утра, пока не рассветет хоть чуточку, предпринимать что-либо совершенно бессмысленно и столь же бессмысленно тратить силы на блуждание во тьме без всякой надежды восстановить их, мало-мальски позавтракав. Поэтому хоббит сел, прислонился спиной к дереву и стал вспоминать (разумеется, не в последний раз!) свою уютную хоббичью нору, оставленную далеко-далеко отсюда, и все ее замечательные кладовочки, битком набитые съестными припасами. Он настолько глубоко погрузился в мечты о яичнице с ветчиной и гренках с маслом, что не сразу почувствовал чье-то прикосновение. На его левую руку легла какая-то липкая толстая веревка, а когда он попытался пошевелиться, оказалось, что ноги его уже связаны точно такой же веревкой, так что, едва вскочив на ноги, он вновь повалился на землю.

Из-за спины хоббита появился огромный паук; он-то и связал Бильбо, пока тот спал. Бильбо видел только глаза этой твари, но чувствовал, как ее мохнатые лапы старательно, оборот за оборотом, обматывают его отвратительным вервием. Хоббиту еще повезло, что он вовремя очнулся: еще минута – и он вообще не смог бы шевельнуться! Вступив в отчаянную схватку с пауком, Бильбо стал дубасить его кулаками – и вовремя! Паук уже собирался впрыснуть хоббиту яд, чтобы обездвижить свою жертву (именно так поступают с мухами все обыкновенные пауки), но тут Бильбо наконец вспомнил про свой меч и мгновенно обнажил его. Испугавшись, паук отпрыгнул; этого оказалось достаточно, чтобы Бильбо успел перерезать путы на ногах. Тут уж хоббит сам перешел в наступление. Паук, очевидно, никогда прежде не имел дела с существами, носящими на боку подобное жало, в противном случае он не преминул бы унести ноги подобру-поздорову. Как бы то ни было, паук замешкался, и Бильбо ударил его мечом между глаз. Паук бешено запрыгал на месте, задергался, засучил своими страшными ногами, но тут Бильбо

прикончил его вторым ударом, после чего и сам рухнул на землю и долго лежал без памяти.

Когда он пришел в себя, в лесу царил обычный дневной полумрак. Рядом лежал мертвый паук; хоббит заметил, что клинок меча покрыт черными пятнами. Что ни говорите, а победа над огромным пауком в одиночку, да еще в полной темноте и без какой бы то ни было помощи со стороны волшебника и гномов, то есть победа совершенно самостоятельная, много значила для господина Бэггинса. В нем произошли самые серьезные перемены. Обтерев клинок о траву и вложив его в ножны, Бильбо почувствовал себя куда более храбрым и свирепым, невзирая на неприятное посасывание в желудке.

– Я, пожалуй, дам тебе имя, – сказал он, обращаясь к своему мечу. – Отныне нарекаю тебя Жалом!

Затем хоббит осмотрелся. В лесу было тихо и мрачно. Первым делом следовало поискать друзей: едва ли они ушли далеко, если, конечно, не стали пленниками эльфов (или еще кого похуже!). Бильбо уже понял, что кричать в лесу небезопасно, и поэтому некоторое время стоял в раздумье, прикидывая, в какой стороне осталась тропа и где лучше искать гномов.

«И почему мы не послушали Беорна и Гэндальфа? – сокрушался

хоббит. – Как же нам теперь выпутываться? “Нам”?.. Хорошо еще, если “нам”, – одному-то совсем пропадать!»

В конце концов Бильбо почел за лучшее пойти в ту сторону, откуда ночью доносились крики о помощи; к счастью (а счастье не изменяло ему с рождения!), направление он выбрал более или менее верно, в чем вы вскоре и сами убедитесь. Собравшись с духом, он двинулся вперед со всей возможной для него осторожностью. Я уже, кажется, говорил, что хоббиты умеют ходить совершенно бесшумно, особенно по лесу, а кроме того, Бильбо сразу же надел кольцо. Вот почему пауки его не увидели и не услышали.

Некоторое время Бильбо осторожно крался по лесу и вдруг увидел перед собой какую-то черноту, нечто слишком черное даже для этого леса – какой-то сгусток ночи, не рассеявшийся и с рассветом. Подкравшись поближе, хоббит обнаружил, что сгусток этот образован сплошным переплетением паутины. Неожиданно он увидел пауков – огромных, отвратительных пауков. Они сидели на ветках прямо у него над головой. Кольцо, знаете, кольцом, а Бильбо задрожал от страха – вдруг все-таки увидят?! Притаившись под деревом и наблюдая за пауками, Бильбо внезапно сообразил, что эти мерзкие твари еще и разговаривают! Разговор их в основном состоял из какого-то поскрипывания и посвистывания, но, к своему удивлению, Бильбо многое понимал. Пауки говорили о гномах!

– Ну и повозились мы с ними! – сказал один. – Но они того стоят! Ничего, что шкура жесткая, внутри-то они наверняка сочные!

– Во-во, – откликнулся второй паук. – А отвисятся – еще вкуснее будут!

– Не перевисели бы, – заметил третий. – Больно уж тощие. Похоже, их давненько не кормили как следует.

– Да прикончить их, и дело с концом! – прошипел четвертый. – Пусть дохленькие повисят.

– Небось уже сдохли, – проворчал первый паук.

– Ничего не сдохли! Один вон дергался недавно. Очухался, поди, от яда-то! Сейчас проверим!

С этими словами толстенный паук побежал по веревке, протянутой к одной из верхних веток, на которой рядком висела дюжина каких-то свертков. Как только Бильбо разглядел их хорошенько, он пришел в ужас: из свертков торчали гномьи ноги, носы, бороды и капюшоны!

Паук направился к самому толстому свертку. «Не иначе как бедняга Бомбур!» – подумал хоббит. Паук больно ущипнул свою жертву за торчащий из свертка нос. Изнутри раздался сдавленный вопль, нога гнома дернулась и со всего размаху пнула паука. Стало быть, Бомбур еще жив! Звук при этом вышел, как при ударе по приспущенному футбольному мячу. Взбешенный паук свалился с ветки, но вовремя ухватился и повис на своей собственной паутине.

Остальные злобно расхохотались:

– Проверил, называется! Видать, не протухло, если лягается!

– Сейчас перестанет! – зловеще прошипел рассвирепевший паук и вновь полез на ветку.

Бильбо понял, что пришло время действовать. Добраться до пауков он не мог, да и стрелять ему было нечем и не из чего; однако, оглядевшись, он обнаружил, что на земле валяется множество камней, – похоже, здесь когда-то протекал ручей. Вообще-то, Бильбо недурно бросал камни, и ему не составило особого труда подобрать подходящий камешек – яйцеобразный голыш лег ему в руку как влитой. Еще мальчишкой Бильбо приобрел богатый опыт бросания камней по живым мишеням, так что все в округе кролики, белки и даже птицы молниеносно убирались с дороги, едва заметив, что хоббит нагибается; да и повзрослев, немало времени он провел, бросая в цель кольца и метая дротики, стреляя из лука по вешкам, а также играя в кегли и тому подобные тихие игры, требующие известной ловкости и меткости. То есть на самом-то деле Бильбо умел делать довольно много разных вещей, помимо пускания колечек из трубки, загадывания загадок и приготовления пищи, – просто раньше у меня не было времени рассказать об этом. Да и сейчас, в общем-то, некогда. Словом, пока Бильбо собирал камни, паук уже добрался до Бомбура: еще мгновение – и Бомбуру конец! Бильбо бросил камень не раздумывая. Камень размозжил пауку голову, и тот замертво шмякнулся на землю, задрав лапы.

Следующий камень со свистом пролетел через паутину и, перебив по пути несколько веревок, наповал сразил паука, сидевшего в самой середке. Тут уж переполошилась вся паучья братия, и, сами понимаете, на какое-то время гномов оставили в покое. Самого-то Бильбо пауки не видели, зато довольно точно определили, откуда летят камни. С неимоверной быстротой они ринулись в сторону хоббита, бросая наугад липкие длинные веревки, и вскоре заплели все вокруг своими раскачивающимися тенетами.

Однако Бильбо предусмотрительно сменил позицию. Ему пришла в голову хорошая мысль: попробовать увести разъяренных пауков подальше, то есть подальше от гномов, раздразнив, раззадорив и разозлив их как следует, причем всех сразу. Когда на том месте, где только что стоял Бильбо, собралось с полсотни пауков, он снова забросал их камнями, не забыв и тех, что еще, оставались в паутине. Затем, приплясывая между деревьев, он запел песенку, чтобы подразнить пауков и заставить их погнаться за ним, – а кроме того, не

мешало и гномам дать знать о своем присутствии!

Вот какую песенку запел Бильбо:

Лупоглазу пауку*
Любо дрыхнуть на суку!
Но с высокого сука
Не видать озорника!
Не увидишь! Не увидишь!
Ку-ку!

Толстопузу пауку
Все печенки припеку!
Но с высокого сука
Не поймать озорника!
Не поймаешь! Не поймаешь!
Ку-ку!

Песенка, конечно, получилась немудреная, но не стоит забывать, что хоббит сочинил ее на ходу, да еще в самый критический момент. Во всяком случае, дело свое она сделала. Напевая песенку, Бильбо швырял в пауков камни и притопывал ногами. В результате почти все пауки бросились его ловить: одни попрыгали на землю, другие погнались за ним поверху, перескакивая с одного дерева на другое и забрасывая все вокруг новыми и новыми липкими веревками. Раззадорить пауков оказалось куда проще, чем Бильбо предполагал: песенка просто взбесила их! Когда в тебя летят камни, это, конечно, тоже неприятно, но какой же паук не возмутится, когда его обзывают «лупоглазом», а уж в ответ на «толстопуза» и всякий из себя выйдет!

Бильбо снова сменил позицию, однако пауки теперь рассредоточились по всей поляне и поспешно принялись огораживать ее сплошной стеной паутины. Еще чуть-чуть, и хоббит оказался бы в западне – во всяком случае, на это рассчитывали пауки. Тем не менее, окруженный со всех сторон отвратительными насекомыми, Бильбо собрался с духом и затянул еще одну песенку:

И охота же тенета
Попусту тягать вам!
Бесподобно я съедобный!
Только не достать вам!

Вот я, вот он! Не замотан!
Мухою жужжу я!
Пауки! Толстяки!

За нос вас вожу я!

Тут Бильбо оглянулся и увидел, что последний проход между двумя высокими деревьями уже затянут паутиной. К счастью, там еще не было липких поперечных веревок, а только толстые, как канаты, продольные: их наспех протянули от ствола к стволу, несколько раз туда и обратно. Дело было за мечом! Бильбо в два счета перерубил все канаты и, не прекращая петь, побежал в лес.

Пауки увидели меч – и, хотя, как я полагаю, они понятия не имели, что это такое, все разом бросились за хоббитом, одни по земле, а другие по веткам; вконец разъяренные, они размахивали мохнатыми ногами, скрежетали зубами и выпучивали глаза. Они гнались за Бильбо до тех пор, пока тот не решил, что хватит, иначе и заблудиться недолго. Тогда он замолк и тише мыши поспешил обратно на поляну.

Бильбо понимал, что времени у него в обрез: вот-вот пауки догадаются, что их провели, и вернутся к своей паутине, где на ветке томятся гномы. За это время он должен освободить своих друзей! Труднее всего оказалось добраться до этой самой ветки. Не думаю, что хоббит справился бы с этой задачей, если бы, на его счастье, с ветки не свисала веревка, оставшаяся от сшибленного им паука; по ней-то Бильбо и полез. Веревка оказалась липкой и до крови обдирала руки. Неожиданно хоббит нос к носу столкнулся со старым, дряблым пауком, который остался стеречь пленников и занимался тем, что пощипывал их, пытаясь определить, какой посочнее, чтобы полакомиться втихаря. Но господин Бэггинс очень торопился, и, прежде чем паук сообразил, в чем, собственно, дело, он получил удар мечом и замертво свалился на землю.

Теперь Бильбо мог заняться ближайшим к нему гномом. Но как? Если перерезать веревку, на которой тот висит, бедняга мешком свалится на землю, причем с довольно приличной высоты. Бильбо пополз по ветке (при этом свертки с несчастными гномами стали крутиться и раскачиваться, словно спелые груши!) и наконец добрался до первого свертка.

«Фили или Кили, – подумал хоббит, заметив торчащий сверху синий капюшон. – Пожалуй, все-таки Фили», – сообразил он, глянув на длинный нос, высовывавшийся из переплетения веревок.

Изловчившись, Бильбо свесился с ветки и перерезал липкие путы, которыми гном был обмотан. Наконец (здрасьте-пожалуйста!) из кокона показался почти весь Фили! Боюсь, даже в такое мгновение Бильбо не смог удержаться от смеха при виде гнома, который болтался на паучьей веревке, подвешенный за подмышки, и усиленно работал

занемевшими локтями и коленками, – ну чисто забавный ярмарочный дергунчик!

Так или иначе, Фили наконец вскарабкался на ветку и как мог принялся помогать хоббиту, невзирая на то что еще не вполне отошел от паучьего яда, да и висеть на ветке в течение ночи и почти всего дня, то и дело вращаясь вокруг своей оси и дыша только носом, тоже было не сахар. Он еще долго отдирал какую-то липкую гадость от ресниц и бровей, а также от бороды – и все равно бороду пришлось потом изрядно обкорнать. Теперь же вдвоем они подтягивали на ветку одного гнома за другим и освобождали их от пут. Остальные гномы чувствовали себя ничуть не лучше Фили, а некоторые даже хуже. Кое-кому все это время вообще нечем было дышать (как видите, длинный нос бывает подчас весьма полезен), а кое-кто получил дозу яда побольше, чем другие…

Действуя таким образом, они освободили Кили, Бифура, Бофура, Дори и Нори. Бедняге Бомбуру пришлось хуже всех: он был самым толстым и пауки чаще других щипали его и пинали. Он не мог удержаться на ветке и рухнул вниз – к счастью, на большую кучу опавших листьев. Однако на самом конце ветки все еще висели пять свертков, когда на поляну стали возвращаться пауки, рассвирепевшие пуще прежнего.

Бильбо немедленно переместился поближе к стволу и принялся отгонять лезущих наверх пауков. Стоит заметить, что, освобождая Фили, хоббит снял кольцо и забыл надеть его снова. Поэтому пауки, наконец-то увидев своего обидчика, зашипели и заскрипели:

– Мы видим тебя, гаденыш! Мы тебя слопаем, а шкуру и косточки повесим на ветках! У-у! Да у него, кажись, жало? Ну ничего, все равно мы до тебя доберемся и повесим на денек-другой вверх ногами!

Тем временем гномы не сидели сложа руки: они занимались оставшимися пленниками, перерезая их путы ножами. Еще немного – и все будут свободны! А что дальше? Ночью пауки справились с гномами без особых осложнений, но тогда они напали в темноте и застали гномов врасплох. Теперь же было не избежать жестокой схватки.

Неожиданно Бильбо заметил, что внизу несколько пауков возятся вокруг Бомбура: они вновь связали его и уже волокли куда-то. Бильбо крикнул и, размахивая Жалом, бросился на карабкавшихся по стволу пауков. Те отпрянули и попадали вниз, прямо на головы своим собратьям. Такого жала пауки еще ни у кого не видели: меч разил

направо и налево! Сверкая, он с наслаждением вонзался в их жирные животы! Бильбо уложил с полдюжины пауков, а прочие разбежались и оставили Бомбура в покое.

– Все вниз! – скомандовал Бильбо гномам. – Вниз! Иначе вас всех переловят!

Бильбо вовремя заметил, что пауки, поднявшись по соседним деревьям, мало-помалу переползают на ветки, нависшие над головами гномов.

Гномы живо попрыгали вниз – все одиннадцать штук в одну кучу! Бедняги еле держались на ногах. Зато теперь двенадцать товарищей оказались вместе, включая несчастного Бомбура, которого с обеих сторон поддерживали его родной брат Бофур и двоюродный брат Бифур. Тем временем Бильбо метался вокруг и размахивал Жалом, а спереди и сзади, с боков и сверху на них таращились сотни разъяренных пауков. Положение выглядело совершенно безнадежным.

И тут началось сражение! Кое у кого из гномов имелись ножи, прочие похватали с земли палки, а кроме того, под ногами было полно камней, да и Бильбо сжимал в руках эльфийский кинжал. Одну за другой отбивали они атаки пауков – и десятки нападавших уже валялись на земле кверху лапами. Но долго так продолжаться не могло. Бильбо уже почти выдохся, а из гномов лишь четверо более или менее твердо стояли на ногах; еще немного – и пауки повяжут их всех, словно обессилевших мух! По краям поляны уже натягивались новые тенета…

В конце концов Бильбо пришел к выводу, что придется ему открыть гномам тайну кольца. Делать этого ему очень не хотелось, но другого выхода он не видел.

– Сейчас я исчезну, – объявил он. – Постараюсь увести пауков в сторону, а вы держитесь все вместе и пробивайтесь в противоположном направлении. Примерно вон туда, налево, – там находится полянка, на которой мы в последний раз видели костры эльфов.

Немалых трудов стоило хоббиту втолковать это плохо соображавшим гномам, которые беспрерывно кричали, размахивали палками и швыряли камни. Однако медлить больше было нельзя: пауки все теснее сжимали круг. Хоббит надел кольцо и неожиданно исчез, приведя гномов в неописуемое изумление.

Вскоре, к полному замешательству пауков, где-то справа под деревьями снова послышалась песенка про «лупоглаза» и «толстопуза». Пауки прекратили наступление, и часть из них

бросилась на голос. «Лупоглаз» возмутил их на этот раз до такой степени, что от ярости они просто потеряли голову. Тогда Балин, который вник в план хоббита лучше остальных, повел гномов в прорыв. Гномы собрались в «кулак» и, осыпая пауков градом камней, пошли в атаку на левый фланг противника и вскоре прорвали кольцо окружения. Тут крики и пение у них за спиной неожиданно смолкли.

Уповая на то, что Бильбо все-таки уцелел, гномы побежали прочь, но вовсе не так быстро, как им того хотелось. Силы их были на исходе, и гномы еле волокли ноги, хотя пауки гнались за ними по пятам. То и дело приходилось оборачиваться и отбиваться от наседавших тварей, а многие пауки оказались на ветках прямо над головами беглецов и бросали в них длинные клейкие веревки.

Дело было из рук вон плохо, но вдруг откуда ни возьмись появился Бильбо и напал на ошарашенных пауков с фланга.

– Скорее! Бегите! – закричал он. – Ужо ужалю!

И хоббит ужалил! Он разил Жалом направо и налево, рубил в куски паучьи веревки, отсекал мохнатые ноги, а особо прытким паукам одним махом вспарывал жирные животы. Пауки так и лопались от ярости – они скрипели, шипели и, брызгая слюной, изрыгали страшные проклятия. Однако проклятия помогали плохо – добыча медленно, но верно ускользала прямо из-под носа. Хоббиту казалось, что эта страшная схватка длится уже целую вечность; наконец, когда он был уже не в силах поднять руки для очередного удара, пауки неожиданно отступили и прекратили преследование. Несолоно хлебавши они побрели обратно, в свое мрачное гнездилище. Ну а гномы обнаружили, что стоят на краю полянки, где прошлой ночью горели эльфийские костры. Однако была ли эта полянка одной из тех, к которым они подкрадывались накануне, гномы не могли сказать с уверенностью. И все же им показалось, что с этими полянками связано какое-то доброе волшебство, которое паукам, видимо, было не по нраву. Во всяком случае, здесь было посветлее, то есть позеленее, да и деревья выглядели не такими толстыми, и страшными, так что гномы смогли немного передохнуть и отдышаться.

Некоторое время они без движения лежали на земле, отдуваясь и отфыркиваясь. Однако вскоре гномы пришли в себя и набросились на Бильбо с расспросами. Они требовали немедленно объяснить им его загадочные исчезновения и все прочее. Рассказ о кольце так захватил их, что на какое-то время они совершенно забыли о своих нынешних бедах. Балин снова и снова требовал повторить историю про Голлума, про загадки и про все прочее в истинном виде – то есть с кольцом! Однако близился вечер, стало смеркаться, и пришло время отвечать на другие вопросы: где они находятся, в какой стороне осталась тропа, как бы найти чего-нибудь поесть и, наконец, что делать дальше? Раз за разом гномы повторяли эти вопросы и, судя по всему, рассчитывали получить ответы не от кого-нибудь, а от маленького хоббита, из чего вам, наверное, станет ясно, что гномы решительно переменили свое мнение относительно господина Бэггинса и прониклись к нему величайшим уважением (как, впрочем, и предрекал Гэндальф). Гномы и в самом деле надеялись, что вот сейчас Бильбо возьмет и предложит какой-нибудь замечательный план спасения, а ворчать они больше и не думали. Они прекрасно понимали, что если бы не хоббит, их давно уже не было бы в живых, и горячо благодарили его. Некоторые даже вставали и кланялись ему до земли, а кое-кто из самых слабых, не удержавшись в поклоне, падал на траву и долго потом не мог

подняться. Рассказ о волшебном кольце не поколебал их уважения к хоббиту, так как гномы убедились, что, помимо кольца и неизменной удачи, Бильбо обладает еще и находчивостью, – а все вместе это уже кое-что! Гномы так долго и горячо благодарили его, что Бильбо и в самом деле почувствовал себя неустрашимым героем. Но, сказать по правде, он чувствовал бы себя еще более неустрашимым, если бы у него было что-нибудь поесть.

Однако есть было нечего, то есть совсем, по-настоящему нечего. Да и сил ни у кого не осталось – ни на поиски пищи, ни на поиски потерянной тропы. Тропа! Утомленный Бильбо не мог думать ни о чем другом. Он сидел и тупо глядел на бесконечные стволы. Через некоторое время смолкли и все остальные. Все – кроме Балина. Еще долго после того, как затихли разговоры и гномы смежили веки, Балин бормотал себе под нос и посмеивался:

– Надо же! Голлум! Горы и камни! Так вот как господин Бэггинс проскочил мимо меня! Теперь-то я знаю! Значит, просто подкрался, тихонечко так, осторожненько, не так ли, господин Бэггинс?! И пуговицы растерял на пороге?! Ну и Бильбо! Бильбо… Бильбо… бо… бо… бо…

Тут Балин заснул, и на полянке надолго установилась полная тишина.

Вдруг Двалин открыл один глаз и осмотрелся.

– А где Торин? – спросил он.

Это был страшный удар! Их и в самом деле было только тринадцать: дюжина гномов и хоббит. А и правда, где Торин? Что с ним приключилось? Может, он пал жертвой колдовства или его слопало какое-нибудь лесное чудовище? Лежа без сил на затерянной в лесу полянке, с содроганием душевным гадали гномы об участи Торина. И вновь один за другим они погрузились в тяжелый сон, и снились им разные ужасы, покуда вечер не сменился непроглядной ночью. Здесь мы их и оставим на некоторое время, обессиленных до такой степени, что даже караульных они выставить не смогли.

Торина схватили еще прежде других гномов. Вы, наверное, не забыли, что, едва вступив в круг света от эльфийских костров, Бильбо заснул беспробудным сном. А в следующий раз вперед выступил Торин. Когда огни вдруг погасли, он рухнул на землю, словно сраженный неведомой силой. Торину не довелось услышать ни воплей потерявшихся во тьме товарищей, ни их криков о помощи, когда на них напали пауки, ни всего того шума, которым на следующий день сопровождалось жестокое сражение. К нему подбежали Лесные эльфы,

связали его и утащили с собой.

Вы уже, наверное, сообразили, что именно Лесные эльфы* пировали в ночном Лесу. Народ они, в общем-то, неплохой, но больно уж недоверчивы и чересчур опасаются чужаков. Волшебство, конечно, охраняло их, однако даже в те далекие времена они отличались исключительной подозрительностью. Не в пример Высшим эльфам Запада, эти эльфы были коварны и отнюдь не так мудры. Большинство из них (включая всю их многочисленную родню с гор и предгорий) ведут свое происхождение от древних эльфийских племен, которые никогда не бывали в Эльфийской Стороне, что лежит на Западе, – а именно туда ушли некогда Светлые эльфы, Глубинные эльфы и Морские эльфы* и жили там многие столетия; там они становились все прекраснее, набирались мудрости и знаний и оттачивали свое искусство волшебства, создавая удивительные и восхитительные вещи. Впоследствии они частично возвратились в этот Мир. Лесные же эльфы его и не покидали – они так и жили в сумерках нашего Солнца и нашей Луны, хотя предпочитали звезды; жили они в огромных лесах, что росли на исчезнувших ныне землях. Селились эльфы, как правило, недалеко от опушки, чтобы при случае поохотиться на открытом месте, поскакать верхом и побегать при луне и при звездах, но когда пришли люди, эльфы стали отступать все глубже и глубже во мглу и сумрак. И все-таки они были и остались эльфами – то есть, в сущности, благородным племенем.

В нескольких милях к западу от восточного края Чернолесья, в большой пещере, жил в те времена король Лесных эльфов*. Прямо перед огромными каменными воротами пещеры протекала лесная река, которая несла свои воды в болота, к подножию лесистой возвышенности. Из Главной Пещеры глубоко под землю уходило множество подземных ходов и переходов, что вели в другие пещеры, большие и малые; однако эти подземелья были посветлее и не такие душные, как у гоблинов, да и не такие глубокие и опасные. Вообще-то говоря, подданные этого короля большей частью жили и охотились на открытом воздухе; на земле и на деревьях у них были домики и шалаши, причем из деревьев эльфы отдавали предпочтение букам. Пещера считалась дворцом короля – здесь хранились его сокровища и здесь же, как в крепости, могли укрыться его подданные в случае нападения врагов.

Помимо всего прочего, была здесь и темница для пленников. Именно туда и притащили эльфы Торина и, признаться, не очень-то с ним церемонились, поскольку гномов они вообще не жаловали, а этого

гнома и вовсе приняли за врага. Дело в том, что эти эльфы в давние времена неоднократно воевали с некоторыми гномьими племенами, обвиняя их в краже эльфийских сокровищ. Однако было бы несправедливо умолчать о том, что гномы придерживались на этот счет иного мнения: они утверждали, что всего-навсего взяли причитающееся им по праву, ибо король отдал им в обработку золото и серебро, но впоследствии отказался платить за работу. У короля эльфов и в самом деле была слабость к сокровищам, особенно к серебру и бриллиантам; хотя сундуки его были полным-полны, ему все было мало, так как он не накопил еще столько сокровищ, сколько по его представлениям было у эльфийских владык древности. И это при всем при том, что его подданные не трудились в копях и не умели обрабатывать металлы и драгоценные камни, не утруждали себя занятием торговлей и возделыванием полей. Всякому гному это было прекрасно известно. Впрочем, родичи Торина не имели к вышеупомянутой распре ни малейшего отношения. Поэтому, когда эльфы сняли с Торина чары и гном пришел в себя, он был чрезвычайно возмущен их обращением и твердо решил для себя, что ни слова о золоте и драгоценных камнях они из него не вытянут.

Когда Торина привели к королю, тот сурово взглянул на гнома и принялся его допрашивать, но в ответ Торин твердил одно и то же: умираю, мол, от голода, и все тут.

– Зачем ты со своими спутниками трижды нападал на моих пирующих подданных? – спрашивал король.

– Мы не нападали, – отвечал Торин. – Мы просто хотели попросить еды, ибо умирали от голода.

– Куда подевались твои друзья и чем они теперь заняты?

– Этого я не знаю, но думаю, что они в лесу и умирают от голода.

– А что вы делали в лесу?

– Искали еду и воду, ибо умирали от голода.

– Но что все-таки заставило вас войти в этот лес? – сердито настаивал король.

Тут Торин стиснул зубы и не проронил больше ни слова.

– Замечательно! – гневно воскликнул король. – Уведите его и посадите под замок! Пусть сидит там хоть сто лет, пока не надумает говорить правду!

Эльфы связали Торина ремнями и отвели в одну из самых глубоких темниц с толстой деревянной дверью. Однако еды и питья ему дали; хоть и не больно вкусно, зато много! Что ни говорите, а Лесные эльфы – это вам все-таки не гоблины; эльфы довольно сносно обращаются с

пленными, даже если те – их злейшие враги. Только к огромным паукам эльфы обычно беспощадны.

Так бедняга Торин оказался в королевской темнице. Подавив в себе порыв благодарности за хлеб, мясо и воду, он погрузился в мрачные размышления о горькой доле своих несчастных товарищей. Однако гадать о том, что с ними стало, ему пришлось недолго. Но об этом я расскажу в следующей главе, повествующей о новом приключении гномов, в котором хоббит вновь очень и очень им пригодился.

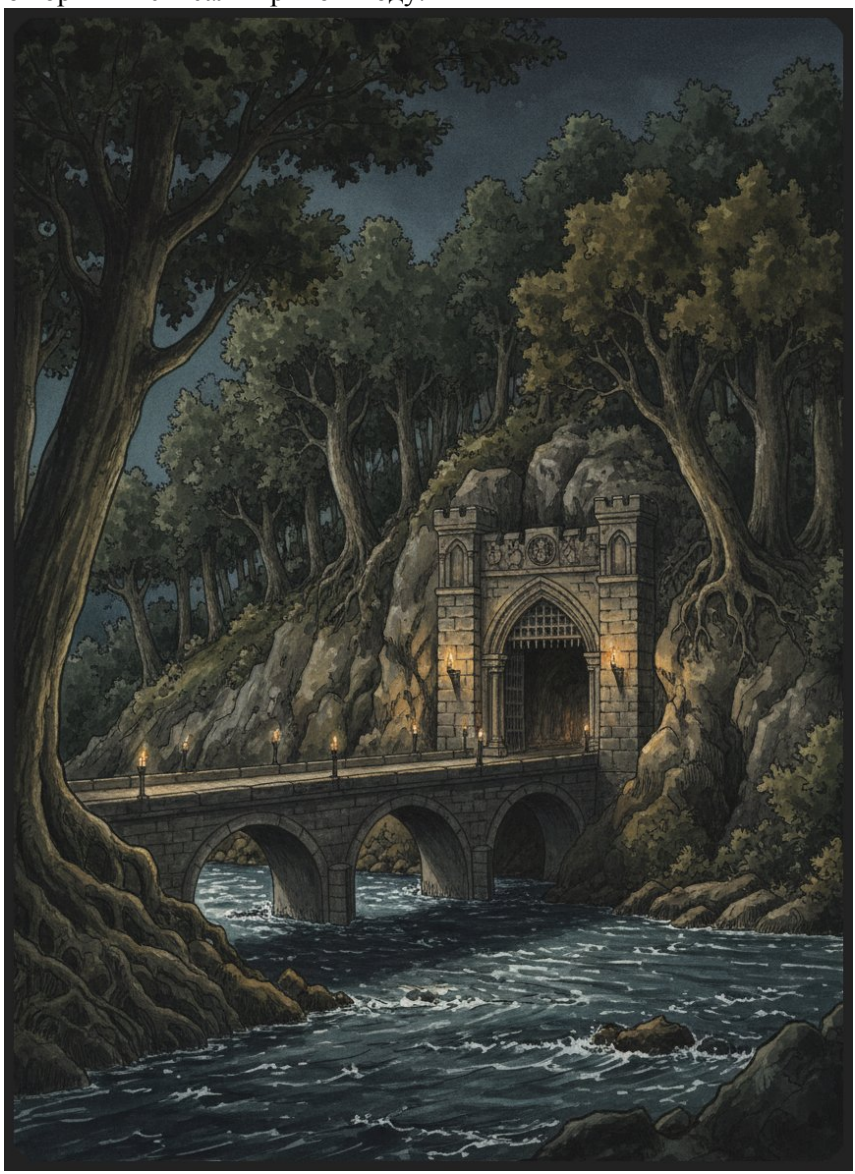
Глава IX. Бочки с контрабандой

На следующий день после сражения с пауками, умирая от голода и жажды, гномы и хоббит предприняли последнюю отчаянную попытку выбраться из леса. Они поднялись и, еле держась на ногах, побрели в том направлении, где, по мнению восьми из тринадцати, осталась потерянная тропа; однако они так и не узнали, насколько эти восемь были правы. День (точнее, то, что называлось днем в этом лесу) в который уже раз сменился непроглядной ночью, когда внезапно вокруг них, словно сотни красных звездочек, вспыхнули огни факелов. Вооруженные луками и копьями Лесные эльфы окружили их и приказали остановиться.

Сопротивляться гномы и не думали. Даже если бы они не находились в столь плачевном состоянии, что рады-радешеньки были сдаться в плен кому угодно, ножи вряд ли помогли бы против эльфийских луков: эльфы в темноте били белку в глаз без промаха. Поэтому гномы остановились, сели на землю и стали ждать своей участи – все, кроме Бильбо! Хоббит надел кольцо и мгновенно шмыгнул в сторону. Вот почему, когда эльфы связали гномов в одну цепочку и пересчитали, хоббит остался несвязанным и несосчитанным.

Да и шагов его они не слышали, когда он следовал за их вереницей, держась на порядочном расстоянии от факелов. Гномам эльфы завязали глаза, хотя, честно говоря, нужды в этом особой не было: даже Бильбо со своим острым зрением не мог определить, куда они направляются, особенно если учесть, что ни хоббит, ни гномы не имели никакого представления еще и откуда! Бильбо прилагал неимоверные усилия, чтобы не отстать, потому что эльфы нещадно погоняли своих пленников, даром что те устали и ослабли. Ничего не поделаешь – король приказал поторопиться. Неожиданно факелы остановились, и хоббит успел догнать процессию как раз перед тем, как она вступила на мост, который вел ко входу в королевский дворец. Внизу с шумом неслась темная вода; мост упирался прямо в ворота

огромной пещеры, уходившей глубоко в крутой, поросший лесом склон холма. Могучие буки спускались по склону до самой реки, так что корни их свисали прямо в воду.



Когда эльфы погнали пленников по мосту, Бильбо несколько замешкался. Очень уж не понравился ему вход в пещеру. Однако хоббит набрался мужества и решил не бросать друзей на произвол судьбы. Он рванулся вперед и, едва не наступив на пятки

замыкавшему процессию эльфу, успел проскочить в пещеру до того, как тяжелые ворота с лязгом захлопнулись.

Следуя по гулким, освещенным красноватыми отблесками извилистым переходам, эльфы затянули песню. Переходы здесь были не то что в логове гоблинов – поуже, не такие глубокие, да и дышать тут было не так тяжело. В большом подземном зале с колоннами, высеченными прямо в скале, на резном деревянном троне восседал король эльфов. На голове его покоился венец из красных листьев и ягод, ибо уже наступила осень, – весной король носил венец из лесных цветов. В руке он сжимал дубовый жезл.

Пленников подвели к нему, и, хотя король посмотрел на них довольно сурово, он приказал развязать их, потому что выглядели они чрезвычайно усталыми и изможденными.

– В пещере веревки уже не нужны, – заметил он, усмехнувшись. – Кто однажды попал сюда, никогда не сможет выйти из моих заколдованных ворот без моего дозволения!

Король долго и с пристрастием допрашивал гномов – куда они

направляются, и откуда идут, и, главное, зачем, – но, помимо того, что ему уже было известно от Торина, ничего нового он не услышал. Гномы стояли набычившись, с самым вызывающим видом.

– Что мы тебе сделали, о король? – возопил Балин, который теперь остался за старшего. – Какое мы совершили преступление, заблудившись в лесу, чуть не умерев от голода и жажды и попав в плен к паукам? Или, может, пауки – твои любимые домашние животные, раз ты так по ним убиваешься?

Этот ехидный вопрос, разумеется, разгневал короля пуще прежнего.

– Уже вторгшись в мои владения без моей на то воли, вы совершили тягчайшее преступление! – объявил он. – Вы забываете, что находитесь на моей земле и ступили на тропу, проложенную моими подданными! Разве не вы трижды подкрадывались в лесу к пирующим эльфам и тревожили их покой, да еще накликали своими воплями полчища пауков со всей округи? Полагаю, что после всего доставленного нам беспокойства я имею полное право узнать, что вам здесь понадобилось. А раз вы намерены отмалчиваться, я посажу вас в темницу до тех пор, пока вы не одумаетесь и не научитесь учтивости!

Затем он приказал, чтобы гномов отвели в темницу, каждого в отдельную камеру, и дали им хлеба с водой, а из камер чтобы никого не выпускали, пока хотя бы у одного из пленников не появится желание сказать правду. Король, однако, не сказал гномам, что Торин тоже томится под замком в королевской темнице. Обнаружил это Бильбо.

Бедный, несчастный господин Бэггинс! Немало долгих дней пришлось ему провести одному во владениях эльфийского короля, постоянно скрываясь, не осмеливаясь ни на минуту снять кольцо, едва отваживаясь изредка немного вздремнуть в каком-нибудь темном уголке. Чтобы хоть чем-нибудь заняться, Бильбо принялся бродить по королевскому дворцу. Хотя ворота и в самом деле были заколдованы, хоббиту все же иногда удавалось выбраться наружу, однако это требовало от него известной прыти. Время от времени возглавляемая королем кавалькада эльфов выезжала на охоту или по каким-нибудь иным делам как в самом лесу, так и в землях, лежащих к востоку от леса. Тогда хоббиту приходилось призывать на помощь всю свою изворотливость, чтобы проскочить сразу вслед за эльфами. Однако такой маневр был сопряжен с немалой опасностью. Несколько раз хоббита едва не защемило в воротах, когда они с лязгом захлопывались за спиной последнего эльфа, – а идти рядом с эльфами

Бильбо не отваживался, опасаясь, что они заметят его тень (правда, весьма неотчетливую в дрожащем свете факелов) или нечаянно натолкнутся на него самого. Впрочем, оказавшись на открытом воздухе, что случалось не так уж и часто, Бильбо всякий раз чувствовал себя неуютно. Бросить гномов и убежать он как-то не решался, да и не знал, куда податься. За эльфами он во время охоты не угнался бы и, стало быть, дороги из лесу узнать не мог. Ему оставалось лишь бесцельно бродить по лесу, изо всех сил стараясь не заблудиться и дожидаясь удобного случая возвратиться в пещеру. А кроме того, за стенами дворца он еще и голодал, потому что охотником был никудышным. В пещере же у него было полно возможностей добыть себе пропитание: Бильбо просто брал из кладовок и со стола то, что плохо лежало, дождавшись, чтобы рядом никого не было.

«Точь-в-точь грабитель, который не может уйти и вынужден изо дня в день таскать по мелочам в одном и том же доме, – думал Бильбо. – Самый противный и тягостный эпизод этого отвратительного, занудного и тоскливого приключения! Сидел бы я сейчас у себя в норе подле камина, лампа бы горела…»

Ему все время хотелось как-нибудь переправить волшебнику весточку с просьбой о помощи, но это было, разумеется, совершенно невозможно, и вскоре хоббит осознал окончательно: если кто и должен что-нибудь предпринять, то не кто иной, как господин Бэггинс, причем в одиночку и без всякой посторонней помощи.

Решение было принято, и недели через две подобного мышиного образа жизни хоббит, подсматривая и подслушивая при любом удобном случае, выяснил, где сидят гномы. Он обнаружил все двенадцать камер, расположенных в разных уголках дворца, и в конце концов досконально изучил все подходы к ним. Каково же было его удивление, когда, в очередной раз подслушав разговор стражников, он узнал, что в темницу заточен еще один гном! Этот тринадцатый гном томился в пещере, находившейся в самой глубине подземелий. Конечно, Бильбо сразу догадался, что это не кто иной, как Торин, и в скором времени его догадка подтвердилась. В конце концов, преодолев немало препятствий, Бильбо пробрался к Торину и, дождавшись, пока никого не будет поблизости, ухитрился переговорить с предводителем отряда.

Торин истомился до такой степени, что давно умерил свой гнев и начинал даже подумывать, не рассказать ли королю всю правду о сокровищах и о цели их похода (а это свидетельствует о том, что бедняга совершенно пал духом!), когда неожиданно через замочную

скважину услышал шепоток Бильбо. Торин не поверил своим ушам! Вскоре, однако, он убедился, что слух его не обманывает. Припав с обеих сторон к замочной скважине, они с хоббитом продолжительное время о чем-то перешептывались.

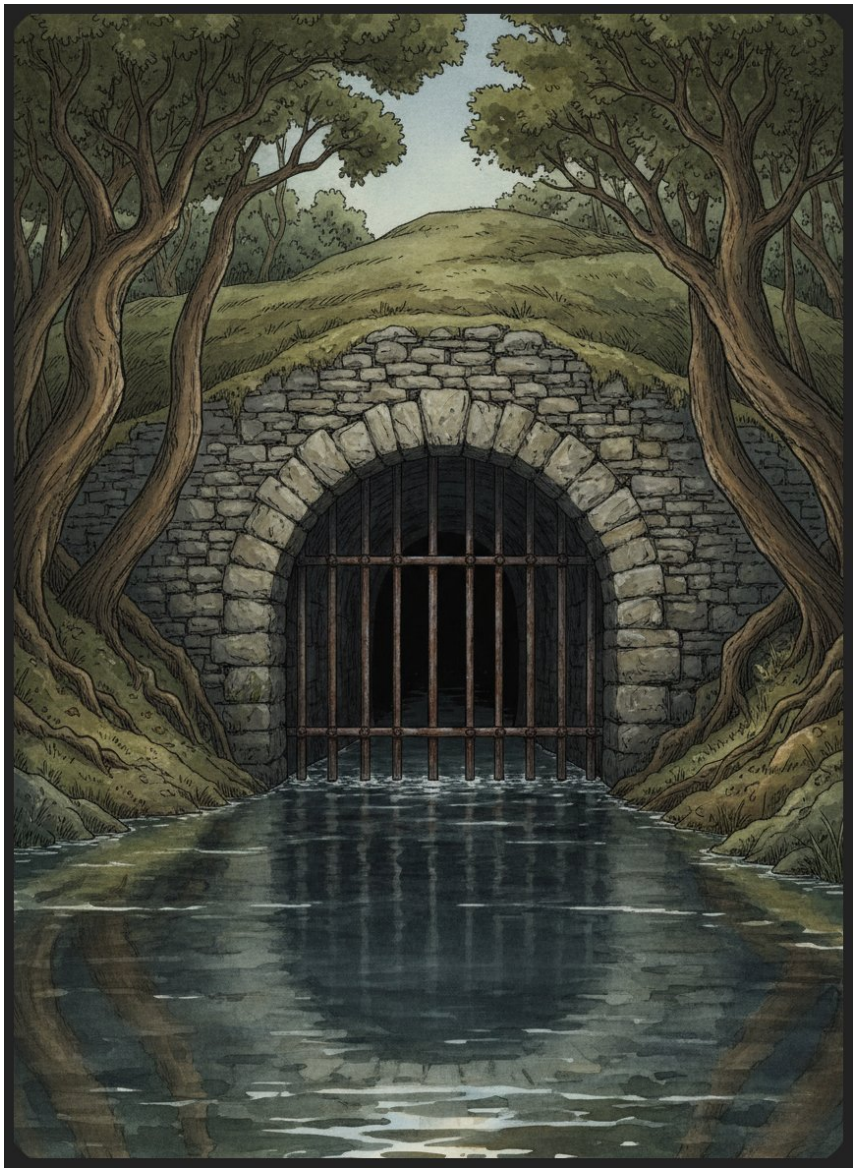
Таким образом, у Бильбо появилась возможность передать всем находившимся в заключении гномам тайное послание Торина, в котором сообщалось, что Торин, их предводитель, тоже сидит в темнице, совсем недалеко от них, и что гномы ни в коем случае ничего не должны говорить королю о сокровищах – по крайней мере до тех пор, пока не будет на то воли Торина. Выслушав рассказ о том, как хоббит вызволил гномов из паучьей неволи, Торин воспрял духом и утвердился в намерении не откупаться от короля обещанием доли в сокровищах, покуда остается хоть какая-нибудь надежда вырваться из плена иным способом, – другими словами, покуда высокочтимый господин Бэггинс Невидимка (о котором Торин теперь был самого высокого мнения!) не отчается придумать какой-нибудь хитроумный способ избавления.

С главной мыслью этого послания остальные гномы были согласны целиком и полностью. Не без оснований они полагали, что причитающаяся каждому из них доля сокровищ (которые они давно рассматривали как свою собственность, не принимая в расчет ни своего бедственного положения, ни далеко еще не побежденного дракона!) серьезно пострадает, если к ним в долю войдут еще и эльфы; поэтому все надежды гномы возлагали на Бильбо. Как видите, произошло именно то, о чем говорил Гэндальф. И как знать, не на это ли он и рассчитывал, покидая гномов на западной окраине Чернолесья?

Тем не менее Бильбо никоим образом не разделял радужных надежд гномов. Бремя ответственности невыносимо тяготило его, и он многое бы отдал за то, чтобы рядом оказался волшебник. Однако об этом не приходилось и мечтать: между ними на много-много миль протянулось таинственное Чернолесье. Бильбо сидел и думал, думал, думал… Ему казалось, что голова его вот-вот лопнет от напряжения, но ничего подходящего на ум не приходило. Волшебное кольцо – вещь, конечно, замечательная, но кольцо одно, а их четырнадцать. И все-таки, как вы уже, наверное, догадались, Бильбо в конце концов выручил из беды своих друзей. И вот как он это проделал.

Как-то раз, бродя по дворцу и подслушивая разговоры, он выяснил одно немаловажное обстоятельство: оказывается, в подземелья можно было попасть не только через ворота! Под самыми нижними

помещениями дворца протекала подземная речка. Чуть дальше к востоку она впадала в большую реку под названием Лесная, протекавшую как раз по другую сторону склона, в котором были пробиты главные ворота. В том месте, где подземная речка выходила из-под холма наружу, были устроены ворота. Низкий каменный свод здесь почти касался поверхности воды; под ним имелась подъемная решетка, которая доставала до самого дна речки, преграждая таким образом путь как вниз, так и вверх по течению. Однако решетку эту довольно часто поднимали, потому что по водным путям эльфы вели оживленную торговлю и по реке в обе стороны переправлялись различные грузы. Всякий, следующий этим путем в пещеру, поднявшись по речке, оказывался в темном туннеле с грубо отесанными стенами. Туннель вел в самую глубину холма; в том месте, где речка проходила под эльфийскими подземельями, в потолке туннеля был пробит большой люк с тяжелой дубовой крышкой, который открывался прямо в королевские подвалы. Там стояли бочки, бесконечные ряды бочек, – Лесные эльфы, а особенно их король, были весьма неравнодушны к вину, а вот виноград в этих местах не выращивали. Вино, как и другие товары, доставлялось сюда издалека от эльфов Юга и с виноградников, которые возделывали люди в дальних странах.



Притаившись за большущей бочкой, Бильбо подслушал разговор королевских слуг и выяснил, где находится люк и как он открывается. Он узнал также, что вино и прочие товары доставляются к озеру Долгому как по рекам, так и сухопутными трактами. Оказалось, у озера по-прежнему жили люди; дома их в Озерном городе стояли на сваях, далеко от берега, что позволяло уберечься от врагов, и особенно от дракона из Горы. А из Озерного города бочки переправлялись вверх

по реке Лесной. Обычно их связывали вместе наподобие плота, а потом шестами и на веслах перегоняли вверх по течению, но иногда грузили в широкие плоскодонные лодки.

Порожние бочки эльфы сбрасывали в люк, поднимали решетку, и бочки плыли вниз по течению, покуда их не выносило на отмель у восточного края Чернолесья. Там их подбирали, связывали и сплавляли дальше до Озерного города, расположенного неподалеку от того места, где река Лесная впадала в озеро Долгое.

Бильбо провел немало времени в размышлениях об этом люке, прикидывая, нельзя ли воспользоваться им для побега. В конце концов у него созрел дерзкий план…

Как-то раз пленникам разносили ужин. Стражники протопали по коридору и удалились, унося с собой факелы. Вновь наступила темнота. И тут Бильбо услышал, как королевский виночерпий, пожелав доброй ночи начальнику стражи, сказал:

– А может, пойдешь со мной? Только что доставили новую партию вина. Такого ты еще не пробовал! Всю ночь мне придется работать – нужно освободить погреба от порожней тары. Давай хлебнем немного, чтобы работалось веселей!

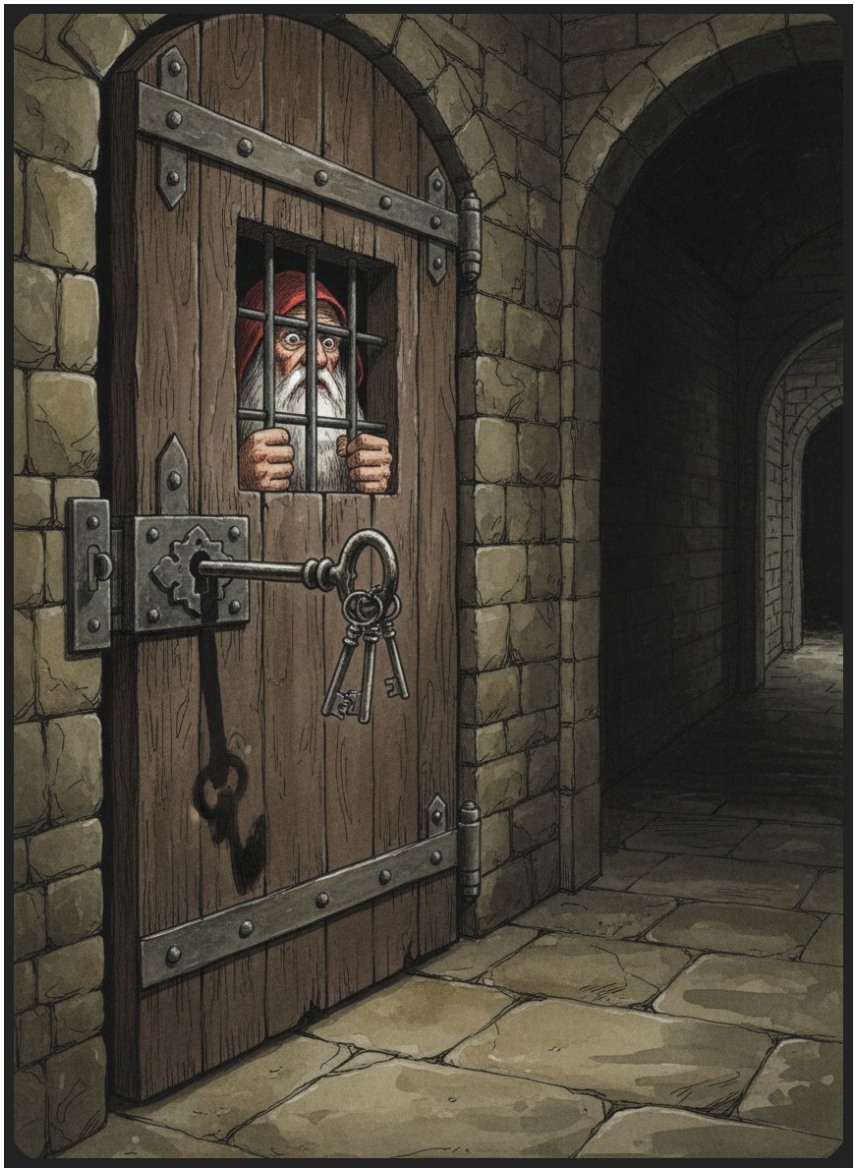
– Давай! – обрадовался начальник стражи. – Заодно и проверим, годится ли это вино для королевского стола. Нынче ночью у короля пир, негоже подавать ему всякую дрянь!

Услыхав такое, Бильбо весь затрепетал: он понял, что и на этот раз удача не отвернулась от него – наконец-то выпал счастливый случай и он может осуществить свой дерзкий замысел! Хоббит последовал за эльфами в небольшой погребок. Эльфы уселись за стол, на котором стояли два больших кувшина. Вскоре оба начали пить вино и весело смеяться*. Хоббиту и тут невероятно повезло! Дело в том, что напоить Лесных эльфов не так-то просто: для этого требуется очень крепкое вино, а это вино, очевидно, было выдержанным и высшего качества, из винограда с бескрайних плантаций Дорвиниона*, и никак не предназначалось для стражников и прочей челяди, а единственно для королевских пиров, да и пить его следовало из небольших кубков, а не из кувшинов виночерпия!

Прошло немного времени, и начальник стражи стал клевать носом, уронил голову на стол и крепко заснул. Не обращая на него внимания, виночерпий еще некоторое время разговаривал сам с собой и смеялся, но вскоре тоже уткнулся лбом в стол и вовсю захрапел подле своего собутыльника. Тут-то к столу и подкрался хоббит. Спустя минуту начальник стражи остался без ключей, а Бильбо со всех ног помчался к

темницам. Бежать с тяжеленной связкой ключей в руках оказалось совсем не просто, и Бильбо сильно запыхался, да и с ключами ничего не мог поделать – они все время громко звякали и бренчали, так что, несмотря на кольцо, хоббита трясло от страха.

Перво-наперво он открыл камеру, в которой сидел Балин, и, едва гном выскочил в коридор, аккуратно запер ее снова. Можете себе представить, как удивился Балин и как обрадовался, выйдя наконец из опостылевшего ему каменного мешка, как набросился он на Бильбо с расспросами, что да как и все такое прочее!



– Ой, некогда! – отмахнулся хоббит. – Давай за мной! Нужно держаться всем вместе, а то, чего доброго, потеряемся. Либо мы все сбежим, либо – никто, больше такого случая не будет! Если все откроется, еще неизвестно, куда король вас засадит. Да, наверное, еще и цепями скует по рукам и ногам. Так что сделай милость, отстань!

Бильбо переходил от одной двери к другой, пока число гномов за его спиной не достигло двенадцати. Гномы – народ, прямо скажем, не

самый ловкий, а в темноте, да еще после столь продолжительного сидения под замком – и подавно! Всякий раз, когда они натыкались друг на друга и громким шепотом возмущались, сердце у хоббита так и екало.

«Ох уж мне этот гномий тарарам!» – думал Бильбо в сердцах.

Однако все прошло как по маслу – стражников они не встретили. Этой ночью эльфы устраивали большой осенний пир в лесу и верхних залах дворца. Поэтому в тот вечер почти все королевские слуги предавались веселью.

Наконец после долгих блужданий беглецы добрались до темницы Торина, расположенной в одном из самых глубоких подземелий, по счастью, совсем недалеко от погребов.

– Клянусь честью! Гэндальф, как всегда, оказался прав! – воскликнул Торин, когда Бильбо шепотом предложил ему покинуть камеру и присоединиться к друзьям. – Теперь я ни минуты не сомневаюсь, что придет время и ты станешь настоящим грабителем! Что бы ни случилось с нами дальше, мы тебе премного обязаны! Кстати, что же дальше?

Бильбо понял, что пришла пора изложить гномам свой план, хотя хоббит был не вполне уверен, что он им понравится. Его опасения полностью подтвердились: план гномам ну совсем не понравился, и они стали громко возражать, нимало не заботясь о том, что их могли услышать стражники.

– Этак мы понабиваем себе шишек, разобьем головы да и утонем наверняка! – возмущались гномы. – О чем ты только думал, когда выкрадывал ключи?! Это же просто безумие!

– Очень жаль, – упавшим голосом вымолвил вконец раздосадованный Бильбо. – Отправляйтесь тогда обратно в свои замечательные темницы, я вас аккуратненько запру, и можете сидеть там со всеми удобствами, пока не придумаете чего-нибудь получше. Ключи вот только вряд ли я еще когда-нибудь достану, даже если очень захочется…

Такое заявление сразу поставило гномов на место, и они поутихли. Разумеется, им не оставалось ничего другого, как принять план Бильбо, – нечего было и думать бежать из дворца через верхние залы и пробиваться через заколдованные ворота. А раз так – незачем было и препираться, стоя в темном переходе и рискуя в любую минуту нарваться на стражников. Поэтому гномы осторожно последовали за хоббитом к нижним погребам. Наконец они миновали дверь, через

которую были видны начальник стражи и королевский виночерпий, – оба все еще мирно похрапывали с блаженными улыбками на лицах: с дорвинионского вина спится ох как сладко!

«Утром у начальника стражи будет на лице совсем другое выражение», – подумал Бильбо, подкрался к спящему и великодушно повесил ему связку ключей обратно на пояс, хотя и сомневался, что это утешит оплошавшего эльфа.

«Ну ничего, зато ему не так сильно попадет, – успокоил себя сердобольный господин Бэггинс. – Не такой уж он и плохой, да и с пленниками обходился вполне сносно. То-то эльфы удивятся! Они наверняка подумают, что тут не обошлось без какого-нибудь страшного колдовства, раз мы ухитрились пройти сквозь запертые двери и сбежали! Сбежали?.. До этого еще ой как далеко! Нужно действовать, да поживее!»

Балина приставили к начальнику стражи и виночерпию, чтобы дать знать, если те проснутся. Все остальные направились в соседний погреб с люком. Время было дорого: Бильбо понимал, что в подвал вот-вот заявятся эльфы, которым было приказано помочь виночерпию сбрасывать в реку пустые бочки. Приготовленные бочки рядами стояли посередине погреба. Многие были из-под вина, но они не годились, так как пришлось бы вышибать днища, а без шума при таком деле никак не обойдешься, и, кроме того, поди потом их закупори! К счастью, в погребе нашлись и другие бочки – в них доставлялись королю яблоки, масло и прочая снедь.

Вскоре удалось отобрать тринадцать бочек, достаточно емких, чтобы в каждой поместилось по гному. Некоторые бочки оказались даже великоваты, и, забираясь в них, гномы с опаской думали о том, как их растрясет и сколько шишек они себе понабивают, невзирая на то что даже в такой спешке заботливый Бильбо ухитрился раздобыть соломы и разного тряпья для подстилки – он сделал все возможное, чтобы устроить гномов поудобнее. Наконец двенадцать гномов были затарены. С Торином, правда, пришлось повозиться: он долго ворочался в своей бочке и недовольно ворчал, словно пес в тесной конуре. Балин же, залезший в бочку последним, возмущенно потребовал сделать ему отдушину, утверждая, что он задыхается, хотя бочка не была еще даже закупорена. Бильбо тщательно заделал все дырки и щели в бочках и забил днища так крепко, как только смог. Оставшись в одиночестве, он бегал вокруг бочек, еще и еще раз проверяя, все ли в порядке, и с замиранием сердца ожидал дальнейшего развития событий.

Долго ждать ему не пришлось. Не прошло и минуты после того, как хоббит забил днище над головою Балина, когда послышались голоса и замелькали факелы. В погреб спускались эльфы; они смеялись, балагурили и что-то весело напевали. Эльфы только что покинули шумный пир в одном из верхних залов дворца и долго задерживаться внизу не собирались.

– Куда это подевался старина Галион*, виночерпий? – спросил один из эльфов. – На пиру я его что-то не видел. Он должен быть тут, чтобы показать нам, какие бочки сбрасывать!

– Ну задам я этому старому копуше, если он сейчас не появится! – возмутился другой эльф. – Была охота торчать тут попусту, когда веселье в самом разгаре!

– Ха-ха-ха! – послышался звонкий смех третьего. – Да этот старый жбан спит в обнимку с кувшином! У них тут пир на двоих с начальником стражи!

– Тряхните-ка его как следует! – в нетерпении закричали остальные эльфы.

Виночерпию совсем не понравилось, когда его «как следует тряхнули», а насмешки просто вывели эльфа из себя.

– Сами вы опоздали! – огрызнулся он. – Ждешь их тут, понимаешь ли, ждешь, а они себе пьют, веселятся и совсем забыли о деле! Неровен час, и уснешь, уработавшись-то!

– Час-то неровен, – засмеялись эльфы, – особенно если в обнимку с кувшином! Дай-ка нам попробовать твоего снотворного, пока мы тоже не уработались! А тюремщика не буди. Судя по всему, свою дозу он уже получил!

Эльфы пустили кувшин по кругу и развеселились пуще прежнего, но соображения не утратили.

– Галион! А ты часом не спятил? – крикнул кто-то из эльфов. – Похоже, ты рановато пировать начал. Если я еще что-нибудь соображаю, ты выставил нам полные бочки вместо пустых!

– Давай работай! – проворчал виночерпий. – Лентяю и пустая бочка за полную кажется, это известно! Бочки те, какие надо, и никаких других нет! Делай, что велено!

– Ладно, ладно! – отмахивались эльфы, подкатывая бочки к открытому люку. – Только если бочки с маслом и отменным королевским вином уплывут к людям, в Озерный город, отвечать будешь сам. То-то они попируют на дармовщинку!

«К люку бочки катим-катим!
Мы по речке их прокатим!

Эй, ухнем! Ух! Ух!
Эй, плюхнем! Плюх! Плюх!»

Вот такую песенку запели эльфы, подкатывая бочки к люку и одну за другой сбрасывая их в черный проем, прямо в ледяную воду. Одни бочки и в самом деле были пустыми, а в других сидели тщательно законопаченные гномы; тем не менее все бочки без исключения полетели вниз – с громким плеском они падали в воду, наползали одна на другую, ударялись друг о друга и о каменные стены туннеля и плыли, плыли вниз по течению.

В эту самую минуту Бильбо со всей очевидностью осознал, что его план имеет один довольно существенный недостаток. Многие из вас наверняка давным-давно его заметили и в душе посмеиваются над хоббитом, и все же, я думаю, окажись вы на месте Бильбо, вряд ли вы повели бы себя намного умнее. Ну конечно же! Хоббит забыл про себя! Впрочем, если бы он и залез в бочку, закрыть ее было бы некому. На этот раз все шло к тому, чтобы хоббит все-таки расстался со своими друзьями (почти все они уже исчезли в черном проеме люка) и один-одинешенек до конца дней своих обречен был шнырять по эльфийским подземельям, аки вечный тать. Он мог, конечно, еще разок проскочить через заколдованные ворота пещеры, но едва ли сумел бы отыскать гномов. Хоббит совсем не знал дороги к тому месту, где течение выносило бочки на отмель. С тревогой подумал Бильбо о том, что станется с гномами без него, ведь он не успел рассказать им всего, что узнал здесь и что намеревался предпринять, когда они выберутся из леса.

Пока эти печальные мысли проносились в голове у хоббита, работавшие у люка эльфы запели веселую песню и уже приготовились потянуть за веревки, с помощью которых поднималась решетка, чтобы к тому времени, когда бочки доплывут до нее, путь был открыт.

По теченью в переплясе
Уплывайте восвояси!
Выходите на простор
Далеко от хмурых гор,
Где тяжелая завеса
Не висит над сердцем Леса!
Уплывайте вы, легки, —
Встретят вас там ветерки!
Мимо камышовых топей,
Мимо тростниковых копий,

Мимо дремлющих болот,
Где стеной туман встает!
Уплывайте за звездою,
Что заблещет над рекою,
Уплывайте! А с утра. —
Повернуть на юг пора!
Вы на юг, на юг плывите
И за солнцем путь держите,
Там, где пастбище и луг, —
Все на юг, на юг, на юг,
Где нальется солнцем за год
Влага виноградных ягод,
Что который век подряд
Эльфов радостью дарят!
По теченью в переплясе
Уплывайте восвояси!

И вот к люку подкатили последнюю бочку. В полном отчаянии, не зная, что еще предпринять, бедный Бильбо вцепился в нее и вместе с ней полетел в черный проем. Плюх! Хоббит бухнулся в ледяную воду, а бочка прямо на него!

Отчаянно барахтаясь, Бильбо, словно мокрая крыса, пытался уцепиться за бочку и забраться на нее сверху, но та всякий раз переворачивалась, и хоббит вновь оказывался под ней. Эта бочка была пустой и вертелась в воде, как пробка. Вода попала хоббиту в уши, но он все еще слышал, как сверху из погреба доносится пение эльфов. Неожиданно раздался гулкий удар, крышка люка захлопнулась, и голоса смолкли. Бильбо оказался в подземном туннеле, в ледяной воде,

совершенно один – его друзья, законопаченные в бочках, в счет, разумеется, не шли.

Вскоре впереди показалось какое-то серое пятно. Бильбо услышал скрежет поднимаемой решетки и обнаружил, что находится в самой гуще толкущихся, налезающих одна на другую бочек, которые дожидались своей очереди протиснуться под низким сводом и вырваться вместе с потоком из-под земли. Бильбо прилагал неимоверные усилия, чтобы его не зашибло и не раздавило; постепенно толчея стала рассасываться – одна за другой бочки проскакивали под каменной аркой и вырывались на волю. Про себя Бильбо порадовался, что не забрался верхом на бочку: в том месте, где стояла решетка, зазор между круто опускавшимся сводом и поверхностью воды был слишком мал – даже для хоббита.

Бочки плыли по течению под нависавшими над водой ветвями деревьев, которые росли по обоим берегам реки. Бильбо все время беспокоился: как-то там гномы и много ли воды натекло в их бочки? В полумгле ему казалось, что некоторые бочки сидят в воде низковато, и хоббит догадывался, что внутри, наверное, гномы.

«Будем надеяться, что днища я забил достаточно плотно!» – подумал Бильбо, но вскоре собственные неприятности заставили его на какое-то время забыть о гномах.

Хоббит изо всех сил старался удержать голову над водой. Он дрожал от холода и лихорадочно соображал, не утонет ли до того, как ему улыбнется удача, то есть долго ли он еще продержится, цепляясь за бочку, а также – не стоит ли рискнуть и вплавь добраться до берега.

Удача все же улыбнулась ему, и довольно-таки скоро: боковым течением несколько бочек отнесло в сторону и прибило к берегу, где, упершись в притопленную корягу, они на некоторое время образовали небольшой затор. Бочку Бильбо прижало к другим, и у хоббита наконец-то появилась возможность оседлать ее. Словно тонущая крыса, он вскарабкался на бочку и, обхватив ее руками и ногами, приноровился держать равновесие. Дул свежий ветер, но это было всяко лучше, чем ледяная вода, и хоббиту оставалось уповать на то, что ему удастся не свалиться, когда бочки поплывут дальше.

Вскоре бочки вырвались из затора, и течение вновь вынесло их на стрежень. Опасения Бильбо полностью подтвердились: удержаться на постоянно крутящейся бочке оказалось ой как непросто, и ему приходилось прилагать к этому неимоверные усилия. К счастью, весил хоббит совсем немного, а бочка была достаточно большой и тяжелой, да к тому же через щели натекло порядочно воды. Тем не менее все это

напоминало скачку без узды и стремян верхом на лихом крутобоком пони, который все время норовит покататься по травке.

Наконец лес по обоим берегам сильно поредел, и между стволов проглянуло бледное небо. Темноводная речка раздалась вширь; здесь она впадала в реку Лесную, которая с шумом проносила свои воды мимо ворот королевского дворца. Деревья не затеняли темной водной глади, и на ней покачивались отражения облаков и звезд. Через некоторое время сильное течение реки Лесной отнесло всю флотилию к левому берегу, прямехонько в широкую, удобную заводь. Под высоким берегом тянулась галечная отмель, а с востока заводь перекрывалась небольшой каменной косой. Основную часть бочек сразу вынесло на отмель, а некоторые, все еще покачиваясь на волнах, сгрудились у каменной преграды.

На берегу уже поджидали эльфы с баграми. Они живо согнали все бочки на отмель, пересчитали их, связали веревками и оставили так до утра. Бедные, несчастные гномы! Хоббит находился, пожалуй, в несколько более выгодном положении. Он соскользнул со своей бочки и, выбравшись на берег, потихоньку побрел в сторону домиков, стоявших невдалеке от уреза воды. Хоббит больше не колебался, когда ему представлялся случай поужинать без приглашения: он давно к этому привык, а кроме того, на собственном опыте убедился, что настоящий голод – это далеко не то же самое, что вежливый интерес к изысканным лакомствам, которые припас радушный хозяин для дорогого гостя. А еще Бильбо увидел за деревьями пламя костерка, который манил тем сильнее, что насквозь мокрая одежда так и липла к телу и с нее лилась ледяная вода.

Наверное, нет особой необходимости подробно рассказывать, как Бильбо провел эту ночь, – теперь мы с вами совсем уже близко подошли к концу достославного похода гномов на восток; осталось последнее и самое опасное приключение, так что задерживаться нам некогда. Само собой разумеется, что благодаря волшебному кольцу у хоббита поначалу не было никаких проблем, однако его все-таки выдавали мокрые следы и лужицы, которые он оставлял всюду, где проходил или присаживался. В довершение всего Бильбо начал шмыгать носом, а при каждой попытке сдержаться выдавал свое присутствие оглушительным взрывом сдавленного чихания. Таким образом, вскоре весь речной поселок загудел, как растревоженный улей. В итоге Бильбо почел за лучшее удалиться в соседнюю рощицу, прихватив с собой буханку хлеба, кожаную флягу с вином и пирог, которые, естественно, ему не принадлежали. Остаток ночи пришлось

провести вдали от костра, так и не просушив одежды; правда, хоббита выручило вино, и он немного вздремнул на куче прошлогодних листьев, невзирая на то что уже наступила осень и ночь была довольно прохладной.

Проснувшись, Бильбо чихнул как-то особенно громко. Вставало хмурое утро; с реки доносились веселые голоса. На отмели эльфы-плотильщики связывали бочки в плот, а эльфы-плотогоны уже готовились сплавляться вниз по реке до Озерного города. Бильбо снова чихнул. Вода с него больше не капала, но он страшно продрог. Еле передвигая закоченевшие ноги, он поспешил на берег и вовремя успел пробраться на готовые к отплытию бочки. В общей суматохе его никто не заметил, благо солнца еще не было, а стало быть, не было и предательской тени, да и чихать Бильбо, по счастью, на некоторое время перестал.

Заработали багры. Стоявшие на отмели эльфы дружно принялись отталкивать плот от берега. Бочки ударялись друг о друга и со скрипом терлись боками.

– Тяжелые какие-то! – ворча, отдувались эльфы. – И сидят низковато. Наверное, в них что-то осталось. Жаль, что они прибыли ночью, а то бы мы непременно заглянули!

– Сейчас уже некогда! Давай толкай! – крикнул один из плотогонов.

Наконец плот отвалил от берега и, сначала потихоньку (вдоль каменной косы, где стояли эльфы с баграми и отталкивали его), а потом все быстрее и быстрее (когда вышел на стрежень) заскользил вниз по реке, к озеру Долгому.

Так хоббит и гномы совершили побег из плена и оказались по другую сторону Чернолесья, а вот живыми или мертвыми – скоро увидим.

Глава X. Радушный прием

Тем временем день разгорался и стало теплее. Вскоре река сделала крутой поворот, огибая скалистый утес, высившийся на левом берегу. На глубине, у его подножия, вода билась о камни и бурлила. Утес остался позади, берега внезапно стали пологими, лес кончился – и глазам Бильбо открылась широкая пойма, изрезанная бесчисленными протоками и рукавами реки, которая распадалась на великое множество русел, образуя бесконечные заводи, болота и островки; однако посередине, в главном русле, течение было по-прежнему ровным и сильным. А далеко-далеко впереди, пряча в облаках свою темную вершину, маячила Гора! Отсюда не было видно ни соседствующих с ней гор на северо-востоке, ни всхолмий между ними. В полном одиночестве вздымалась Гора над окрестностями и взирала на Лес через простиравшиеся внизу болота. Одинокая Гора! Бильбо проделал долгий путь и пережил немало опасных приключений ради того, чтобы увидеть ее, но теперь она ему с первого же взгляда совершенно не понравилась!

Подслушивая разговоры плотогонов и связывая воедино почерпнутые из этих разговоров обрывки сведений, Бильбо очень скоро понял: ему крупно повезло, что он смог увидеть эту Гору хотя бы издали. В подземельях у эльфов он всякого натерпелся, да и трудно было закрыть глаза на некоторые неудобства его нынешнего положения (о гномах, томившихся в бочках где-то под ним, нечего и говорить!) – и все-таки поводов для торжества у него было больше,

чем он мог предположить. Эльфы говорили по преимуществу о речной торговле и о том, как оживилось в последнее время движение по реке, – сухопутные дороги к востоку от Чернолесья, оказывается, заросли и стали непроезжими. Разговор шел также о бесконечных пререканиях людей Озерного города с эльфами на предмет того, кому надлежит следить за чистотой берегов и русла реки Лесной. Во всяком случае, с той поры, когда в Горе жили гномы, здесь все сильно изменилось. У людей те времена оставили по себе разве что смутные легенды. Многое изменилось и в последние годы – об этих переменах даже Гэндальф еще ничего не знал. После великих ливней и последовавших за ними наводнений все реки, текущие на восток, вышли из берегов; кроме того, тут произошло несколько землетрясений (и кое-кто склонен был винить в этом дракона, каждое упоминание о котором неизменно сопровождалось проклятиями и многозначительными кивками в сторону Горы). По обе стороны реки все дальше и дальше расползались болота и топи. Тропы сгинули без следа – равно как многие всадники и пешие смельчаки, отважившиеся искать путь через болота. А эльфийская тропа, по которой, следуя совету Беорна, гномы пошли через Чернолесье, стала опасной и в восточной своей части почти совсем заросла; только по реке и можно было спокойно добраться от северной опушки Чернолесья до предгорий, потому что река охранялась королем Лесных эльфов.

Как видите, путь, избранный Бильбо, оказался единственно верным. Настроение у дрожащего от холода господина Бэггинса, наверное, несколько улучшилось бы, знай он, что новости об их невзгодах уже достигли слуха Гэндальфа, странствовавшего в дальних краях, что тот сильно встревожился и собирался уже отправиться на поиски Торина и его друзей, благо свои неотложные дела на юге (которые не имеют никакого отношения к нашей истории) он почти

закончил. Но Бильбо ничего этого не знал.

А знал он только одно: что реке этой нет конца, что он голоден, что его одолел противный насморк и что ему очень не нравится, как поглядывает на него надвигающаяся Гора. А поглядывала она хмуро и угрожающе. Наконец река отклонилась немного к югу и Гора осталась в стороне. К вечеру берега стали каменистыми, река собрала все свои многочисленные рукава в многоводный, сильный поток, и плот стремительно понесло вперед.

Уже на закате река сделала еще один поворот, теперь к востоку, и влилась в озеро Долгое. По обеим сторонам широкого устья, словно ворота, стояли два больших утеса с галечными отмелями у подножий. Озеро Долгое! Бильбо никогда не думал, что, кроме моря, где-нибудь бывает столько воды сразу! Озеро оказалось таким широким, что противоположный берег едва удавалось разглядеть, а в длину оно было еще больше: северного берега, за которым маячила Гора, не было видно вообще. Только по карте Бильбо знал, что там, далеко на севере, где уже замерцали звезды Большой Медведицы, в озеро впадает текущая от самого Дейла река под названием Бегучая и вместе с рекой Лесной наполняет водой эту огромную впадину, которая, по-видимому, когда-то была глубоким горным ущельем. А на южном конце озера приумножившая свои воды река Бегучая, низвергнувшись с высоких уступов, стремительно неслась дальше, на юг, в неведомые земли. Тихими вечерами до устья Лесной доносился глухой рокот водопада.

Неподалеку отсюда расположился небольшой город, о котором Бильбо немало наслушался еще в королевских подземельях. Выстроен он был не на берегу, хотя и там приютилось несколько хижин, а прямо на открытой воде, в тихой заводи, защищенной скалистым мысом от сильного течения впадавшей в озеро реки. Длинный деревянный мост, протянувшийся от мыса, вел к бревенчатым домам большого торгового города, стоявшего на толстенных сваях, вытесанных из цельных стволов. В городе жили не эльфы, а люди, из тех, у кого еще хватало мужества селиться в виду драконьей горы. Они по-прежнему занимались торговлей; товары с юга доставлялись сюда по реке Бегучей до водопада, а затем уже берегом до города. Однако в старые добрые времена, когда на севере процветал богатый город Дейл, люди были здесь и побогаче, и повлиятельнее. По озеру и по рекам ходили целые флотилии судов, причем иные из них с золотом, а иные с вооруженными воинами. В свое время над этим городом прогремело немало войн, и здесь вершились великие дела, от которых остались

одни легенды. В засуху, когда уровень воды в озере падал, близ берега еще можно было увидеть ряды гниющих свай – все, что осталось от былого величия Озерного города.

Теперешние жители почти не помнили прошлого, хотя некоторые из них еще не забыли старых песен о гномьих королях, о Троре и Траине из рода Дьюрина, о пришествии Дракона и о падении владык Дейла. В некоторых песнях пелось о том, что настанет день и Трор с

Траином вернутся, тогда золото снова рекой потечет из горных ворот, а окрестные земли снова наполнятся песнями и веселым смехом. Но эти красивые сказки никак не влияли на повседневную жизнь Озерного города.

Как только показался плот, от свай отошли несколько лодок; послышались громкие голоса – люди приветствовали эльфов-плотогонов. Встречавшие бросили на плот веревки, заработали веслами и вскоре, стащив плот с быстрины, отбуксировали его за высокий скалистый мыс, в заводь, к Озерному городу. Здесь его пришвартовали у берега неподалеку от моста. В скором времени сюда должны были прибыть люди с юга, которые обычно забирали часть бочек с собой. Прочие бочки прямо в Озерном городе наполнялись товаром, предназначенным для короля эльфов, после чего их перегоняли обратно – вверх по реке Лесной. Бочки оставили пока на плаву, а эльфы, пригнавшие плот, отправились вместе с лодочниками пировать в Озерный город.

Они бы, наверное, очень удивились, если бы увидели, что происходило у берега после того, как они удалились и наступила темнота. Перво-наперво Бильбо отвязал одну из бочек, подогнал ее к берегу и вышиб дно. Из бочки послышались стоны, и оттуда выполз совершенно несчастный гном. В его всклокоченной бороде торчала мокрая солома; ноги у него закоченели и не гнулись. Весь в синяках и ссадинах, еле держась на ногах, он по мелководью заковылял на берег и с жалобным стоном распластался на гальке. Гном так оголодал и одичал, что с виду напоминал пса, которого привязали к конуре и этак на недельку забыли о нем. То был Торин, но догадаться об этом можно было разве что по золотой цепочке и по небесно-голубому капюшону, теперь, правда, грязному и изодранному, с поблекшей серебристой кисточкой. Нет ничего удивительного в том, что гном долго не в состоянии был вымолвить ни слова, хотя это с его стороны было, разумеется, невежливо.

– Живой ты, в конце концов, или нет?! – встряхнул его Бильбо, особо не церемонясь. – Разве ты не на свободе?! – Хоббит, видимо, не счел возможным принять во внимание, что сам-то он с тех пор, как они покинули королевские погреба, по крайней мере один раз недурно подкрепился, не говоря уже о том, что мог свободно двигаться и дышать. – А если ты голоден и тебе еще не расхотелось продолжать свой бессмысленный поход – а поход этот никак уж не мой! – то потрудись лучше размять и растереть руки-ноги да помоги вытащить остальных, пока еще не поздно!

Разумеется, Торин внял гласу разума и, постонав еще немного, поднялся все-таки на ноги и как мог стал помогать хоббиту. Отыскать нужные бочки в темноте и по пояс в ледяной воде оказалось не так-то просто. Только шестеро гномов отозвались на стук и на окрик. Их тут же извлекли из бочек и помогли им добраться до берега, где они и распластались, ворча и стеная: мокрые, избитые и скрюченные, гномы едва ли отдавали себе отчет в том, что они наконец свободны и не худо

бы кое-кого за это поблагодарить.

Балину и Двалину пришлось, пожалуй, хуже всех, так что помощи от них ждать было нечего. Бифур и Бофур с виду были посуше и поцелее, но и они лежали на берегу, не проявляя ни малейшего желания пошевелиться. А вот Кили с Фили, которые были сравнительно молоды (по гномьим, конечно, меркам!) и упакованы со сравнительно большими удобствами (то есть бочки у них были поменьше, а соломы в них побольше), выбрались на свет в более или менее приличном виде, отделавшись какой-нибудь парой синяков; правда, руки и ноги у них немного затекли.

– Ох уж этот мне запах яблок! На всю жизнь нанюхался! – ворчал Фили. – Да и сам провонял весь! Просто пытка какая-то: бесконечно вдыхаешь яблочный запах, когда едва можешь повернуться и умираешь от голода и холода! Я бы сейчас ел, ел и ел! Все что угодно, кроме яблок!

Объединенные усилия Торина и Бильбо, а также Кили с Фили увенчались наконец успехом: все оставшиеся гномы были отысканы и извлечены из бочек. Бедный толстяк Бомбур то ли спал, то ли был в обмороке; Дори, Нори, Ори, Оин и Глоин вымокли до нитки и больше походили на мертвых, чем на живых; всех их, одного за другим, пришлось оттаскивать на берег и укладывать там, словно бревнышки.

– Ну вот, кажется, и всё! – произнес Торин, отдуваясь. – И за это нам следует поблагодарить судьбу и, разумеется, господина Бэггинса, который имеет все основания от нас этого потребовать, хотя и мы вправе были ожидать, что ему удастся предложить нам иной, более удобный способ передвижения! Тем не менее еще раз нижайше благодарим, господин Бэггинс! Впрочем, наша благодарность наверняка станет еще горячей, когда мы немного поедим и придем в себя. Итак, куда дальше?

– В Озерный город! – откликнулся Бильбо. – Куда же еще?

Поскольку идти и в самом деле было больше некуда, Торин, Кили с Фили и хоббит оставили друзей отлеживаться на берегу, а сами направились к мосту. При входе на мост стояла караульная будка, но охранники несли службу далеко не самым лучшим образом – в этом уже давным-давно не было никакой необходимости. Если не принимать в расчет некоторых неурядиц с пошлинами за провоз товаров по реке, между людьми и эльфами царило полное согласие. А никого другого поблизости больше не было. Кое-кто из горожан помоложе уже в открытую высказывал сомнения в существовании дракона и посмеивался над седовласыми стариками, которые били себя

в грудь, уверяя, что в молодые годы своими собственными глазами видели в небе огнедышащего змея. Поэтому не было ничего удивительного в том, что охранники преспокойно выпивали и веселились у очага в своей будке и не слышали ни шума откупориваемых на берегу бочек, ни шагов четырех лазутчиков. Когда Торин Дубощит собственной персоной встал у них прямо на пороге, они так и обомлели.

– Кто ты такой и что тебе надо?! – закричали они, вскакивая с мест и хватаясь за оружие.

– Я – Торин, сын Траина, внук Трора, Короля-Под-Горой! – громовым голосом объявил гном. Даже в изодранной одежде и замызганном капюшоне он выглядел по-королевски. Золото сияло у него на груди и на поясе, темные глаза горели огнем. – Я вернулся! И желаю видеть вашего Магистра!

Что тут началось! Несколько не самых умных охранников даже выскочили из будки, словно и впрямь ждали, что Гора вот-вот извергнет потоки золота, которые заполнят озеро до самых краев. Тем не менее начальник охраны головы не потерял.

– А это кто? – вопросил он, указав на Кили с Фили и на Бильбо.

– Сыновья моей сестры, – гордо ответствовал Торин, – Кили и Фили из рода Дьюрина, а также путешествующий с нами господин Бэггинс из далекой западной страны.

– Если вы пришли с миром, сдайте оружие! – потребовал начальник охраны.

– У нас нет оружия, – развел руками Торин.

И это была сущая правда: ножи и великий меч Оркрист у них отобрали эльфы; Бильбо свой короткий меч, как всегда, прятал под одеждой и умолчал о нем.

– Тому, кто во исполнение древнего пророчества вернулся на родную землю, оружие не надобно! – заявил Торин. – Да мы и не намерены воевать с вами. Ведите нас к Магистру!

– Магистр пирует, – озадаченно сказал начальник охраны.

– Тем лучше! – вмешался Фили, которому все эти церемонии уже порядком надоели. – После долгой дороги мы устали и голодны, и среди нас есть больные. Поторапливайтесь! Оставим эти пустые разговоры, а то как бы не попало кое-кому от Магистра!

– Тогда следуйте за мной! – согласился начальник охраны.

Вместе с еще шестерыми охранниками он провел их по мосту через городские ворота прямо на торговую площадь. На самом деле она представляла собой просто большое водное пространство, окруженное

со всех сторон высокими рублеными домами, которые стояли на могучих сваях; здесь же было оборудовано множество причалов, с которых к воде вели всевозможные сходни, трапы и лесенки. В одном из больших домов горели огни и слышался гул голосов. Пройдя в дом, гномы зажмурились от яркого света и оказались прямо перед длинными пиршественными столами.

– Я – Торин, сын Траина, внук Трора, Короля-Под-Горой! Я вернулся! – громко возгласил Торин прямо с порога, не дав и рта раскрыть начальнику охраны.

Все так и повскакивали с мест! Даже Магистр поднялся со своего большого кресла. Но никто так не удивился, как эльфы, которые сидели в дальнем конце зала. Подбежав к столу Магистра, они закричали:

– Это беглые пленники нашего короля! Бродячие гномы, которые ничего толком о себе не рассказывали, а только шныряли по лесу и досаждали нашему народу!

– Это правда? – строго спросил Магистр.

Он был скорее готов прислушаться к эльфам, нежели поверить в возвращение Короля-Под-Горой, личности совершенно мифической.

– Правда то, что на пути в наши владения нас вероломно схватили эльфы и без всяких на то оснований заточили в подземельях своего короля! – ответил Торин. – Однако ни замки, ни решетки не удержат того, чей приход предсказан в древнем пророчестве! Разве этот город находится во владениях короля эльфов? Разве я говорю с плотогонами короля эльфов, а не с Магистром города озерных людей?

Магистр в недоумении переводил взгляд с гномов на эльфов и обратно. Что ни говорите, а король эльфов – это король эльфов, и Магистр вовсе не собирался ссориться с ним, да и в старые пророчества не очень-то верил, а больше полагался на привычные понятия – такие, как торговля и пошлина, товары и золото; благодаря этому он и занимал свой нынешний пост. Однако пирующие за столами люди придерживались совершенно иного мнения, и дело быстро решилось помимо воли Магистра. Известие о прибытии гномов, едва вырвавшись за порог, облетело весь город подобно пожару. И внутри пиршественного зала, и снаружи зазвучали восторженные крики, по деревянным настилам со всего города стали сбегаться люди. Многие на ходу припоминали обрывки древней песни о возвращении Короля-Под-Горой, и никого не смущало то обстоятельство, что вернулся не сам Трор, а его внук. Песню подхватили, и она громко и величественно разлилась над озером:

Король вернется в Гору,
В свой каменный чертог, —
Придет он к Эребору*,
Когда настанет срок.

Венец его заблещет,
Как ясная звезда,
И арфа затрепещет,
Как в давние года.

С веселием и смехом
Старинных песен лад
Вновь разнесется эхом
Средь гулких анфилад.

И вырастет на склонах
Зеленая трава,
И в мантиях зеленых
Восстанут дерева,

И снова, как когда-то,
Расщедрится Гора,
И хлынут реки злата
И реки серебра.

И озеро зажжется,
Сверкая, как хрусталь, —
Когда Король вернется,
Забудем мы печаль!

Вот такая была эта песня, или почти такая, только значительно длиннее, а еще было много восторженных криков и звуки бесчисленных арф и скрипок. Такого ликования в городе не могли припомнить даже самые древние старцы. Эльфы и те призадумались и, более того, слегка перепугались. Они, разумеется, не догадывались, каким образом Торину удалось бежать из заточения, и начали склоняться к мысли, что, вероятно, их король совершил серьезную ошибку. А Магистр почел за лучшее присоединиться к всеобщей радости, во всяком случае на время, и сделал вид, что признает в Торине того, за кого тот себя выдает. Поэтому он уступил Торину свое кресло и усадил рядом, на почетных местах, Кили и Фили. Да и для Бильбо нашлось местечко за главным столом, и никто в этой суматохе не стал спрашивать, откуда он такой взялся, – ведь в старых песнях о

хоббитах не было вообще никаких упоминаний, даже самых туманных.

Вскоре на волне всеобщего ликования в город принесли и остальных гномов. Их немедленно принялись лечить, кормить, нянчить, всячески ублажать и обихаживать. Торину и его друзьям предоставили большой дом; к их услугам были лодки с гребцами; ликующие толпы не расходились и целыми днями распевали песни, а едва кто-нибудь из гномов показывался в окне или на пороге, его шумно приветствовали.

Некоторые песни были очень-очень старые, некоторые не очень, а некоторые так и вовсе новые – в них со всей определенностью говорилось о скорой гибели дракона и вереницах судов с дорогими подарками, что поплывут вниз по Бегучей к Озерному городу. Вдохновителем большей части этих новых песен был сам Магистр, но, надо признаться, они не особенно вдохновляли гномов, которые, пользуясь случаем, потихоньку отъедались и быстро набирались сил. Через неделю гномы стали как новенькие и приосанились; им сшили одежду из дорогой ткани, причем их любимых расцветок; бороды их были аккуратно расчесаны и подстрижены. Торин выступал по городу с таким видом, словно он уже стал Королем-Под-Горой, а Смауг давным-давно изрублен на мелкие кусочки.

Как и обещал Торин, благодарные чувства гномов в отношении хоббита день ото дня становились все горячее и горячее. Гномы больше не пеняли ему и не ворчали на него. Они с удовольствием пили за его здоровье, дружески хлопали его по плечу и вообще носились с ним как с писаной торбой, что было, надо сказать, совсем не лишним, поскольку хоббит отнюдь не разделял всеобщей радости. Он вовсе не забыл, как выглядит Одинокая Гора и кто в ней живет, а помимо всего прочего, зверски простудился. Первые три дня он, не выходя из дому, беспрерывно чихал и кашлял, да и потом все его речи за пиршественным столом сводились к короткому: «Бдагодадю богодно!»

А эльфы тем временем отправились восвояси, вверх по реке Лесной. В королевском дворце они застали страшный переполох. Откровенно говоря, мне так и не удалось выяснить, что сталось с начальником стражи и виночерпием. Само собой разумеется, что, гостя в Озерном городе, гномы ни словом не обмолвились ни о выкраденных ключах, ни о бочках, да и Бильбо благоразумно не надевал своего волшебного кольца. Тем не менее, хотя знали эльфы немного, они о многом догадались. Впрочем, господин Бэггинс так и остался для них «темной лошадкой»… Во всяком случае, король эльфов теперь точно знал о цели похода гномов, или по крайней мере

думал, что знал.

«Так-так! Посмотрим-посмотрим! – размышлял он про себя. – Во всяком случае, через Чернолесье они с сокровищами просто так не пройдут. Но скорее всего их затея плохо кончится. И поделом!»

Он и на мгновение не мог поверить, что гномам удастся убить такого могучего дракона, как Смауг, и у него появились серьезные подозрения, что гномы намерены просто ограбить дракона или предпринять что-либо в том же роде. Все это свидетельствовало о том, что король эльфов был достаточно мудр, то есть куда мудрее озерных людей, хотя он и не во всем оказался прав, но это выяснилось только в самом конце. Он выслал дозорных на берег озера и далеко на север, почти под самую Гору, и стал ждать.

К концу второй недели Торин начал собираться в дорогу. Пока ликование в городе еще не улеглось, самое время было попросить о помощи: задержка с выступлением вполне могла остудить добрые порывы озерных людей. Торин сообщил Магистру и его советникам, что вскоре вместе со своими друзьями отправляется к Горе.

Услышав такое, Магистр очень удивился и даже немного испугался – он впервые подумал: а может быть, Торин и впрямь потомок древних королей? Магистр никак не мог поверить, что гномы все-таки отважатся бросить вызов Смаугу, и успокаивал себя мыслью, что скорее всего они просто-напросто самозванцы, которых скоро разоблачат и выгонят вон. Но Магистр ошибался. Торин и в самом деле был внуком Короля-Под-Горой, а кроме того, мало кому

известно, на что способен гном, задумавший отомстить или вернуть свои владения!

Тем не менее Магистр с легким сердцем принял известие о том, что гномы уходят. Обходились они городу недешево; к тому же их прибытие перевернуло в городе всю жизнь, превратив ее в сплошной праздник, а дела тем временем стояли.

«Пусть себе идут, пусть попробуют сунуться к Смаугу! Посмотрим, как он их встретит!» – так Магистр подумал, а вслух сказал следующее:

– Ступай, о Торин, сын Траина, внук Трора! Потребуй назад свои владения! Видно, настало время сбываться пророчеству! Мы окажем тебе любую помощь, но и ты не оставь нас своим благоволением, когда вновь обретешь свое королевство!

И вот, хотя была уже глухая осень, дули холодные ветры и с деревьев осыпалась последняя листва, наступил день, когда три большие лодки с гребцами, гномами, господином Бэггинсом и изрядным запасом провизии покинули наконец Озерный город. Вьючных лошадей и пони отправили кружным путем по берегу, с тем чтобы они встретили гномов у места высадки, чуть севернее озера. Магистр и его советники, стоя на пороге магистрата, выходившего как раз на озеро, пожелали гномам доброго пути. Люди толпами стояли на мостках и выглядывали в окна – они пели песню о Короле. Белые весла ударили по воде, и лодки двинулись на север – туда, где долгое путешествие должно было наконец завершиться. Один только Бильбо не испытывал в эту торжественную минуту ни малейшей радости.

Глава XI. На приступочке

Два дня они шли на веслах по озеру Долгому, пока наконец не вошли в реку Бегучую, и тут все они увидели высившуюся впереди Одинокую Гору, огромную и зловещую. Течение было сильным, и продвигались лодки медленно. К вечеру третьего дня, поднявшись всего на несколько миль вверх по Бегучей, они пристали к левому, а точнее говоря, к западному берегу и высадились. Здесь их уже поджидали люди с лошадьми, на которых они привезли запасы провизии и все необходимое снаряжение, а также они привели пони, специально для гномов и хоббита. Сколько смогли, гномы навьючили на пони, а остальное сложили под тент. Но люди наотрез отказались остаться хотя бы до утра в непосредственной близости от этой страшной Горы.

– Здесь нам делать нечего, во всяком случае пока не сбудутся древние предсказания! – отнекивались они.

И то сказать, в этих угрюмых местах куда легче было поверить в Дракона, нежели в могущество Торина. Да и охранять гномьи запасы не было никакой необходимости: на много миль в округе местность была совершенно необитаемой и пустынной. Так что, несмотря на сгущавшиеся сумерки, озерные люди поспешно покинули гномов – одни ушли в лодках вниз по Бегучей, другие берегом.

Гномы провели холодную и тягостную ночь и отчасти приуныли. Но утром они вновь отправились в путь. Балин и Бильбо ехали позади всех, и каждый вел в поводу тяжело навьюченного пони. Остальные с трудом выбирали дорогу, ибо никаких троп здесь уже не было. Отклонившись от реки Бегучей к северо-западу, гномы шаг за шагом приближалась к большому южному отрогу Горы.

Это был трудный путь, шли молча, воровато оглядываясь. Больше не было слышно ни веселого смеха, ни песен, ни звуков арфы, а честолюбивые чаяния, переполнявшие сердца гномов, когда озерные люди распевали песни былых времен, угасли и уступили место

глухому унынию. Гномы прекрасно понимали, что их поход неумолимо близится к концу, а кончиться он мог очень и очень плохо. Места пошли голые и мрачные, хотя Торин утверждал, что раньше тут была цветущая зеленая долина. Изредка попадалась чахлая травка, и давно уже не было видно ни кустов, ни деревьев – о них напоминали только гнилые, почерневшие пни. Гномы пришли на Драконову Пустошь, и пришли сюда на исходе года.

Тем не менее до подножия Горы они добрались, не встретив на пути никаких препятствий и не обнаружив никаких признаков присутствия дракона, если не считать, конечно, полного запустения, царившего вокруг его логова. Теперь Гора громоздилась прямо перед ними, страшная и безмолвная. Свой первый лагерь гномы разбили на западном склоне южного отрога, который кончался большой скалой под названием Воронец. Раньше на Воронце располагался сторожевой пост, но гномы побоялись туда забраться, слишком уж открытое это было место.

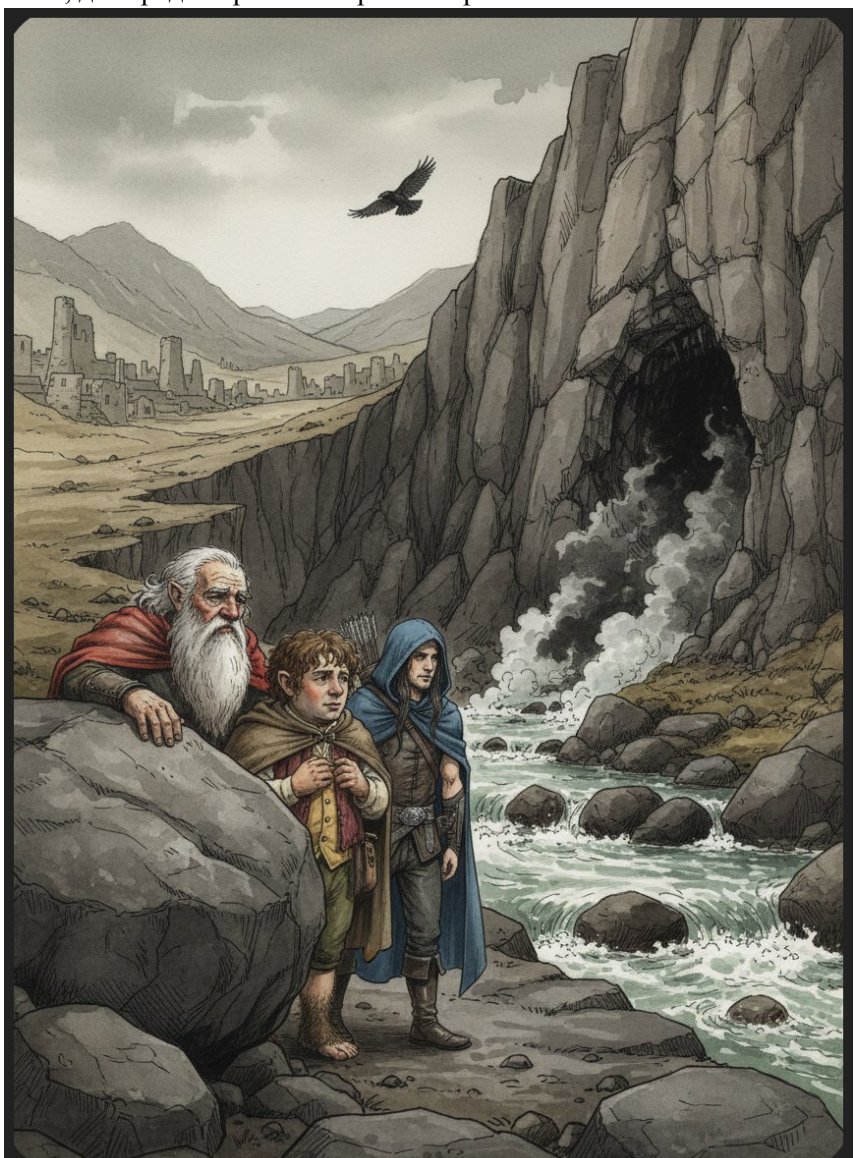
Прежде чем искать в западных отрогах потайной ход, на который гномы очень рассчитывали, Торин выслал разведку на юг – к Главным Воротам. В разведку он отправил Балина и Кили с Фили. С ними увязался и Бильбо. Разведчики стали пробираться вдоль угрюмых безмолвных скал к подножию Воронца. Здесь, сделав большую петлю по долине Дейла, река сворачивала к югу и стремительно несла свои воды к озеру Долгому. Скалистые, совершенно голые берега круто обрывались к воде. Стоя над тесниной, где среди огромных валунов пробивал себе дорогу пенящийся поток, гномы увидели на другом берегу широкую долину и мрачные руины древних крепостных стен, башен и жилых домов.

– Это все, что осталось от Дейла, – промолвил Балин. – В тот день, когда в Дейле зазвонили во все колокола, на горных склонах росла зеленая трава и стоял лес, а сама долина цвела и радовала глаз.

Лицо его было печально и угрюмо: в день, когда дракон опустился на Гору, Балин был вместе с Торином.

Идти вдоль реки, к Воротам, гномы не рискнули; они обогнули южный отрог и, выглянув из-за большого камня, увидели в могучей

скальной стене зияющее черное отверстие. Прямо из этой огромной дыры изливались воды реки Бегучей; изнутри валил пар и черный дым. Все вокруг было неподвижно – только пар клубился, бежала вода, и время от времени пролетала над головами зловещего вида черная ворона. Безмолвие нарушали только шум несущегося по камням потока, да изредка хриплое воронье карканье.



– Пошли обратно! – сказал Балин, поеживаясь. – Здесь нам делать

нечего. Да и птички эти мне что-то не нравятся. Мне кажется, они следят за нами, и явно с недобрыми намерениями.

– Жив курилка! – тяжело вздохнул хоббит. – Судя по дыму, дракон где-то там, под Горой.

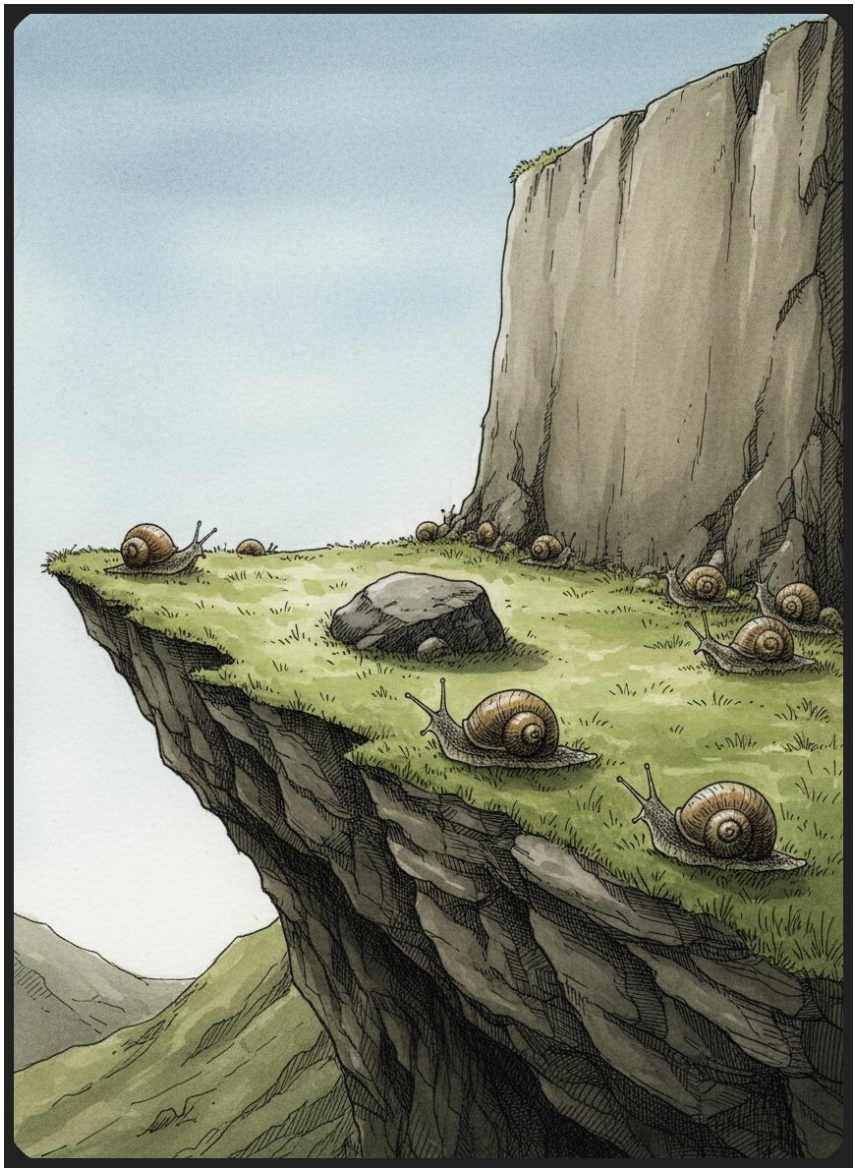
– Дым еще ни о чем не говорит, – заметил Балин. – Но, боюсь, ты все-таки прав. Хотя дракон иногда выходит наружу и может сидеть в засаде где-нибудь наверху. А дым и пар могут валить из Ворот и без его участия, ибо за столько лет он наверняка задымил и завонял под Горой все и вся.

С такими вот невеселыми мыслями, сопровождаемые беспрерывным вороньим карканьем, разведчики двинулись обратно в лагерь. Подумать только! Еще в июне они гостили в чудесном Доме Элронда! И хотя осень теперь едва поворачивала к зиме, с тех пор, казалось, прошли годы и годы. Гномы очутились в пустыне, где на каждом шагу их подстерегала опасность и помощи ждать было неоткуда. Поход подходил к концу, а желанная цель представлялась все столь же недостижимой. На успех никто уже не надеялся.

Как ни странно, господин Бэггинс далеко не полностью разделял подобные настроения. То и дело он требовал у Торина карту и рассматривал ее, размышляя над начертанными на ней рунами и вспоминая прочитанные Элрондом лунные буквы. Именно Бильбо заставил гномов приступить к небезопасным поискам потайного хода в западных отрогах Горы. Гномы перенесли лагерь на новое место – в длинную лощину, которая была значительно уже обширной южной долины, лежавшей перед Главными Воротами. Лощина эта располагалась меж двух западных отрогов, не таких высоких, как остальные, зато особенно крутых. Здесь, на западных склонах, осталось не так много следов драконьего бесчинства, нашлась даже травка для пони. Из этого лагеря, который почти целый день находился в тени Горы и освещался лишь лучами закатного солнца, день за днем гномы совершали разведывательные вылазки в поисках подхода к Горе. Если верить карте, где-то наверху, высоко над лощиной, должен был находиться потайной ход. Но время шло и шло, а поиски не приносили успеха.

И все-таки совершенно неожиданно они нашли то, что искали. Как-то раз Кили с Фили и хоббит возвращались в лагерь, пробираясь между обломками скал в южном конце лощины. Около полудня, проползая за огромным камнем, который стоял в гордом одиночестве, словно массивная колонна, Бильбо обнаружил что-то вроде грубо вырубленных ступеней; они вели куда-то наверх. Поднявшись по ним,

взволнованные гномы и хоббит отыскали узенькую прерывистую тропку; то и дело теряясь среди камней, она вела к вершине южного гребня и в конце концов вывела на узкий карниз, уходивший куда-то на противоположную сторону Горы. Отсюда, с высоты южного гребня, видна была вся лощина и – прямо внизу – временный лагерь гномов. Осторожно, прижимаясь к скальной стене, они друг за другом стали пробираться по узенькому карнизу – и вдруг стена подалась внутрь и гномы с хоббитом оказались на небольшом пятачке, тихом и укромном, поросшем зеленой травой. Из-за нависшей над лощиной скалы его совсем не было видно снизу, а издали и подавно – со стороны он казался просто небольшой темной трещинкой. Это была вовсе не пещера – над головой голубело небо, но в дальнем конце лужайки отвесно поднималась гладкая каменная стена, такая гладкая и ровная, словно здесь поработал хороший каменотес. Ни стыков, ни трещин на ней не было, равно как дверных косяков, притолоки и порога, не говоря уже о засове или замочной скважине; и все же у гномов не осталось ни малейших сомнений: наконец-то они обнаружили потайную дверь!



Чего они только не делали! Дубасили по ней и толкали, наваливались все вместе и дружно умоляли ее открыться, а также произносили всевозможные положенные в таких случаях страшные заклинания – все впустую! Наконец, выбившись из сил, они повалились передохнуть на травку и к вечеру пустились в обратный путь по карнизу.

В эту ночь в лагере царило всеобщее оживление, а утром гномы

решили предпринять новую попытку. В лагере остались только Бофур и Бомбур – сторожить пони и запасы, взятые с места высадки. Все остальные отправились в южный конец лощины к новонайденной тропке и дальше наверх по карнизу. Карниз был так узок и опасен, что нечего было и думать о том, чтобы прихватить с собой хоть какую-нибудь поклажу: слева на сто локтей вниз обрывалась пропасть с острыми скалами на дне. Зато у каждого гнома была припасена с собой длинная веревка, обмотанная вокруг пояса. В конце концов они без особых приключений добрались до заветного зеленого пятачка.

Здесь гномы разбили свой третий лагерь; с помощью длинных веревок они подняли из лощины все необходимое. Тем же способом можно было поднимать наверх и спускать вниз кого-нибудь из гномов половчее (Кили, например), чтобы передать вниз какие ни на есть новости и в случае надобности сменить на посту Бофура. Один только Бомбур наотрез отказался лезть в верхний лагерь – ни по веревке, ни по карнизу.

– Слишком уж я толстый, чтобы порхать бабочкой! – оправдывался он. – Неровен час, голова закружится, наступлю себе на бороду, и поминай как звали! Вот и будет вас опять тринадцать! Да и веревки меня вряд ли выдержат.

Надо заметить, что в последнем Бомбур, к счастью, ошибался, – и вскоре вы в этом сами убедитесь.

Тем временем кто-то из гномов прошелся по карнизу дальше, за пятачок; оказалось, что тропа уводит выше, но гномы не рискнули идти по ней далеко, да и смысла в этом особого не было. Там, наверху, царило полное безмолвие, даже вороны не каркали – только ветер свистел в скальных трещинах. Говорили гномы вполголоса, не кричали и не пели песен: опасность могла скрываться за каждым камнем. Они долго бились над загадкой потайной двери, но безуспешно. Нетерпение их было столь велико, что они и думать забыли о рунах и лунных буквах и вместо этого тщетно пытались определить на глаз, где именно на гладкой поверхности скалы находится потайная дверь. Из Озерного города они прихватили с собой кирки и еще кое-какой горный инструмент и теперь не долго думая решили пустить все это в дело. Однако при первом же ударе рукояти кирок раскалывались и больно ранили руки, а стальные острия ломались и гнулись, словно сделаны были из мягкого свинца. Таким образом, гномы быстро убедились, что никакой киркой не одолеть чар, с помощью которых была заперта эта дверь; кроме того, они боялись шуметь – каждый удар кирки отдавался в горах гулким эхом.

Так или иначе, Бильбо пришел к заключению, что сидеть вот этак на приступочке – дело совершенно безнадежное и утомительное, да и никакой приступочки, разумеется, не было – просто гномы в шутку стали называть «приступочкой» небольшую травянистую площадку перед скальной стеной, памятуя слова, которые произнес Бильбо во время их давнего нежданно-негаданного чаепития в его норе: он сказал тогда, что нужно будет просто посидеть на приступочке – и что-нибудь обязательно придумается. Вот они и сидели, и раздумывали, и бессмысленно бродили вокруг да около, и становились все мрачнее и мрачнее.

Только-только они воспрянули духом, когда отыскалась эта тропка, и вот снова впали в уныние, но отступаться все же никак не желали. Надо заметить, что и хоббит показал себя ничуть не лучше гномов. День-деньской он ничего не делал – просто сидел, прислонившись спиной к скале, и глядел с высоты на запад, где за нагромождением скал, за широкой равниной маячило темной стеной Чернолесье. Ему казалось, что он различает за ним смутные очертания Туманных Гор, далеких-далеких и маленьких-маленьких. А когда гномы спрашивали его, чем это он занимается, он отвечал:

– Сами же говорили, что мое дело сидеть на приступочке и думать, не говоря уже о том, чтобы постараться открыть потайную дверь. Вот я и сижу, и думаю.

Тем не менее я сильно сомневаюсь, что хоббит думал о деле. Скорее всего он думал о том, что оставил там, далеко за голубой дымкой, на тихом и спокойном Западе, – о своем Холме и уютной хоббичьей норе.

Прямо на середине зеленого пятачка лежал большой серый камень. Бильбо сидел и тупо смотрел на него и на ползающих по нему здоровенных улиток. Хоббиту казалось, что им почему-то нравится этот затененный уголок и прохладные каменные стены; улиток тут было великое множество, и они неторопливо перемещались вверх и вниз.

– Завтра начинается последняя неделя осени, – обронил как-то Торин.

– А за осенью придет зима, – уныло подхватил Бифур.

– И наступит новый год, – продолжил Двалин. – И бороды наши будут расти и расти, пока не дорастут до дна лощины, а тут все будет по-прежнему. И чем только занимается наш Грабитель? Есть же у него волшебное кольцо – ему и карты в руки! Отчего бы ему не войти в Главные Ворота и не разведать, что там и как?

Двалин стоял совсем недалеко от Бильбо, так что тот все слышал.

«Силы небесные! – подумал хоббит. – Опять они за меня взялись! Опять я должен брать все неприятности на себя, ведь с тех пор, как нас покинул волшебник, ничего другого я не делаю. И никуда, главное, не денешься! Так я и знал, что рано или поздно со мной случится что-нибудь ужасное. Боюсь, у меня уже не хватит духу еще раз взглянуть на развалины несчастного Дейла. А дымящиеся Ворота? Бр-р-р!!!»

Бильбо так расстроился, что почти всю ночь не спал. На следующий день гномы разбрелись кто куда: одни спустились в лощину и занялись застоявшимися пони, другие бродили по склонам. Целый день Бильбо сидел пригорюнившись на прежнем месте и тупо смотрел на камень, иногда поднимая взор на далекий запад. Он пребывал в каком-то непонятном ожидании.

«Может, волшебник нынче вернется?» – с сомнением думал он.

Каждый раз, поднимая глаза, он видел далекую полосу леса. По мере того как солнце клонилось к закату, там то и дело вспыхивали золотые блики, – должно быть, солнечные лучи играли на последних остатках осенней листвы. Вскоре огромный оранжевый шар оказался почти на уровне глаз Бильбо. Хоббит подошел к краю площадки и над самым горизонтом увидел молодой месяц, тонкий и бледный.

В это мгновение за спиной послышался громкий стук. Хоббит обернулся: на сером камне сидел здоровенный дрозд, угольно-черный с головы до хвоста, только грудка была бледно-желтой и пестрела темными отметинами. Тук! Дрозд взял в клюв улитку и принялся раскалывать ее о камень. Тук! Тук! И тут хоббита осенило! Отбросив всякую осторожность, он вскочил на ноги и, размахивая руками, стал громко звать гномов. Те из них, что бродили неподалеку, со всех ног бросились к хоббиту, спотыкаясь о камни и недоумевая – чего это он так всполошился? Другие кричали снизу, чтобы их немедленно подняли наверх (разумеется, Бомбур не принимал в этом никакого участия – он просто спал!).

Бильбо в два счета все объяснил. Наступило всеобщее молчание; хоббит стоял подле камня, а гномы покачивали бородами и нетерпеливо поглядывали на запад. Тем временем солнце опускалось все ниже и ниже, и надежда угасала с каждой минутой. И вот солнце село в полосу багровых туч и пропало. Гномы разочарованно застонали, но Бильбо не двинулся с места. Тонкий месяц коснулся горизонта, близилась ночь. И вдруг, когда надежда совсем покинула их, из облака, словно указующий перст, вырвался красный луч! Он ударил в трещину между скал, окружавших пятачок, и упал прямо на гладкую каменную стену. Старый дрозд, который сидел на камне, склонив голову набок, блеснул глазами-бусинками и вдруг затрещал, причем неожиданно громко! И тут осколок кремня отвалился от скалы и упал в траву. На высоте примерно трех локтей от земли в стене вдруг открылось небольшое отверстие!

Боясь упустить момент, гномы бросились к стене и дружно на нее

навалились – но тщетно!

– Ключ! Ключ! – закричал Бильбо. – Где Торин?

Торин поспешил к хоббиту.

– Ключ! – крикнул ему Бильбо. – Ключ, приложенный к карте! Скорее, пока не поздно!

Торин выступил вперед, снял с груди цепочку с ключом и вставил ключ в отверстие. Ключ подошел и повернулся! Щелк! Луч пропал, солнце скрылось, луна исчезла, небо потемнело.

Гномы вновь дружно навалились на стену, и часть ее тяжело подалась внутрь. В стене появились вертикальные и горизонтальные трещины; они очертили дверной проем пяти локтей в высоту и трех в ширину. Дверь совершенно бесшумно отворилась! Казалось, темнота зримо изливается из дыры в скале, словно тяжелые испарения ночи. Глазам гномов и хоббита предстала непроглядная тьма, которую скрывал в себе разверстый вход, уводящий в неведомые глубины.

Глава XII. Слабое место

Гномы долго стояли перед дверью и спорили, пока наконец слово не взял Торин.

– Пробил час уважаемого господина Бэггинса, – торжественно начал он, – господина Бэггинса, который за время нашего долгого похода со всей очевидностью доказал, что является весьма достойным компаньоном, а также хоббитом редкой отваги и находчивости, которые далеко превосходят его собственные скромные размеры, и хоббитом, осмелюсь заметить, невероятной везучести, которая далеко выходит за рамки обычного. Пробил час, когда ему надлежит исполнить то, что он обещал сделать, поступив к нам на службу. Пробил час, когда он должен честно отработать свое вознаграждение.

Уже не в первый раз вы сталкиваетесь с высокопарным слогом Торина, к которому он прибегал при всяком удобном, то есть торжественном, случае. Поэтому я не стану излагать здесь его речь полностью, поскольку Торин говорил значительно больше и дольше. И все же, несмотря на то что случай и впрямь выдался торжественный, терпение у хоббита лопнуло. Торина он знал теперь как облупленного и прекрасно понял, куда тот клонит.

– Если ты, о Торин Дубощит, сын Траина и прочая, и прочая, да удлиняется во веки веков твоя борода, имеешь в виду, что первым идти в потайной ход надлежит мне, – сердито сказал Бильбо, – то не ходи вокруг да около – говори прямо! Разумеется, я мог бы и отказаться. Я уже дважды вызволял вас из переделок, которые никоим образом не были предусмотрены в первоначальном договоре, так что, полагаю, какую ни на есть награду я давно заслужил. Тем не менее, как говаривал мой отец, удача троицу любит. Во всяком случае, я не намерен отказываться. Тем более что теперь я, кажется, больше верю в свою удачу, нежели раньше (Бильбо имел в виду прошедшую весну, когда он еще и не помышлял покидать свою нору, – о, как давно это было!). И чтобы покончить со всей этой морокой, и покончить

навсегда, я, наверное, загляну в дыру прямо сейчас. Ну, кто со мной?

Естественно, Бильбо вовсе не рассчитывал, что тут же услышит дружный хор добровольцев, и поэтому не очень расстроился. Ну разве что Кили с Фили виновато переминались с ноги на ногу, а остальные гномы всем своим видом показывали, что об этом не может быть и речи. Только один Балин, который всегда стоял в дозоре и за время похода нежно привязался к хоббиту, сказал, что, наверное, войдет внутрь и даже, может быть, сделает несколько шагав, чтобы, в случае чего, хотя бы позвать на помощь.

В оправдание гномам можно сказать только следующее: они и в самом деле собирались щедро оплатить услуги хоббита; они и взяли его с собой, чтобы он выполнял за них черную работу, так что пусть и делает, раз нанялся; но если бы он паче чаяния попал в беду, гномы наверняка приложили бы все усилия, чтобы выручить его, как оно и случилось в самом начале похода при встрече с троллями, а ведь у гномов тогда не было особых причин быть обязанными хоббиту. Да и то сказать, какие из гномов герои! Народ они прижимистый и знают счет деньгам; попадаются гномы коварные, вероломные да и попросту подлые, но попадаются и вполне приличные, вроде Торина и его друзей, если, разумеется, не предъявлять к ним каких-то особенных требований.

На бледном небе между чернеющих облаков уже выступили звезды, когда хоббит переступил порог заговоренной двери и углубился в Гору. Против всяких ожиданий идти оказалось совсем нетрудно, не то что по душным туннелям гоблинов и грубо вырубленным подземельям эльфов. Ход этот, прямой, как бы прочерченный по линейке, с тщательно отшлифованными стенами и полом, гномы пробивали в пору наивысшего расцвета их королевства, находясь на вершине своего мастерства. Ход шел под уклон, не меняя направления, куда-то в непроглядную глубину.

Вскоре Балин пожелал хоббиту «доброго пути» и остался стоять там, откуда еще виднелся дверной проем и где непонятно почему было слышно, как перешептываются оставшиеся снаружи гномы. Напуганный причудами здешнего эха, Бильбо сразу надел кольцо и бесшумно двинулся по туннелю – вниз, вниз, в темноту, причем на этот раз в бесшумности хоббит превзошел самого себя. От страха его била дрожь, но выражение лица было самым решительным, а губы плотно сжались. Ведь по туннелю шел уже совсем не тот хоббит, который когда-то выскочил из Котомки без носового платка. Да и без носового платка он обходился уже целую вечность. Бильбо проверил,

на месте ли меч, подтянул пояс и зашагал дальше.

«Ну и вляпался ты, Бильбо Бэггинс! – думал хоббит. – И понесло же тебя на рожон на том злополучном сборище у тебя в норе! Добился своего – вот и расхлебывай! Дурень ты, дурень! – В этих словах легко было распознать голос его далеко не тукковской половины. – И на что сдались мне эти драконьи сокровища? Да гори они ясным пламенем! Чего бы я не отдал сейчас, чтобы, проснувшись, оказаться не в этом проклятом туннеле, а дома, в прихожей!»

Но Бильбо, разумеется, не проснулся: напротив, он шел все дальше и дальше, вот уже и дверной проем пропал из виду. Хоббит остался совершенно один. Вскоре ему показалось, что стало как-то припекать.

«Что-то там впереди светится, – подумал хоббит. – Или показалось?»

Нет, ему не показалось. Чем ниже спускался хоббит, тем сильнее припекало. Впереди все ярче разгоралось красноватое зарево.

Сказать без преувеличения, в туннеле стало просто жарко. Из глубины поднимались клубы пара, и хоббит обливался потом. Появились и звуки: Бильбо услышал какое-то не то бульканье, словно от кипящего котла, не то довольное урчание гигантского кота. Все это недвусмысленно свидетельствовало о том, что где-то там, в глубине, залитой красноватым огнем, спит, похрапывая во сне, огромное животное.

Тут-то Бильбо и остановился. Следующий шаг потребовал от него мужества, на какое он никогда раньше способен не был (добавим от себя, что и потом тоже!). Все великие испытания, выпавшие на его долю впоследствии, не шли с этим ни в какое сравнение. В этом темном туннеле, еще плохо представляя себе, какая грозная опасность ожидает его впереди, хоббит одержал над собой величайшую победу, причем совершенно самостоятельно. Итак, сделав передышку, хоббит двинулся дальше.

А теперь представьте себе следующую картину: Бильбо доходит до конца туннеля и оказывается перед проемом точно такой же формы и размеров, что и дверь в потайной ход; хоббит просовывает голову, и взору его открывается огромное подземелье, или, если угодно, хранилище, вырубленное гномами в глубочайших недрах Горы; здесь царит почти непроницаемая тьма, так что размеры подземелья угадываются с трудом, но прямо перед хоббитом от каменного пола исходит яркое сияние… Сияние Смауга!

Перед хоббитом лежал исполинский, отливавший красным золотом

дракон; он крепко спал, из его пасти и ноздрей исходило урчание и вырывались струи дыма, но пламени пока что не было. Под туловищем дракона, под его лапами и свернутым кольцами хвостом, а также повсюду вокруг него, по всему полу необозримого подземелья, залитые багровым светом, лежали груды неисчислимых сокровищ – золото в слитках и золотые украшения, серебро и драгоценные камни. Смауг лежал на боку, сложив крылья, словно невообразимых размеров летучая мышь; глазам хоббита предстало длинное светлое брюхо дракона, в которое от долгого лежания на столь жестком ложе вдавились драгоценные камни и золотые украшения. Позади Смауга, на ближайшей к нему стене, угадывались кольчуги, шлемы, боевые топоры, мечи и копья; тут же рядами стояли огромные сосуды, доверху наполненные несметными богатствами.

Сказать, что у Бильбо перехватило дыхание, значило бы не сказать ничего. Язык людей, который они позаимствовали у эльфов еще в те далекие времена, когда в мире было полным-полно чудес, давно утратил слова, способные передать несказанное потрясение, которое испытал хоббит. Бильбо и раньше слыхал легенды и песни о сокровищах дракона, но подобного великолепия и роскоши он и представить себе не мог. Теперь хоббиту показалось, что он понимает,

отчего так рвались сюда гномы. Совсем забыв о страшном страже сокровищ, он застыл на месте и завороженно смотрел на золото – а было его здесь без числа и счета!

Так он стоял и смотрел, наверное, целую вечность. Затем, словно что-то его подталкивало, он вопреки собственной воле вышел из тени туннеля и подкрался к груде сокровищ, на которой возлежал дракон, страшный даже во сне. Хоббит ухватил большую двуручную чашу*, какую, по его расчетам, ему по силам было унести, и с опаской поднял глаза на дракона. Смауг дернул крылом, разжал одну лапу, и храп его приобрел несколько иную тональность.

Бильбо пустился наутек. На самом деле дракон еще не проснулся – просто ему начал сниться другой сон, исполненный, как и все драконьи сны, алчности и злобы. Итак, дракон по-прежнему спал в своем, точнее, в гномьем подземелье, а хоббит тем временем во весь дух улепетывал по длинному туннелю с тяжкой ношей в руках. Сердце его колотилось, а коленки дрожали куда сильнее, чем раньше, когда он пробирался сюда в первый раз. Тем не менее он крепко сжимал в руках

чашу и, ухмыляясь, думал про себя: «Дело сделано! Я им попомню старые насмешки! “Больше смахивает на лавочника, чем на грабителя!” Они у меня живо заткнутся!»

Впрочем, гномы давно уже не считали Бильбо «лавочником», а Балин был просто счастлив увидев Бильбо живым и невредимым; он не только обрадовался, но и несказанно удивился. Гном сгреб хоббита в охапку и вынес его наружу. Была полночь, звезды заволокло облаками, но Бильбо лежал с закрытыми глазами и, дыша полной грудью, наслаждался свежим воздухом, ничуть не обращая внимания на воодушевление гномов, на их дружеские похлопывания по спине и клятвенные заверения служить ему вечно вместе со всеми их родственниками вплоть до девятого колена.

Гномы все еще передавали из рук в руки драгоценную чашу и восторженно обсуждали, как они в скором времени заполучат обратно все свои сокровища, но тут внезапно откуда-то снизу, из-под Горы, донесся страшный грохот, словно столетия дремавшему вулкану вздумалось вдруг пробудиться. Потайная дверь была лишь чуточку приотворена и заклинена камнем, чтобы ненароком не закрылась совсем, однако по длинному туннелю из самой глубины наверх дошло оглушительное эхо рева и тяжелых ударов, так что у гномов земля под ногами задрожала.

Мгновенно позабыв про восторги и оставив самонадеянное бахвальство, гномы в страхе вжали головы в плечи. Забывать-то о Смауге не следовало: если живешь рядом с драконом, никогда нельзя сбрасывать его со счетов! Вообще-то, богатства драконам ни к чему и лежат у них без всякой пользы, но драконы знают и помнят каждую вещь, до последней мелочи, особенно если владеют сокровищами достаточно долго. Смауг, разумеется, не был исключением из правил. Снившийся ему кошмарный сон, в котором самым неприятным образом фигурировал какой-то малюсенький воин, обладавший, однако, острым мечом и великой отвагой, сменился полудремой, а потом дракон и вовсе проснулся. В пещере явно пахло чем-то незнакомым. Может, запах проник через эту дырочку в стене?! Она, вообще-то, никогда не радовала его глаз (но ведь такая маленькая!), и теперь Смауг с подозрением взглянул на нее, коря себя за то, что не завалил ее чем-нибудь. К тому же он вспомнил, что совсем недавно как будто слышал какой-то далекий стук, доносившийся именно из этой дырочки. Смауг поднял голову и вытянул шею, принюхиваясь. И тут он обнаружил пропажу чаши!

Грабят! Горим! Убивают! С тех пор как он поселился в Горе,

такого тут еще не бывало! Смауга охватил неописуемый гнев* – так гневаются богачи, которые имеют гораздо больше того, чем в состоянии насладиться, и вдруг обнаруживают пропажу какой-нибудь вещицы, пролежавшей у них долгие годы без толку и проку. Дракон изрыгнул пламя, пещера наполнилась дымом, и вся Гора содрогнулась. Смауг попытался просунуть голову в дырочку, откуда пришла опасность, но тщетно! Тогда он свился кольцами, заревел, подобно подземному грому, рванулся к большому выходу и по высоким переходам помчался наверх, к Главным Воротам.

Он горел одним желанием – обшарить всю Гору, схватить грабителя, растерзать, растоптать его! Смауг вырвался из Ворот, вода в реке яростно забурлила, повалил пар; изрыгая языки зеленого и красного пламени, блистающий дракон взмыл в небо и опустился на вершину Горы. Услышав страшный шум его крыльев, гномы приникли к скале на своей зеленой террасе, вжались в камень, рассчитывая хоть так спастись от очей разъяренного дракона.

Тут бы им всем и погибнуть, если бы не Бильбо.

– Скорее! Скорее! – зашептал он. – В потайной ход! В туннель! Здесь оставаться нельзя!

От этих слов гномы обрели присутствие духа и по одному начали было заползать в туннель, но вдруг Бифур воскликнул:

– Мои двоюродные братья! Бомбур и Бофур! Мы забыли о них, они остались внизу!

– Они погибнут, а с ними и наши пони! Плакали наши запасы! – закричали гномы. – Мы ничем не можем им помочь!

– Вздор! – твердо сказал Торин. – Мы не бросим их! В туннель войдут господин Бэггинс и Балин, а также вы двое, Кили и Фили. Слопает, так хоть не всех! А вы не хнычьте! Где веревки? Живо!

Наверное, с самого начала похода так туго гномам еще не приходилось. Леденящий душу рев разъяренного Смауга эхом грохотал над ущельем. В любую минуту изрыгающий пламя дракон мог сорваться с вершины Горы и, облетев ее, обнаружить на краю обрыва гномов, которые отчаянно тянули за веревки. Вот уже подняли Бофура – все тихо! Вот и Бомбур наверху – пока его тащили, он отдувался и пыхтел, веревки трещали, но по-прежнему все было тихо. Вот подняли кое-какие инструменты и тюки с припасами – и тут беда свалилась прямо на голову!

Послышался резкий свист крыльев. Красное зарево залило верхушки скал. Дракон!

Гномы едва успели заскочить в туннель и втащить за собой тюки,

как с северной стороны Горы налетел Смауг. Шум его крыльев был подобен реву урагана, пламя, которое он изрыгал, опалило горные склоны. От жаркого дыхания дракона мгновенно пожухла трава на площадке перед потайным входом, жар проник за неплотно закрытую дверь и обдал гномов, не успевших уйти далеко. Вокруг заметались отсветы пламени, заплясали черные тени на стенах. Дракон пролетел мимо – и вновь стало темно. Пони в ужасе заржали, оборвали привязь и понеслись прочь. Дракон ринулся за ними и исчез.

– Конец нашим бедным лошадкам! – вздохнул Торин. – Если Смауг заметил кого, пиши пропало! А мы сидим здесь и будем сидеть, если только кому-нибудь не взбредет в голову бежать обратно к реке – а это многие мили по голой равнине, на виду у Смауга!

Подобное удовольствие, естественно, никого не прельщало. Гномы отползли подальше от входа и лежали, дрожа всем телом (хотя в туннеле было тепло и душно), покуда в приоткрытую дверь не хлынули бледные лучи рассвета. Всю ночь до их слуха доносился рев рыскающего по округе дракона – рев нарастал, затем утихал, а потом все повторялось вновь и вновь.

Обнаружив пони и следы двух лагерей, дракон решил, что, видимо, сюда приходили озерные люди и что они поднялись вверх по склону из долины, где стояли пони; однако потайная дверь так и не попалась ему на глаза, и загороженная скалами площадка убереглась от его яростного пламени – только траву слегка опалило. Всю ночь Смауг провел в тщетных поисках, покуда рассвет не охладил его гнева и он не отправился восвояси – поспать на груде сокровищ, да и передохнуть. Смауг не забыл и не простил вора; он не простил бы его даже через тысячу лет, пусть даже время превратило бы его самого в обожженный камень! Спешить дракону было некуда. Не торопясь, он бесшумно заполз к себе в логово и прикрыл глаза.

С наступлением утра страху у гномов поубавилось. Они пришли к заключению, что, когда имеешь дело с таким стражем, как дракон, опасности подобного рода неизбежны, а стало быть, и отказываться от задуманного еще рано. Но и покинуть свое убежище, как справедливо заметил Торин, гномы пока не могли. Пони их если не погибли, то разбежались, и гномам оставалось теперь только дожидаться, пока Смауг ослабит свою бдительность до такой степени, что у них хватит духу на долгий обратный путь. Хорошо еще, что удалось спасти изрядную часть запасов, которых должно было хватить еще на какое-то время.

Гномы долго спорили, как действовать дальше, да вот никак не

могли придумать способа избавиться от Смауга. Дракон изначально был слабым местом в их замыслах, и Бильбо всегда с трудом удерживался, чтобы лишний раз не напомнить об этом. В конце концов гномы совершенно запутались и, как бывает обычно в таких случаях, принялись ворчать на хоббита и пенять ему на то, что еще совсем недавно приводило их в восторг – на то, что он выкрал чашу и тем самым прежде времени разгневал дракона.

– А чем еще, по-вашему, должен заниматься грабитель? – рассердился Бильбо. – Мое дело – украсть сокровища, а драконов убивать я вам не нанимался! Тут воин нужен, а я для начала сделал все, что мог. Может, вы думали, что я на своем горбу выволоку сразу все сокровища Трора? Если кого тут и винить, так не меня, а вас! Нужно было нанимать не одного грабителя, а пятьсот! Я хочу сказать, что дедушка ваш, разумеется, заслуживает всяческих похвал, но вы ведь никоим образом не позаботились поставить меня в известность об истинных размерах его состояния. Да будь я в пятьдесят раз больше и будь Смауг не драконом, а ручным кроликом, мне и тогда за сто лет не перетаскать всех этих сокровищ!

Тут гномы, конечно, поостыли и принесли хоббиту свои извинения.

– Но что же тогда предлагает господин Бэггинс? – вежливо спросил Торин.

– Если ты о сокровищах, то пока ничего. Очевидно, это целиком зависит от удачного стечения обстоятельств и от того, когда нам удастся устранить Смауга. Впрочем, хотя устранение драконов совсем не по моей части, я обещаю как следует подумать и об этом. Но, сказать по правде, надеяться нам особенно не на что, а кроме того, у меня есть непреодолимое желание добраться до дому живым.

– Ну, об этом говорить еще рано! – воскликнул Торин. – А что прикажешь нам делать сегодня, сейчас?

– Ну если тебя и в самом деле интересует мое мнение, я полагаю, что нам остается просто сидеть здесь и ждать. Днем мы наверняка сможем без особого риска выползать наружу и дышать свежим воздухом. Возможно, в скором времени кое-кого из нас надо будет послать к складу на берегу реки – пополнить наши запасы. Но по ночам придется отсиживаться в этом туннеле. А сейчас у меня есть одно предложение. Ровно в полдень я надену кольцо и пойду проведаю Смауга – надо же и ему когда-то поспать! Ну и посмотрю, что он там поделывает. Как знать, может, что-нибудь и переменится. Мой отец любил приговаривать, что у всякой змеюки отыщется слабое место, хотя я не уверен, что он проверял это лично.

Естественно, это предложение было принято с нескрываемым воодушевлением. Гномы и без того давно прониклись к Бильбо великим уважением, но теперь хоббит вырос в их глазах до настоящего вожака. У него появились собственные соображения и собственные замыслы! К полудню Бильбо готов был совершить повторную вылазку в недра Горы. Разумеется, все это ему не очень нравилось, но теперь он хоть мало-мальски представлял себе, что его там ждет, и уже не так боялся. Однако знай Бильбо о драконах и их коварстве чуть больше, он боялся бы, наверное, вдвое против прежнего и не рассчитывал бы застать дракона сладко почивающим.

Снаружи сияло полдневное солнце, но в туннеле было темно, как ночью. По мере того как хоббит удалялся от входа, свет, который пробивался через щель полуприкрытой двери, становился все слабее и слабее. Бильбо шел так бесшумно, что и легкий ветерок едва ли мог бы соперничать с ним; благополучно добравшись до конца туннеля, Бильбо имел все основания гордиться собой. Багровое зарево в пещере еле тлело.

«Старина Смауг притомился и спит, – подумал хоббит. – Видеть он меня не может, да и услышит вряд ли. Смелее, Бильбо!»

Очевидно, хоббит совсем забыл, а может, и не слыхал никогда об исключительном обонянии драконов. А кроме того, у них имеется еще одно весьма неприятное свойство: если дракон что-нибудь заподозрил, спит он вполглаза.

Бильбо заглянул в пещеру, и ему показалось, что Смауг крепко спит, а может, и вовсе сдох: дракон лежал почти в полной темноте, лишь изредка с легким шипением выпуская из ноздрей струйки невидимого пара. Бильбо уже собрался войти в пещеру, как вдруг из-под полуприкрытого левого века дракона ударил тонкий красный луч. Значит, Смауг просто притворяется! Он следит за выходом из туннеля! Бильбо поспешно отступил в темноту и лишний раз возблагодарил судьбу за волшебное кольцо. И тут Смауг заговорил*:

– А вот и вор пожаловал! Я тебя чую и слышу твое дыхание. Милости просим, заходи! Бери еще, тут много, не стесняйся!

Дудки! Не настолько уж плохо Бильбо разбирался в драконах! Если Смауг рассчитывал таким нехитрым приемом подманить его поближе, его ожидало жестокое разочарование.

– Благодарю тебя, о Смауг Ужасный! – ответствовал Бильбо. – Я пришел сюда не за дарами. Просто хочу посмотреть на тебя и удостовериться, воистину ли ты столь велик, как рассказывают. До сих пор я в эти сказки не верил.

– А теперь? – спросил немного польщенный дракон, хотя на самом деле он не поверил ни единому слову.

– Воистину песни и сказки бледнеют перед действительностью, о Смауг Сиятельнейший, Величайший и Пагубнейший! – ответствовал Бильбо.

– Для вора и лжеца у тебя слишком хорошие манеры, – заметил дракон. – Оказывается, ты знаешь мое имя, но что-то я не припоминаю твоего запаха! Можно ли спросить, кто ты и откуда сюда явился?

– Конечно, можно! Пришел я из-под холма, шел в гору и под гору, а еще летел по воздуху. Я – Тот, Кто Ходит Невидимкой.

– В последнее я готов поверить, – сказал Смауг. – Но едва ли это твое настоящее имя.

– Я – Отгадывающий Загадки, Разрубающий Паутину, Жалящий, Как Оса. Я – Выбранный Для Счастливого Числа.

– Славные титулы! – усмехнулся дракон. – Но счастливые числа не всегда оправдывают ожидания.

– Я – Тот, Кто Заживо Хоронит Друзей, Топит Их И Вытаскивает Живыми Из Воды. Я – Тот, Кто Вышел Из Котомки, Но Кого В Котомку Засадить Не Удалось.

– А вот в это верится с трудом, – с издевкой произнес Смауг.

– Я – Друг Медведей и Гость Орлов. Я – Выигравший Кольцо и Приносящий Удачу, а также Оседлавший Бочку, – продолжал Бильбо, которого увлекла эта игра в загадки.

– Это уже лучше, – сказал Смауг. – А не пора ли тебе обуздать свое воображение?

На самом деле именно так и следует разговаривать с драконами*, когда не желаешь называть своего настоящего имени (что весьма благоразумно!) и в то же время не желаешь разгневать их прямым отказом (что благоразумно вдвойне!). Никакой дракон не в состоянии отказать себе в удовольствии поговорить загадками и никогда не пожалеет времени на их разгадывание. А в речах Бильбо Смауг мало что понял (в отличие, надеюсь, от вас, ибо вам уже известны приключения хоббита, на которые он и ссылался). Правда, дракон считал, что понял вполне достаточно, и про себя злобно усмехнулся: «Я догадался еще прошлой ночью! Озерные люди! Происки жалких торговцев бочками, чтоб мне быть ящерицей! Много веков я не наведывался туда, но это дело поправимое!»

– Вот и прекрасно, о Оседлавший Бочку! – произнес дракон вслух. – Наверное, Бочкой звали твоего пони. Если я и не прав, пони твой все равно был вполне упитанный! Хоть ты и ходишь невидимкой,

да, похоже, не все пешком! Должен тебе сказать, что прошлой ночью я съел шестерых пони и очень скоро намерен поймать и съесть остальных. А в благодарность за превосходную трапезу позволь дать тебе один добрый совет: не выслуживайся ты перед гномами!

– Перед гномами? – с притворным удивлением переспросил Бильбо.

– Не отпирайся! – остановил его Смауг. – Кому, как не мне, знать запах и вкус гномов! Чтоб я съел пони из-под гнома и не почувствовал запаха? Просто смешно! С такими друзьями ты плохо кончишь, о Вор, Оседлавший Бочку. Можешь так им и передать!

Впрочем, Смауг скрыл от Бильбо, что был там еще один запах, которого он определить не смог (запах хоббита!); с ним дракон никогда прежде не сталкивался и теперь был немало озадачен.

– Наверное, тебе хорошо заплатили за вчерашнюю чашу? – продолжал дракон. – Скажи, не стесняйся! Неужели ничего? На них это похоже*. Должно быть, отсиживаются где-нибудь, пока ты делаешь за них всю опасную работу и таскаешь, что можно, пока я не вижу. Ты, видимо, рассчитываешь на хорошее вознаграждение? Как бы не так! Радуйся, если вообще уцелеешь!

Тут хоббиту и в самом деле стало очень неуютно. Всякий раз, когда рыщущий взгляд дракона пробегал по нему, Бильбо вздрагивал и его охватывало безотчетное желание выйти из туннеля, снять кольцо и выложить дракону все начистоту. Хоббит действительно подвергался смертельной опасности – еще чуть-чуть, и драконьи чары взяли бы свое. И все же Бильбо собрался с духом и продолжил разговор:

– Ты знаешь еще не все, о Смауг Могучий! Не только золото привело нас сюда.

– Ха-ха-ха! – рассмеялся дракон. – Ты уже не возражаешь против «нас»! Отчего бы сразу не сказать, что вас четырнадцать? Не так ли, господин Счастливое Число? Рад слышать, что у вас тут есть и другие дела, помимо моего золота. В таком случае, возможно, вы не напрасно потратили время. А ты никогда не задумывался над тем, что даже вынеси ты это золото частями – а тебе тут и за сто лет не управиться! – далеко ты его не унесешь? Что в нем толку здесь? Или, скажем, в лесу? Святая простота! А прикинул ты, стоит ли игра свеч? По договору тебе причитается, наверное, одна четырнадцатая или около того? А как вывезти и во что это обойдется? А вооруженная охрана и пошлины?

И Смауг громко расхохотался. Дракон был хитер и коварен, он отлично понимал, что его догадки недалеки от истины, хотя и сильно подозревал, что за всем этим стоят озерные люди и наверняка большая

часть добычи должна будет осесть в Озерном городе, который во времена Смауга именовался Эсгаротом.

Хотите – верьте, хотите – нет, но бедняга Бильбо был подавлен. До сих пор все его помыслы и усилия были направлены на то, чтобы добраться до Горы и отыскать потайной ход. Он никогда не задумывался о том, как вынести все эти сокровища наружу и, соответственно, как доставить причитающуюся ему долю (какой бы она ни была!) в далекую Котомку под Холмом.

Теперь же Бильбо стали мучить тяжкие сомнения: то ли гномы и в самом деле совершенно забыли об этом, то ли просто посмеиваются над ним втихомолку?

Следует заметить, что если развесить уши, то именно такое воздействие и оказывают разговоры с драконами. Хоббиту, разумеется, следовало бы поостеречься, но Смауг просто подавил его своей личностью.

– Видишь ли… – произнес Бильбо, сделав над собой неимоверное усилие, чтобы не предать друзей и окончательно не поддаться дракону, – видишь ли, нас влекло сюда вовсе не золото. Мы шли сюда в гору и под гору, по воде и по воздуху ради Мести! Разве ты не знаешь, о Недостижимо Состоятельный Смауг, что, сколотив это состояние, ты нажил себе смертельных врагов?

И тут Смауга прорвало – он разразился таким диким хохотом, что хоббит не устоял на ногах, а гномы, ожидавшие Бильбо на другом конце туннеля, тесно прижались друг к другу и решили, что хоббит нашел свой безвременный и ужасный конец.

– Ради мести! – фыркнул дракон, и глаза его сверкнули так, что озарилась вся пещера от пола до потолка, словно под землей вспыхнула алая молния. – Ради мести! Король-Под-Горой давно мертв, а его наследники не осмелятся мстить! Да и где они все? Ищи-свищи! Гирион, владыка Дейла, тоже давно мертв, а людей его я съел, ворвавшись в город, словно волк в овчарню. И где сыновья его сыновей, которые искали бы бросить мне вызов? Я убиваю, когда захочу, и никто не осмелится противостоять мне! Я давным-давно перебил всех великих воинов, и подобных им в мире уже нет. Тогда я был еще молодой и слабый. А теперь я старый и сильный, сильный, сильный! Слышишь, ты, Ворующий Во Мраке? Броня моя крепче щитов, зубы – мечи, когти – копья, удар моего хвоста – все равно что удар грома, крылья – ураган, дыхание – смерть!

– А мне вот все толковали, что драконы снизу должны быть помягче, – пропищал Бильбо срывающимся от страха голосом. –

Особенно в области живо… простите!.. груди. Но я не сомневаюсь, что столь могучий и хорошо вооруженный дракон подумал и об этом…

Дракон прямо-таки поперхнулся.

– Твои сведения давным-давно устарели, – оборвал он хоббита. – С головы до ног я в броне – и сверху, и снизу у меня сплошь чешуя и алмазы. Никаким мечом не пробить!

– Мне бы следовало самому догадаться, – скромно ответил Бильбо. – Воистину нет равных Владыке Смаугу Непробиваемому! Велик и могуч обладатель жилета из бриллиантов!

– Что верно, то верно. Жилет действительно редкостный и удивительный, – сказал довольный Смауг, что с его стороны было уже просто глупо: он не сообразил, что хоббит, который и в прошлый-то раз внимательно присматривался к броне, закрывающей его живот, теперь-то уж намеревался рассмотреть ее во всех подробностях, имея на то свои причины.

– Смотри! – произнес Смауг и лег на бок. – Ну как, нравится?

– Восхитительно! Потрясающе! Чешуйка к чешуйке! Превосходно! – восклицал Бильбо, а про себя думал: «Старое ты бревно! У тебя же слева здоровенная дыра, и голый живот торчит, как улитка из раковины!» Высмотрев все необходимое, господин Бэггинс пришел к выводу, что пора уносить ноги.

– Ну, не буду больше задерживать Ваше Великолепие и нарушать Ваш драгоценный отдых. Ведь пони, знаете, такое дело – умаешься,

пока поймаешь! Да и грабители тоже! – съязвил он напоследок и бросился наутек по туннелю.

Следует заметить, что язвил хоббит совершенно напрасно. Как ни мчался Бильбо, до выхода из туннеля было еще далеко, когда Смауг придвинул морду к нижнему входу и послал вдогонку хоббиту огненную струю. Хорошо еще, что целиком голова дракона в туннель не влезла и ему пришлось изрыгнуть огонь и дым одной только ноздрей. Но хоббиту этого хватило за глаза и за уши – он едва не сгорел заживо; дрожа от страха и боли, задыхаясь от дыма и спотыкаясь, как слепой, он из последних сил ковылял к выходу. Поначалу-то Бильбо был весьма доволен собой и своим хитрым разговором со Смаугом, но промах, допущенный в самом конце, быстро поставил хоббита на место.

«Дурень ты, Бильбо, дурень! – думал он, улепетывая. – Никогда не следует дразнить живого дракона!»

Надо заметить, что последняя фраза вошла у потомков Бильбо в поговорку.

– Приключение еще далеко не кончилось, – добавил хоббит вслух – и это было, разумеется, чистой правдой.

День уже клонился к вечеру, когда Бильбо оказался на другом конце туннеля и без сил рухнул на «приступочку». Гномы привели его в чувство и как могли занялись его ожогами, но еще долго потом у хоббита не отрастали волосы на затылке и лодыжках – их выжгло до самых корней. Гномы тем временем всячески подбадривали Бильбо – они жаждали услышать его рассказ; особенно их интересовало, отчего это дракон устроил такой страшный шум и как Бильбо спасся.

Но хоббит никак не мог успокоиться, и гномам мало что удалось из него вытянуть. Обдумывая все произошедшее, Бильбо горько жалел кое о чем из сказанного дракону, и у него не было ни малейшего желания повторять это гномам. На камне, к которому привалился Бильбо, сидел старый дрозд и, склонив голову набок, прислушивался. Хоббит взял камень и швырнул в птицу, что свидетельствовало о его отвратительном настроении. Дрозд лишь вспорхнул на минутку и сел на прежнее место.

– Дрянная птица! – проворчал Бильбо. – Не нравится она мне что-то. Подслушивает небось!

– Оставь птицу в покое! – остановил его Торин. – Дрозды – наши давние друзья, а этот, очевидно, очень стар. Возможно, он последний из того древнего племени, что обитало в этих местах. В прежние времена эти дрозды были ручными. Здешняя порода – птицы

долгоживущие и волшебные, так что, вполне возможно, этот дрозд помнит еще моих отца и деда – ему, поди, лет двести, а то и больше! Люди из Дейла каким-то образом понимали их язык* и приноровились посылать их с известиями в Озерный город и в другие места.

– Ну если он из тех самых дроздов, то известия для озерных людей у меня найдутся, – мрачно заметил Бильбо. – Только вряд ли там остался хоть кто-нибудь, кто понимает птичий язык!

– Да что же такое случилось? – всполошились гномы, – Рассказывай скорее!

И Бильбо рассказал гномам все, что смог припомнить; он не утаил и своих опасений по поводу того, что из его загадок дракон, который уже знал про лагерь и пони, похоже, понял слишком много!

– Смауг наверняка догадался, что мы пришли из Озерного города и не без помощи озерных людей. Боюсь, в следующий раз он направится именно туда… Много бы я отдал, чтобы забрать назад свои слова об Оседлавшем Бочку! Тут и слепому кролику стало бы ясно, что дело пахнет озерными людьми!

– Что уж тут, слово не воробей! Ничего не поделаешь, – успокаивал хоббита Балин. – Да и вообще, как я слыхал, в разговорах с драконами трудно не совершить промашки. А ты, по-моему, сделал все очень хорошо. Во всяком случае, обнаружил одну весьма полезную вещь и вернулся целым и невредимым. А из тех, кому доводилось перекинуться парой слов с подобной тварью, этим мало кто может похвастаться. И не раз еще, наверное, мы возблагодарим судьбу за то, что ты углядел эту дыру в бриллиантовом жилете старого Змея!

Тут разговор сразу принял иной оборот. Гномы принялись оживленно обсуждать всевозможные способы убиения драконов – достоверные, не очень достоверные и даже вовсе мифические. Речь пошла о том, куда и как лучше наносить решающий удар и какие при этом потребны уловки и ухищрения. В итоге общее мнение свелось к тому, что надежды застать дракона врасплох были сильно преувеличены и попытка заколоть его во сне обернется скорее всего провалом и на самом деле ничем не лучше лобовой атаки. Покуда гномы прикидывали так и этак, дрозд сидел и внимательно слушал, а когда на небе высыпали звезды, молча расправил крылья и улетел. Покуда шло обсуждение, тени становились все длиннее и длиннее, а Бильбо мрачнел и мрачнел – его одолевали дурные предчувствия.

Наконец хоббит остановил гномов:

– Послушайте! Оставаться здесь опасно, да и непонятно зачем. С тех пор как мимо пролетел дракон, зеленая трава вся пожухла, а кроме

того, уже ночь на дворе и холодно. Я нутром чувствую, Смауг еще вернется сюда. Теперь он знает, каким путем я пробрался в его логово, и уж как-нибудь догадается, где искать другой конец туннеля. Да он по камешку разнесет весь этот склон, лишь бы перекрыть потайной ход, а если заодно и нас тут похоронит, так только порадуется!

– Больно уж мрачно, господин Бэггинс! – возразил Торин. – Раз ему так не хочется пускать нас к себе, отчего бы ему не завалить нижний выход? А ведь не завалил же! Мы бы наверняка услышали!

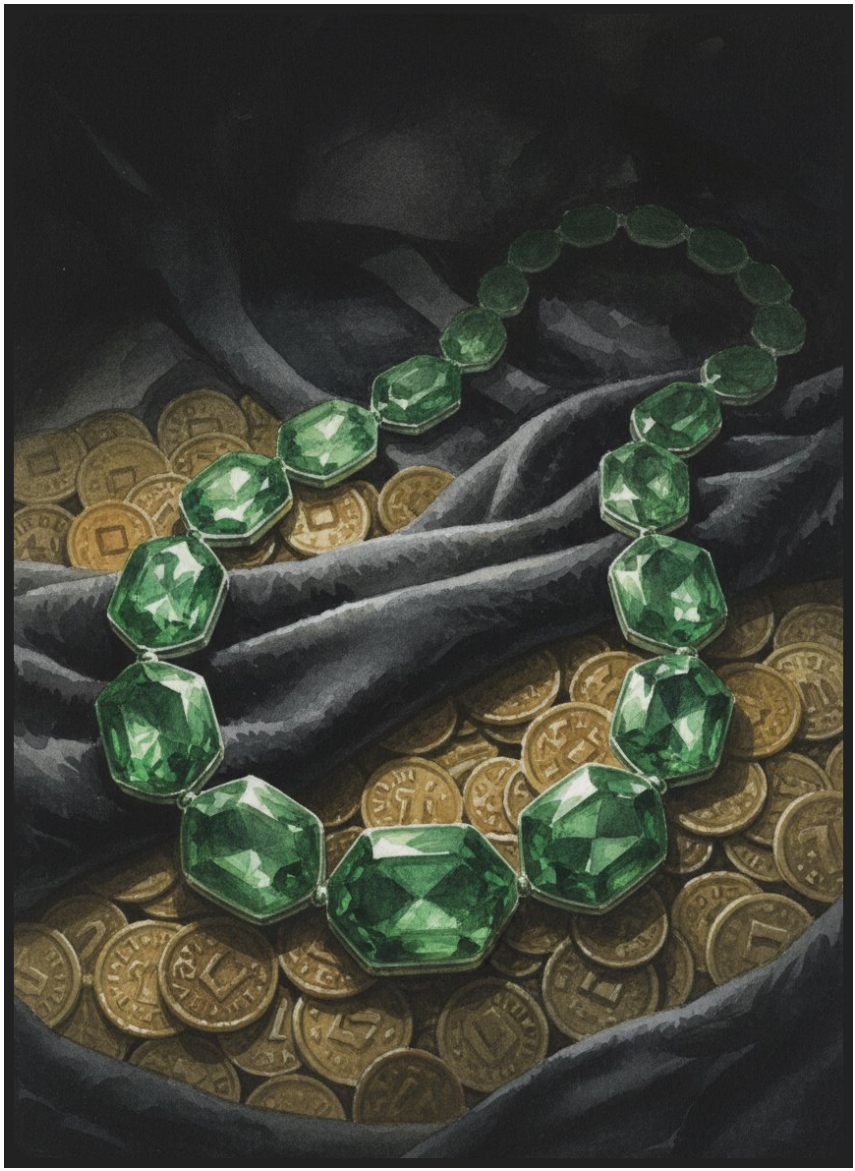
– Ну, не знаю… – замялся Бильбо. – Поначалу он, видимо, хотел заманить меня к себе еще разок, а теперь, наверное, отложил это дело на потом и решил сперва поохотиться или просто без особой нужды не хочет устраивать беспорядка в своей спальне. Кончайте-ка спорить! Смауг может появиться в любую минуту, и нам остается только забраться в туннель и затворить дверь.

Бильбо говорил так настойчиво, что гномы в конце концов согласились. Однако затворять дверь они не спешили, потому что, на их взгляд, делать это было очень рискованно. Ведь никто не знал, как она открывается изнутри, да и открывается ли вообще, а кроме того, невелика радость оказаться запертым в туннеле, единственный выход из которого ведет в логово дракона! К тому же вокруг было тихо и мирно – и снаружи, и внутри. Поэтому гномы еще долго сидели в туннеле неподалеку от полураскрытой двери и продолжали беседовать.

Речь зашла о гнусных намеках Смауга насчет гномов. Лучше бы хоббит вообще не слыхал этих слов дракона! По крайней мере он всем сердцем хотел верить, что гномы были совершенно искренни, когда уверяли его, что никогда прежде не думали о том, что делать с сокровищами после того, как завладеют ими.

– Мы ведь считали, что дело это почти безнадежное, – оправдывался Торин. – Да оно и сейчас безнадежное. Я полагаю, что, когда мы завладеем сокровищами, у нас будет достаточно времени подумать. Что же касается доли господина Бэггинса, которому мы премного обязаны, то я горячо уверяю его в том, что, как только нам будет что делить, ему будет предоставлена возможность самолично отсчитать себе четырнадцатую часть сокровищ. Сожалею, что он вынужден беспокоиться о доставке, и допускаю, что трудности с этим будут немалые, ибо с течением времени места тут не становятся менее дикими – скорее наоборот. Однако мы приложим все усилия и готовы взять на себя часть расходов – разумеется, если до этого дойдет. Можете мне верить, господин Бэггинс! А не верите – дело ваше!

Затем речь пошла о самих сокровищах и об отдельных, особенно дорогих гномам вещах, о которых еще помнили Торин и Балин. Их очень интересовало, действительно ли они все еще лежат в нижней пещере в целости и сохранности. Гномы вспоминали о копьях, выкованных для войска великого короля Бладортина* (теперь уже давным-давно умершего), – они имели трижды кованные наконечники и древки, изукрашенные золотым узором. Однако эти копья так и не дошли до заказчика, и работа гномов не была оплачена. Вспомнили о щитах, изготовленных для давным-давно погибших воинов; о золотой двуручной чаше Трора с изображениями птиц и цветов – глаза птиц и лепестки цветов были из драгоценных камней; о непробиваемых кольчугах, золоченых и серебряных; об ожерелье Гириона*, владыки Дейла, – в нем было пять сотен ярко-зеленых, как трава, изумрудов! Этим ожерельем Гирион расплатился с гномами за необыкновенную кольчугу для своего старшего сына, которая была сделана из истинного серебра* и по прочности трижды превосходила сталь. Но прекраснее всего был огромный бриллиант, который гномы нашли в самой глубине Горы и назвали Аркенстоном* Траина – Сердцем Горы.



– О, Аркенстон! Аркенстон! – бормотал в темноте Торин, начиная помаленьку поклевывать носом и тыкаться подбородком в колени. – Шар с тысячью граней! Как серебро, сверкал он при свете костра, как вода – на солнце, как снег – при звездах, как дождевые капли – при луне!

Однако чары сокровищ на Бильбо больше не действовали, и гномов он слушал невнимательно. Он сидел ближе всех к двери и одним ухом ловил всякий шорох, доносившийся снаружи, а другим – хотя ему мешало бормотание гномов – пытался разобрать, нет ли какого-либо движения внизу.

Тьма становилась все гуще, а хоббит все больше беспокоился.

– Да закройте же дверь! – взмолился он наконец. – Я дракона

кожей чувствую! Нынешняя тишина куда страшнее вчерашнего грохота. Закройте, пока не поздно!

От того, как это было сказано, гномам стало не по себе, Нехотя стряхнув полудрему, Торин подошел к двери и вышиб ногой камень, которым та была заклинена. Гномы навалились на нее, и дверь с громким стуком и щелчком затворилась. Изнутри от замочной скважины не осталось и следа. Они были замурованы в Горе!

И как нельзя более кстати! Едва они успели отойти чуть подальше от двери, как Гору потряс страшный удар. Казалось, с неба обрушился огромный дубовый таран, раскачанный руками могучих великанов. Скала загудела, стены туннеля пошли трещинами, а на голову гномам посыпались камни. Страшно даже подумать, чем бы это кончилось, останься дверь незапертой. Они бросились вниз по туннелю, радуясь, что остались живы, и слыша за спиной рев и грохот беснующегося снаружи Смауга. Дракон бился о скалы и ударами огромного хвоста разносил на куски целые утесы, покуда третий лагерь гномов перед потайным ходом, пятачок с выжженной травой, полюбившийся дрозду большой камень, скальная стена, по которой ползали улитки, окрестные скалы и все прочее не превратилось в месиво выжженного щебня и не обрушилось с высоты в низлежащую лощину.

Оказывается, Смауг потихоньку выбрался из логова, бесшумно взмыл в воздух и полетел по ветру во тьму, тяжело и медленно, словно чудовищная ворона: он направился к западному склону Горы, рассчитывая застать врасплох кого-нибудь или что-нибудь, а также отыскать вход в потайной лаз, которым воспользовался вор. Дракон просто вышел из себя, когда никого и ничего не обнаружил, хотя был совершенно уверен, что ищет именно там, где нужно!

Излив таким образом свой гнев, Смауг почувствовал себя значительно лучше и решил, что тревожиться больше не о чем, по крайней мере за этот склон он мог быть теперь спокоен. Тем не менее он отомстил еще не всем, кому собирался.

– Ну, Оседлавший Бочку! Теперь держись! – фыркнул Смауг. – Твой след тянется от реки, значит, по ней ты и прибыл! Запах твой мне незнаком, но даже если ты не из озерных людей, они наверняка помогали тебе. Придется напомнить им, кто тут Король-Под-Горой!

И Смауг, изрыгая пламя, полетел на юг, к реке Бегучей.

Глава XIII. Хозяина нету дома

Тем временем гномы сидели в потемках, вокруг стояла мертвая тишина. Они чуть-чуть подкрепились, перемолвились словечком – и снова смолкли. Счет времени гномы давно потеряли и боялись пошевелиться: даже шепот в этом туннеле отдавался гулким эхом. Иногда они задремывали, но, проснувшись, вновь обнаруживали вокруг полную темноту и ничем не нарушаемое безмолвие. Им казалось, что день проходит за днем, а они все сидят и ждут. Наконец, когда воздуха стало не хватать, терпение гномов подошло к концу. К этому времени они, наверное, с радостью услышали бы любой звук, даже шум из глубины Горы, свидетельствующий о возвращении дракона. Конечно, они боялись, что в тишине дракон готовит им новую западню. Но не сидеть же тут вечно!

– Попробуем открыть дверь! – не выдержал молчания Торин. – Я просто задыхаюсь! Уж лучше попасть в лапы Смаугу на свежем воздухе, чем умирать тут от удушья!

Несколько гномов поднялись и направились по туннелю туда, где раньше была дверь. Однако они обнаружили, что в верхнем конце туннеля произошел обвал. Прохода больше не существовало! Потайной двери уже не суждено было открыться, будь то с помощью ключа или заклинания.

– Мы в ловушке! – закричали гномы. – Все кончено! Здесь мы и умрем!

Тем не менее в ту самую минуту, когда гномы пришли в полное отчаяние, Бильбо почему-то почувствовал необыкновенное облегчение – словно камень с души свалился.

– Ну-ну, не вешайте носа! – бодро сказал он. – Как говаривал мой отец, «надежда умирает последней». И еще: «Удача троицу любит!» Схожу-ка я вниз еще разочек. Дважды я ходил туда, твердо зная, что застану там дракона, а теперь, когда в этом нет никакой уверенности, рискну, пожалуй, нанести ему и третий визит. Во всяком случае,

единственный путь наружу лежит через нижнюю пещеру. И на этот раз всем вам, наверное, будет лучше пойти со мной.

Делать было нечего, и гномы согласились. Торин встал и первым последовал за Бильбо.

– Только осторожно! – шепнул хоббит. – Идите как можно тише! Может, Смауга там и нет, а может, и есть. Рисковать попусту не стоит.

Вниз, вниз… Гномы, естественно, не могли соперничать с хоббитом в ловкости и, разумеется, вовсю пыхтели и шаркали ногами, чего здешнее гулкое эхо не могло оставить без внимания. И все же, хотя Бильбо то и дело в страхе останавливался и прислушивался, внизу все было тихо. Когда до нижней пещеры, насколько Бильбо мог судить, оставалось уже недалеко, он надел кольцо и пошел вперед. Однако этого можно было и не делать: кругом стоял кромешный мрак и все были в равной степени невидимы – и с кольцом, и без него. Мрак и в самом деле был таким плотным, что Бильбо не заметил, как туннель кончился. Рука хоббита провалилась в пустоту, он споткнулся и кубарем полетел вниз!

Затаив дыхание, Бильбо ничком лежал на полу пещеры и боялся даже голову приподнять. Но все было тихо. Ничего на этот раз не светилось – если не считать какого-то бледного пятна в глубине пещеры, которое хоббит заметил, подняв голову, а может, ему это только показалось. Во всяком случае, на драконье пламя это пятно никоим образом не походило, хотя в пещере по-прежнему стоял тяжелый смрад старого змея и во рту хоббит чувствовал горечь.

В конце концов все это господину Бэггинсу надоело.

– Эй, Смауг! Где ты там схоронился, змей проклятый?! – громко пропищал он. – Хватит играть в прятки! Выходи! Дай света, а потом можешь съесть меня, если поймаешь!

Слабое эхо прокатилось по черной пещере, но ответа не последовало. Бильбо встал на ноги и замер, не зная, что предпринять.

«Интересно, чем занят Смауг? – подумал хоббит. – Похоже, нынче утром (а может, нынче вечером, или что там у нас теперь?) его нету дома. Если Оин с Глоином еще не потеряли свои кресала, нам, возможно, удастся развести огонь и осмотреться как следует, пока удача не отвернулась».

– Огня! – закричал Бильбо. – Дайте огня!

Гномы, разумеется, очень испугались, когда Бильбо свалился в темноту и с грохотом покатился по полу пещеры. Сбившись в кучку, они замерли на краю туннеля, на том самом месте, где хоббит столь неожиданно их покинул.

– Тихо! – зашикали они, услышав крики Бильбо.

Хотя шиканье и помогло хоббиту определить, в какой стороне находятся гномы, он еще долго не мог добиться от них ничего более существенного. Тем не менее, когда Бильбо вконец отбил себе ноги и почти сорвал голос, требуя огня, Торин решился и отправил Оина с Глоином за кресалами, оставленными в начале туннеля вместе с прочими вещами.

Некоторое время спустя появился мерцающий огонь, говоривший о том, что они вернулись. Оин держал в руке небольшой факел из сосновой ветки, а Глоин тащил охапку запасных. Бильбо живо подбежал к ним и взял у Оина факел. Однако гномы ни в какую не соглашались зажечь остальные или хотя бы войти в пещеру вместе с хоббитом. Торин с надлежащими подробностями разъяснил, что господин Бэггинс все еще остается штатным грабителем и испытателем, и если он рискнул зажечь огонь – это его личное дело. А гномы предпочитают подождать его отчета, не выходя из туннеля. После этих объяснений гномы сели у входа в пещеру и стали смотреть, что будет дальше.

Они видели, как темная фигурка хоббита, державшего факел над головой, двинулась через пещеру. Пока Бильбо еще не ушел далеко, в свете факела гномы то и дело замечали поблескивание и слышали позвякивание, когда хоббит спотыкался о какую-нибудь золотую штуковину. Все глубже удалялся Бильбо в необозримую пещеру, свет становился слабее и слабее, затем огонек начал подниматься вверх и замигал; Бильбо взбирался на огромную груду сокровищ. Вскоре хоббит оказался на самом верху и двинулся дальше. Вдруг он остановился и на мгновение нагнулся, однако гномы не поняли почему.

А дело было вот в чем. Бильбо наткнулся на Аркенстон – Сердце Горы! По описанию Торина Бильбо сразу узнал его. Да и то сказать, второго такого бриллианта не могло быть даже в груде таких восхитительных сокровищ – и нигде в мире! Когда Бильбо карабкался наверх, именно этот чистый свет маячил перед ним и манил его. Постепенно свет превратился в неярко сияющий шар. Теперь, когда бриллиант был близко, все его грани сверкали разноцветными искрами, отражая колеблющееся пламя факела. Нагнувшись, Бильбо взглянул на камень – и у него перехватило дыхание! Лежавший у его ног огромный бриллиант весь светился изнутри и в то же время, ограненный гномами, которые некогда добыли его из самого сердца Горы, вбирал в себя весь свет извне и превращал его в мириады

чистейших белых искр и лучей всех цветов радуги!

Рука хоббита помимо его воли потянулась к камню. Аркенстон был большим, тяжелым и не поместился в кулаке, но Бильбо все-таки поднял его, зажмурился и засунул во внутренний карман.

«Вот теперь я – самый настоящий грабитель! – подумал Бильбо. – Наверное, мне все равно придется признаться в этом – но как-нибудь попозже… Они же сами говорили, что мне будет предоставлена

возможность лично выбрать свою долю. Вот я и возьму этот камень – а им пускай достанется все остальное!»

Тем не менее у Бильбо появилось нехорошее предчувствие, что при выборе своей доли ему едва ли придется рассчитывать на этот удивительный бриллиант и что у него могут выйти большие неприятности.

Затем Бильбо пошел дальше. Он спустился вниз, и огонек его факела, оказавшись по другую сторону груды сокровищ, скрылся от глаз наблюдавших за ним гномов. Однако вскоре они вновь увидели его в дальнем конце зала. Но Бильбо не остановился и там.

Он все шел и шел, покуда не добрался до выхода; оттуда повеяло свежим воздухом, однако факел при этом едва не погас. Бильбо осторожно заглянул в проход и увидел неясные очертания просторных коридоров и начало широкой каменной лестницы, ведущей куда-то наверх, во мрак. И по-прежнему никаких признаков дракона! Бильбо собирался уже поворачивать назад, как вдруг нечто черное пролетело у него прямо перед глазами и задело по лицу. Хоббит вскрикнул, попятился и упал. Факел вывалился у него из рук и погас!

«Будем надеяться, что это всего-навсего летучая мышь! – подумал перепуганный хоббит. – Что же теперь делать? Где тут восток, юг, север и запад?»

– Эй! Торин! Балин! Оин! Глоин! Фили! Кили! – закричал Бильбо что есть мочи, но в огромной пещере голос его был еле слышен. – Факел погас! Эй, кто-нибудь! Сюда! Помогите!

Надо признаться, в эту минуту мужество совершенно покинуло его.

Гномы почти не слышали Бильбо и единственным, что они разобрали определенно, было: «Помогите!»

– Горы и камни! Что там у него стряслось? – недовольно проворчал Торин. – Во всяком случае, дело не в драконе, иначе наш грабитель давно бы уже не пищал!

Гномы подождали еще немного, но никаких звуков, которые говорили бы о возвращении дракона, не последовало – слышны были только слабые и далекие вопли хоббита.

– А ну-ка, зажгите еще пару факелов! – приказал Торин. – Похоже, Грабителя придется выручать.

– Теперь наша очередь, – сказал Балин. – И я охотно пойду. Во всяком случае, я полагаю, что сейчас там неопасно.

Глоин зажег несколько факелов, и гномы один за другим спустились в пещеру. Со всею возможной для них поспешностью они двинулись вдоль стены. Вскоре они столкнулись с Бильбо, который

направлялся им навстречу. Увидев мерцающие факелы гномов, он вновь обрел присутствие духа.

– Ничего особенного! Просто мимо меня пролетела летучая мышь, и я уронил факел, – ответил Бильбо на вопросы гномов.

Гномы сразу успокоились, но не удержались от недовольного ворчания – нечего, мол, пугать попусту! А что сказали бы гномы, поведай им хоббит об Аркенстоне, – уж и не знаю. Как бы то ни было, даже слабые блики на груде сокровищ воспламенили гномьи сердца жгучим огнем. А когда сердце гнома, даже самого степенного, загорится страстью к золоту и драгоценным камням, гном этот внезапно становится безоглядно храбрым, а при случае – даже свирепым.

Поэтому уговаривать гномов больше не пришлось. Все горели желанием поскорее осмотреть пещеру, пока этому ничто не мешает, – они очень рассчитывали на то, что Смауга и в самом деле нет дома. Они быстро расхватали факелы, зажгли их и, оглядевшись по сторонам, тут же забыли о страхе и отбросили всякую осторожность. Пещеру огласили громкие разговоры и радостные восклицания. Гномы то и дело подносили к свету какую-нибудь вещицу, выуженную из груды сокровищ или снятую со стены, ощупывали ее и ласково поглаживали.

Кили с Фили – те так даже развеселились. На одной из стен они обнаружили золотые арфы с серебряными струнами, не удержались и тут же взяли несколько аккордов. Поскольку арфы эти были волшебными, за прошедшие годы они ничуть не расстроились – к тому же дракона музыка нисколько не занимала, и до арф он не дотрагивался. Впервые за долгое время раздалась музыка в этих мрачных стенах. Впрочем, остальные гномы оказались куда практичнее: они набивали карманы драгоценными камнями, а что не помещалось – пересыпали в горстях и со вздохом сожаления смотрели, как драгоценности стекают между пальцев. Торин, естественно, от других не отставал, и его тень мелькала то в одном конце пещеры, то в другом, словно он что-то искал и не мог найти. Искал он, конечно, Аркенстон – только до поры до времени об этом помалкивал.

Гномы поснимали со стен оружие и кольчуги и облачились в доспехи. В золотых латах, вооруженный боевым топором с серебряной рукоятью, отделанной алыми каменьями, Торин выглядел по-королевски.

– Господин Бэггинс! – подозвал он хоббита. – В счет вашего вознаграждения возьмите для начала вот это. Снимайте вашу старую

куртку!

С этими словами Торин накинул на плечи хоббита небольшую кольчугу, выкованную в давние времена для какого-то юного эльфийского принца. Кольчуга была сделана из серебристо-стального металла, который эльфы называют мифрилом*, и к кольчуге полагался пояс из хрусталя и перламутра. Кроме того, Торин водрузил на голову Бильбо легкий шлем из тисненой кожи на стальном каркасе, отделанный по краю бриллиантами.

«Очень даже недурственно! – подумал хоббит. – Правда, видок у меня, наверное, самый нелепый. Вот бы посмеялись надо мной дома, под Холмом! Жаль все-таки, что зеркала здесь не сыщешь!»

Тем не менее, в отличие от гномов, господин Бэггинс отнюдь не потерял головы при виде золота. Гномы еще долго рылись в груде сокровищ, но хоббиту все это быстро надоело; он сел на пол и с тревогой размышлял, чем же их предприятие в конце концов

обернется.

«Всю эту груду золотых кубков я отдал бы сейчас за один глоток чего-нибудь освежающего из деревянной чаши Беорна!» – подумал Бильбо.

– Торин! – не выдержал он наконец. – Что будем делать дальше? Вооружиться-то мы вооружились, но никакое оружие не может противостоять Смаугу Ужасному! Сокровища еще не отвоеваны. Мы пришли сюда не ради золота, а в поисках выхода. И вообще, нельзя искушать судьбу слишком долго!

– Ты прав! – согласился Торин, приходя наконец в себя. – Нужно уходить! Но теперь вас поведу я! И за тысячу лет не забыть мне ходов и переходов этого дворца!

Торин собрал всех гномов, и, держа над головой зажженные факелы, они проследовали в зияющий чернотой проход. При этом не обошлось, разумеется, без тоскливых взглядов через плечо.

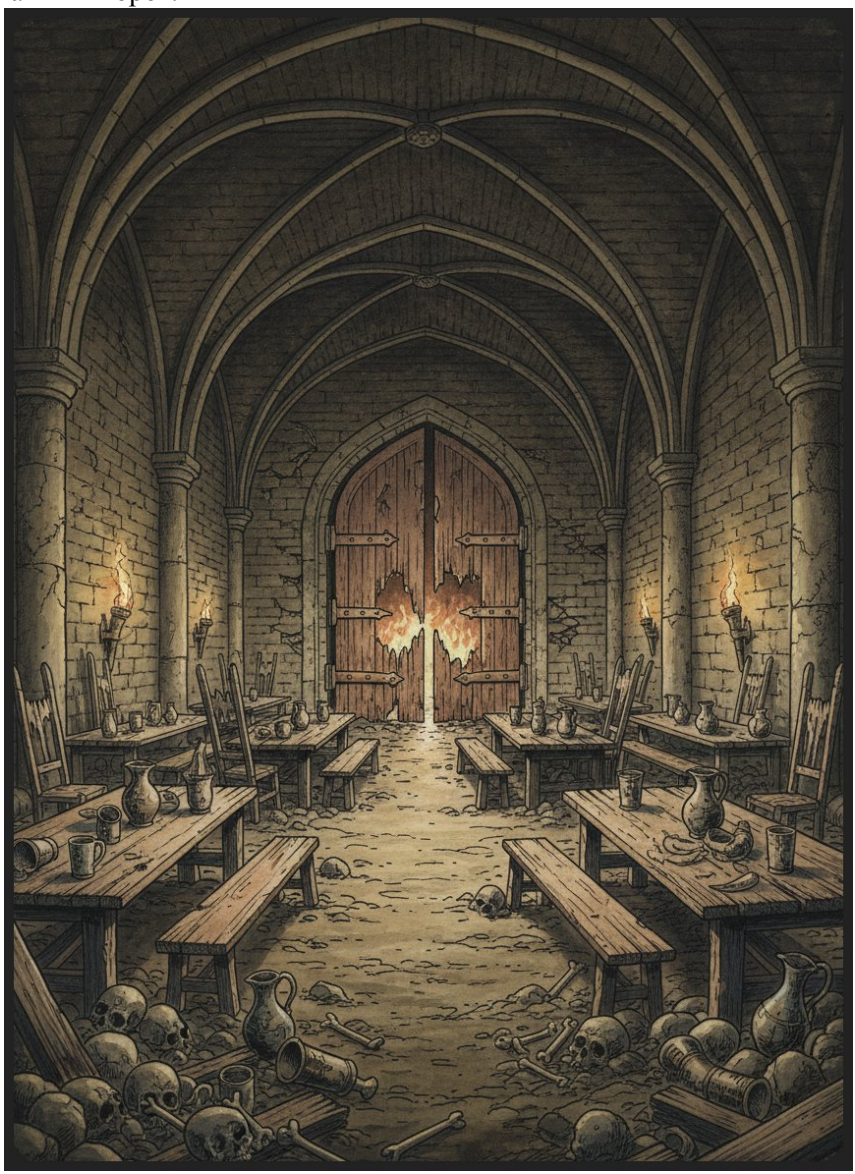
Поверх сверкающих кольчуг гномы и хоббит вновь надели свои старые плащи, а поверх шлемов – потрепанные в пути капюшоны. Один за другим они шли следом за Торином цепочкой движущихся в темноте огоньков; процессия вновь и вновь останавливалась, и гномы с тревогой прислушивались – дракон мог возвратиться в любую минуту!

Некогда великолепные покои древнего дворца были безнадежно испорчены, все было изгажено и выжжено не раз проползавшим здесь чудовищным змеем, но, несмотря на это, Торин шел уверенно, потому что знал здесь каждый поворот. Они долго поднимались по какой-то каменной лестнице, затем свернули и стали спускаться по широким гулким переходам, затем вновь свернули и вновь пошли вверх, уже по другой лестнице, а затем еще по одной. Ступени, высеченные прямо в скале, были ровными и широкими.

Гномы все поднимались и поднимались по этим ступеням, не встречая на своем пути ничего живого, кроме каких-то теней, которые воровато шмыгали в сторону при первом же приближении колеблющегося на дворцовых сквозняках пламени факелов.

Как бы то ни было, ступени эти предназначались все-таки не для хоббитов, и Бильбо уже окончательно выбился из сил, когда неожиданно каменный свод потолка круто ушел вверх, куда не достигал свет факелов. Откуда-то сверху сочился тусклый свет, дышать стало легче. А прямо впереди смутно маячили огромные двери – обожженные и покореженные, они все еще висели на петлях.

– Мы в Тронном Зале Трора, – пояснил Торин. – Здесь устраивались пиры и собирался совет. Отсюда уже недалеко до Главных Ворот.



Они пересекли обезображенный зал. Тут и там стояли гниющие столы, вверх ногами валялись обугленные лавки. На полу среди кувшинов, кубков и окованных рогов для питья лежали в пыли черепа и кости. Оказавшись на другом конце зала, гномы миновали еще

несколько дверей, и вдруг ушей их достиг звук падающей воды, да и свет стал поярче.

– Здесь берет начало река Бегучая, – пояснил Торин. – Отсюда она вытекает к Главным Воротам. По ней мы и пойдем.

Из черной дыры в скале выбивался бурлящий поток, стекая в узкий канал, высеченный еще древними мастерами, прямой и глубокий. Вдоль канала шла широкая мощеная дорога, по которой могло пройти

в ряд несколько воинов. Гномы так и бросились бежать по ней! И вдруг – о радость! – прямо за поворотом в глаза им ударил дневной свет! Они оказались перед высокой аркой, которая еще сохранила отдельные фрагменты искусной резьбы по камню, несмотря на то что была сильно обожжена и выщерблена. Блеклое солнце посылало тусклые лучи промеж отрогов Горы, и золотые блики ложились на вымощенный камнем порог.

Потревоженная дымящими факелами стайка летучих мышей с шумом пронеслась над головами гномов; перепугавшись, они ринулись вперед, оскальзываясь на камнях, до блеска отполированных брюхом дракона. Река, вырвавшись на свободу, пенным потоком обрушивалась в долину. Гномы побросали на землю ставшие ненужными факелы и остановились, широко раскрыв глаза. Наконец-то они добрались до Главных Ворот! Вот она – долина Дейла!

– Ну вот! – обрадовался Бильбо. – Я и не надеялся уже поглядеть на мир из этих ворот! Надо же, как хорошо снова увидеть солнце и услышать шум ветра! Бр-р-р! Однако не жарко!

И в самом деле, дул порывистый восточный ветер – предвестник наступавшей зимы. Он свистал над отрогами Горы, продувая всю долину насквозь. Напарившись в провонявших драконом душных подземельях, гномы мигом продрогли.

Неожиданно Бильбо обнаружил, что не только смертельно устал, но и зверски голоден.

– Сейчас, наверное, уже около полудня, – сообразил он. – Пожалуй, самое подходящее время позавтракать, если, конечно, найдется чем! Правда, мне все-таки представляется, что парадный вход в логово Смауга – не самое безопасное место для трапезы. Не поискать ли местечка поспокойней?

– Хорошая мысль! – поддержал его Балин. – Кажется, я знаю, куда нам пойти! Старый сторожевой пост на юго-западе Горы будет, пожалуй, в самый раз!

– А далеко это? – спросил хоббит.

– Часов пять ходу, не больше. Но путь не из легких. Дорога от Ворот по левому берегу реки, похоже, совсем разбита. А вот взгляните-ка туда! Не доходя до развалин города, река делает резкий поворот. Раньше там был мост, который выводил к крутой каменной лестнице, что поднимается на правый берег, – там начинается дорога, ведущая прямо к Воронцу. Чуть подальше от нее отходит тропа к сторожевому посту. Будем надеяться, эту тропу не завалило. Подъем там, правда, тоже трудный, даже если сохранились древние каменные

ступени.

– Да сколько же можно! – проворчал Бильбо. – Опять идти, опять лезть в гору – и никакого тебе завтрака! Ужас просто, сколько завтраков, обедов и ужинов мы пропустили в этой проклятой дыре, где теряется всякий счет времени!

На самом деле с тех пор, как дракон смял в лепешку заговоренную потайную дверь, не прошло и полутора суток (две ночи и день между ними), а, кроме того, без еды они все-таки не сидели. Однако Бильбо окончательно потерял счет времени, и ему было все едино, что одна ночь, что десять!

– Ладно, ладно! – улыбаясь, остановил его Торин. Настроение у него явно было приподнятое – он то и дело побрякивал драгоценными камнями в карманах. – Нечего называть мой дворец проклятой дырой! Дайте срок, вычистим, приведем в порядок, тогда и посмотрим!

– Ну, это только через труп Смауга! – мрачно откликнулся Бильбо. – Интересно, кстати, куда это он подевался? Я готов даже пожертвовать своим завтраком, чтобы узнать это! Хочется надеяться, он не сидит сейчас на вершине Горы, любуясь оттуда на нашу славную компанию!

Последнее соображение сильно встревожило гномов, и они без возражений признали правоту Бильбо и Балина.

– Уходить, уходить нужно отсюда! – запричитал Дори. – Я затылком чувствую его взгляд!

– Да и холодно здесь как-то и уныло, – поддержал его Бомбур. – Воды, правда, сколько душе угодно, а вот съестного что-то не видать. В таких местах драконы, поди, всегда голодные!

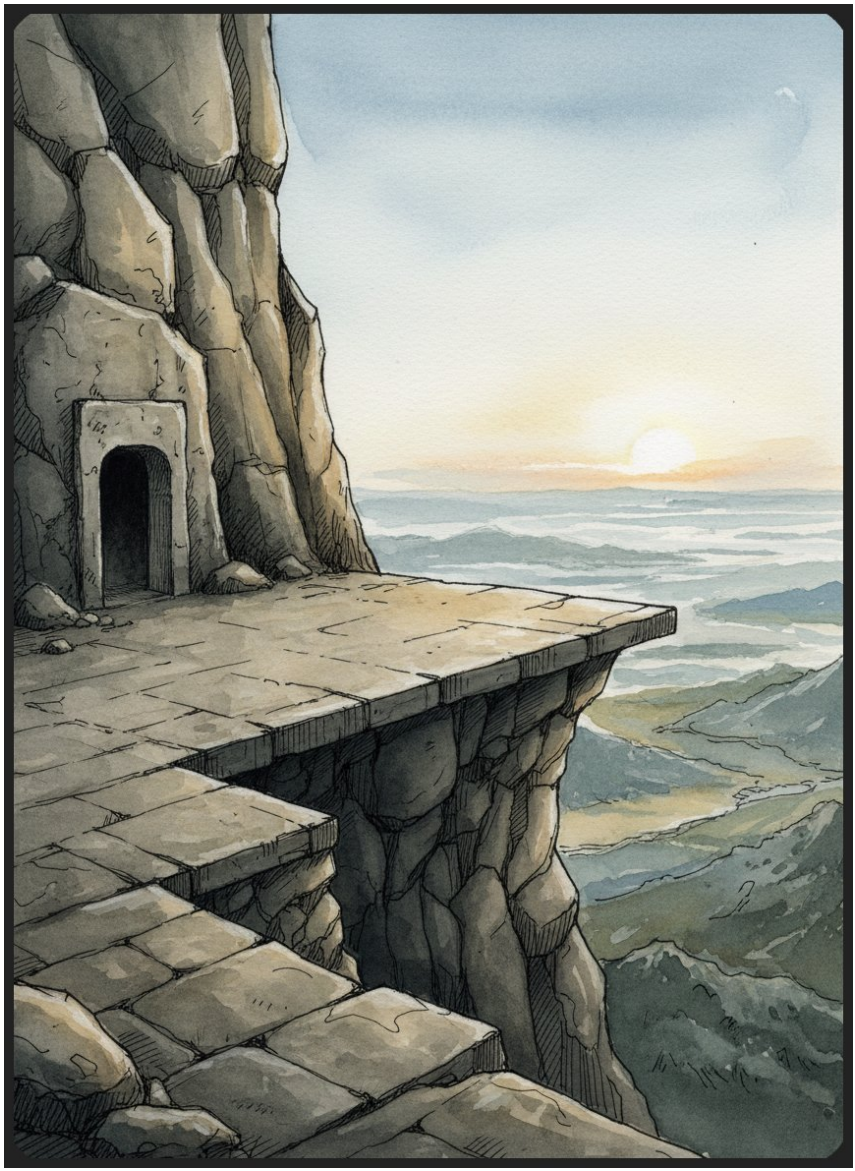
– Уходим! Уходим скорее! – загомонили остальные гномы. – Давай, Балин, веди нас на свою тропу!

Справа под скальной стеной тропы не было, так что пришлось пробираться между валунами по левому берегу реки. Вокруг царило такое запустение, что даже Торин перестал блаженно улыбаться. Мост, о котором говорил Балин, давным-давно рухнул – от его опор остались только нижние камни, торчавшие посреди бурной воды. Тем не менее гномы переправились без особых затруднений и быстро вскарабкались по древней каменной лестнице на крутой правый берег. Вскоре они обнаружили старую дорогу, которая привела в укрытую скалами лощину; здесь они немного передохнули и кое-как позавтракали – а именно погрызли крама и запили его водой. (Если вам интересно, что такое крам, могу сказать только, что рецепта его приготовления я и сам не знаю, – во всяком случае, это нечто галетообразное. Он может

храниться сколь угодно долго и весьма питателен, хотя на вкус довольно непривлекателен и может представлять определенный интерес разве что в смысле гимнастики для челюстей. Озерные люди пекли его на дальнюю дорогу.)

После завтрака гномы вновь двинулись в путь; дорога свернула от реки к западу, и огромный южный отрог Горы неуклонно приближался. Наконец они добрались до искомой тропы. Она шла круто вверх, и карабкаться по ней пришлось по одному – друг за другом. В конце концов, уже к вечеру, они достигли вершины гребня и на западе увидели блеклое зимнее солнце, которое клонилось к закату.

Наверху обнаружилась ровная, открытая с трех сторон площадка; лишь с севера она примыкала к скальной стене, в которой было пробито нечто вроде двери. С порога этой двери открывался прекрасный вид на восток, юг и запад.



– В прежние времена мы постоянно держали здесь дозоры, – пояснил Балин. – А эта дверь ведет в вырубленное в скале помещение, точнее, в караульню. У нас было несколько таких наблюдательных пунктов вокруг всей Горы. Правда, в пору нашего процветания здесь нечего было особенно караулить и дозорные наши совсем разленились. Если бы они вовремя предупредили нас о приближении дракона, возможно, все обернулось бы иначе – как знать? Во всяком случае,

теперь мы можем укрыться здесь на какое-то время и многое увидеть, оставаясь незамеченными.

– Если нас заметили по пути сюда, нам уже ничто не поможет! – возразил Дори, который то и дело опасливо поглядывал на вершину Горы, словно ожидал увидеть Смауга, сидящего там, аки галка на колокольне.

– Придется довольствоваться тем, что есть, – успокоил его Торин. – Все равно сегодня мы с места уже не двинемся!

– Слышите, что он говорит?! – поддержал его Бильбо и улегся прямо на камни.

В этой караульне места хватило бы и на сотню гномов. Еще глубже в скале была вырублена вторая комната, в которой оказалось не так холодно, как в первой. Караульня была совершенно пуста; складывалось впечатление, что даже дикие звери не забредали сюда с тех пор, как в Горе воцарился Смауг.

Гномы сложили в углу свою поклажу; некоторые разлеглись на полу и тут же крепко заснули, а остальные сели у двери и принялись обсуждать план дальнейших действий. Тем не менее разговор их неизменно возвращался к одному и тому же вопросу: куда подевался Смауг? Безо всякого успеха напрягали они зрение, вглядываясь в даль, но ни на западе, ни на востоке, ни тем более на юге не было видно никаких признаков дракона – разве что, непонятно почему, на горизонте собирались большие стаи птиц. Гномы глядели на них и терялись в догадках. На небе высыпали первые холодные звезды, а объяснения так и не нашлось.

Глава XIV. Огонь и вода

Ну а если вы, как и гномы, горите нетерпением поскорее узнать, куда подевался Смауг, придется нам вернуться на два дня назад, к тому вечеру, когда дракон сокрушил потайную дверь и в ярости улетел прочь.

Люди Озерного города, Эсгарота, большей частью сидели по домам, потому что с потемневшего востока дул сильный, пронизывающий до костей ветер; кое-кто, правда, по обыкновению, прогуливался, любуясь на отражения звезд, которые вспыхивали на темной глади озера, когда в небе расходились тучи. От Озерного города вид на Одинокую Гору закрывала гряда невысоких холмов на дальнем конце озера, расступавшихся, чтобы пропустить с севера впадавшую в него реку Бегучую. Из города видна была только вершина Горы, да и то лишь в ясную погоду. Впрочем, озерные люди редко смотрели в ту сторону, поскольку даже в утреннем свете Гора казалась им страшной и зловещей. Теперь же Горы, скрытой ночной тьмой, и вовсе не было видно.

Внезапно вершина Горы озарилась ярким светом и тут же погасла.

– Смотрите! Опять вспышка! – воскликнул кто-то. – Прошлой ночью часовые наблюдали их с полуночи до самого рассвета. Огни то появлялись, то гасли. Не иначе как там что-то происходит.

– Может, это Король-Под-Горой кует золото? – подхватил другой. – Он уже довольно долго пробыл там, на севере. Самое время сбываться тому, о чем поется в старинных песнях!

– Какой там Король! Держи карман шире! – вмешался третий. – Помяните мои слова, это убийственный огонь дракона, единственного известного нам Короля-Под-Горой!

– Что ты все время каркаешь! – оборвали его. – То у него наводнение, то рыба в озере всплыла кверху брюхом! Придумал бы что-нибудь повеселее!

Неожиданно в долине у подножия холмов что-то ярко вспыхнуло, и

северный край озера озарился золотыми отблесками.

– Король! Король-Под-Горой! – радостно закричали озерные люди и запели:

Не иссякнут там вовеки
Серебряные родники
И золотые реки!

– Не иначе как золотая река течет сюда с Горы! – восклицали они.

Повсюду стали открываться окна, послышался топот сбегавшихся людей.

Весь город вновь охватило радостное волнение. Однако человек, который пророчил худшее, уже бежал сломя голову к Магистру.

– Сюда летит дракон, или я сошел с ума! – кричал он. – Рубите мосты! К оружию! К оружию!

Часовые затрубили тревогу, и гулкое эхо прокатилось вдоль скалистых берегов озера. Восторженные крики разом смолкли. На смену ликованию пришел ужас, и к лучшему: дракон не застал озерных людей врасплох.

Смауг летел так быстро, что вскоре люди увидели и его самого – к городу приближалась какая-то искорка, которая с каждым мгновением росла и разгоралась. Тут и последнему дураку в городе стало ясно, что пророчества сбываются как-то не так. Времени на приготовления было в обрез. Тем не менее еще до того, как послышался рев и грохот приближающегося Смауга и озерная гладь пошла огненными волнами под ветром, поднятым могучими крыльями дракона, все сосуды, имевшиеся в городе, были наполнены водой, все воины облачились в доспехи, вооружились стрелами и дротиками, а мост, соединявший город с берегом, был разрушен.

Пролетев над городом, над головами кричащих и рыдающих людей, Смауг ринулся к мосту, но там его ожидало жестокое разочарование. Моста больше не существовало! Враги остались на острове посреди глубокого озера, глубокого, черного и холодного, а это не сулило Смаугу ничего хорошего. Если бы дракон рискнул бухнуться в озеро, вода бы закипела и клубы пара заволокли бы всю округу туманом на несколько дней. Но Смауг прекрасно понимал, что озеро сильнее его и может просто-напросто загасить его пламя, прежде чем он сумеет добраться до города вплавь.

Дракон взревел и снова взмыл в небо. Озерные люди встретили его тучей черных стрел. Стрелы со стуком ударялись о его броню и драгоценные камни; зажженные дыханием дракона, стрелы

вспыхивали и с шипением падали в озеро. Трудно себе представить более великолепный фейерверк, чем тот, что озарял небо над городом этой ночью. Пронзительные звуки труб и свист стрел настолько взбесили дракона, что он просто ошалел от ярости. Уже много веков никто не осмеливался оказывать ему сопротивление; сказать по правде, озерные люди и на этот раз едва ли отважились бы на битву, если бы не хмурый человек (звали его Бард*), который беспрестанно перебегал от одних защитников города к другим, подбадривая лучников. Именно он заставил Магистра отдать приказ о защите города до последней стрелы.

Из пасти дракона вырывались языки пламени. Сперва он покружил высоко над городом, озаряя огнем все озеро; деревья на берегу приобрели медно-кровавый отлив, и черные тени плясали у их подножий. Затем, не обращая внимания на ураган стрел, Смауг в слепой ярости, забыв про всякую осторожность и нимало не заботясь о том, чтобы держаться к противнику боком, где броня его была особенно крепка, ринулся вниз, горя одним желанием – сжечь город дотла!

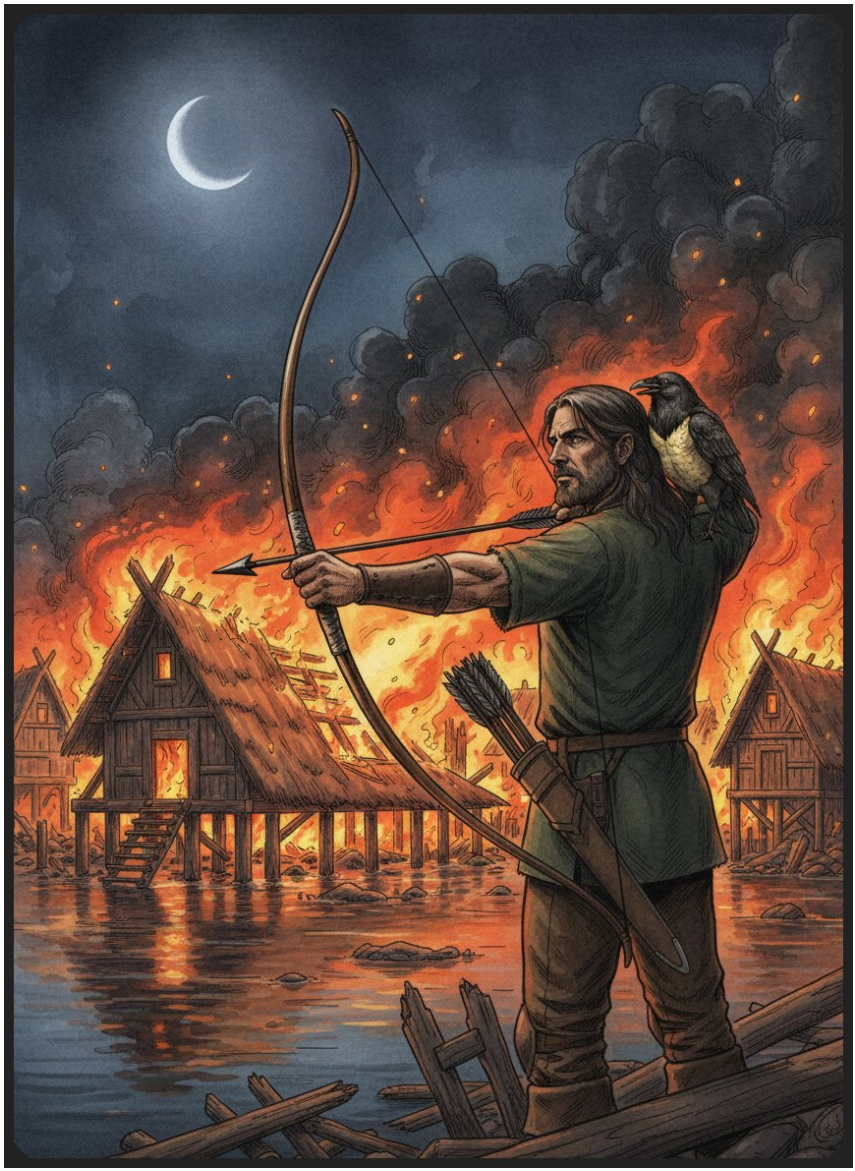
Языки пламени взметнулись к небу от соломенных крыш и деревянных стропил, хотя еще до нападения дракона их обильно полили водой. Но стоило заняться огню, как сотни рук схватили ведра и погасили его. Описав круг, Смауг вернулся. Взмах его огромного хвоста – и крыша магистрата с треском обвалилась! Пламя, залить которое теперь нечего было даже и пытаться, озарило ночную тьму. Взмах, еще взмах! Дома загорались один за другим, крыши их тут же обваливались. Ни одна стрела не могла остановить Смауга – он просто отмахивался от них, как от надоедливых болотных мух.

Люди стали прыгать в воду. Женщин и детей сажали в баржи, которые стояли на рыночной площади. Защитники города побросали оружие. Стоны и плач раздавались теперь на том месте, где горожане совсем недавно весело распевали старинные песни про гномов. Теперь озерные люди обрушивали град проклятий на гномьи головы. А Магистр бросился к своей большой позолоченной лодке, рассчитывая под шумок скрыться и спасти свою шкуру. Было совершенно ясно, что очень скоро город сгорит дотла, до последней сваи.

Этого только и надо было дракону. Пусть залезают в свои лодчонки! То-то он поохотится! Пусть поплавают, пока не сдохнут от голода! Пусть только попробуют сунуться на берег – Смауг своего не упустит! После города он возьмется за прибрежные леса, поля и луга. Давненько он так славно не развлекался!

И все-таки небольшой отряд лучников, занявший оборону среди горящих домов, все еще продолжал сопротивление*. Отрядом командовал Бард, тот самый хмурый человек, которого горожане бранили за то, что он предсказывал наводнение и рыбий мор, хотя и признавали за ним исключительное достоинство и отвагу. Бард был дальним потомком владыки Дейла, Гириона, жене и детям которого много веков назад удалось спастись из-под развалин древней столицы и спуститься вниз по реке Бегучей. Бард стрелял из большого тисового лука, покуда у него не осталась одна-единственная стрела. Он наложил ее и натянул тетиву в последний раз.

Неожиданно что-то выпорхнуло из темноты и опустилось ему на плечо. Бард вздрогнул – но это был всего-навсего старый дрозд. Нимало не смущаясь, дрозд пригнулся к уху лучника и начал стрекотать. К своему удивлению, Бард обнаружил, что понимает птичий язык, – как-никак он был потомком Гириона!



– Погоди! Не стреляй! – сказал дрозд. – Луна уже встает. Когда дракон будет пролетать над тобой, отыщи дыру у него на груди, слева!

Дивясь, Бард выслушал короткий рассказ дрозда о том, что произошло на Горе, и о том, что дрозд узнал от Бильбо.

Бард натянул тетиву своего лука до самого уха. Дракон пошел на новый круг; он летел низко, и луна, взошедшая над восточным берегом озера, заливала серебряным светом его огромные крылья.

– Лети, стрела! – воскликнул Бард. – Лети, моя черная стрела! Я приберег тебя напоследок. Никогда ты не подводила меня, и всякий раз мне удавалось тебя подобрать. Я получил тебя от своего отца, а он – от своего. Если и впрямь вышла ты из кузни истинного Короля-Под-Горой, лети и поспешай!

На этот раз дракон несся над самыми крышами; когда он повернулся, броня и драгоценные камни на его брюхе ослепительно засверкали в лунном свете – осталось лишь одно темное пятно. И в то же мгновение запела тетива! Черная стрела, просвистев, ударила прямо в это пятно на груди дракона под самой левой лапой. Стрела была пущена с такой силой, что вошла очень глубоко, целиком – по самое оперение. Взревев так, что люди чуть не оглохли, а на берегу повалились деревья и раскололся не один камень, Смауг взвился, перевернулся в воздухе и рухнул!*

Рухнул он прямо на развалины и в предсмертных судорогах разметал весь город, так что во все стороны летели горящие головешки и повсюду вздымались снопы искр. Озеро взбурлило. Поднялись огромные клубы пара, белого в лунном свете среди внезапно наступившей темноты. Раздалось оглушительное шипение, на поверхности озера образовалась гудящая воронка – и вскоре все стихло. Так пришел конец дракону Смаугу и городу Эсгароту – но не

Барду!

Все выше и выше поднималась прибывающая луна, все громче завывал ледяной ветер. Он гнул столбы тумана, свивал его в клубы и гнал на запад, к болотам, примыкавшим к Чернолесью, раздирая по пути в клочья. И тогда на поверхности озера стали видны черные точечки лодок; ветер доносил стоны и плач жителей сожженного Эсгарота, которые оплакивали свой город, разрушенные дома и утраченное добро. Тем не менее, если бы в эту минуту у них хватило присутствия духа по достоинству оценить случившееся, они возблагодарили бы судьбу: как-никак три четверти жителей города остались в живых, лесам, пашням и пастбищам, скоту и большей части лодок не было причинено ни малейшего вреда – и при всем при том дракон был мертв! Но озерные люди еще не отдавали себе в этом отчета.

Стенающей толпой собрались они на западном берегу озера и, дрожа от холода, в первую очередь принялись бранить Магистра, который поспешил оставить город, когда его еще было кому и чем защищать.

– Может, он и умеет вести торговые дела, особенно свои, но в случае настоящей беды он никуда не годится!* – сердито ворчали горожане.

Затем они принялись восхвалять доблесть Барда и его последний меткий выстрел:

– О, если бы он не погиб, мы сделали бы его своим королем! О Бард, Победитель Дракона, потомок Гириона! Жаль, что его нет больше с нами.

При этих словах из темноты вдруг выступил высокий человек. Он вымок до нитки, его длинные темные волосы плетями свисали на лицо и плечи, но глаза яростно горели.

– Бард не погиб! – молвил он. – Когда враг был сражен, Бард нырнул в воду и спасся. Я – Бард, потомок Гириона! Это я убил Смауга!

– Король Бард! Да здравствует король Бард! – закричали озерные люди.

Магистру оставалось только скрежетать зубами.

– Гирион был владыкой Дейла, но никак не Королем Эсгарота, – мрачно заметил он. – У нас в Озерном городе заведено выбирать Магистра из числа старейших и мудрейших. Мы руководствуемся не только военной доблестью. Пусть «король Бард» отправляется в свое королевство – я говорю о Дейле. Благодаря подвигу Барда Дейл теперь

свободен, и никто не мешает Барду вернуться туда. Все желающие могут уйти с ним, если им неймется променять зеленые берега нашего озера на голый берег под Горой. Однако благоразумие подсказывает нам остаться здесь и отстроить город заново, дабы в скором времени вновь зажить в мире и достатке.

– Нет! Хотим короля Барда! – закричали люди в ответ на слова Магистра. – Хватит с нас немощных торговцев!

– Да здравствует Великий Лучник! Долой Толстосумов! – поддержали их другие.

Шум нарастал и эхом отдавался в прибрежных скалах.

– Разве я умаляю заслуги Барда Лучника? – вкрадчиво спросил Магистр, ибо теперь Бард стоял рядом с ним. – Нынче ночью он честно заслужил почетное место в списке благодетелей нашего города. Его имя навеки войдет в наши песни. И все-таки почему, о народ мой? – С этими словами Магистр встал и заговорил громко и отчетливо: – Почему вы возлагаете вину на меня одного? За какую провинность вы хотите прогнать меня? Вам известно, кто разбудил дракона? Кто получил от нас щедрые дары и всестороннюю помощь, заставив нас поверить, что древние пророчества начинают сбываться? Кто воспользовался нашим простодушием и добросердечием? Вы видели, какое золото в благодарность прислали они нам по реке? Огонь дракона и гибель! Так с кого же мы должны требовать возмещения убытков и помощи нашим вдовам и сиротам?

Как видите, Магистр имел все-таки некоторые основания занимать свой высокий пост. После его слов люди на какое-то время и думать забыли о новом короле – гнев их обратился на Торина и его друзей. Грубые, оскорбительные слова полетели со всех сторон в адрес гномов, а кое-кто из тех, кто совсем недавно распевал старинные песни громче других, стал кричать, что гномы намеренно разбудили дракона и натравили его на озерных людей.

– Глупцы! – сказал Бард. – Зачем попусту тратить слова и гневаться на этих несчастных? Они наверняка погибли в огне дракона задолго до того, как он напал на нас!

И тут, в то самое мгновение, когда были произнесены эти слова, Бард вспомнил о несметных сокровищах, оставшихся в Горе без всякой охраны и без хозяина. Он прикусил язык и задумался над словами Магистра о новом Дейле, представил себе, как зазвонят там золотые колокола, если только ему удастся повести за собой людей…

И он заговорил снова:

– Послушай, Магистр! Не время ссориться и не время строить

далеко идущие планы. Сейчас у нас много других дел. Пока что я признаю твою власть, хотя попозже намерен вновь подумать о твоих словах и уйти на север с теми, кто захочет отправиться со мной.

И Бард пошел устраивать лагеря для потерявших кров и перевязывать раненых. А Магистр так и остался сидеть на земле – лишь проводил уходящего Барда недобрым взглядом. Магистр крепко задумался и молчал, разве что громко приказал принести ему огня и еды.

Где бы ни появлялся Бард, он слышал разговоры, распространявшиеся, словно лесной пожар, – разговоры о неисчислимых богатствах, оставшихся теперь без охраны. Озерные люди поговаривали, что вскоре им с лихвой возместят ущерб и будет даже на что купить дорогие товары на Юге; эти разговоры немного утешали их в том бедственном положении, в каком они оказались. А положение и в самом деле было плачевным, поскольку ночь

предстояла нелегкая. Мало кому удалось устроиться под крышей (Магистру удалось), и еды не хватало (даже Магистру). Многие в ту ночь заболели от холода, сырости и отчаяния, и многие из тех, кому удалось невредимым выбраться из горящего города, умерли от болезней. В следующие несколько дней больных все прибавлялось, и голод усилился.

Тем временем Бард принял командование – он отдавал приказы по своему усмотрению, хотя действовал всегда от имени Магистра. Ему пришлось взять на себя нелегкое бремя забот по возведению временного жилья, устройству больных и раненых. Не подоспей помощь – многие из озерных людей, вероятно, не дожили бы до конца зимы, которая спешила на смену осени. А помощь пришла как раз вовремя, потому что Бард незамедлительно выслал вверх по реке гонцов к Лесным эльфам, но гонцы встретили эльфийское войско, не проделав и половины пути до Чернолесья, хотя с тех пор, как был повержен Смауг, прошло всего-навсего три дня.

Дело в том, что король эльфов уже получил известие о смерти дракона от своих гонцов, а также от птиц, которые были дружны с его народом, так что он был в курсе всех событий. А крылатое племя, которое обитало на краю Драконовой Пустоши, и в самом деле пришло в великое смятение. Небо почернело от поднявшихся в воздух птичьих стай, быстрокрылые вестники сновали во всех направлениях. Над опушкой Леса стоял немолчный свист и гам. Далеко за Чернолесье летела весть: «Смауг мертв!» В ответ шелестела листва и торчком вставали уши удивленных зверей. Еще до того как выступило эльфийское войско, весть достигла сосновых лесов на восточных склонах Туманных Гор; достигла она и бревенчатых хором Беорна, а гоблины – те так даже собрались на совет в своем подземелье, дабы обсудить создавшееся положение.

– Боюсь, что больше мы никогда не услышим о Торине Дубощите, – промолвил король эльфов. – Уж лучше бы он остался у меня в гостях! Впрочем, нет худа без добра.

Король, разумеется, не забыл старинного предания о сокровищах Трора. Таким образом, нет ничего удивительного в том, что гонцы Барда встретили короля на марше в сопровождении эльфийских воинов, вооруженных луками и копьями; над войском в большую стаю собирались вороны – они догадывались, что начинается война, такая война, какой не случалось в тех краях уже многие-многие годы.

Тем не менее, узнав, что Бард умоляет о помощи, король эльфов сжалился, ведь он был владыкой благородного и в общем-то доброго

народа. Первоначально войско направлялось прямо к Горе, но король принял решение изменить путь следования и поспешил вниз по реке, к озеру Долгому. Лодок и плотов у эльфов на всех не хватило, поэтому эльфийским воинам пришлось идти пешком по бездорожью; тем не менее водой удалось отправить большой груз продовольствия. Вообще-то, эльфы и по сию пору легки на ногу, и, хотя в те времена они редко захаживали в труднопроходимые заболоченные земли, лежавшие между Лесом и озером Долгим, дорога не заняла у них много времени. Уже на пятый день после гибели дракона они вышли к озеру и увидели развалины города. Как и следовало ожидать, озерные люди и Магистр встретили эльфов с великой радостью; в благодарность за помощь они были готовы заключить со своими спасителями любую сделку на самых невыгодных для себя условиях.

Вскоре планы озерных людей определились. Магистр вместе с женщинами, детьми, стариками и больными остался на озере; с ними также остались несколько искусных в строительстве городских мастеров и много умелых эльфов; они валили деревья и ловили сплавляемые по реке бревна. Ввиду близившейся зимы пришлось срочно заняться возведением времянок на берегу озера; под руководством Магистра был составлен план нового города – красивее и больше прежнего, правда, расположенного несколько севернее по берегу озера, поскольку еще многие-многие годы люди страшились того места, где под водой лежал мертвый дракон. Никогда уже не вернулся Смауг на свое золотое ложе – скорчившись, лежал он на дне озера, словно холодный подводный камень. Еще многие века при тихой погоде среди гниющих свай сгоревшего города видны были его исполинские кости. Мало кто отваживался проплыть в лодке над этим проклятым местом, а уж охотников нырять в глубину за отвалившимися от брони дракона драгоценными камнями и вовсе не находилось.

Все прочие воины из числа озерных людей, которые еще оставались в строю, и большая часть эльфов, сопровождавших короля, отправились в поход к Одинокой Горе. На одиннадцатый день после падения Эсгарота головной отряд объединенного войска миновал скальные ворота на северном конце озера и вступил на безжизненные земли перед Горой.

Глава XV. Собирается гроза

А теперь вернемся к Бильбо и гномам. Всю ночь они по очереди сторожили лагерь, однако наступило утро, а они так и не заметили ничего, что предвещало бы опасность. Ну разве что птиц становилось все больше и больше: с юга одна за другой летели огромные стаи. А кроме того, над головой, беспрерывно каркая, кружили вороны, которые жили в окрестностях Одинокой Горы.

– Что-то неладное творится, – мрачно заметил Торин. – Пора осенних перелетов давно миновала. Впрочем, птицы эти все оседлые – скворцы да зяблики. А вон там, подальше, – тучи стервятников. Они кружат так, словно внизу идет битва!

– Смотрите-ка, старый дрозд вернулся! – неожиданно воскликнул Бильбо. – Похоже, ему удалось спастись, когда Смауг сокрушил западный склон. Об улитках этого, наверное, не скажешь…

И действительно, это был тот самый старый дрозд! Когда Бильбо заметил его, тот подлетел поближе, уселся неподалеку на валун, затрепыхал крыльями и застрекотал. Потом склонил голову набок, словно приготовился слушать, потом снова застрекотал и снова склонил голову набок.

– Кажется, он хочет нам что-то сказать, – заметил Балин. – Только вот никак не могу уловить что – слишком быстро он стрекочет… Не разобрать ничего! А ты что-нибудь понял, Бильбо?

– Далеко не все… – уклончиво ответил хоббит (сказать по правде, Бильбо вообще ничего не понял). – Похоже, наш приятель очень волнуется.

– Жаль, что он не ворон! – сокрушенно вздохнул Балин.

– А я думал, ты воронов терпеть не можешь! – удивился Бильбо. – Когда мы сюда поднимались, ты, помнится, смотрел на них как-то косо.

– Так то были воро́ны, а не во́роны! И воро́ны к тому же очень противные и подозрительные! Да еще и грубиянки вдобавок! Слышал

бы ты, какие гадости кричали они нам в спину! Во́роны – совсем другое дело! Испокон веку эти птицы дружили с народом Трора и нередко приносили гномам важные известия, получая в награду разные блестящие украшения, которые охотно прятали у себя в гнездах. Вороны живут очень долго, и память у них крепкая. Мудрость свою они передают из поколения в поколение. Еще юношей я водил дружбу со многими воронами, жившими в окрестных скалах. Кстати, место, где мы сейчас находимся, назвали Воронцом потому, что как раз над нашей караульней жила когда-то знаменитая пара мудрых воронов – Старый Карк со своей супругой. Боюсь, правда, что теперь этот славный род оборвался.

Едва Балин закончил говорить, как старый дрозд громко свистнул и улетел прочь.

– Я почти уверен, что, хоть мы и не поняли эту птицу, она-то нас прекрасно поняла, – твердо сказал Балин. – Смотрите внимательно – что-то будет!

Прошло немного времени, и послышалось хлопанье крыльев – дрозд возвращался! За ним следовала еще одна, совсем дряхлая птица. Она, похоже, почти ослепла, голова ее облезла, и летела птица еле-еле. То был древний-предревний огромный ворон. Он грузно опустился на площадку, взмахнул крыльями, скакнул и оказался прямо перед Торином.

– О Торин, сын Траина, и ты, Балин, сын Фундина! – прокаркал ворон (Бильбо отчетливо разобрал его слова, потому что говорил ворон на обычном языке, а не на птичьем). – Я – Роак, сын Карка. Карк умер, но вы хорошо знали его когда-то. Сто лет, и три года, и еще пятьдесят прошло с тех пор, как я вылупился из яйца, но я не забыл того, что говорил мне мой отец. Теперь я – старейшина всех воронов, живущих на Горе. Нас мало, но мы помним прежнего Короля! Почти

все вороны сейчас улетели на юг, ибо оттуда пришли важные известия. Среди них есть такие, что обрадуют вас, но есть и такие, что могут не понравиться. Смотрите! Птицы возвращаются к Горе! С юга, востока и запада летят они в долину Дейла, потому что до них дошла весть о том, что Смауг мертв!

– Мертв? Мертв!!! – закричали гномы. – Смауг мертв!!! Значит, напрасно мы боялись все это время! Значит, сокровища – наши! – На радостях гномы запрыгали и пустились в пляс.

– Именно так, Смауг мертв! – повторил Роак. – Этот дрозд – да не выпадут никогда его перья! – собственными глазами видел дракона мертвым! А его словам можно верить. Три ночи назад при восходе луны он видел, как в битве с людьми Эсгарота Смауг был повержен.

Торину потребовалось немало усилий и времени, чтобы немного успокоить гномов и заставить их выслушать ворона до конца. Подробно рассказав о битве на Озере, ворон продолжил:

– На этом добрые известия и заканчиваются, Торин Дубощит! Ты спокойно можешь возвращаться в свой дворец. Все сокровища – твои! Пока твои. Ибо вслед за птицами к Горе направляются еще многие и многие. Быстро и далеко разнеслась весть о смерти дракона, а предание о несметных богатствах Трора отнюдь не забылось за эти долгие века. Немало есть охотников до этих сокровищ. Эльфийское войско уже на пути сюда, и стервятники кружат над ним, рассчитывая на поживу после битвы. На Озере люди поговаривают, что во всех бедах Эсгарота повинны именно гномы, ибо Смауг разрушил Озерный город и люди потеряли кров, а многие погибли. Озерные люди рассчитывают любой ценой получить хотя бы часть этих сокровищ.

Пусть твоя мудрость подскажет тебе решение, но вас всего-навсего тринадцать – все, что осталось от великого племени Дьюрина, некогда жившего в этих местах, а теперь рассеявшегося по миру. Если хочешь, прими мой совет: не доверяй Магистру озерных людей, лучше имей дело с человеком, который поразил дракона. Имя его Бард, он потомок Гириона и родом из Дейла. Бард угрюм, но честен. Надеюсь, после стольких лет запустения и вражды в окрестностях Горы вновь установится мир между гномами, людьми и эльфами… Но для этого тебе придется поступиться своим золотом. Я все сказал.

Выслушав, Торин прямо-таки взорвался от негодования:

– Благодарю тебя, о Роак, сын Карка! Мы не останемся в долгу у тебя и твоего народа, но, пока живы, не отдадим своего золота ворам и разбойникам! Если хочешь оказать нам еще одну услугу, будь добр, извещай нас о том, что творится на подступах к Горе. И еще – если

остались среди вас вороны молодые и полные сил, я прошу тебя послать их с вестями к нашим родственникам в северные горы, а также на запад и на восток. Пусть посланцы расскажут о наших бедах. Но в первую очередь вышли гонцов к моему двоюродному брату Даину* из Железных Гор*. У него много хорошо вооруженных воинов, да и живут они ближе других. Пусть Даин поторопится!

– Не стану судить, верно ты поступаешь или нет, – прокаркал Роак. – Но я постараюсь исполнить все, о чем ты говоришь.

Ворон взмахнул крыльями и тяжело полетел прочь.

– А теперь возвращаемся в Гору! – воскликнул Торин. – И не худо бы поторопиться!

– А также подкрепиться! – подхватил его слова всегда практичный в таких вопросах Бильбо.

Хоббит был уверен, что со смертью дракона Приключению, в сущности, пришел конец (в этом, кстати, он глубоко заблуждался!), и готов был поступиться большей частью своего вознаграждения, лишь бы дело кончилось миром.

– В Гору! Возвращаемся в Гору! – радостно закричали гномы, словно и не слышали слов Бильбо.

Пришлось хоббиту тащиться назад вместе со всеми.

Поскольку произошедшие на юге события вам уже известны, вы понимаете, что у гномов было в запасе еще несколько дней. За это время гномы еще раз тщательно обследовали свои подземелья и выяснили, что, как и следовало ожидать, открытыми оставались только Главные Ворота – все прочие (за исключением, конечно, потайной двери) давным-давно были уничтожены разъяренным Смаугом, так что и следов не осталось. Поэтому гномы спешно принялись укреплять главный вход и восстанавливать ведущую к нему подземную дорогу. После старых рудокопов и строителей в пещерах остались груды всевозможного инструмента. Гномы еще не забыли старинных ремесел и живо взялись за дело.

Покуда они трудились, вороны то и дело приносили свежие новости. Таким образом гномы узнали, что эльфийское войско свернуло к Озеру и, стало быть, оставалось еще время, чтобы достойно подготовиться к встрече. Мало того, от воронов стало известно, что три лошадки после нападения дракона все-таки уцелели и бродят по берегу реки Бегучей, совсем недалеко от того места, где оставался склад с припасами. Поэтому, несмотря на то что время было дорого и рабочих рук не хватало, Торин отправил Кили с Фили вниз по реке, чтобы те изловили пони и привезли на них побольше провизии.

К концу четвертого дня гномам доложили, что объединенное войско озерных людей и эльфов спешным маршем направляется к Горе. Но теперь гномы чувствовали себя куда увереннее: у них был запас пищи на несколько недель – правда, это был в основном крам, а он им уже порядком надоел, но, что ни говорите, и крам лучше, чем ничего! Ворота к этому времени были уже почти до самого верха заложены тесаными камнями, и, несмотря на сухую кладку, стена получилась толстой и высокой. В ней имелись небольшие бойницы, позволявшие наблюдать за противником (или стрелять в него), но пролезть в бойницу было невозможно. Через стену приходилось перебираться по лестнице, а строительные материалы гномы поднимали на веревках. Чтобы дать выход подземной реке, гномы прорубили под самой стеной низкую арку, а снаружи сильно расширили старое каменное русло – так что сразу за стеной образовался большой пруд, тянувшийся до самого водопада, где река Бегучая обрушивала свои воды в долину Дейла. Таким образом, если не вплавь, подобраться к Воротам можно было только по узенькому карнизу, который шел вдоль скалы справа, если смотреть изнутри укрепления. Пони гномы разгрузили у каменных ступеней, которые спускались к старому мосту, и отправили лошадок к их прежним хозяевам – своим ходом, без седоков.

И вот однажды ночью гномы увидели, как на дальнем конце долины Дейла вспыхнуло великое множество огней – не то костры, не то факелы.

– Идут! – объявил Балин. – Там разбит огромный военный лагерь! Должно быть, они вошли в долину под покровом сумерек, а двигались, наверное, по обоим берегам реки.

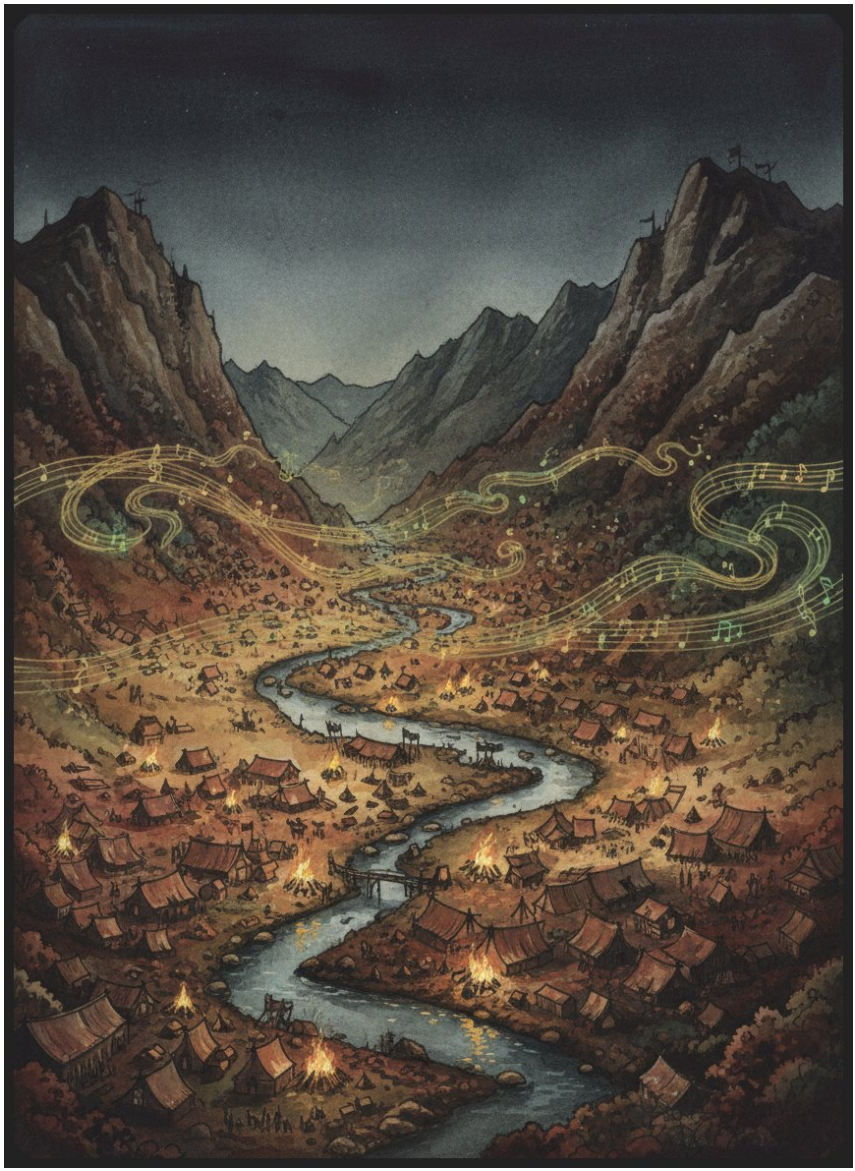
В эту ночь гномы почти не спали. Еще толком не рассвело, когда

они увидели первый отряд противника. Гномы напряженно следили из-за стены, как отряд пересекает долину и медленно поднимается в гору. Вскоре они смогли различить среди эльфийских лучников двух воинов из числа озерных людей, в полном боевом снаряжении. Наконец воины показались на скалах у самого водопада. Велико же было их удивление, когда они увидели перед собой водоем и Ворота, заложенные свеженькой каменной кладкой!

Покуда воины переглядывались и переговаривались, Торин громко и грозно окликнул их:

– Кто вы такие? Зачем явились вы с оружием в руках к воротам Торина, сына Траина, Короля-Под-Горой? Что вам здесь нужно?

Ему не ответили. Кое-кто из воинов тут же повернул назад, а прочие, поглядев еще некоторое время на Ворота и укрепления, последовали их примеру. В тот же день военный лагерь переместился под самую Гору, раскинувшись прямо между двух ее отрогов. То и дело скалы оглашались гулким эхом голосов и песен, чего не случалось здесь уже давным-давно. Эльфы взялись за арфы, полилась дивная музыка, и когда горное эхо донесло до гномов эти волшебные звуки, им показалось, что прохладный осенний воздух стал теплее и наполнился тонким ароматом цветущего весеннего леса.



Хоббита так и подмывало выбраться из этой мрачной крепости, убежать в долину и присоединиться к веселому пиру у костров. Кое-кто из молодых гномов тоже дрогнул – они стали поговаривать, что не худо бы, мол, повернуть дело иначе, и как славно было бы встретить здесь эльфов как друзей. От таких разговоров Торин только мрачнел*.

Тогда гномы принесли арфы и другие музыкальные инструменты, какие нашли среди сокровищ Трора, и стали играть и петь, чтобы

поднять Торину настроение. Правда, гномья песня была не похожа на эльфийские и сильно напоминала ту самую, старинную, которую они пели перед походом в норе у Бильбо:

Пришел Король не как беглец
Под Гору в каменный дворец!
Дракон сражен! Здесь испокон
Врага любого ждет конец!

Ведь если золота огнем
Охвачен благородный гном —
Как сталь крепка его рука
И ярость закипает в нем!

А если гном огнем горит,
Он ладит лук и меч вострит —
Пусть грянет бой, но враг любой
Вовек Ворот не отворит!

Когда-то молот не молчал
В глубоком мраке гулких зал,
Где жили мы в объятьях тьмы
И каждый золото ковал.

Плененным пламенем лучей
Луны и звезд иных ночей
Искрился сплав драконьих лав
На рукоятях у мечей!

Свободен трон, пуста Гора —
Сюда спешите, мастера!
Да будет скор поход ваш с гор —
Изгнанникам домой пора!

Мы братьев призываем так:
«В опасности родной очаг!
Спеши, народ! Король твой ждет,
Чтоб алчный был отброшен враг!»

Король вернулся во дворец
И взял наследственный венец!
Дракон сражен! Здесь испокон
Врага любого ждет конец!

Эта песня, видимо, очень понравилась Торину – во всяком случае,

он заулыбался и даже развеселился. Он все прикидывал в уме расстояние от Железных Гор, высчитывая, сколько времени понадобится Даину, чтобы добраться до Одинокой Горы, – из расчета, что тот выступит сразу, как только получит известие от Торина. А вот Бильбо совсем расстроился: и песня, и разговоры гномов показались ему чересчур уж воинственными.

На следующее утро гномы и хоббит увидели, что через реку переправился отряд копьеносцев и двинулся через долину прямо к Горе. Над отрядом развевалось зеленое знамя короля эльфов и голубое знамя Озера. Отряд остановился у самых Ворот, под стеной.

Торин, как и в прошлый раз, громко крикнул:

– Кто вы такие? Зачем явились вы с оружием в руках к воротам Торина, сына Траина, Короля-Под-Горой?

На этот раз ему ответили. Вперед выступил рослый человек, темноволосый и угрюмый. Он крикнул:

– Приветствую тебя, Торин! Зачем ты заперся в своем логове, словно разбойник? Мы ведь еще не стали врагами. Мы рады видеть тебя живым и здоровым, хотя и не верили в это! Мы не ожидали встретить здесь хоть одно живое существо. Но раз уж мы встретились, нам есть о чем переговорить!

– Кто ты такой и о чем вести мне с тобой переговоры?

– Мое имя Бард, и да будет тебе известно, что дракон пал от моей руки! Это я устранил стража твоих сокровищ. Разве этого мало? Кроме того, я – прямой наследник Гириона, владыки Дейла, а среди доставшихся тебе сокровищ находится немало добра, награбленного Смаугом в Дейле и во дворце моих предков. Ты по-прежнему считаешь, что нам не о чем говорить? И это еще не все! В своей последней битве Смауг разрушил жилища людей Эсгарота, и я выступаю еще и от имени их Магистра. Я спрашиваю тебя: неужели в твоем сердце нет сострадания к бедам и несчастьям озерного народа? Озерные люди помогли тебе в трудную минуту, а в награду получили только горе и разрушения, хотя тут и не было злого умысла с твоей стороны.

Нет нужды говорить, что слова эти были столь же верны, сколь и благородны, хотя сказаны они были довольно-таки мрачно и не без гордости. Честно говоря, Бильбо полагал, что Торин немедленно признает правоту Барда. Разумеется, хоббит не ждал, что хоть одна живая душа вспомнит теперь о том, что это он, Бильбо, самолично выведал о слабом месте дракона, а ведь дело обстояло именно так, и не иначе! Но Бильбо явно недооценил власти золота, на котором дракон

пролежал много веков*, – а недооценивать ее не следует никогда, особенно если речь идет о гномах. Последние несколько дней Торин почти не вылезал из сокровищницы, и страсть к золоту овладела им целиком. И хотя Торин искал главным образом Аркенстон, он не мог не заприметить попутно и многих других дивных украшений, с которыми была тесно связана память о трудах и печалях его древнего народа.

– Последний из своих доводов ты, видимо, считаешь самым веским, – ответствовал Торин. – Но ты ошибаешься! Люди никак не могут заявлять какие бы то ни было права на сокровища моего народа, ибо в свое время Смауг отобрал у нас эти сокровища силой, лишив многих моих сородичей и крова, и жизни. А поскольку драгоценности не принадлежат дракону, то и не должно расплачиваться ими за его злые дела. За все товары и услуги, предоставленные нам озерными людьми, мы честно и сполна рассчитаемся в надлежащее время. Но под угрозой силы мы не отдадим ничего – даже самой жалкой безделушки! Покуда у нашего порога стоит чужое войско, мы будем считать вас врагами и грабителями! И еще мне хочется спросить тебя, какую долю сокровищ отдал бы ты моим родственникам, обнаружив под Горой никем не охраняемые богатства, а нас – мертвыми?*

– Справедливый вопрос, – ответил Бард. – Но ведь вы живы, а мы не грабители! И все-таки, помимо всяких прав, разве не должны богатые иметь сострадание к бедным, да еще к таким, которые оказали им помощь в трудную минуту? Кроме того, ты ничего еще не ответил на другие мои доводы!

– Я уже сказал, что не стану вести переговоры, когда у моего порога стоит чужое войско! И тем более – с подданными короля эльфов, о котором у меня остались не самые добрые воспоминания. Эльфам тут делать нечего! Уходите отсюда, пока не засвистели наши стрелы! А если захочешь снова поговорить со мной, то сначала отправь эльфийское войско восвояси – в лес, где ему и положено быть! А потом возвращайся – и не забудь положить оружие на землю, подходя к моим Воротам!

– Король эльфов – мой друг! В трудную минуту он пришел на помощь озерному народу и ничего не потребовал взамен, кроме дружбы, – ответил Бард. – Что ж! Мы дадим тебе время подумать над сказанным сгоряча. И да поможет тебе твоя мудрость!

Отряд развернулся и зашагал обратно в лагерь. Не прошло и нескольких часов, как снова появились знаменосцы, вперед выступили герольды и протрубили сигнал вызова.

– От имени Эсгарота и Леса, – крикнул один из герольдов, – мы обращаемся к Торину Дубощиту, сыну Траина, именующему себя Королем-Под-Горой! Мы предлагаем ему принять изложенные ниже требования. В противном случае мы объявляем его нашим врагом! Торин должен отдать Барду, как победителю дракона и прямому наследнику Гириона, одну двенадцатую часть всех сокровищ. Из своей доли Бард сам выделит средства для оказания помощи Эсгароту. Но если Торин не утратил еще чувства дружбы и уважения к соседям, какими всегда славились его благородные предки, то он и сам выделит из своей доли часть сокровищ для вспомоществования озерным людям!

В ответ на эти слова Торин схватил лук, сделанный из рога, и выстрелил в герольда. Стрела вонзилась в щит и застряла в нем, покачиваясь.

– Так вот каков твой ответ! – воскликнул герольд. – Отныне Гора объявляется осажденной! Ты не выйдешь отсюда, пока сам не запросишь мира и переговоров! Мы не станем прибегать к силе оружия – мы оставим тебя наедине с твоим золотом! Посмотрим, насытит ли оно тебя!

Отряд быстро удалился, и гномы остались в Горе со своими тяжелыми думами. Торин так помрачнел, что никто из гномов не посмел бы перечить ему, даже если бы и захотел. Но беда была в том, что большинство гномов было целиком и полностью согласно с Торином – за исключением разве что толстяка Бомбура, Кили с Фили и, разумеется, Бильбо: он никоим образом не одобрял подобного поворота событий. Гора уже давно сидела у него в печенках, а прокуковать в ней еще неизвестно сколько времени, да к тому же в осаде, ему и вовсе не улыбалось.

– Тут все провоняло этим проклятым драконом, – ворчал он себе под нос. – Тошнит просто! Да и крам уже в глотку не лезет!

Глава XVI. Вор в ночи

Потянулись долгие тоскливые дни. От нечего делать гномы принялись разбирать сокровища. Торин наконец открылся и рассказал все об Аркенстоне Траина; он приказал своим товарищам искать камень – обшарить каждый уголок, но найти его во что бы то ни стало.

– Поймите! – убеждал их Торин. – Аркенстон моего отца один дороже целой реки золота! А для меня он и вовсе цены не имеет! Из всех сокровищ я заявляю права только на этот камень! И будьте уверены, жестоко расправлюсь с тем, кто найдет его и утаит от меня, кем бы он ни был!

Услышав слова Торина, Бильбо забеспокоился: а вдруг гномы отыщут камень? И не где-нибудь, а в тряпичном узелке, который он клал себе под голову вместо подушки! Тем не менее об Аркенстоне он так никому ничего и не сказал, потому что чем невыносимее становилось для него пребывание в Горе, тем явственнее в его маленькой голове созревал некий дерзкий план.

День проходил за днем… Наконец вороны принесли известие о том, что Даин из Железных Гор с пятью сотнями гномов выступил в поход и находится примерно в двух днях пути от долины Дейла.

– Боюсь, незамеченными подойти к Горе им не удастся, – сказал Роак. – Придется Даину принимать бой в долине. А хорошего в этом мало. Вашим родичам, конечно, храбрости не занимать, но едва ли им удастся одолеть осаждающее вас войско. А если и удастся – какая в том польза? Зима уже не за горами. А где намерен ты брать провизию, не добившись дружбы и понимания с соседями? Дракона больше нет, но сокровища по-прежнему угрожают вам смертью.

Однако Торин не желал внимать голосу разума.

– Пусть зима и мороз пощиплют носы людям и эльфам! – заносчиво воскликнул он. – Может, им не очень понравится спать на холоде в этой каменной пустыне? А когда на них насядут еще и мои родственники – посмотрим, что запоют они на переговорах!

Этим вечером Бильбо принял окончательное решение. Небо заволокло черными тучами, луна скрылась. Когда полностью стемнело, Бильбо прокрался в помещение, примыкавшее к Воротам, и достал из своего узелка веревку и завернутый в сукно Аркенстон. Потом он залез на стену. На стене он встретился с толстяком Бомбуром – тот как раз стоял на часах, поскольку была его очередь, а больше одного часового гномы не выставляли.

– Ну и холодина! – сказал Бомбур, стуча зубами от холода. – Хорошо бы развести костер, как у них там, в долине!

– А внутри вполне сносно, – заметил Бильбо.

– Ну конечно! А мне вот придется торчать тут до самой полуночи, – недовольно проворчал толстяк. – Ну и вляпались же мы! Не то чтобы я не был согласен с Торином, да не перестанет расти во веки веков его борода, но он всегда отличался исключительным упрямством и несгибаемостью…

– Вот-вот… Кстати, ноги у меня сейчас отличаются тем же самым, – подхватил Бильбо. – Сил уже нет топать по этим каменным полам да ступеням! Хорошо бы походить по травке!

– А еще лучше глотнуть чего-нибудь покрепче – и на боковую после плотного ужина!

– Пока продолжается осада, с этим я тебе помочь не могу. Правда, на часах я давно уже не стоял, так что, если хочешь, могу покараулить вместо тебя. Все равно сна ни в одном глазу…

– Славный вы малый, уважаемый господин Бэггинс! Охотно принимаю ваше предложение! В случае чего, разбудите меня первым – ладно? Я прилягу слева от входа – тут, рядышком…

– Иди, иди! – напутствовал его Бильбо. – Подниму тебя ровно в полночь, и ты сам разбудишь следующего часового.

Как только Бомбур скрылся, Бильбо надел кольцо, закрепил на стене один конец веревки, скользнул вниз – и был таков! В его распоряжении было почти пять часов. Насчет Бомбура он мог не беспокоиться: после случившегося в лесу спать Бомбур мог в любое время суток, потому что всякий раз надеялся досмотреть тогдашние волшебные сны. А другие гномы были заняты поисками Аркенстона, так что едва ли кто-нибудь из них, даже Кили или Фили, надумал бы подняться на стену, тем более когда не их очередь стоять на часах.

Было совершенно темно. Бильбо миновал небольшой отрезок восстановленной дороги и спустился к реке; тут идти стало совсем трудно. Наконец он кое-как добрался до излучины, где ему предстояло переправляться вброд – ведь он вознамерился пробраться в лагерь

эльфов! Река на броде была довольно широкой, и не так-то просто оказалось маленькому хоббиту переправиться через нее в темноте. Он уже почти достиг противоположного берега, как вдруг оступился на скользком камне и с громким всплеском плюхнулся в ледяную воду! Едва он успел, дрожа и отфыркиваясь, выкарабкаться на берег, как из темноты вынырнули эльфы с яркими фонарями в руках – они хотели выяснить, что за шум у воды.

– Это не рыба! – сказал один из них. – Лазутчик, наверное! Прикройте-ка фонари! Лазутчику они помогут больше, чем нам, – особенно если это то маленькое странное существо, которое, по слухам, находится в услужении у гномов!

– И вовсе не в услужении! – негодующе фыркнул Бильбо и тут же громко чихнул.

Эльфы немедленно повернулись на его голос.

– Светите сюда! – потребовал Бильбо. – Здесь я, раз уж вам так хочется!

Бильбо снял кольцо и поднялся из-за валуна. На мгновение эльфы опешили, но тут же схватили его.

– Ты кто? Гномий хоббит? Что ты тут делаешь? Как ты миновал наши посты незамеченным? – забросали они его вопросами.

– Я – господин Бильбо Бэггинс, – ответил хоббит. – И, если угодно знать, товарищ Торина. Я отлично помню, как выглядит ваш король, чего он, наверное, не может сказать обо мне. Но Бард наверняка должен меня помнить! Именно его я и желаю видеть.

– Вот как! – удивились эльфы. – И какое же у тебя к нему дело?

– Каким бы оно ни было, добрые эльфы, дело это мое личное. Но если вы и впрямь хотите поскорее вернуться в свой лес из этого неприветливого и бесприютного края, вы немедленно должны отвести меня к костру, где я мог бы обсохнуть, – ответил Бильбо, стуча зубами от холода. – А потом предоставьте мне возможность побеседовать с вашими владыками. У меня на все про все два часа времени.

Вот как вышло, что через два часа после побега из Горы Бильбо уже грелся подле жаркого костра перед большим шатром, а рядом сидели и с превеликим любопытством поглядывали на него король эльфов и Бард. Хоббит в эльфийской кольчуге, завернутый в старенькое одеяло, – такое встретишь не каждый день!

– Видите ли, господа, – начал Бильбо самым деловым тоном, – дела идут хуже некуда. Лично мне все это надоело. Мне давно пора домой, на Запад, – там народ еще не разучился внимать голосу разума! Но у меня в этом деле есть кое-какой личный интерес, если быть точным – одна четырнадцатая часть прибыли, причитающаяся мне согласно договору, который я, к счастью, сохранил*.

Из кармана потертого жилета, который хоббит носил поверх кольчуги, он извлек помятое, сложенное в несколько раз письмо Торина – то самое, что гномы оставили на каминной полке под часами еще в мае месяце!

– Одна четырнадцатая часть прибыли, подчеркиваю, господа, –

продолжал хоббит. – Но лично я готов самым внимательным образом рассмотреть все ваши требования, более того – согласен вычесть из общего дохода сумму, которая по справедливости причитается вам, и лишь после этого отсчитать свою долю. Однако я, в отличие от вас, знаю Торина Дубощита как облупленного! Уверяю вас, он будет сиднем сидеть на этой куче золота и голодать до тех пор, пока вы не уйдете отсюда!

– Вольно ему! – сказал Бард. – Пусть голодает, коли так!

– Так-то оно так, – кивнул Бильбо. – Я вас вполне понимаю. Но, видите ли, зима-то уже на носу! Скоро выпадет снег и все такое прочее… Думается, даже эльфам с едой придется туговато. А кроме того, грядут и другие трудности. Что вы, к примеру, слыхали о гномах Даина из Железных Гор?

– Да что-то такое слыхали, давно, правда. Но при чем здесь Даин со своими гномами? – спросил король эльфов.

– Так я и думал! Похоже, у меня есть для вас важные новости. Даин, изволите ли видеть, находится всего в двух днях пути отсюда, а с ним – пять сотен свирепых гномов, которые не забыли еще страшной войны с гоблинами*. Слыхали о такой, наверное? Когда они подоспеют, у вас могут быть большие неприятности.

– Зачем ты нам все это рассказываешь? Ты что, предаешь своих товарищей или хочешь нас запугать? – мрачно спросил Бард.

– Дорогой Бард! – воскликнул Бильбо срывающимся голосом. – Не спеши с выводами! Нельзя же подозревать всех и каждого! Просто-напросто я хочу избавить все заинтересованные стороны от ненужных неприятностей. Поэтому я намерен сделать вам одно предложение!

– Что ж, послушаем! – сказал Бард.

– А лучше посмотрим! – воскликнул Бильбо. – Вот!

С этими словами хоббит достал Аркенстон и сорвал с него старую тряпку.

Даже король эльфов, которому было не привыкать к разного рода волшебным и диковинным вещам, и тот остолбенел! Сам Бард примолк от восхищения! Аркенстон сиял у них перед глазами, словно шар, полный света, в блистающей сеточке морозных звезд.

– Это Аркенстон Траина! – нарушил молчание Бильбо. – Сердце Горы! А кроме того – сердце Торина! Аркенстон ему дороже целой реки золота. Я отдаю его вам. Полагаю, он поможет вам сторговаться с

гномами.

Не без дрожи в руках и не без сожаления Бильбо передал Барду волшебный камень, и тот принял его в ладони, словно завороженный.

– Но как он попал к тебе и какое право имеешь ты отдавать его? – преодолев смущение, спросил он наконец.

– Ну… – замялся Бильбо. – Он, конечно, не то чтобы совсем мой, но, видите ли, я осмеливаюсь рассматривать его как свою долю. Впрочем, можете смело называть меня грабителем – гномы-то нисколько не сомневаются, что я самый настоящий грабитель! Но лично я никогда себя таковым не считал. Как бы то ни было, грабитель я более или менее честный! По крайней мере, я возвращаюсь в Гору – пусть гномы делают со мной что хотят! Надеюсь, этот камень вам пригодится.

Король эльфов посмотрел на Бильбо, как на невиданную диковину.

– Бильбо Бэггинс! – воскликнул он. – Ты достоин носить эльфийскую кольчугу куда более, нежели многие из тех, на ком она смотрелась бы лучше! Правда, я не думаю, чтобы Торин Дубощит разделял это мнение. Уж кого-кого, а гномов я знаю не хуже твоего. Выслушай мой совет – оставайся с нами! Здесь тебе будут оказаны подобающие почести и гостеприимство.

– Премного благодарен, – отозвался Бильбо с поклоном. – Но я не могу вот так, не сказав ни слова, покинуть своих товарищей, с которыми прошел столь долгий и опасный путь. А кроме того, я обещал разбудить старину Бомбура ровно в полночь! Мне давно пора уходить – того и гляди опоздаю!

Никакие уговоры не помогли – поэтому, предоставив хоббиту провожатых, король эльфов и Бард попрощались с ним самым торжественным образом. Когда хоббит проходил через лагерь, с порога одного из шатров поднялся какой-то старик, закутанный в темный плащ, и подошел к нему.

– Славный поступок, господин Бэггинс! – сказал он, хлопнув Бильбо по спине. – И кто бы мог подумать! Впрочем, я всегда говорил, что у тебя за душой гораздо больше, чем кажется на первый взгляд!

Это был Гэндальф.

Впервые за много, много дней Бильбо обрадовался по-настоящему, но времени на расспросы не было вовсе. А как много хотел бы он узнать у волшебника – и немедленно!

– Всему свое время! – успокоил его Гэндальф. – Если я не ошибаюсь, дело как будто идет к концу. Правда, тебе сейчас придется туго, но не унывай! Может, все и устроится… Грядут события, о

которых даже вороны еще не проведали. Доброй ночи!

Приободренный, хотя и несколько озадаченный, Бильбо поспешил в обратный путь. Его проводили до безопасного брода и перенесли через реку – так что он даже ног не замочил. Потом Бильбо попрощался с эльфами и, внимательно глядя под ноги, стал карабкаться к Воротам. Хоббит смертельно устал, но еще до полуночи успел все-таки забраться по веревке на стену; веревка так и осталась висеть, где он ее привязал. Бильбо спрятал ее и уселся на стене, с тревогой гадая, что же будет дальше.

Ровно в полночь он разбудил Бомбура и завалился спать в свой угол, вполуха слушая благодарные излияния толстого гнома, которые хоббит с большим на то основанием считал незаслуженными. Вскоре Бильбо крепко заснул и думать забыл обо всех своих тревогах – во всяком случае до утра. А если честно, снилась ему яичница с беконом.

Глава XVII. Гроза разразилась

Рано утром в лагере раздались звуки труб. Вскоре на узком карнизе, ведущем к Воротам, показался гонец. Не доходя до них, он остановился и, окликнув гномов, спросил, не намерен ли Торин приступить к переговорам, так как в лагере имеются важные известия и вообще обстоятельства переменились.

– Не иначе как Даин на подходе! – сказал Торин, потирая руки. – Они проведали о Даине! Так я и знал, что скоро они запоют по-другому! – И ответил гонцу: – Пусть парламентеры приходят, но только малым числом и без оружия. Послушаем, что они скажут!

Около полудня вновь появились знамена Леса и Озера. К Воротам приближался отряд из двадцати воинов. В том месте, где начинался узкий карниз, воины сложили на землю мечи и копья и направились к Воротам. К своему удивлению, гномы увидели среди воинов не только Барда, но и короля эльфов – а впереди шагал какой-то старик в плаще и капюшоне; в руках старик держал небольшой деревянный ларец, обитый железом.

– Приветствую тебя, Торин! – крикнул Бард. – Ты еще не передумал?

– Я не меняю своих решений с каждым восходом и заходом солнца! – гордо ответствовал Торин. – Ты пришел сюда задавать мне праздные вопросы? Я вижу, эльфийское войско все еще здесь! Значит, ты пришел напрасно – переговоров не будет!

– Неужели нет на свете ничего, что заставило бы тебя поступиться своим золотом?

– Во всяком случае, ничего из того, что можешь предложить мне ты со своими приятелями!

– А что ты скажешь насчет Аркенстона Траина? – спросил Бард, и в то же мгновение старик откинул крышку ларца и вынул из него бриллиант. Из руки старика брызнул чистый свет, ярче солнечного!

От изумления и досады Торин просто онемел. Некоторое время

никто не решался вымолвить ни слова.

Наконец Торин нарушил молчание – голос его срывался от гнева:

– Этот камень принадлежал моему отцу – и, стало быть, он мой! Почему я должен выкупать свою собственность? – Тут он все-таки не удержался и спросил: – Как? Как попало к вам это сокровище моего рода?! Впрочем, воров спрашивать об этом бессмысленно…

– Мы не воры! – ответил Бард. – Твою собственность мы готовы вернуть тебе в обмен на свою.

– Да откуда вы его взяли?! – воскликнул Торин, озлобляясь.

– Это я им отдал! – пискнул насмерть перепуганный Бильбо, осторожно выглядывая из-за стены.

– Ты?! Ты отдал?! – завопил Торин и, повернувшись к хоббиту, схватил его за грудки обеими руками. – Ах ты жалкий, презренный хоббит! Недомерок! Грабитель! – выкрикивал он, не находя слов от гнева, и тряс несчастного Бильбо, словно кролика. – Клянусь бородой Дьюрина! Хотел бы я сейчас посмотреть в глаза Гэндальфу! Будь он проклят во веки веков! Это он нам тебя подсунул! Да зачахнет навеки его борода! А тебя, поганец, я сброшу на камни! – И он поднял Бильбо в воздух, собираясь швырнуть его вниз со стены.

– Остановись! – раздался голос. – Твое желание исполнилось! Вот тебе Гэндальф! – Старик с ларцом в руках откинул капюшон и сбросил плащ. – Кажется, я подоспел как раз вовремя! Послушай, Торин! Даже если тебе не очень нравится мой Грабитель, это еще не повод калечить его! Оставь его в покое и выслушай до конца!

– Вы что, сговорились?! – бросил в сердцах Торин, отпуская Бильбо. – Чтобы я еще когда-нибудь связался с волшебником и его

подручными!.. Ну, что скажешь, крысиное отродье?

– Да-а… – вымолвил Бильбо, отдышавшись. – История и впрямь получается нехорошая… Но быть может, ты не забыл еще своего обещания: свою-де четырнадцатую часть добычи я смогу выбирать сам? Возможно, я понял твои слова слишком буквально… Конечно, мне говорили, что гномы бывают подчас любезнее на словах, чем на деле. И все-таки было же время, когда ты искренне считал, что кое-чем обязан мне! А теперь, оказывается, я – «крысиное отродье»! Неужели об этом вы все и говорили, когда столь любезно предлагали мне свои услуги? Тогда считай, что своей долей я распорядился по своему усмотрению, – и покончим с этим!

– Вот-вот! – мрачно сказал Торин. – И с тобой покончим! Не вздумай еще раз попасться мне на глаза! – Он отвернулся от хоббита и крикнул вниз со стены: – Меня предали! Расчет был верен – я не могу отказаться от Аркенстона, ибо он является драгоценнейшим достоянием моего рода. За него я готов отдать одну четырнадцатую часть всех сокровищ золотом, серебром и драгоценными камнями. Но все это пойдет в счет обещанной доли этого предателя! Пусть берет свое и убирается! Делите как хотите! Не сомневаюсь, что ему достанутся жалкие крохи! А теперь, если вам дорога жизнь этого несчастного, – забирайте его! А дружбе нашей конец! – Полезай вниз, к своим приятелям! – обратился он к Бильбо. – А не то я сброшу тебя сам!

– А как насчет золота и серебра? – осведомился Бильбо.

– Попозже, когда отсчитаем, – ответил Торин. – Проваливай!

– Значит, и камень побудет пока у нас, – крикнул в ответ Бард.

– Такие поступки не красят Короля-Под-Горой, – заметил Гэндальф. – Впрочем, все еще может перемениться…

– Воистину, – сухо бросил в ответ Торин.

Он пребывал в неодолимой власти сокровищ: даже в эту минуту Торин надеялся, что с помощью Даина ему удастся отбить Аркенстон, не заплатив за него обещанного выкупа.

Как бы то ни было, Бильбо спустили со стены, не дав ему ни гроша за все его труды и старания, – если, разумеется, не принимать в расчет кольчуги, которую подарил ему Торин. Многие гномы в душе устыдились и сожалели, что приходится расставаться с хоббитом.

– До свидания! – крикнул им Бильбо. – Быть может, в следующий раз мы свидимся как старые друзья!

– Убирайся! – заорал Торин. – На твоих плечах кольчуга, выкованная руками гномов. Она слишком хороша для тебя! Стрела ее

не пробьет, но, если ты не поторопишься, я прострелю тебе твои крысиные лапки! Понял?!

– Не спеши! – спокойно сказал Бард. – Мы даем тебе время. Подумай до завтра. К полудню мы вернемся и посмотрим, сколько золота приготовил ты в обмен на свой камень. Если обмана не будет – мы уйдем, а эльфийское войско вернется в Лес. Так что до завтра!

Парламентеры возвратились в лагерь. Тем временем Торин послал гонцов-воронов к Даину с сообщением о последних событиях и с просьбой поторопиться, но не забывать об осторожности.

Прошел день, и прошла ночь. А утром ветер переменился на западный. Встало мрачное, пасмурное утро. Уже спозаранку в лагере раздались крики. Дозорные доложили, что из-за восточного отрога Горы к долине Дейла приближается гномье войско. Это был Даин! Гномы спешили, и войско шло всю ночь. Поэтому они появились несколько раньше, чем их ожидали. Облачены они были в длинные, до колен, стальные кольчуги и штаны из гибкой металлической сетки, секретом изготовления которой владел только народ Даина. Гномы и вообще-то сильны не по росту, но гномы Даина и вовсе отличались исключительной силой. В бою они легко орудовали тяжеленными двуручными кирками. Кроме того, на поясе у каждого висел короткий меч с широким клинком, а за спиной – круглый щит. Бороду они заплетали в две косы и затыкали за пояс. У них были железные шлемы, железные башмаки – и суровые лица.

Трубы звали людей и эльфов к оружию! Вскоре показалось гномье войско, быстрым шагом направлявшееся в долину. Не доходя до реки, войско остановилось, но несколько гномов продолжили путь. Они переправились через реку и двинулись прямо к лагерю. Уже на подходе они сложили оружие на землю и в знак мира подняли руки вверх. Навстречу им вышел Бард. Вместе с ним отправился и Бильбо.

– Нас послал Даин, сын Наина, – сказали гномы. – Мы спешим в

Гору к своим родственникам, так как узнали о возвращении Короля-Под-Горой. Но кто вы такие? Зачем стоите вы лагерем в этой долине, словно противник, осаждающий крепость?

Вы, конечно, понимаете, что если не прибегать к полагающемуся в таких случаях учтиво-витиеватому и старомодному языку, то сказанное означало попросту вот что: «Вам здесь делать нечего! Мы все равно пройдем! Так что убирайтесь – или приготовьтесь к бою!» Пробиваться гномы собирались через узкую полосу между Горой и излучиной реки, считая, что противник располагает там наименьшими силами.

Естественно, Бард отказался пропустить гномов к Горе. Он твердо решил дождаться того времени, когда Торин вынесет серебро и золото, обещанное в обмен на Аркенстон. Допусти он в крепость такое многочисленное и хорошо обученное войско – и прощай выкуп! Ведь у гномов Даина был с собой большой запас провианта. Дело в том, что гномы выносливы и способны таскать большие тяжести. Почти у каждого из новоприбывших за спиной был большущий вещевой мешок – и это несмотря на тяжелое вооружение и спешку! С такими запасами они могли бы выдержать многомесячную осаду, а тем временем, глядишь, еще какие-нибудь гномы подоспеют, ведь у Торина было немало родственников. Кроме того, ничто не мешало гномам открыть какие-нибудь из заваленных ворот или пробить новые – тогда осаждающим пришлось бы окружить всю гору, а для этого их было маловато.

Признаться, именно в этом и состоял расчет гномов – недаром же трудились вороны-гонцы, то и дело летавшие от Торина к Даину и обратно! Но пока что путь был закрыт. Поэтому, произнеся положенные гневные слова и бранясь себе в бороды, гномы Даина удалились. Тогда Бард отправил гонцов к Воротам, но те не нашли там никакого золота. Более того, когда они приблизились на расстояние выстрела, их встретили стрелами – и пришлось им поспешно отступить. Весь лагерь теперь гудел в ожидании боя. А гномы Даина уже наступали по восточному берегу реки.

– Ну и вояки! – засмеялся Бард. – Это надо же – так прижаться к Горе! Может, они и смыслят что-нибудь в битвах под землей, но на поверхности – что-то не похоже! Справа от них, в скалах, прячутся наши лучники и копейщики. Говорят, у гномов крепкие кольчуги, но скоро и кольчуги им не помогут! Может, сразу взять их в клещи, пока они не перевели дух после долгого похода?!

Но король эльфов промолвил:

– Будь моя воля, я тянул бы время сколь только возможно и не торопился вступать в эту войну за гномье золото. Все равно мимо нас гномы не пройдут и не сделают ничего без нашего ведома. Быть может, еще удастся кончить дело миром. А если и завяжется этот бессмысленный бой, численное преимущество будет на нашей стороне.

Однако он не учел, что гномы думали совершенно иначе. Одна только мысль о том, что Аркенстон находится в руках противника, приводила их в бешенство. Кроме того, от гномов не ускользнула некоторая нерешительность Барда и его друзей. Поэтому не долго думая они решили напасть первыми.

Внезапно, без всякого предупреждения, гномы бросились в атаку. Запели луки, засвистели стрелы. Недалеко было уже и до рукопашной…

И вдруг с пугающей стремительностью надвинулась тьма! По небу неслась огромная черная туча. Влекомая крыльями ураганного ветра, налетела гроза. Громыхнул зимний гром, молния озарила вершину Одинокой Горы, грохот прокатился по скалам. Но что это? Ниже грозовой тучи еще стремительней неслась другая туча – но не ветер нес ее! С севера приближалось нечто вроде огромной птичьей стаи, такой густой и плотной, что дневной свет не находил ни единой щелки среди бесчисленных черных крыльев.

– Остановитесь! – крикнул Гэндальф, внезапно встав между наступавшими гномами и ожидавшими противника рядами людей и эльфов. Волшебник поднял к небу обе руки. – Остановитесь! – крикнул он громовым голосом, и жезл его сверкнул, словно молния. – Над вами нависла смертельная угроза! Увы! Это случилось раньше, чем я предполагал. С севера сюда идут гоблины! Их ведет Болг, сын того самого Азога, которого ты, Даин, убил в Мории! Видите? Подобно саранче, несутся над его воинством летучие мыши! А вместо коней под гоблинами варги!

Обе стороны пришли в смущение. Тьма тем временем становилась все гуще и гуще. Гномы, задрав головы, смотрели в небо. Из лагеря эльфов слышались тревожные восклицания.

– Сюда! – крикнул Гэндальф. – Еще есть время собрать совет. Пусть Даин, сын Наина, подойдет сюда – и немедленно!

Так началась битва, которой не ждал никто. Битва эта была поистине ужасна и впоследствии получила название Битвы Пяти Воинств. На одной стороне бились гоблины и варги, на другой – эльфы, люди и гномы. Вот как все это произошло.

После гибели Большого Гоблина неприязнь его подданных к гномам переросла в лютую ненависть. Между гоблинскими городами и крепостями беспрерывно сновали гонцы. Гоблины воспылали желанием взять в свои руки власть надо всем Севером. Тайными путями добывали они сведения о противнике, и повсюду в горах пылали их горны и ковалось оружие. Гоблины собирали свои силы в кулак; отряды их поспешно стекались в одно место – как правило, скрытно, под покровом темноты или подземными переходами. В конце концов подле горы Гундабад, одной из величайших гор Севера, и под ней, где располагалась столица гоблинов, собралось огромное войско, готовое под первые же грозовые раскаты лавиной ринуться на юг. Когда они узнали о смерти Смауга, их охватила радость, и они тут же двинулись в путь. Они шли ночами, буквально наступая на пятки Даину, перебрались через горы и теперь обрушились на подступы к Горе. Даже вороны ничего не знали об их нашествии, пока гоблины не объявились в безлюдных холмах к северу от Одинокой Горы. Трудно сказать, догадывался ли об их намерениях Гэндальф, но было совершенно ясно, что он не ждал столь внезапного нападения.

Гэндальф призвал на совет короля эльфов, Барда и Даина, который сразу присоединился к ним, потому что гоблины были врагами для всех – и все междоусобные распри временно отошли на второй план.

Вот что решил совет. Единственная надежда состояла в том, чтобы заманить гоблинов в долину между большими отрогами – южным и восточным, а самим атаковать противника сверху. Правда, это было рискованно, так как, удайся гоблинам перевалить через саму Гору, союзным войскам пришлось бы отражать нападение и снизу, и сверху. Однако придумывать другой план и звать кого-либо на помощь было уже поздно.

Вскоре гроза, грохоча, унеслась на юго-восток, но туча летучих мышей спустилась еще ниже и зависла над Горой. Мыши кружили над самыми головами воинов, затмевая свет и вселяя в сердца ужас.

– Все к Горе! – крикнул Бард. – К Горе! Нужно занять позиции, пока у нас еще есть время!

Эльфы устроили засаду на склоне южного отрога и у его подножия, люди и гномы расположились на восточном, а Бард с отрядом самых ловких людей и эльфов поднялся на вершину восточного гребня, откуда можно было наблюдать за тем, что делается на севере. Им открылась страшная картина! Подступы к Горе почернели от полчищ надвигавшегося противника. Вскоре авангард гоблинов на самых быстрых волках обогнул отрог и ворвался в долину Дейла. Вопли и

вой разнеслись по всей долине. Гоблинов встретил небольшой отряд смельчаков из числа людей Барда; это был отвлекающий маневр, чтобы гоблины поверили в мнимую слабость обороны. Многие из этих воинов погибли прежде, чем остальные успели отступить и укрыться в скалах по обеим сторонам долины. Расчет Гэндальфа оказался верен; войско гоблинов, увидев, что авангард противника вступил в бой, ринулось следом, в тесную долину, бросаясь от одного отрога к другому в поисках врага. На ветру развевались бесчисленные красно-черные знамена. Гоблинские полчища захлестнули подножие Горы – яростно и беспорядочно, словно волны морского прилива.

Это была жестокая битва! Во всяком случае, Бильбо в своей жизни ничего страшнее не видел и перепугался насмерть. Но следует сказать, что впоследствии он всегда с удовольствием вспоминал о ней и весьма гордился своим в ней участием, хотя – какое уж там участие… Если честно, Бильбо просто-напросто сразу же надел кольцо и исчез из виду, хотя от всех опасностей это избавить не могло. Дело в том, что волшебные кольца никоим образом не могут защитить от гоблина,

который мчится прямо на вас, или, скажем, от шальной стрелы или удара копья; зато они вполне способны помочь вам незаметно убраться с дороги и тем самым уберечь свою голову, чтобы какой-нибудь гоблин не посчитал ее достойной немедленного отсечения.

Первыми в бой вступили эльфы. Гоблинов они ненавидят люто и в битве с ними не знают жалости. Так велика была их ненависть, что эльфийские копья и мечи светились во мгле холодным пламенем. Как только вражеское войско углубилось в долину, эльфы осыпали гоблинов градом стрел – и каждая стрела сияла на лету, словно огненное жало! Затем тысячи эльфийских копейщиков спрыгнули вниз и вступили в схватку. От воплей гоблинов можно было оглохнуть. Скалы почернели от пролитой гоблинской крови.

Едва гоблины пришли в себя после первой атаки эльфов, с другой стороны долины раздался могучий рев. Это с криками «Мория!» и «Даин! Даин!» бросились в бой гномы из Железных Гор; направо и налево размахивали они своими тяжелыми кирками. Плечом к плечу с ними бились и озерные люди, орудовавшие длинными мечами.

Среди гоблинов началась паника. Но едва они развернулись, чтобы отразить нападение гномов и людей, как эльфы тут же предприняли вторую, еще более мощную атаку! Многие гоблины сломя голову бросились вниз по реке, пытаясь выбраться из ловушки, а волки стали кидаться на своих седоков и рвать на части мертвых и раненых. Мнилось, победа уже близка, но тут сверху послышались какие-то крики.

Оказалось, что гоблинам удалось-таки перебраться через Гору. Одни уже заполнили склон над Главными Воротами, другие лавиной неслись вниз, не обращая внимания на дикие вопли тех, кто по дороге оступался и летел в пропасть. Теперь гоблины атаковали отроги еще и сверху! С вершины Горы на каждый из отрогов спускалось по тропе, но защитников было слишком мало, чтобы надолго преградить путь вражеской армии. Победа ускользала… Удалось отразить лишь первую волну черного прибоя.

День клонился к вечеру. Гоблины вновь собрались в долине. Здесь же выло и ярилось войско варгов вместе с телохранителями Болга. Это были огромные гоблины, вооруженные стальными ятаганами. Грозовое небо темнело темнотой сумерек, крупные летучие мыши по-прежнему кружили над головами людей, эльфов и гномов или, словно вампиры, пили кровь раненых. Отряд Барда бился теперь на восточном отроге, но постепенно отступал все дальше и дальше. А эльфийских воинов вместе с их королем оттеснили вверх по южному отрогу почти

до самого сторожевого поста на Воронце.

Внезапно от Главных Ворот послышались звуки трубы и раздался боевой клич. Сражающиеся совсем забыли о Торине! Поднажав на стену ломами, гномы обрушили часть ее прямо в водоем. Из Ворот выступил Король-Под-Горой вместе со своими товарищами. Куда девались их плащи и капюшоны? Гномы были в сверкающих кольчугах, глаза их горели алым пламенем. В наступавших сумерках доспехи Торина сияли, словно золото в затухающем горне.

Гоблины, засевшие выше по склону, обрушили на гномов град камней, но напрасно: Торин и его соратники в два прыжка добрались до водопада и ринулись вниз – в битву! Волки и всадники падали замертво или разбегались под их напором. Торин без передышки орудовал своим тяжелым боевым топором – а сам он, казалось, был неуязвим!

– Ко мне! Ко мне, эльфы и люди! Ко мне! Ко мне, сородичи мои! – выкрикивал Торин, и голос его, словно труба, гремел над долиной.

Отовсюду в беспорядке бросились к нему на подмогу гномы Даина. Не остались в стороне и многие воины из озерных людей – Бард не смог удержать их, а с другой стороны долины спешили к Торину эльфийские копейщики. И опять гоблины в долине терпели поражение. Отвратительные трупы их громоздились один на другой, пока не почернела вся долина Дейла. Варги были отброшены, а Торин наседал теперь на телохранителей Болга. Однако пробиться сквозь их ряды ему не удавалось.

Тем временем за его спиной вместе с гоблинами полегло уже немало людей и гномов, а также прекрасных эльфов, которые в мире и веселье могли бы жить в лесу долгие века. По мере того как долина становилась шире, натиск Торина ослабевал. Воинов у него осталось слишком мало, и некому было прикрыть их с флангов. Вскоре из нападавших они превратились в защищающихся, а там попали и в окружение – и теперь со всех сторон на них наседали гоблины и волки, которые вернулись, чтобы напасть снова, теперь уже сзади. С ревом пошли в атаку телохранители Болга – и накрыли гномов, как волны песчаный берег. На помощь прийти было некому, потому что гоблины с удвоенной силой возобновили атаку со склонов Горы; эльфы и люди отбивались теперь с обеих сторон, и противник постоянно теснил их.

Бильбо смотрел на все это в полном отчаянии. Он занял позицию на Воронце вместе с эльфами – отчасти потому, что отсюда было проще убегать, а отчасти (тут дала себя знать тукковская половина его

характера!) потому, что уж если придется стоять насмерть в последнем бою, то он предпочел бы умереть, защищая короля эльфов. Кстати сказать, Гэндальф тоже оказался на Воронце: глубоко задумавшись, он сидел на камне и, как я предполагаю, готовился перед концом устроить какой-нибудь волшебный взрыв страшной силы.

Казалось, что к тому дело и клонится.

«Теперь уже недолго, – подумал Бильбо. – Скоро гоблины

овладеют Воротами, и все мы либо погибнем, либо нас сбросят в долину и возьмут в плен. И стоило огород городить! Просто до слез обидно! Уж лучше бы старина Смауг так и лежал себе на этих проклятых сокровищах, а то ведь теперь они достанутся этим гнусным тварям, а бедный толстяк Бомбур, и Балин, и Кили с Фили, и все прочие гномы, и Бард, и озерные люди, и веселые эльфы – все погибнут! Вот невезение! Много песен слыхал я о разных битвах, и все-то мне казалось, что даже поражения бывают славными… А тут как-то скверно получается, если не сказать – ужасно. Глаза б мои не глядели!»

Внезапно ветер разорвал тучи, и запад обагрило закатное зарево. Бильбо огляделся – и вдруг закричал во весь голос: он увидел такое, отчего сердце его едва не выскочило из груди! На багровом фоне неба чернели летящие силуэты – пока еще маленькие, но величественные.

– Орлы! Орлы!* – закричал хоббит. – Орлы летят!

Глаза Бильбо редко ошибались. Ряд за рядом неслись к месту битвы на крыльях попутного ветра орлы – их было так много, что, казалось, они слетелись со всего Севера.

– Орлы! Орлы! – кричал Бильбо, приплясывая и размахивая руками.

Эльфы не могли видеть его, зато прекрасно слышали. Вскоре они подхватили его крик, и эхо разнесло их голоса по всей долине. Все глаза устремились в небо, но южный гребень Горы закрывал обзор.

– Орлы! – еще раз крикнул Бильбо, и в то же мгновение на шлем ему упал камень, сброшенный сверху каким-то гоблином. Бильбо рухнул на землю и больше ничего не видел и не слышал.

Глава XVIII. Обратный путь

Придя в себя, Бильбо обнаружил этого самого себя в полном одиночестве. Он лежал на Воронце; вокруг не было ни души. Стоял холодный день, на небе – ни облачка. Бильбо продрог до костей и трясся всем телом, но голова у него пылала.

«Интересно, чем все кончилось? – подумал он. – Во всяком случае, не больно-то я похож на павшего героя – впрочем, было бы желание…»

Он с трудом сел. Поглядев в долину, он не увидел там ни единого живого гоблина. Через некоторое время в голове у него немного прояснилось и ему показалось, что внизу он видит эльфов: они расхаживали среди камней как ни в чем не бывало. Бильбо протер глаза. Никаких сомнений не оставалось: неподалеку и в самом деле по-прежнему стоял военный лагерь! А что это творится у Главных Ворот? Там была заметна какая-то суета. Похоже было, что гномы разбирают стену. Но повсюду стояла мертвая тишина – ни криков, ни эха, ни песен. В воздухе, казалось, застыла скорбь.

– И все-таки, пожалуй, это победа! – воскликнул хоббит, потирая ушибленную голову. – Надо же, какая это грустная штука – победа…

Вдруг он заметил человека, который карабкался вверх, направляясь прямо к нему.

– Привет! – крикнул Бильбо дрожащим голосом. – Эй! Какие новости?

– Чей это голос тут в камнях? – спросил человек, остановившись и с удивлением глядя примерно туда, где находился Бильбо.

Только тут Бильбо вспомнил о кольце!

«Вот голова садовая! – подумал он. – Ну и морока с этой невидимостью! Кабы не она, я вполне мог бы провести эту ночь в теплой постели!»

– Это я, Бильбо Бэггинс, товарищ Торина! – крикнул он, поспешно снимая кольцо с пальца.

– Хорошо, что я тебя нашел! – воскликнул человек, спеша к нему. – Мы давно уже не можем тебя доискаться! Тебя считали погибшим, а погибло в этой битве немало, но Гэндальф сказал, что в последний раз твой голос слышали где-то здесь. Правда, я уже отчаялся отыскать тебя. Ты ранен?

– Шишка на голове, пожалуй, приличная, – откликнулся Бильбо. – Но шлем оказался крепким, да и голова тоже. Правда, самочувствие у меня ужасное – ноги подгибаются, словно соломенные.

– Я отнесу тебя в лагерь, – сказал человек и легко поднял хоббита на руки.

Он шел быстро и уверенно. Путь был недолгим, и вскоре Бильбо был опущен на землю перед одним из шатров. Из шатра вышел Гэндальф, рука у него была на перевязи. Как видите, даже волшебнику досталось! Что же говорить об остальных? Во всем войске едва ли нашелся бы хоть один воин, избежавший ранения.

Увидев Бильбо, Гэндальф очень обрадовался.

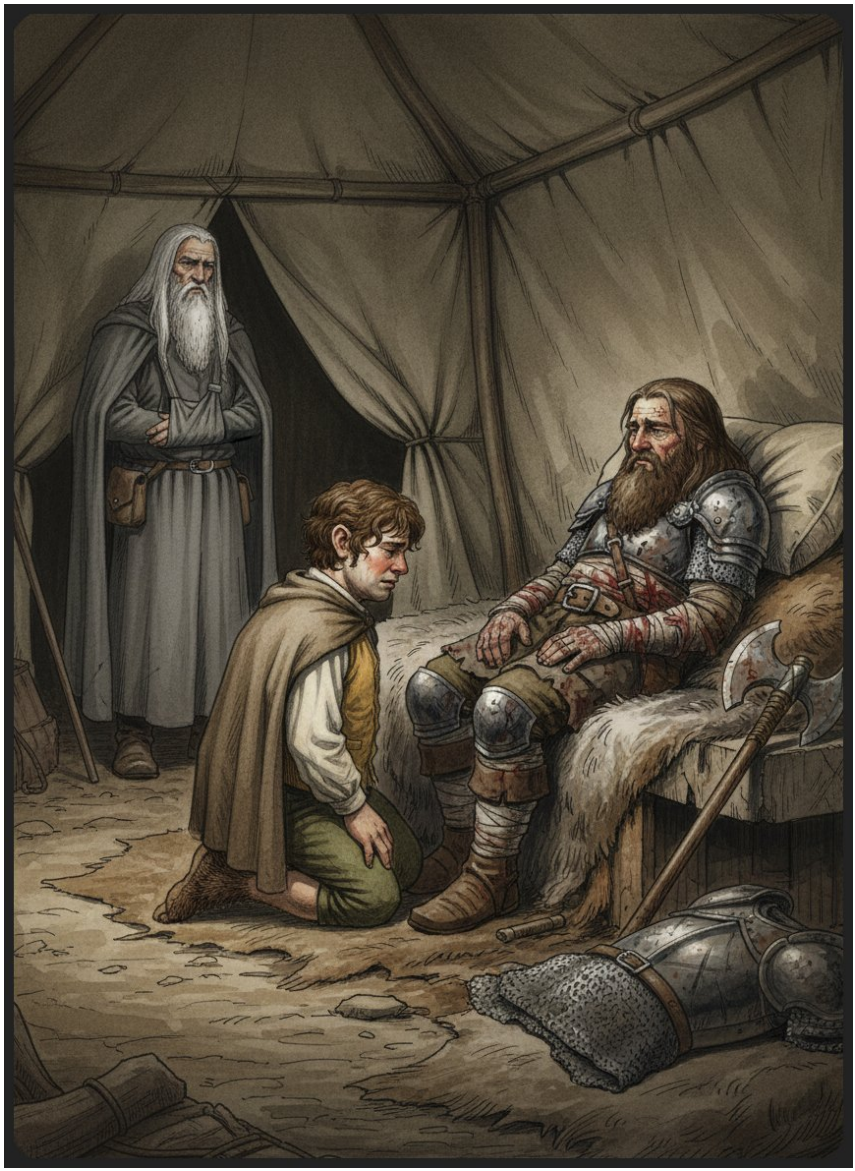
– Бэггинс! – воскликнул он. – Да не может этого быть! Цел! Вот радость-то! А я уже начал сомневаться – неужели удача покинула тебя на полпути? Да, битва была ужасная… Все могло кончиться очень и очень плохо. Впрочем, новости после. Идем! Тебя давно ждут! – добавил он, стерев с лица улыбку, и ввел хоббита в шатер.

– Приветствую тебя, Торин! – сказал, входя, Гэндальф. – Я привел его!

Действительно, в шатре лежал Торин – он был весь изранен. Подле него на полу были сложены пробитая кольчуга и зазубренный боевой топор. Когда Бильбо подошел поближе, Торин поднял голову.

– Прощай, добрый вор, – промолвил он. – Я ухожу в чертоги ожидания, к своим предкам, и пребуду там, покуда не обновится мир. Оставляя все золото и серебро, я ухожу туда, где они не в цене, и хочу помириться с тобой. Я беру назад слова, сказанные у Ворот, и раскаиваюсь в своих поступках.

Опечаленный Бильбо преклонил колено.



– Прощай, Король-Под-Горой! – вымолвил он. – Невеселое у нас вышло приключение, коли так оно завершается! Никакие горы золота не заменят нам тебя! И все-таки я рад, что мне довелось делить с тобой опасности и невзгоды, ведь не всякому Бэггинсу предоставляется такая честь…

– Не говори так! – остановил его Торин. – В тебе куда больше хорошего, чем ты думаешь, о дитя ласкового Запада! В тебе есть и

мудрость, и мужество – того и другого в меру. Если бы гномы ценили доброе застолье, веселых друзей и песни больше, чем золотые горы, мир был бы куда радостнее. Но каким бы он ни был, радостным или печальным, мне пора покинуть его. Прощай!

Тут Бильбо отвернулся, отошел в сторонку, сел, завернулся в одеяло и, хотите – верьте, хотите – нет, горько заплакал, и плакал до тех пор, пока глаза его совсем не покраснели и он не охрип окончательно. Добрая у него была душа… Долго еще хоббит не мог заставить себя рассмеяться.

«Какое счастье, что я очнулся именно тогда, когда очнулся! – сказал он себе. – Жаль, что Торин умирает, но я рад, что мы простились по-хорошему. Все-таки дурень ты, Бильбо Бэггинс! И зачем было тебе заваривать всю эту кашу с Аркенстоном? Тщетно пытался ты купить мир и спокойствие – битва все равно состоялась. Но тут уж не ты виноват».

Обо всем, что произошло без него, Бильбо узнал позже, и печального в тех новостях было куда больше, нежели радостного.

Хоббиту смертельно надоели приключения – до ломоты в суставах ему хотелось отправиться в обратный путь, домой! Но с этим пришлось повременить, поэтому я вполне успеваю рассказать кое-что о том, как закончилась битва. Оказывается, орлы давно уже следили за гоблинами, и от их зорких очей не могли, конечно, ускользнуть подозрительные приготовления и передвижения в горах. Поэтому орлы собрали могучее орлиное воинство под началом Большого Орла из Туманных Гор. Битву они почуяли издалека и вслед за ураганом быстро прибыли на место сражения. Именно орлы выбили гоблинов с горных склонов – они сбрасывали их в пропасть и гнали, обезумевших и вопящих, вниз, прямо на копья противника. Через некоторое время на Одинокой Горе не осталось ни одного гоблина. Тогда люди и эльфы, спустившись с отрогов, смогли наконец вмешаться в схватку, кипевшую в долине.

И все-таки даже с орлами войско людей, эльфов и гномов уступало войску гоблинов. Но в этот решающий час, неведомо как и откуда, явился Беорн. Он пришел один, но зато в медвежьем обличье! В гневе он казался еще более громадным.

Рев его был подобен грохоту барабана или пушечной канонаде. Гоблинов и волков он сметал со своего пути, словно то были не гоблины и волки, а набитые соломой детские игрушки. Он напал на них с тыла и, подобно удару молнии, прорвал кольцо окружения. В то время гномы, прикрывая своих владык, держали последнюю оборону

на невысоком бугре. Пробившись туда, Беорн подхватил израненного вражескими копьями Торина и вынес его из схватки.

Вскоре он вернулся еще более разъяренным; никто не мог устоять перед ним, и, казалось, никакое оружие не способно остановить его. Беорн разметал отряд телохранителей Болга и, добравшись до него самого, поверг наземь и растоптал. Ужас охватил гоблинов, и они бросились врассыпную. Но для остальных забрезжила надежда; забыв про усталость, они пустились в погоню, так что почти никому из гоблинов не удалось уйти. Многие были сброшены в реку Бегучую, а тех, что побежали на юг и на запад, загнали в болота, примыкающие к реке Лесной, – в этих болотах почти все они и погибли. А те гоблины, которым все-таки удалось добраться до владений Лесных эльфов, были перебиты или нашли свой конец в бессветных чащобах Чернолесья. В песнях поется, что в тот день было уничтожено три четверти всех гоблинов Севера – и на многие годы в горах воцарились мир и покой.

Еще до наступления ночи никто уже не сомневался в победе, но, когда Бильбо принесли в лагерь, преследование все еще продолжалось. В самой же долине уже почти никого не оставалось, кроме тяжелораненых.

– А где орлы? – спросил Бильбо Гэндальфа, когда лежал вечером в шатре, завернувшись в несколько теплых одеял.

– Кое-кто из них преследует гоблинов, – ответил волшебник. – Но в основном все они вернулись к своим гнездам. Орлы не захотели остаться и улетели с первыми лучами зари. Даин подарил Повелителю Орлов золотой венец и поклялся в вечной дружбе.

– Жалко… – пробормотал сонный Бильбо. – То есть хотелось бы увидеть их еще раз. Может, получится как-нибудь на обратном пути? Домой-то скоро, а?

– Как только пожелаешь, – ответил волшебник.

Правда, прошло еще несколько дней, прежде чем Бильбо смог отправиться в обратный путь. За это время похоронили Торина. Его тело предали земле в самой глубине Одинокой Горы, а Бард возложил

на его грудь Аркенстон и провозгласил:

– Пусть лежит здесь этот камень до той поры, пока не обрушится Одинокая Гора! Да принесет он счастье своему народу, который будет жить здесь!

Король эльфов возложил на могилу Торина Оркрист, эльфийский меч, который отобрали у Торина, когда тот попал в плен к эльфам. В песнях поется, что всякий раз, когда приближался враг, меч этот начинал светиться во мраке – так что гномов нельзя было застать врасплох. Отныне здесь поселился Даин, сын Наина, – он стал Королем-Под-Горой. Впоследствии многие и многие гномы собрались сюда, к его трону в древнем подземном дворце. Из двенадцати товарищей Торина уцелели десять. Кили и Фили погибли, прикрывая Торина своими щитами и телами, ведь Торин был старшим братом их матери*. Уцелевшие десять гномов остались с Даином, а сокровищами Даин распорядился честно и по совести.

Разумеется, теперь не могло быть и речи о том, чтобы разделить сокровища, как было задумано в самом начале, то есть поровну между Балином, Двалином, Дори, Нори, Ори, Оином, Глоином, Бифуром, Бофуром, Бомбуром и, естественно, Бильбо. Тем не менее одну четырнадцатую часть всего золота и серебра в слитках и в изделиях гномы отдали Барду, ибо Даин сказал:

– Мы уважаем волю погибшего, а теперь Аркенстон находится в

его владении.

Но и одна четырнадцатая часть всех сокровищ представляла собой огромное богатство, о каком могли только мечтать многие короли смертных. Бард отослал часть золота Магистру Озерного города, а также щедро наградил своих друзей и соратников. Королю эльфов Бард подарил изумруды Гириона, потому что изумруды эльфы предпочитают всем другим драгоценным камням; эти камни Даин тоже включил в долю Барда.

Обратившись к Бильбо, Даин сказал:

– Эти сокровища столь же мои, сколь и твои, но, сам понимаешь, прежний договор теперь утратил силу, ибо многим и многим пришлось потрудиться, чтобы отбить и спасти эти богатства. И все же, несмотря на то что ты отказался от своей доли, я бы не хотел, чтобы исполнились слова Торина, о которых он сожалел перед смертью. Я не хочу, чтобы ты остался ни с чем. Ведь ты заслуживаешь награды куда больше других.

– Ты так добр ко мне, – потупился Бильбо. – Но, честное слово, мне так будет легче. Да и, скажи на милость, как я потащу домой все эти сокровища? По дороге ведь не обойдется без каких-нибудь войн или смертоубийства. На что мне дома это золото? Пусть уж лучше останется у тебя!

В конце концов хоббита уговорили взять с собой два небольших сундучка, один с серебром и один с золотом, – ровно столько, сколько можно нагрузить на хорошего пони.

– Этого мне хватит за глаза и за уши! – подвел итог Бильбо.

И вот пришла наконец пора прощаться с друзьями.

– Прощай, Балин! – сказал он. – Прощайте и вы, Двалин, Дори, Нори, Ори, Оин, Глоин, Бифур, Бофур и Бомбур! Да не поредеют во веки веков ваши бороды! – Повернувшись к Одинокой Горе, Бильбо добавил: – Прощай и ты, Торин Дубощит! Прощайте, Кили и Фили! Вечная вам память!

Стоя у Ворот, гномы низко поклонились хоббиту, но слов найти не могли.

– До свидания! – вымолвил наконец Балин. – Удачи тебе во всем! Если надумаешь навестить нас, когда наши чертоги вновь засияют прежней красотой, мы устроим в твою честь поистине королевский пир!

– Если вам когда-нибудь доведется проходить мимо моего дома, – сказал в ответ Бильбо, – заходите без стеснения! Чай – в четыре, но я рад видеть вас в любое время!*

И хоббит отвернулся…

Эльфийское войско двинулось в обратный путь. Как это ни печально, оно сильно поредело, но эльфы все-таки радовались, ведь отныне и на долгие годы в северных землях должно было стать гораздо веселее. Дракон был убит, гоблины уничтожены, и, несмотря на зиму, сердца эльфов предчувствовали грядущую весну.

Гэндальф и Бильбо ехали позади короля эльфов, а рядом с ними шагал Беорн – он снова принял человеческое обличье и всю дорогу громко смеялся и пел. Так они добрались до самых границ Чернолесья – немного севернее реки Лесной. Тут они остановились, так как волшебник и Бильбо вовсе не собирались заходить в лес, хотя король эльфов настоятельно приглашал их погостить у себя во дворце. Дело в том, что они намеревались отправиться вдоль опушки леса и обогнуть его с севера, следуя по пустынным землям, лежавшим между лесом и предгорьями Серых Холмов. Путь предстоял долгий и безрадостный, но теперь, когда гоблинов можно было не бояться, там было куда безопаснее, нежели на неведомых лесных тропах. Да и Беорн собирался идти тем же путем.

– Прощай, о король эльфов! – сказал Гэндальф. – Да пребудет веселым твой зеленый лес, покуда мир не состарится! Да пребудет радость со всем твоим народом!

– Прощай, о Гэндальф! – промолвил король эльфов. – Появляйся и впредь там, где ты больше всего нужен и где никто тебя не ожидает! И почаще наведывайся в мой дворец, ибо нет для меня большего удовольствия, чем видеть тебя своим гостем!

– Прими от меня этот подарок! – пролепетал Бильбо, смущенно переминаясь с ноги на ногу, и протянул королю эльфов отделанное серебром жемчужное ожерелье, которое на прощание подарил ему Даин.

– Чем заслужил я этот дар, о хоббит? – удивился король.

– Видишь ли… – замялся покрасневший Бильбо. – Я полагаю, что обязан как-то отплатить за… как бы это сказать… за гостеприимство! То есть и у грабителей имеется совесть… Я ведь ел твой хлеб и пил твое вино – и в немалых количествах!

– Я принимаю твой дар, о Бильбо Великолепный! – нимало не шутя промолвил король эльфов. – Нарекаю тебя отныне Другом Эльфов и

благословляю! Да не укоротится во веки веков твоя тень (а то воровство превратится для тебя в сплошную забаву)! Прощай!

Эльфы повернули к Лесу, а Бильбо пустился в обратный путь, домой.

Много трудностей пришлось ему преодолеть и пережить много приключений, прежде чем он добрался до дому. Дикие Земли – они и есть Дикие Земли: в те дни, помимо гоблинов, там водились и другие опасные твари. Но у хоббита были верный провожатый и верный страж: с ним шел волшебник, да и Беорн еще долго не покидал их. Так что все обошлось более или менее благополучно. Как бы то ни было, обогнув Чернолесье с севера, к середине зимы они добрались до хором Беорна, где и остались погостить. Юл прошел шумно и весело: по приглашению Беорна отовсюду собралось множество гостей. В Туманных Горах гоблинов почти не осталось, а те, что остались, забились в самые глубокие подземелья и не отваживались высунуть носа. Да и варги из леса исчезли. Поэтому гости пришли издалека без всякой боязни. Впоследствии Беорн стал в этих краях своего рода правителем – ему подчинялись все земли, лежавшие между горами и лесом. Поговаривали, что потомки Беорна и через много поколений сохранили способность принимать медвежье обличье. Были среди них люди угрюмые и, прямо скажем, нехорошие – но в большинстве своем они походили характером на Беорна, хотя ростом были поменьше, да и в силе ему уступали. Из Туманных Гор выгнали последних гоблинов – и на окраинах Диких Земель надолго установилось спокойствие.

Наступила весна с теплой погодой и ясным солнцем, когда Бильбо и Гэндальф покинули наконец гостеприимные хоромы Беорна. И хотя Бильбо страшно соскучился по дому, ему не хотелось уходить, потому что цветы в саду Беорна и весной цвели так же пышно, как в разгар лета.

И вот, проделав длинный путь, Бильбо и Гэндальф добрались до того самого места, где они попали в лапы гоблинов. Но на этот раз они оказались тут не ночью, а утром и, посмотрев назад, увидели внизу широкую равнину, освещенную ясным утренним солнцем. За равниной раскинулось Чернолесье, отливавшее на расстоянии голубизной, а на опушке – темной зеленью: даже весна не смогла высветлить Чернолесской листвы! А еще дальше, на краю окоема, маячила Одинокая Гора. На ее вершине смутно белел еще не растаявший снег.

– Вот так! На смену огню приходит снег, и даже драконы не вечны! – промолвил Бильбо и повернулся спиной к своему Приключению. Тукковская его половина смертельно устала, а бэггинсовская день ото дня набирала силу. – Сейчас я хочу только одного: поскорее плюхнуться в свое любимое кресло! – добавил он.

Глава XIX. Последний переход

В первый день мая Бильбо и волшебник снова оказались на краю долины Ривенделл, где находился Дом Элронда – Последняя (а с этой стороны – первая!) Гостеприимная Обитель. И снова вечером! Пони устали, особенно тот, что с поклажей, да и седокам давно необходим был отдых. Спускаясь по крутой тропинке, Бильбо снова услыхал меж деревьев пение эльфов; казалось, оно и не смолкало с того времени, как он покинул эти места. Едва путники добрались до опушки леса, как эльфы дружно затянули новую песню – почти такую же, как в прошлый раз. Вот что примерно они пели:

Нет Змея на свете —
И нету в помине!
С дырою в жилете
Гниет он в пучине!
Доспехи ржавеют,
Шатаются троны,
Богатства скудеют,
И гибнут драконы!
Но травы здесь вечны,
И воды струятся,
А эльфы беспечны
И век веселятся!
Вы были далече,
И рады мы встрече!
Ха-ха!

Ко звездным коронам
Алмазы не гожи,
Луны серебро нам
Светлей и дороже!
И золота ярче

Огонь на поленьях —
Он чище и жарче!
К чему приключенья?
Вы были далече,
Но рады мы встрече!
Ха-ха!

Вы меряли мили
С утра и до ночи,
Уж звезды открыли
Алмазные очи.
С поклажей тяжелой
Все горести бросьте —
И в Дом наш веселый
Пожалуйте в гости!
Вы были далече,
Но рады мы встрече!
Ха-ха!
Ха-ха-ха!
Ха-ха!

Потом появились и сами эльфы. Поприветствовав путников, они проводили их за реку – в Дом Элронда. Там их встретил радушный прием, и нашлось немало благодарных слушателей, которым не терпелось поскорее узнать обо всех приключениях. Рассказывать пришлось Гэндальфу, так как Бильбо притих и клевал носом. Тем более что почти все было ему уже известно, ведь он сам принимал участие во многих событиях и сам же подробно поведал о них волшебнику по дороге домой, да и в хоромах Беорна на рассказы не скупился. И все-таки, когда речь заходила о чем-то, чего он еще не знал, хоббит приоткрывал один глаз и прислушивался.

Вот так, подслушав разговор Гэндальфа с Элрондом, Бильбо узнал, где пропадал Гэндальф, когда покинул гномов у Чернолесья. Оказывается, он отправился на большой Совет Добрых Волшебников и других Хранителей Предания*. Вместе им удалось наконец изгнать Некроманта из его мрачной крепости на южной окраине Чернолесья.

– Отныне Черный Лес будет не так опасен, – заметил Гэндальф. – Надеюсь, что Север освободился от этого ужаса на долгие годы. Но лучше было бы изгнать его из этого мира совсем!

– Полностью с тобой согласен, – сказал Элронд. – Но боюсь, что этого не удастся сделать ни в эту эпоху, ни во все последующие.

Закончив рассказывать историю о драконе и Некроманте, Гэндальф приступил к другой, а потом еще и к следующей – то были истории древние и совсем новые, а то и вовсе относящиеся неведомо к каким временам. В конце концов Бильбо уронил голову на грудь и сладко засопел в уголке.

Проснулся он на чистой постели. В распахнутое окно светила луна. А на берегу потока в лунном свете ясно и звонко пели эльфы:

Мы песню затянем о рощах зеленых!
Чу! Шепчется ветер во травах и кронах!
На башне у Ночи пылают бойницы,
И звезды цветут, и луна серебрится!

В кругу на поляне танцуем легко мы:
Трава – словно шелк, да и мы невесомы!
Река серебриста, и тени бегущи,
И песнями полнятся майские кущи!

Пусть песня тихонько звучит круговая,
Усталому путнику сон навевая.
Заснул он, измученный долгой дорогой;
Ольха, не буди его! Ива, не трогай!

Сосна, не шуми! Сон да будет прекрасен!
О, скройся, луна, в непроглядной ночи!
О, тише, вы, тише вы, Дуб, Тёрн и Ясень!
О, тише, поток, – до утра не журчи!

– С вами не соскучишься, Веселый Народ! – крикнул Бильбо эльфам, выглядывая из окошка. – Ночь, поди, на дворе! Час-то который? Тут и пьяный гоблин проснется, от этакой колыбельной! И все же благодарю за песню!

– А ты своим храпом разбудишь и окаменевшего дракона! Но и мы тебя благодарим! – ответили эльфы, смеясь. – Между прочим, скоро светает, а спишь ты с самого вечера. Завтра, наверно, усталость как рукой снимет!

– Ваша правда! Даже короткий сон в Доме Элронда лечит от любой усталости, – согласился Бильбо. – Но все-таки я намерен лечиться до победного конца! Так что еще раз спокойной вам ночи, добрые эльфы!

С этими словами Бильбо снова бухнулся в постель и проспал чуть не до полудня.

На следующий день усталости и в самом деле как не бывало! С тех пор хоббит с утра до вечера пел, плясал и вообще всячески веселился вместе с эльфами. Однако даже в этом прекрасном Доме он не мог задерживаться надолго – его тянуло домой. Через неделю он простился с Элрондом. На прощание он сделал ему несколько скромных подарков (скромных, чтобы Элронд не отказался) и вместе с Гэндальфом отправился дальше.

Едва они выехали из Ривенделла, как небо на западе потемнело, подул сильный ветер и хлынул ливень.

– Вот тебе и веселый месяц май! – недовольно проворчал Бильбо – струи дождя так и текли у него по лицу. – Впрочем, можно утешаться тем, что все приключения позади и мы едем домой! По погоде оно, кстати, и видно!

– Ну, до дома дорога еще далекая, – возразил Гэндальф.

– Зато прямая! – твердо сказал Бильбо.

Они доехали до реки, за которой кончались Дикие Земли, и спустились к броду под крутым берегом – вы его еще не забыли? Из-за паводка вода в реке поднялась, потому что снег усиленно таял, да и дождь лил без передышки. Несмотря на это, Гэндальф и Бильбо кое-как переправились на другой берег и поспешили дальше, потому что дело шло уже к вечеру. Оставался один, последний переход.

Все было точно так же, как и по пути на восток, с той лишь разницей, что на этот раз путников было всего двое и они большей частью помалкивали. А кроме того, на этот раз обошлось без троллей. По пути Бильбо то и дело вспоминал, что случилось или было сказано там-то и там-то. Прошел всего год, а хоббиту казалось – все десять! Разумеется, Бильбо сразу же узнал то место, где пони со своей поклажей упал в реку и где они, свернув с дороги, прямым ходом отправились на неприятное свидание с Томом, Бертом и Биллом.

Неподалеку от дороги Бильбо и волшебник откопали золото троллей, которое хоббит и гномы припрятали там год назад; никто его так и не тронул.

– Мне и драконьего золота на всю жизнь хватит! – сказал Бильбо волшебнику, когда они откопали клад. – Возьми его лучше себе, ты наверняка сумеешь его пристроить!

– Да уж как-нибудь! – сказал волшебник. – Но давай лучше поделим его пополам! Как знать, может, оно тебе еще пригодится?

На том и порешили. Разделив золото на две части, они сложили его в мешки и навьючили их на пони, которым это не больно-то понравилось. Продвижение замедлилось, ведь теперь большую часть времени приходилось идти пешком. Но дорога вела через луга, и хоббит с удовольствием топал босиком по зеленой траве. Он утирал лоб красным шелковым платком (конечно, не своим: из его платков не уцелел ни один – этот подарил ему Элронд), потому что наступил июнь, а значит, и лето, и дни снова стали ясными и жаркими.

Всему на свете приходит конец, даже этой истории. И вот пришел день, когда путники добрались до страны, где Бильбо родился и вырос. Хоббит узнавал по дороге каждый холмик, каждое деревце – он знал эту землю как свои пять пальцев. С очередного бугра он увидел

вдалеке свой родной Холм и, остановившись, неожиданно произнес:

Бегут дороги вдаль и вдаль —
Через поля, через овраг,
Туда, где рек блестит хрусталь
И где в пещерах правит мрак,
Через холодные снега,
И по горам, и по долам,
Через цветущие луга,
И по траве, и по камням.
Бегут дороги вдаль и вдаль —
И под звездой, и под луной,
Но сердце вдруг сожмет печаль —
И ты потянешься домой!
И вот, пройдя через войну,
Через огонь и холод тьмы,
Узришь родную сторону
И незабвенные холмы.

Гэндальф с удивлением посмотрел на него и воскликнул:

– Дорогой мой Бильбо! Как ты изменился! Ты уже далеко не тот хоббит, каким был раньше!

Они пересекли мост, миновали мельницу и добрались наконец до порога норы, где жил Бильбо.

– Силы небесные! Что здесь происходит?! – воскликнул хоббит.

У входа царила невообразимая суматоха. Кругом толкались хоббиты – и уважаемые, и не очень. Они сновали туда и обратно, нимало не заботясь даже о том, чтобы вытирать ноги о коврик. Последнее обстоятельство Бильбо отметил с особым неудовольствием.

Ну уж если Бильбо удивился, то можете себе представить, как удивились все остальные! Оказывается, он вернулся в самый разгар распродажи! На воротах красовалось внушительных размеров

объявление, написанное красными и черными буквами; оно гласило, что июня, двадцать второго числа, гг. Грубб, Грубб и Рытвинг будут продавать с аукциона* имущество покойного господина Бильбо Бэггинса, эсквайра, из Котомки под Холмом, что в Хоббитоне. Распродажа была назначена ровно на десять утра. А если учесть, что Бильбо подоспел только ко второму завтраку, станет ясно, что большую часть имущества уже распродали – что за бесценок, что втридорога (на аукционах такое бывает нередко). А ближайшие родственники Бильбо, Саквилль-Бэггинсы, уточняли тем временем размеры Котомки, прикидывая, как там встанет их собственная мебель. Короче говоря, Бильбо пропал без вести, а по прошествии определенного времени пропавший без вести считался умершим, так что далеко не всем пришлось по вкусу то обстоятельство, что пропажа нежданно-негаданно обнаружилась!

С возвращением господина Бильбо Бэггинса поднялся настоящий переполох, причем не только под Холмом, но и за Холмом, и даже за Рекой. В общем, разговоров хватило не на одну неделю, а тяжбы затянулись на многие годы. Далеко не сразу в судебном порядке удалось установить тот факт, что Бильбо все-таки жив. А тех, кто особенно крупно поживился на распродаже, убеждать пришлось особенно долго. В конце концов, не желая зря тратить время, Бильбо просто-напросто выкупил у них большую часть своей обстановки. Правда, почти все его серебряные ложки самым таинственным образом исчезли, причем бесследно. Если честно, Бильбо сильно подозревал, что тут не обошлось без Саквилль-Бэггинсов. А те, со своей стороны, так и не признали, что вернувшийся Бэггинс настоящий, и до конца своих дней относились к нему с прохладцей. А что было делать? Уж очень им хотелось поселиться в его замечательной норе!

На самом деле Бильбо обнаружил, что пропали у него не только ложки – пропала его репутация! И то сказать, ведь он так и остался Другом Эльфов, товарищем гномов, всяких там волшебников и прочей сомнительной публики, шляющейся вокруг да около. Какая уж тут репутация! Все хоббиты, жившие с ним по соседству, пришли к выводу, что он немного «того» – за исключением разве что племянниц и племянников по линии Тукков, но и тех не очень-то одобряли старшие.

Как ни прискорбно, но хоббита эта потеря нисколько не огорчила. Жизнью он был вполне доволен, а чайник у него на плите пел теперь куда музыкальнее, нежели в прежние безмятежные времена, то есть до

того, как к нему заявились незваные гости. Меч свой Бильбо повесил над камином, а кольчугу пристроил на плечиках в прихожей, и она висела там до тех пор, пока он не одолжил ее в музей. Золото и серебро в основном ушло на подарки, большей частью не только полезные, но и весьма экстравагантные. Этим-то подаркам он, видимо, и был обязан любовью своих племянниц и племянников. А вот волшебное кольцо Бильбо хранил в строжайшей тайне, поскольку обычно прибегал к его услугам, желая избавиться от какого-нибудь неприятного посетителя.

А еще он пристрастился писать стихи и ходить к эльфам, не обращая ни малейшего внимания на соседей, которые, покачивая головой, крутили пальцем у виска и говорили: «Бедный старина Бэггинс!» И, хотя его рассказам мало кто верил, Бильбо был вполне счастлив до конца своих дней – а дни его, надо отметить, были исключительно долгими.

Однажды осенним вечером несколько лет спустя Бильбо сидел у себя в кабинете, трудясь над воспоминаниями, – он подумывал назвать их «Туда и Обратно, Путешествие Хоббита», – как вдруг загремел дверной колокольчик. На пороге стоял Гэндальф, а с ним гном, который оказался не кем иным, как Балином!

– Входите, входите! Милости прошу! – обрадовался Бильбо, и вскоре все трое уже сидели в креслах перед камином.

Кстати сказать, Балин обратил внимание, что жилет господина Бэггинса стал заметно шире (и украсился золотыми пуговицами!), а Бильбо в свою очередь отметил, что борода у Балина стала длиннее на несколько дюймов и что пояс его отделан великолепными драгоценными камнями.

Само собой разумеется, они принялись вспоминать прошлое. Бильбо поинтересовался, как идут дела в Горе и вокруг Горы. А дела там шли вроде как и прекрасно. Бард построил в долине Дейла новый город, и к нему стали приходить люди – и с Озера, и с Юга, и с Запада. Долину распахали, и она вновь стала плодородной – на месте прежней бесплодной пустыни весной теперь пели птицы и благоухали цветы, а осенью там собирали богатый урожай. Озерный город отстроили заново, причем на новом месте, и торговля пошла вовсю – и вверх, и вниз по течению реки Бегучей перевозилось теперь великое множество товаров. А главное, между эльфами, гномами и людьми установились прочный мир и крепкая дружба.

Правда, бедняга Магистр кончил плохо. Бард отправил ему много золота для оказания помощи озерным людям, но, имея врожденную склонность к подобного рода недугам, Магистр сразу же подхватил «драконью болезнь». Он присвоил почти все золото и бежал с ним, но его предали его же собственные дружки, и он умер с голоду на Пустоши.

– Новый Магистр куда дальновиднее, – заметил Балин. – Он пользуется большой популярностью у горожан, поскольку считается, что своим процветанием город обязан исключительно его личным заслугам. Люди слагают песни о том, что во дни его правления наконец-то потекли золотые реки.

– Вот ведь как получается! Стало быть, сбылись-таки древние пророчества! – засмеялся Бильбо.

– А как же иначе! – сказал Гэндальф. – Отчего бы им и не сбыться? Надеюсь, ты не стал меньше доверять пророчествам только оттого, что сам приложил руку к их исполнению? Неужели ты и в самом деле считаешь, что вышел из этого Приключения целым и невредимым исключительно благодаря своей удаче и что все это было затеяно ради тебя? Нечего сказать, личность ты просто замечательная, милый мой господин Бэггинс, и я тебя очень люблю, но, если разобраться, в большом мире ты всего-навсего маленький хоббит!

– Вот и славно! – рассмеялся Бильбо и протянул волшебнику кисет.

Список принятых в комментариях сокращений

П – «Письма Толкина» (Letters of J. R. R. Tolkien. London, 1981).

ВК – «Властелин Колец».

НС – «Неоконченные Сказания» (Tolkien J. R. R. Unfinished Tales. London, 1980).

Сильм. – «Сильмариллион» (Tolkien J. R. R. The Silmarillion. London, 1979).

ЧиК – сборник эссе Толкина «Чудовища и критики» (Tolkien J. R. R. Monsters and Critics. London, 1983).

Рук. – «Руководство для переводчика», написанное самим Толкином (Guide to the Names. – В кн.: A Tolkien Compass. London, 1975).

Шиппи – «Дорога в Средьземелье» Тома А. Шиппи (Shippey Tom A. The Road to Middle-Earth. London, 1982). Т. Шиппи – один из наиболее выдающихся исследователей творчества Толкина, лингвист, преподаватель; взгляды Шиппи на творчество Толкина считаются среди толкиноведов наиболее адекватными, так как во многом отражают точку зрения самого Толкина, с которым Т. Шиппи неоднократно встречался и беседовал. В настоящее время Шиппи занимает место преподавателя на кафедре английского языка в университете Лидса, где когда-то преподавал и Толкин.

ХК – «Биография Дж. Р. Р. Толкина» Хэмфри Карпентера (Carpenter H. J. R. R. Tolkien. A Biography. London, 1977).

МЛ – Мельникова Е. Меч и лира. М., 1987.

В. Э. – «Введение в эльфийский» Джима Аллана (Allan J. An Introduction to Elvish. London, 1978) – сборник статей, посвященных изобретенным Толкином языкам.

СиУ – Флоренский П. Столп и Утверждение Истины. – Собр. соч.: В 3-х т. М., 1990, т. 1.

РФ – «Полный путеводитель по Средьземелью» Роберта Фостера (Foster. R. The Complete Guide to Middle-Earth. London, 1978).

КД – «Справочник по Толкину и Средьземелью» Колина Дюрье (Duriez C. The Tolkien and Middle-Earth Handbook. London, 1992).

ТК – «Новый спутник читателя в мире книг Толкина» Аж. Тайлера (Tyier). The New Tolkien Companion. London, 1979).

СФ – Фасмер М. Этимологический словарь. М., 1986–1988.

МС – Мифологический словарь. М., 1990.

ПЭ, ВЭ, ТЭ, ЧЭ – соответственно Первая, Вторая, Третья и Четвертая Эпохи Средьземелья.

кв. – квенийский язык.

синд. – синдаринский язык.

рох. – роханский язык.

Толкин начал писать «Хоббита» довольно рано, возможно, еще в самом начале 30-х гг., когда ему было около сорока лет; задумана эта книга была как сказка для детей, хотя действие ее разворачивалось на фоне ранее созданного Толкином сложного и серьезного цикла легенд о Средьземелье – мире, который помещен автором в прошлое Земли: над ним светят те же звезды, что и над нами, те же луна и солнце. Кристофер Толкин, сын писателя, вспоминает: «Отец написал эту книгу в незапамятные времена и пересказывал ее Джону, Майклу и мне (Джон и Майкл – старшие сыновья Толкина. – М. К. и В. К.) во время наших зимних “чтений”, вечерами, после чая». Со временем Толкин отпечатал книгу на машинке (кроме нескольких последних глав) и показал К. С. Льюису, с которым был дружен уже тогда.

«Такие истории растут из лиственного перегноя, скопившегося на дне души», – говорил о «Хоббите» сам автор – и действительно, в ней соединилось множество воспоминаний, фольклорных и литературных аллюзий. Однако, как пишет ХК (с. 182), «в том, чтобы ворошить старые листья (на что, увы, обречен всякий комментатор. – М. К. и В. К.), пользы мало – гораздо интереснее посмотреть, что же выросло на удобренной перегноем почве». Выросла же детская книга, которой найдется не так уж много равных в истории литературы. На то, что предназначена она именно для детей, указывают хотя бы частые обращения к читателю, характерные для детской литературы («теперь вы знаете…» и т. п.), о которых автор, правда, впоследствии сожалел, говоря, что нет смысла «бежать детям навстречу»: тупицам-де это не поможет, а умные всё поймут и сами. Но ко времени создания машинописной версии «Хоббита» и даже ко времени его опубликования писательская позиция Толкина еще не была выработана окончательно. Рукопись долго оставалась в незавершенном состоянии, пока не попала к одной из выпускниц Оксфордского университета, поступившей на работу в лондонское издательство «Аллен и Анвин». В издательстве заинтересовались

рукописью и попросили представить редакции законченный вариант, что Толкин и сделал осенью 1936 г. Издатель Стенли Анвин обратился к своему десятилетнему сыну Райнеру (впоследствии издавшему большинство книг Толкина) с просьбой прочесть книгу и составить о ней мнение. Райнер одобрил рукопись, и книга была принята к публикации.

21 сентября 1937 г. «Хоббит» был опубликован. Толкина беспокоила реакция коллег – оксфордских профессоров: «Как бы они не подумали, что это и есть главный результат моей “исследовательской работы” за 1936–1937 годы!» Однако Оксфорд отреагировал спокойно (по словам ХК, коллеги Толкина «лишь слегка приподняли брови»). Книга получила блестящие отзывы и в несколько недель стала бестселлером.

Комментарии

Глава I. Незваные гости

С. 9

В глубокой норе жил-был хоббит.

Толкин всегда утверждал, что слово «хоббит» изобрел сам. Автор статьи, напечатанной в 1938 г. в журнале Observer, настаивал, однако, что это слово ему встречалось и раньше – не то в книге про африканских пигмеев, не то в какой-то старой сказке, причем хоббиты фигурировали в этой сказке в роли существ довольно-таки устрашающих. Однако Толкин оба этих предположения решительно отверг. «Мой хоббит – состоятельный, хорошо упитанный молодой холостяк, крепко стоящий на ногах, и к африканским пигмеям никакого отношения не имеет и иметь не может», – пишет он в ответ 20 февраля 1938 г. (П, с. 30). ХК говорит (с. 168), что слово «хоббит» могло быть навеяно названием романа Синклера Льюиса «Бэббит». Книга эта появилась в 1922 г.; известно, что Толкин читал ее. В романе идет речь об американском бизнесмене средних лет, чья упорядоченная жизнь внезапно сходит с привычных рельсов. Шиппи (с. 51) указывает, что слово «хоббит» не носит на себе следов древнего происхождения. Однако нет в нем и элемента «изобретенности» – «только вдохновение»: и действительно – слово «хоббит» не было «вымышлено» автором «нарочно», но явилось плодом озарения. Однажды летним утром Толкин, проверяя экзаменационные работы студентов, написал на пустой странице одной из работ ничего не значащую фразу: «В земле была норка, а в норке жил хоббит». «Имена всегда тянут для меня за собой целые истории», – признавался Толкин. Так случилось и на этот раз. Правда, когда возникла необходимость точно установить источник происхождения этого слова – а потребовалось это для Введения в Оксфордский словарь английского языка соответствующей статьи, – исследователи докопались до книги, изданной неким Дж. Харди в 1895 г., называлась она Denhem Tract. Во втором томе этой книги в компании с привидениями, гоблинами и хобгоблинами упоминались также и некие «хоббиты», но кто они такие, не разъяснялось. Интересно, что в английских сказках домового (brownie) часто зовут Хоб, причем на карте Англии есть несколько

мест, которые называются Hobhole – «норка Хоба». В Приложении Е к ВК Толкин производит слово «хоббит» из древнеанглийского hol-bytla – «живущий в норе» – и тем самым ставит его в один ряд с названиями остальных рас Средьземелья, которые все так или иначе позаимствованы из древней мифологии или древних языков. Многие замечали сходство слова «хоббит» со словом rabbit – англ. «кролик». Это соблазняло усмотреть сходство и в значении. Так, в переводе В. Муравьева и А. Кистяковского многие хоббичьи имена и топонимы содержат элементы – крол и – зайк. Толкин возражал против таких ассоциаций (позволяя себе иногда, однако, каламбуры по этому поводу – как в «Хоббите» (гл. 7), так и в ВК (гл. 4 ч. 4 кн. 2).

Как говорит Шиппи, Толкин не хотел, чтобы «хоббиты представлялись читателям этакими маленькими пушистыми, расплывчато-славными зверюшками (как феи в поздних английских сказках – этакие неопределенно-хорошенькие маленькие создания)». Однажды Толкин сказал интервьюеру: «Хоббиты – это просто-напросто жители обыкновенной английской деревни. Я изобразил их маленькими потому, что хотел намекнуть на узость их взгляда на мир и бедность воображения – что далеко не подразумевает недостатка мужества или скрытой силы». Между тем именно эти качества часто помогают их обладателю выжить в самых невероятных условиях, замечает, цитируя эти слова, ХК (с. 180) и добавляет, что Толкин имел возможность близко наблюдать простых английских крестьян в траншеях Первой мировой войны.

Нельзя не заметить, что хоббиты напоминают англичан не только фамилиями и указанным выше свойством характера; так, Р. Кабаков[1] пишет: «…они весьма напоминают типичного английского обывателя, с его культом дома-крепости, кругом сугубо личных интересов, набором правил и привычек».

С. 10

…и фамилия его была Бэггинс.

Как известно из «Хоббита», Бильбо Бэггинс любил пить чай в четыре часа пополудни, т. е. между традиционным английским «ленчем» (около полудня) и «пятичасовым чаем» (файв-о-клоком). Это существенная и неслучайная деталь. В некоторых сельских районах Англии, указывает Оксфордский словарь английского языка, на который ссылается Шиппи (с. 56), четырехчасовой чай был хорошо известен, причем назывался он baggins (бэггинс). Таким образом, фамилия Бэггинс не является простым производным от названия усадьбы хоббита – Бэг-Энда, или Котомки (в других переводах Торба

и Сумка, откуда Торбинс и Сумникс). Это диалектное значение слова baggins влечет за собой множество ассоциаций. Бильбо во многом похож на свою фамилию: он подчеркнуто прозаичен, он типичный представитель среднего класса, не чурается деревенских привычек и не строит из себя аристократа, как его родственники Саквилль-Бэггинсы. Он щедр, зажиточен, не отказывает себе в простых удовольствиях, консервативен, старомоден (baggins – привычка безусловно старомодная!), привержен сельской жизни. По словам Шиппи, именно благодаря этим качествам Бильбо с успехом выполняет у Толкина роль «связного» между миром героического эпоса и современным читателем: он принадлежит одновременно нашему миру – по Шиппи, он типичный современный сельский «буржуа» – и миру древнему (чем Бильбо не древнеанглийский фермер?).

В разное время Толкин высказывал по поводу перевода имен и названий в своем тексте мысли подчас прямо-таки противоположные. Так, в письме к Р. Анвину от 3 июля 1959 г., где речь идет о переводе на датский язык (П, с. 249), Толкин пишет: «В принципе я как только могу возражаю против всякого перевода номенклатуры (даже если этим занимается человек сведущий). Не могу взять в толк – с какой это стати переводчику быть уверенным, что он призван и уполномочен за это браться? То, что он имеет дело с «воображаемым» миром, не дает ему ровным счетом никакого права перекраивать этот мир по собственной прихоти, даже если он сможет посвятить несколько месяцев созданию новой связной структуры имен (у меня это, между прочим, отняло годы). Полагаю, что будь переводчик итальянцем, русским, китайцем или уж не знаю кем еще, он оставил бы имена в покое. Если бы я утверждал, что мой Shire[2] – это какой-нибудь выдуманный мною Loamshire (Лоумшир) в Англии, никто и не подумал бы это название переводить. На самом же деле в воображаемой стране, в воображаемое время, как у меня (если, конечно, фантазия автора позаботится о связности и правдоподобии), номенклатура куда важнее, чем в каком-нибудь историческом романе… Shire – образ сельской Англии… Это английская книга, написанная англичанином, и, надо полагать, даже человек, уверенный, что многое из нее войдет в поговорку, не стал бы требовать от переводчика, чтобы тот намеренно разрушал «местный колорит» книги… Если переводить имена, то выйдет не перевод, а набор бездомных имен – и больше ничего». Далее Толкин предлагает на карте Shire (приведенной в кн. 1 ВК) переводить только слово «карта».

Однако позже Толкин изменил свою точку зрения и в Рук. (с. 169.)

пишет: «…В оригинале английский язык («Хоббита» и ВК – М. К. и В. К.) представляет собой не более чем перевод с Общего Языка… Имена, данные в тексте на современном английском, принадлежали изначально Общему Языку, причем иногда они являются переводом более древних имен, чаще всего синдаринских. Таким образом, язык перевода призван будет заменить английский в качестве эквивалента Общего Языка, и английские имена должны быть переведены на другой язык в соответствии с их значением (причем как можно точнее)». Далее Толкин советует переводить даже те имена, в состав которых входят вышедшие из употребления древнеанглийские корни, подыскивая им аналоги в языке перевода! Даже название Shire рекомендуется на этот раз переводить. Итак, если принять во внимание все советы Толкина, придется «прийти к королю ни пешком, ни верхом», как мудрая девица из сказки. Переводчики вышли из этого затруднительного положения следующим образом: ключевые по значению и звучанию имена, особенно содержащие «игру смыслов» (как Бэггинс), были оставлены без изменений, имена второстепенные или неблагозвучные (тот же Shire, переданный в современном звучании, звучит как Шир, что дает целый спектр нежелательных и полностью отсутствующих в оригинале аллюзий) переведены (если в Рук. не имеется специального запрета на перевод), а в некоторых случаях даны оба варианта. Это позволяет также сохранить эстетику звучаний, для Толкина крайне важную. Так, в имени Бильбо Бэггинса два «Б» звучат ярко, энергично, что теряется при любом варианте перевода, кроме «Баулс (от «баул»), причем «Баулс» звучит уже совсем иначе!

Против того, чтобы переводить фамилию Бэггинс, говорит также гипотеза о происхождении этой фамилии, выдвинутая Паулой Мармор в В. Э. (с. 183). Имена хоббитов, пишет П. Мармор, строятся в основном по двум моделям – кельтской и германской. Кельтская восходит к языку Дубсов и через них – к языку дунландцев и раннебрийскому. Среди имен хоббитов, относящихся к «германской» группе, много таких, что кажутся бессмысленными, – например, Одо, Фолко и др. На самом деле это в большинстве случаев древнеанглийские уменьшительные формы полных личных имен, часть из которых известна по древним документам (напр., Дрого). Среди имен такого типа зафиксировано и имя Бэга (Бага), означавшее «толстяк». Если бы хоббит с таким именем стал родоначальником клана или влиятельного семейства, его потомки, по аналогии с Эорлингами (племя Эорла – роханцы) и Беорнингами (потомки

Беорна) (германская модель словообразования от имен Эорл и Беорн) именовались бы Бэгинги (Багинги), что по-английски звучит как Бэгингас и через несколько столетий вполне могло бы приобрести форму Бэггинс.

С. 11

Бильбо.

Сам Толкин ничего о происхождении этого имени не говорит. Шиппи (с. 56) сообщает, что в английском графстве Херфордшир (древний Херфордшир, возможно, послужил прототипом страны хоббитов – Заселья) есть холм под названием Большой Бильбо. В конце концов, в ВК подчеркивается, что Бильбо со временем стал личностью легендарной, персонажем хоббичьих сказок – а там недолго и холм назвать его именем, тем более что этимология этого топонима неизвестна.

...женился на фее.

Слово «фея» у Толкина употребляется всего несколько раз; по-видимому, так хоббиты иногда называли женщин-эльфов. См. об этом подробнее в прим. к гл. 3, *...дело пахнет эльфами!*

Разумеется, все это только сплетни.

Шиппи (с. 57) пишет: «“Разумеется” (of course) – излюбленное словечко автора, но вставляет он его, как правило, в случаях, когда речь идет как раз о чем-нибудь необъяснимом или непредсказуемом; например, когда он говорит, что, дескать, само собой разумеется, что с драконами следует разговаривать именно так, а не иначе (гл. 12), или что игра в загадки, “само собой разумеется, дело святое”… Иногда эта и подобные реплики сообщают (читателю) новые для него сведения, но гораздо чаще служат созданию впечатления, будто за гранью повествования лежит целый мир и события, о которых рассказывается в рамках данной повести, разворачиваются по законам, о которых говорится лишь намеками, но которые тем не менее остаются непререкаемыми. Такие эпитеты, как “легендарная Белладонна Тукк” или “сам великий Торин Дубощит”, подразумевают глубинное измерение этого мира, историю». Следствием применения автором этого и иных подобных приемов является эффект «избыточности»: чем больше в тексте ненужных деталей, говорит Шиппи, тем больше вымысел напоминает жизнь.

Банго Бэггинс.

Имя Банго принадлежит к числу хоббичьих имен, которые Толкин квалифицировал как не имеющие никакого специального значения, или «бессмысленные». Для некоторых из этих имен (см. выше, *Бильбо*)

исследователи все-таки выискали этимологию, но имя Банго к ним не принадлежит.

С. 12

Гэндальф.

Имя Гэндальфа заимствовано из «Старшей Эдды» (см. прим. к этой главе, ниже, *Двалин* (*имена гномов*)). Первоначально Гэндальфом звали старшего гнома, а волшебник именовался Бладортином (см. прим. к гл. 10); позже, однако, Толкин внес в номенклатуру изменения, руководствуясь, по-видимому, этимологией имени Гэндальф. Имя Гэндальф (правильнее – Гандалф, но Гандалва, Гандалву и т. д.) составлено из двух корней: Ганд-(gand) + – альфр(alfr). Gand в древнеисландском означало «нечто сомнительное», «заколдованная вещь или предмет, используемый колдуном». Гандальфр (gandalfr) – «волшебник», «заколдованный демон» (альфр). С другой стороны, gandr означает «магический посох». Таким образом, как и многие другие имена и названия в «Хоббите» (напр., *Бри* или *Четский Лес*), *Гэндальф* не столько имя, сколько описание носителя этого имени.

С. 14

...канун Преполовения Лета.

Преполовение Лета – праздник у хоббитов, приходившийся на специально выделенные дни между июнем и июлем (назывались также дни Лита). См. подробнее ВК, приложение Д.

С. 15

Гном.

См. ниже, *Двалин (имена гномов)*.

С. 16

...повесил плащ и капюшон на вешалку.

Плащи у гномов были без капюшонов; капюшоны гномы носили отдельно как особый вид головного убора, плотно прикрывающего уши.

Двалин (имена гномов).

Имена Торина и его друзей (а также имя Гэндальфа) заимствованы из «Старшей Эдды», из песни «Пророчество вельвы», где приводится список «карликов» (иначе «двергов», или «цвергов») – Dvergatal. В переводе А. Корсуна этот список звучит так (имена, использованные Толкином в том или ином произведении, выделены курсивом):

Мотсогнир старший
из племени карликов
назван тогда был,
а *Дурин* — вторым;

карлики много из глины
слепили подобий людских,
как *Дурин* велел.

Нии и Ниди,
Нордри и Судри,
Аустри и Вестри,
Альтиов, *Двалин*,
Бивер и Бавер,
Бембур, Нори,
Ан и Анар,
Аи, Мьедвитнир,
Гандальв и Вейг,
Виндальв и *Траин*,
Текк и *Торин*,
Трор, Вит и Лит,
Нар и Нюрад…

…*Фили* и *Кили*,
Фундин, Нали…
…Фрар и Хорнборн,
Фрег и Лони,
Эйкинскъялди…

Еще надо карликов
Двалина войска
роду людскому
назвать до Ловара;
они появились
из камня земли…

…Это был Драугнир,
Хлеванг и Глои,
Дори и *Ори*… и т. д.

В данном переводе имя *Дурин* для благозвучия переводится с английской огласовкой *Дьюрин*. Имя *Эйкинскьялд* означает «дубовый щит». Толкин, однако, использует английский перевод этого древнескандинавского имени – Oakenschield, т. е. *Оукеншильд* (именно так зовут Торина в переводе Н. Рахмановой). Переводчику предоставляется три пути: оставить древнескандинавский вариант из «Старшей Эдды» (Толкин, однако, от него отошел!), оставить имени английское звучание или перевести его на русский (при этом следует

учесть, что английский вариант Oakenshield понятен современному английскому читателю). Чтобы не вводить в скандинавский ряд гномьих имен имя, звучащее по-английски, переводчики пошли третьим путем и избрали нейтральный русский вариант – Дубощит. Авторы В. Э. приводят следующие переводы имен гномов: *Дурин* – «спящий», *Двалин* – «оцепеневший» (после строки, в которую входит последнее имя, в немецком издании «Die Lieder der Alteren Edde» (Shoing, 1904), которым пользуются и авторы В. Э., следуют еще две строчки, которых нет в русском переводе А. Корсуна: «Нар и Наин (Нимингр, Даин…)», *Нар* – «труп», *Наин* – «подобный трупу». *Даин* – «подобный мертвому», *Бивер* (в вышеупомянутом нем. издании Bifurr) – «дрожащий» (или «бобер»), *Бавер* (в вышеупомянутом нем. издании Bofurr) – этимология неизвестна, *Бембур* – «толстый», *Нори* – «крошка», *Аи* (в вышеупомянутом нем. издании Oinn) – «боязливый», *Гандальв* (в нем. издании Gandalfr) – «эльф-чародей» (см. прим. выше), *Траин* – «упрямый», *Торин* – «отважный», *Трор* – «дикий кабан», *Фили* – «цепочка, линия», *Кили* – «забор, ограда», *Фундин* – «найденный», *Нали* – «ось», *Фрар* – «быстрый», *Лони* – «ленивый», *Эйкинскьялд(и)* – «дубовый щит», *Глои* (в вышеупомянутом нем. издании Gloinn) – «сияющий», *Дори* – «скучный», *Ори* – «яростный».

Как указывают авторы В. Э., перевод этих имен носит лишь приблизительный характер. Так, например, *Трор* может означать также «расширяющий» и т. д. Другие имена гномов Толкин, по-видимому, создал сам на основе древнескандинавских корней, по образцу имен из «Эдды». Так, *Балин* в переводе с древнескандинавского означает «пылающий» (кроме того, это имя встречается у Мэлори в Le Morte d'Arthur («Смерть Артура»), где среди рыцарей Круглого Стола фигурирует некий сэр Балин Свирепый. Имя *Флои* произведено от древнескандинавского «кипеть, наполнять».

Обычно считается, что Dvergatal, список карликов-цвергов, является частью какой-то большей, утерянной песни, так как в «Эдде» все ограничивается списком и далее цверги практически не фигурируют. В «Хоббите» Толкин как бы делает попытку восстановить часть утраченного эпоса о карликах, воссоздать легенды с их участием, хотя бы и в детской книжке. Английское слово dwarf, которое употребляется в «Хоббите» и ВК, родственно скандинавскому dvergr (дневнеанглийское dweorh, староверхненемецкое twerg, готское dvairgs), в то время как gnome – слово французского происхождения – Толкин употребляет всего один раз в самом начале «Хоббита» (причем по отношению к эльфам и только в первом издании) и позже

отказывается от него вовсе. Известно, что первый письменный источник, где употреблено данное слово (gnome), – это трактат по алхимии, принадлежащий перу Парацельса; там оно означает существ, живущих в земле и принадлежащих стихии земли (как саламандры принадлежат стихии огненной, а рыбы – водной). Более того, слово dwarf Толкин склоняет по архаичной модели (не dwarfs, как в современном английском, а dwarves, хотя, как указывает он сам, еще лучше было бы взять совсем уж устаревшую форму dwarrows), из-за чего в первых изданиях «Хоббита» были допущены опечатки. Выбор архаической формы множественного числа Толкин объяснял тем, что его гномы отличаются от традиционных гномов английских или немецких сказок позднего времени, и уж тем более – от диснеевских гномов (к Диснею Толкин питал антипатию), Толкин пишет об этом в письме Стенли Анвину от 15 сентября 1937 г. (П, с. 23).

К сожалению, русский язык не располагает синонимами к слову «гном» (в отличие, например, от польского, где есть нейтральное слово krasnoludek), и переводчики были лишены выбора. В письме Толкина к издателю журнала «Observer» в ответ на опубликованную там 16 января 1938 г. статью (П, с. 31) говорится: «Гномам были даны скандинавские имена, что верно, то верно; но это не что иное, как уступка редактору. В языках того времени многие имена на наш слух звучат устрашающе. Имена гномов сложны и неблагозвучны. Даже эльфийские филологи избегали упоминать их в своих писаниях, так что при общении с другими расами гномам приходилось переходить на чужие языки». Так Толкин полушутливо, полусерьезно впервые упоминает о той воображаемой роли «переводчика», которую он-де играет по отношению к легендам Средьземелья. Позже эта «мифологизация» образа автора получает развитие в Приложении к ВК, а также в некоторых других текстах Толкина, образуя часть общего смыслового фона легенд средьземельского цикла. В подобном же духе выдержан один из справочников по Средьземелью, выпущенных в Англии в 60–80-е гг., принадлежащий перу Х. Дайсона (ХК). В русле этой игры автор утверждает, что мир Средьземелья им не выдуман – он-де является только «переводчиком», использовавшим при переводе подлинных средьземельских текстов языки, на которые «переводчик» перелагает «оригинальный» текст и которые в наше время считаются древними, но по сравнению со средьземельскими их можно с небольшой погрешностью считать практически современными.

В то же время гномы у Толкина сохраняют многие традиционные

черты характера, роднящие их с гномами волшебных сказок. Это любовь к золоту, небольшой рост, работа в подземных рудниках (цверги скандинавских легенд также обитают под землей), богатство, мрачность и неблагодарность. Гномы держат свой родной язык в тайне; об этом упоминается в сказке братьев Гримм «Румпельштицхен». Интересно, что сам Толкин в письме к Н. Митчисон от 8 декабря 1955 г. (П, с. 229) сравнивает гномов с… евреями: они-де так же преданы своим обычаям, не растворяются в других расах, говорят на языке тех стран, где живут, но с акцентом, свойственным их родному языку.

С. 22

...унесся мыслями… далеко-далеко от его хоббичьей норы под Холмом.

Шиппи (с. 58) считает, что Бильбо Бэггинс выступает в сказке поначалу как своеобразный «двойник читателя». Он не знает правил игры, действующих в «настоящем большом мире» героики и архаики; благодаря ему читатель чувствует себя «не так одиноко» и вместе с Бильбо проходит «ступени посвящения». Вместе с тем у читателя возникает иммунитет к соблазну смотреть на мир эпоса свысока.

С. 24

...На город двинулся дракон.

Драконы, согласно мифологии Толкина, одни из древнейших обитателей Средьземелья. В первые Эпохи драконы были здесь довольно многочисленны. Наиболее знамениты драконы Глаурунг и Анкалагон Черный. Летописи упоминают о трех разновидностях драконов: Урулоки (огнедышащие, но бескрылые), летающие огнедышащие и «холодные». Большинство драконов умело напускать чары, все без исключения отличались силой, недюжинным умом, сообразительностью и алчностью, а также невероятным коварством. За появление в Средьземелье драконов ответственность несет Моргот. Драконы, которые не состояли ни у кого на службе, вели обычно нескончаемую войну с гномами за гномьи сокровища; однако некоторые драконы в разное время состояли на службе у темных сил Средьземелья и участвовали в войнах с людьми и эльфами. Большинство драконов погибло с ниспровержением Моргота, что случилось в конце ПЭ (см. там же).

Толкин считал драконов одним из самых могущественных мифологических образов мирового фольклора и поэзии. В своей лекции «Чудовища и критики» он писал о них так:

«Правильный, трезвый вкус отрицает, что для нас – для гордых нас,

каковое понятие включает в себя всех живущих ныне образованных людей, – остался еще хоть какой-то интерес к оград и драконам; не мудрено, что этот самый “трезвый вкус” встает в тупик, когда замечает, что его обладатель получает глубочайшее удовольствие от поэмы, как раз об этих вышедших из моды существах и написанной». Для автора древнеанглийской поэмы «Беовульф», продолжает Толкин, драконы могли быть не так уж и далеки от реальности, и, уж конечно, языческие предки поэта вполне могли думать о драконах как о тварях, реальная встреча с которыми отнюдь не исключена. Дракон для автора «Беовульфа» был созданием из плоти и крови, а не аллегорией, как в позднее средневековье, когда он стал олицетворять зло и диавола и перестал быть «просто драконом». Но и «просто драконом» он для автора «Беовульфа» уже не был. В тот переходный от язычества к христианству период дракон мыслился чем-то средним между аллегорией и реальностью: это был персонаж и символ одновременно. Шиппи (с. 37) замечает, что подобный подход был ближе всего самому Толкину как автору (в известном смысле Толкин видел сходство между собой и автором «Беовульфа»). «Дракон – это отнюдь не какая-нибудь досужая выдумка, – пишет Толкин. – Каким бы ни было происхождение этого образа, взят ли он из реальности или вымышлен – дракон древних легенд является мощным творением человеческого воображения, и смысла в нем не меньше, чем золота в его сокровищнице». По Толкину, для «Беовульфа» особенно символично то, что именно дракон является последним врагом героя, что Беовульф встречает смерть в схватке с явлением нечеловеческого порядка. «Именно потому, что главные враги в “Беовульфе” – нелюди, поэма куда величественнее изначительнее, чем обычные легенды о человеческих войнах, – пишет Толкин. – Она приобщает космосу и следует по пути общечеловеческих раздумий о предназначении человека и смысле всех усилий; она стоит среди повестей о малых войнах человеческих князей, но заметно возвышается над ними и простирается далеко за даты и границы исторических периодов, как бы важны они ни были сами по себе… Будто с воображаемой высоты смотрим мы на долину мира сего, где стоит дом человека. Из окон дома льется свет – lihte se leoma ofer landa fela[3] – и слышен звук музыки; но внешняя тьма и ее враждебные исчадия всегда лежат в засаде, ожидая, пока померкнут факелы и замолкнет пение… Дракон – символ живой тьмы, окружающей человека в этом мире… Драконы, настоящие драконы, играющие существенную роль как в построении сюжета, так и в идеологии произведения, встречаются в сказаниях

крайне редко. Если не упоминать огромного и неопределенного Змея, Опоясывающего Мир, Мидгардсормра, несущего гибель великим богам и не имеющего никакого отношения к героям, остаются только дракон Вельсунгов Фафнир и тот дракон, что погубил Беовульфа. Справедливо, что в “Беовульфе” фигурируют оба дракона – один участвует в действии, о другом упоминает менестрель… “Автор Беовульфа” ценил драконов, существ столь же редких, сколь и ужасных, очень высоко. Он любил их как поэт, а не как зоолог, и у него были на то серьезные причины». Дракон в северной мифологии являлся представителем класса «чудовищ», известных также и другим мифологиям, например греческой. Однако, подчеркивает Толкин, концепция «чудовищ» у северян была существенно иной, чем у греков, в чьих мифах монстр мог быть, скажем, сыном бога и находиться под его защитой (как Полифем, ослепление которого навлекло на Одиссея гнев Посейдона). Враги героев у древних скандинавов всегда являются также и врагами богов: это – персонифицированные силы тьмы, «порождения ада». В извечной борьбе человечества и богов с Хаосом чудовища сражаются на стороне Хаоса, и вплоть до самого Пришествия Христова Хаос неизменно выходит победителем. Так, Беовульф, одержавший столько побед, в конце концов гибнет в схватке с порождением Хаоса – драконом. «Чудовища были врагами богов и вождей людского племени, и чудовища рано или поздно должны были победить, – пишет Толкин. – Героически держа осаду перед лицом последнего поражения, люди и боги сражались в одном войске».

В «Хоббите», замешенном на скандинавских преданиях, дракон выступает для гномов тем же, кем он был для древних скандинавов – олицетворением Зла и Хаоса, и только вмешательство сил, чужеродных системе древнего мифа, позволяет одержать над ним победу.

С. 27

Бандобрас Волынщик.

Слово «Волынщик» произведено от слова «волынка», а не от слова «волынить».

…сражался с гоблинами…

Гоблин – настолько традиционный персонаж английских сказок, что вряд ли нуждается в том, чтобы его представляли читателю. В ВК Толкин от этого названия уже отказывается, как и от всех более традиционных названий сказочных персонажей. Пришедшее на смену «гоблину» слово «орк» взято уже не из английских сказок, а из скандинавской мифологии и в ней укоренено (см. прим. к «Хоббиту»,

гл. 3. *Туманные Горы*, а также *Оркрист*). В ответ одному читателю, который предпочитал оркам гоблинов и сокрушался по поводу их исчезновения, Толкин писал: «Лично я предпочитаю слово орки – ведь у меня и правда выведены орки, а никакие не гоблины; кроме того, к гоблинам Дж. Макдональда они никакого отношения не имеют» (П, с. 185).

Гольфимбул.

Имя скандинавского происхождения. Означает «ветер + ужасный». Несколько раз встречается в древнеисл. поэзии. Возможно, этимология Толкина содержит долю истины, так как происхождение названия игры в гольф неясно – не исключено, что слово произошло от датского kolf («дубинка») или действительно от слова golfimbul.

С. 28

Профессиональный грабитель.

Обыгрывается схожесть по звучанию английских слов burglar («грабитель») и bourgeois («буржуа»). См. прим. к этой гл., *Бэггинс.*

С. 29

Я и так отлично помню Гору… Знаю я и Чернолесье, и Чахлую Пустошь, где находится логово великих драконов…

Гора – типичное название для «Хоббита», где большинство топонимов представляют собой просто-напросто описание называемых мест (см. прим. к этой главе, ниже, *Дейл*, и к гл. 7, *Каррок*), в отличие от ВК, где номенклатура усложняется, играет роль невидимого каркаса повествования и вводит читателя в систему средьземельских языков. *Чахлая Пустошь* – в оригинале Withered Heath. На картах ВК не обозначена.

Обратите внимание на руну в западной части карты…

В письме к издателю журнала Observer Толкин пишет, что использованные им руны созданы были на основе англосаксонских, но не совпадают с ними, и добавляет как бы вскользь: «Между этими двумя руническими системами существует несомненная историческая связь» (январь 1938 г., П, с. 32). Подробнее о рунах см. приложение Д.

Смауг.

Имя дракона в «Хоббите» – форма прошедшего времени от древнегерманского глагола smugan («протискиваться в нору»), как сообщает сам Толкин в ответе журналу Observer (февраль 1938 г.). Первоначально дракона звали Прифтан. Кроме того, Шиппи (с. 69) указывает на слово smeagan – древнесканд. эквивалент древнеангл. слова, входившего в магическое заклинание wi{D} smeogan wyrme – «от червя проникающего». В этом слове есть оттенок и более

абстрактного значения: древнеангл. smaugan означает также «вникать», а как прилагательное – «искушенный», «искусный» (намек на хитрость и коварство Смауга).

Дейл.

Английское слово dale означает «долина».

С. 34

Азог.

Слово взято из Черного Наречия.

Некромант.

В оригинале Necromancer. Обычно некромант – черный маг, колдун, использующий для колдовства и гадания внутренности мертвецов или общающийся с духами мертвых. В период написания «Хоббита» Толкин уже знал, какой персонаж кроется за этим прозвищем, так как Саурон – а это именно Саурон – фигурировал в главах Сильм, написанных гораздо раньше. Для создания ВК существенную роль сыграли письма читателей «Хоббита», которые просили написать продолжение, где подробнее рассказывалось бы про таинственного Некроманта. В письме в издательство «Аллен и Анвин» от 2 февраля 1939 г., написанном в процессе работы над ВК, Толкин замечает: «Продолжение получается более взрослым… и винить в этом следует читателей, как юных, так и более пожилых, которые слали мне письма с просьбой “побольше рассказать о Некроманте”, так как Некромант – это вам не детские игры» (П, с. 42).

Глава II. Жареный барашек

В названии главы содержится намек на сказку братьев Гримм «Храбрый маленький портняжка» – когда герой сказки, портняжка, встречается с великанами, каждый из великанов держит в руке по жареному барашку.

С. 38

…похороны… по мере необходимости.

Шиппи замечает, что «Хоббит» гораздо в большей степени, чем ВК, построен на столкновениях разных стилей, что явственно проявляется уже в первой главе. Речь Бильбо представляет собой ряд условных социальных формул, означающих по сравнению с точным смыслом сказанных слов нечто совершенно иное (сатира на современный язык). С этим «привычно-бессмысленным» языком вступает в конфликт язык гномов – церемонный и торжественный, в своем роде тоже условный, но иначе: гномы говорят о вещах реальных (золото, драконы, путешествия), а хоббит, объявив, что «переходит к

делу», оперирует абстрактными понятиями из сферы современного бизнеса (в оригинале это бросается в глаза в еще большей степени, чем в переводе). Заключенный в итоге контракт – своего рода компромисс между «древним» и «современным» стилем: язык – «современный», содержание – более чем реальное, особенно в конце, где речь идет об организации похорон «по мере необходимости» (англ. unless otherwise arranged for, что представляет собой более сложную бюрократическую формулу, нежели в переводе); за этой канцелярской фразой кроется вполне конкретный смысл, ведь «в случае съедения драконом необходимость в похоронах отпадет совсем», как замечает Шиппи (с. 57).

С. 45

Тролли!

Классические персонажи германо-скандинавской мифологии. Они «обитают внутри гор, где хранят свои сокровища… уродливы, обладают огромной силой, но глупы» (МС, с. 537, ст. «Тролли»), однако иногда владеют скрытыми знаниями, недоступными людям. Как правило, представляют силы зла, по крайней мере враждебны и чужды человеку. Сохраняя в «Хоббите» некоторые традиционные черты троллей (глупость, силу и т. д.), Толкин использует эти характеристики только как составную часть совершенно нового образа. Можно сказать, что его тролли в чем-то похожи на традиционных, но в целом это новые существа (как и эльфы с гномами – см. прим. к гл. 1 и 3 «Хоббита»).

Тролли были выведены Морготом, хотя что или кто послужил(о) для них материалом – в точности неизвестно. Создать троллей Моргот не мог, так как в мифологии Толкина злая сила творить не может (см. прим. к гл. 3, *Оркрист*). Возможно, тролли были задуманы в насмешку над энтами. Тролли участвовали в войнах Белерианда, хотя и в небольшом количестве: из-за своей глупости солдатами они были плохими. Известны четыре разновидности троллей: каменные (о них-то и идет речь в «Хоббите»), пещерные и горные, с плато Горгорот, а также Олог-хаи с южной окраины Чернолесья (обитали также в Мордоре). На синд. «тролль» звучит как *торог. Олог* — слово из Черного Наречия.

Спасибо, Билл!

Речь троллей у Толкина намеренно уподоблена речи «рабочего класса» в Англии 30-х гг., – правда, как отмечают наиболее ехидные исследователи, это не столько действительная зарисовка с натуры, сколько плод далеких от реальности представлений оксфордского

профессора о том, как разговаривают представители пролетариата. По-видимому, язык тогдашних английских пролетариев был еще менее изыскан, чем язык Тома, Берта и Вильяма.

С. 48

Отпусти его, Берт!

Эта фраза тролля Вильяма вызвала у одного из читателей «Хоббита» не больше и не меньше, как упрек автору в метафизической непоследовательности. Дело в там, что тролли, обязанные своим происхождением исключительно силам зла, теоретически не способны ни на какие добрые душевные движения (как и орки, они же гоблины – см. прим. к гл. 3). Почему же Вильям предлагает отпустить хоббита? Откуда у него чувство жалости? На эти вопросы Толкин отвечал, что Вильям предложил отпустить хоббита только потому, что был сыт, – так поступило бы любое животное.

С. 52

И тут Вильям замолчал навек…

Поверье о том, что тролль, застигнутый лучами рассвета, обращается в камень, действительно существовало в германо-скандинавской мифологии – недаром несколькими строчками ниже Толкин предполагает, что читателю об этом известно. Следы этого поверья встречаются и в одном из основных источников, которые вдохновляли Толкина, – «Старшей Эдде» (песнь «речи Альвиса»). Вот вкратце содержание этой песни. В отсутствие Тора к нему является обитатель подземного мира Альвис (не человек) и сватает его дочь. Застав у себя в доме незваного жениха, Тор обещает ему руку дочери, требуя взамен, чтобы Альвис ответил ему на множество вопросов о разных мирах. Альвис, не подозревая подвоха, дает ему обстоятельные ответы. Тем временем встает солнце, и Тор празднует победу: прозевавший рассвет Альвис обращается в камень.

С. 55

…из Ривенделла.

Англ. Rivendell переводится как «раздвоенная долина».

Глава III. Короткий отдых

С. 57

Туманные Горы.

Англ. Misty Mountains. Образ взят из «Старшей Эдды» (песнь «Поездка Сигнира»). В пер. А. Корсуна стихи, где упоминается использованное Толкином словосочетание, звучат так:

Сумрак настал,

нам ехать пора
по влажным нагорьям (Курсив наш. – М. К. и В. К.)
к племени турсов…

«Влажные нагорья» «Эдды» – и есть Туманные Горы Толкина. Четвертая строка процитированного отрывка в прозаическом переводе на английский, сделанном Шиппи, звучит с несколько иным оттенком: «сквозь племя турсов». Шиппи указывает, что слово «турс» находится в непосредственной связи со словом «орк». Полное название этих мифологических существ звучит как *орктурсы* (orc-{P}yrs) – «орки-гиганты». См. также об этом прим. к этой главе, *Оркрист.*

Дом Элронда.

Ривенделл был основан в 1697 г. ВЭ (см. хронологические таблицы в ВК, приложение Б) с падением эльфийского королевства Эрегион; сюда перебрались из Эрегиона остававшиеся в ту пору в Средьземелье Нолдоры (см. прим. к гл. 8 «Хоббита», *Глубинные эльфы*).

С. 59

...дело пахнет эльфами!

Эльфы у Толкина – особая раса; как и люди, они считаются Детьми Единого Бога (Илуватара). Это значит, что Бог сотворил их без посредства ангелов – Валар(ов), в отличие от гномов (см. прим. к гл. 1 «Хоббита»). В письме к П. Хастингсу (сентябрь 1954 г., П, с. 189) Толкин говорит, что эльфы и люди в биологическом отношении являются одной расой, иначе между ними не могло бы быть браков (таких браков в эльфийских легендах отмечено несколько). Толкин пишет, что вполне мог бы придумать научное обоснование одновременному существованию бессмертных и смертных народов в пределах одной расы, но делать этого не станет, так как автор волен в своем творении (subcreation – см. ниже) делать все (и только то), что сочтет нужным.

Эльфы появляются в Средьземелье задолго до начала ПЭ, без ведома правящих миром Валар(ов). Они долгое время блуждают по Средьземелью при свете звезд (солнца и луны тогда еще не было), постигая самих себя и окружающий мир, пытаясь разговаривать с растениями и животными (на кв. *олвар* и *келвар*). Восточные эльфы (*авари*) не испытывали тяги к новому и довольствовались жизнью в лесах; западные эльфы чувствовали, что у эльфов есть некое неведомое призвание, которое им еще не открыто. Пришло время, и Валар(ы) узнали о существовании эльфов и позвали их жить к себе – в Валинор. Три из эльфийских племен откликнулись на этот призыв и двинулись в Великое Путешествие на Запад (называемое также

Великим Переходом). Одно из этих племен так и не добралось до Валинора и осталось на побережье; позже их стали называть Синдар(ами) или Серыми эльфами. Эльфы, которые добрались до Валинора, стали называться Высшими эльфами. Впоследствии часть из них вернулась в Средьземелье. Высшие эльфы передали часть своей культуры Синдар(ам), а те, в свою очередь, многому научили Лесных (Темных) эльфов, которые не имели с Валинором и Валар(ами) ничего общего (Темными стали называть эльфов, не откликнувшихся на призыв Высших Сил). Синдар(ы) стали королями многих королевств Лесных эльфов. С появлением людей эльфы оказали огромное влияние и на них. К концу ПЭ большинство прежде покинувших Валинор Высших эльфов вернулось туда; за ними последовали и многие Синдар(ы). В Средьземелье осталось лишь небольшое число тайных эльфийских поселений, но к концу ТЭ из них уцелели только те, в которых обитали Лесные эльфы. Толкин намекает, что именно Лесные эльфы могли дать пищу многочисленным европейским преданиям о загадочных существах – обитателях лесов и полых холмов. Позднейшая традиция изображает эльфов крошечными существами с крылышками; об искажении первоначального образа этих мифологических существ Толкин никогда не уставал сожалеть. Однако английские легенды хранят следы этого первоначального образа, гораздо более схожего с образом эльфов у Толкина. Так, в Ирландии бытовала в древности легенда о пришельцах с запада, некогда прибывших на остров; пришельцы принадлежали к иной расе, многие представители которой были наделены бессмертием. Называли их Туата де Данаан («народ Дану»). Они приплыли с запада, чтобы очистить Ирландию (Эйре) от злых фоморов, но впоследствии сами были побеждены другой расой нелюдей – Фир Болг. Потерпев поражение, Туата де Данаан отплыли обратно на запад и более не возвращались. Туата де Данаан описаны в легендах как высокие, прекрасные, очень похожие на людей существа, сильные, светловолосые и мудрые. ТК сообщает (с. 180), что аналогичные легенды есть и в Уэльсе. В древнескандинавской мифологии ближайшей аналогией эльфам являются *альвы* (древнеисл. alfar) – духи, занимавшие низшую иерархическую ступень по отношению к высшим богам (*асам*), но по отношению к людям стоявшие выше. Альвы (как и эльфы у Толкина) делились на «темных» и «светлых». Альвов иногда смешивали с *ванами* (ср. у Толкина название одного из эльфийских племен – Ваниар(ы); —р— в Квении – суффикс мн. ч.). Ваны в скандинавской мифологии находились в оппозиции к высшим

богам – асам, но только поначалу; в итоге раздор закончился примирением. Ваны являются хранителями «меда поэзии». Существует особое мнение об эльфах и в староанглийской христианской литературе: согласно этому мнению, эльфы – разновидность ангелов, которые были сосланы на землю за недостаточную преданность Богу и отказ сражаться против демонов.

Одной из главных отличительных черт эльфов является их бессмертие (эльфы существуют, пока существует этот мир). Эльф может быть убит в бою, однако это не означает, что он покинет «круги этого мира». Дух его переселяется в так называемые «чертоги Мандоса» (Мандос – один из Валар(ов), владыка подземных чертогов под землями Амана, где содержатся до определенного срока души умерших эльфов и, возможно, людей). Заметим, что сам Толкин избегает употреблять по отношению к эльфам слово «душа», – возможно, чтобы остаться в стороне от средневековых споров о том, наделены эльфы душой или нет. Из чертогов Мандоса эльфы вновь могут выйти на свет и обрести новое воплощение, однако уже не в Средьземелье, а в Валиноре, среди себе подобных, и в Средьземелье вернуться уже не могут. В 1954 г. (П, с. 18.) Толкину написал управляющий католического книжного магазина в Оксфорде, богослов П. Хастингс, который опасался, что Толкин, вводя для эльфов возможность реинкарнации, переступил опасную черту (христианство не приемлет идеи реинкарнации – воплощения души человека в другое тело после смерти). В ответ на это Толкин возразил, что ВК и «Хоббит» – всего лишь сказка, литература, а не повесть о реальных событиях, и для понимания ее необходимо понимать также, как соотносятся Большое Творение – Творение Божие – и «малое творение» (sub-creation). То, что происходит внутри «малого творения», может казаться неверным с точки зрения внешней реальности, но воображаемому миру законы задает «малый творец», его выдумавший, – автор (sub-creator). Освобождение от «путей, использованных Создателем», – один из фундаментальных принципов «малого творения», которое является вкладом в реальность, ее обогащением и осуществлением бесконечного творческого потенциала сотворенного Богом мира. Поэтому странно было бы отрицать возможность реинкарнации для вымышленных существ, пишет Толкин.

Эльфы у Толкина символизируют, как пишет он сам в некоторых письмах, творческую сторону человеческой души.

В начале работы над «Хоббитом» концепция эльфов в целом была

уже достаточно детально разработана, так как основной цикл эльфийских легенд «Сильмариллион», опубликованный только в 1977 г., Толкин начал писать еще до конца Первой мировой войны. Однако настоящую четкость эта концепция обрела позже. Сначала Толкин просто заимствует слово elf из английских сказок (мн. ч. обыкновенно elfs). Затем возникла необходимость хоть как-то обозначить различие между созданными Толкином эльфами и эльфами традиционными – ведь по многим признакам это были совсем другие существа. В письме к Х. Брогану от 18 сентября 1954 г. (П, с. 185) Толкин пишет: «Я весьма сожалею, что использовал слово “эльфы”, хотя по древности это слово в принципе могло бы и сгодиться, и первоначальное ею значение меня тоже устраивает. Однако слово это претерпело в истории чудовищные превращения и было развенчано (в чем непростительную роль сыграл Шекспир). Это перегрузило его достойными всяческих сожалений оттенками смысла, от которых его теперь уже не избавить». Чтобы отмежеваться от «шекспировской» традиции, Толкин избирает для своих эльфов более архаическое множественное число и вместо elfs начинает писать elves («эльвы»), что впоследствии привело к многочисленным столкновениям с редакторами и опечаткам в книгах. Однако с течением времени Толкин начинает ясно осознавать, что, по сути, его эльфы – образ принципиально новый, развивающийся по законам «малоготворения», и, по всей видимости, их следовало бы назвать каким-нибудь особенным именем, не вызывающим у читателя непосредственных ассоциаций. В крайнем случае, пишет Толкин, следовало бы остановиться на староверхненемецком alp, древнескандинавском alf или готском alb (в древнеанглийской поэме «Беовульф» использовано слово ylf). Однако к тому времени менять что-либо было уже поздно: основные книги о Средьземелье были уже напечатаны и завоевали широкую популярность. Толкин пытался повлиять хотя бы на переводы, советуя переводить слово «эльфы» как «альфы» или «альвы». В Рук. (с. 176) Толкин пишет: «Как я полагаю, слово “эльф” <в языке перевода> скорее всего окажется заимствованием из английского и может нести с собой некоторые ассоциации, связанные… со “Сном в летнюю ночь” (именно в переводе этой пьесы слово “эльф”, сколько мне известно, впервые было представлено в немецком языке)». Но большинство переводов появилось достаточно рано, и традиция была уже сформирована.

Кстати, по ходу развития сюжета в «Хоббите» Толкин постепенно отказывается от английских синонимов слова «эльф» – таких, как faery

(«фея») и gnome, стилистически принадлежащих к словесному ряду волшебных сказок, и больше уже никогда к ним не возвращается.

В числе основных источников, откуда Толкин мог черпать сведения об эльфах, Шиппи называет, кроме уже перечисленных, древнеанглийские поэмы «Сэр Гавейн и Зеленый Рыцарь» и «Сэр Орфео», переведенные Толкином на современный английский и опубликованные в 1975 г., уже после смерти автора. В первой рассказывается о таинственном Зеленом Рыцаре, который является бросить вызов Круглому Столу и Королю Артуру. Сначала кажется, что цель Зеленого Рыцаря – погубить одного из рыцарей Круглого Стола или опорочить всех. Однако принявший вызов рыцарь не гибнет, а только проходит через испытание, которое в итоге делает из него подлинного рыцаря-христианина. О «Сэре Орфео» см. прим. к гл. 8 «Хоббита».

С. 63

Их выковали в Гондолине…

Гондолин – синд. «спрятанный в скалах» – эльфийский город ПЭ, построенный между 52 и 104 гг. ПЭ, находившийся в потаенной долине Тумладен и давший имя одноименному королевству. Тайна Гондолина оставалась нераскрытой много столетий благодаря особому покровительству Вала(ра) Улмо и бдительности орлов, несших стражу на вершинах Опоясывающих Гор. Однако из-за двух предательств – непреднамеренного и преднамеренного – в 511 г. ПЭ Гондолин пал под натиском вражеских полчищ.

Оркрист.

В это слово входит корень орк-, что на синд. означает «орк, гоблин». Слово «орк» происходит от двух древнеанглийских слов – orcneas (это слово встречается в «Беовульфе» и означает «трупы, тела демонов») и orc-{P}yrs – «орки-гиганты» (мифологическое племя демонов-великанов) (Шиппи, с. 50). В письме к Н. Митчисон от 25 апреля 1954 г. Толкин пишет, что выбрал это слово из-за его звучания, показавшегося ему подходящим. О происхождении орков, продолжает он, нигде специально не говорится, однако на самой проблеме существования «злых» рас в Средьземелье Толкин в своих письмах останавливается достаточно подробно. Так, в письме к П. Хастингсу (сентябрь 1954 г., П, с. 195) Толкин проводит различие между злыми расами на основе их происхождения. В Божий мир зло входит только благодаря злой воле Темной Силы, но различными путями. Дьявол (у Толкина Моргот) может в определенном смысле создать «злую расу» или просто повлиять каким-то образом на Божье творение, исказив его и испортив.

«<Известно> что некоторым из сотворенных Им существ, – пишет Толкин, – Бог дал специальную способность к творчеству, к созданию “малого творения” (sub-creation), то есть дал им гарантию того, что плоды их мысли и творческих усилий обретут жизнь и реальность, войдут в Большое Творение. С некоторыми ограничениями, конечно, и в рамках некоторых запретов. Если эти существа “падут”, как пал Диавол-Моргот, и начнут творить ради самих себя, желая повелевать созданным, – творения их все равно обретут реальность; не лишился этого дара даже Моргот, нарушивший Высший Запрет творить новых разумных существ, подобных эльфам и людям. Эти существа будут реальными – по крайней мере на физическом плане – и при этом злыми по своей сути…» При этом, пишет Толкин, Темная Сила все равно зависит от «Большого Творения»: мятеж отрезает ее от источников истинного творчества, которые сокрыты в Тайном Огне –

Духе Святом, и все создания Темной Силы обречены поэтому оставаться не более чем искаженными подобиями творений Бога. «Создание таких разумных существ было бы величайшим грехом Моргота, – продолжает Толкин в цитируемом письме, – и поруганием высшей из данных ему привилегий; эти создания, зачатые во грехе, были бы злыми от природы (я чуть было не сказал – не имели бы возможности исправиться, но это было бы слишком. Принимая или терпя создания Моргота – а без этого "приятия" вновь созданные существа не могли бы жить, – Единый даже орков делает частью Своего Мира, Божьего Мира, который по сути своей добр)». Но созданные Морготом существа не могут иметь ни «души», ни «духа»; на плане «духовном» их попросту нет. Привилегия творить живые души остается за Богом. Поэтому созданные Морготом твари не были бы одушевлены. «Они… напоминали бы марионеток, послушно исполняющих волю их создателя, или муравьев, управляемых муравьиной маткой из одного центра», – говорит Толкин. К таким созданиям относятся тролли, по крайней мере те, что с рассветом обращаются в камень. Орки по многим признакам к таким существам не относятся, хотя с уверенностью этого сказать нельзя, так как «единой концепции» орков Толкин до конца жизни так и не выработал. По всей видимости, судя по рассыпанным в тексте намекам, орки были когда-то обычными Божьими тварями, способными как ко злу, так и к добру. Однако Черному Властелину удалось «испортить» их. На вопрос, как же Бог стерпел это, Толкин отвечает, что нашему времени не в новинку слышать о «хорошо рассчитанной дегуманизации людей, которую практикуют тираны всех мастей и которая продолжается по сей день». Традиционная теология объясняет такие случаи долготерпением Божиим, и Толкин присоединяется к этому объяснению. Но если орки – это бывшие эльфы, гномы или люди, совращенные Темной Силой, то почему их так много и почему их число постоянно пополняется? Как они размножаются? В одном письме Толкин замечает, что орки размножаются тем же путем, что и все дети Илуватара, но где же в таком случае орки-женщины, спрашивают исследователи? Есть свидетельства, что Толкин думал о чем-то вроде осиных гнезд или пчелиных сот, но, как бы то ни было, до конца он этой проблемы так и не продумал. А главное – почему оркам заказано раскаяние и возвращение к прежнему облику? Шиппи считает, что присутствие подобной неопределенности в этом вопросе к лучшему – ведь любое объяснение post factum неизбежно несло бы в себе натяжку, поскольку орки введены автором в Средьземелье по

вполне прозрачной причине: Армия Зла нуждалась в солдатах. Орки, по собственному выражению Толкина (правда, сказанное относится к другому случаю), всего лишь «пехота вечной войны» Добра и Зла (ЧиК, с. 264).

…на языке Гондолина…

В Гондолине – королевстве эльфов-Синдаров – говорили на синд. языке.

Глава IV. В Гору и под Гору

С. 68

…что и вовсе грозило крупными неприятностями.

В юности Толкин совершил свой первый и единственный поход в горы в компании брата, тети Джейн и еще десятка спутников. Это было в 1911 г., в его последние летние школьные каникулы. Получился настоящий поход, без удобств и гостиниц, по довольно диким местам. Один раз группа подошла совсем близко к кромке ледника и пробиралась по узкой тропинке между пропастью и снежным склоном. Солнечные лучи нагрели снег, и со склона стали срываться примерзшие к насту камни. По воспоминаниям Толкина, камни со свистом проносились над головой и падали в пропасть. Поскольку необходимо было все время глядеть под ноги, опасность для жизни была вполне реальной – уследить за камнями не было никакой возможности.

Тогда же, в Швейцарии, Толкин купил открытку с картиной немецкого художника Мадленера, на которой был изображен «горный дух» в плаще и широкополой остроконечной шляпе. Позже Толкин написал на конверте, в котором держал эту открытку: «Прототип Гэндальфа».

…и ежевика поспеет…

Эта деталь приближает страну хоббитов – Заселье – к Англии, как никакая другая. Ежевика чрезвычайно распространена в Англии, и в конце лета чуть ли не все живые изгороди в стране бывают увешаны крупными гроздьями спелых черных ягод. Ежевикой увиты также насыпи вдоль железных дорог, обочины автотрасс и т. д.

С. 70

…увидел на другой стороне ущелья каменных великанов…

Упоминаний о великанах у Толкина больше не встречается, за исключением одного или двух раз. По мере того как «Хоббит» все дальше отходил от традиционного сказочного жанра, исчезали и «чисто сказочные» герои.

С. 78

...меч... светился тихим голубым сиянием...

Свечение эльфийских мечей у Толкина – эхо «Беовульфа». Ср. ст. 1557–1573 (здесь и далее пер. В. Тихомирова):

…Тогда он увидел
среди сокровищ
орудие славное,
меч победный…
…ухватился
герой за черен,
посланец Скильдинга,
страха не знающий,
сплеча ударил
и снес ей голову…
…и тут победный
меч изнутри
озарился светом —
как ранним утром
горит на тверди
свеча небесная.

Глава V. Загадки во мраке

С. 82

Это было поворотное событие в жизни хоббита, но сам он об этом даже не догадывался.

Как тонко подмечает Шиппи (с. 59), это был также поворотный пункт в карьере самого Толкина, а также и самой повести: весь ВК в конечном счете вырос из этого события. В интервью журналу Observer, опубликованном 20 февраля 1938 г. Толкин признавался, что на протяжении работы над «Хоббитом» ему случалось несколько раз «зайти в тупик» и он совершенно не знал, что делать с героями дальше. Одна из таких задержек разрешилась тем, что Бильбо нашел

на полу туннеля роковое колечко. «В то время Толкин знал об этом кольце не больше, чем Бильбо», – замечает Шиппи.

С. 85

Голлум.

От древнесканд. gull (goll) – «золото», «сокровище», «кольцо».

С. 86

…с-сокровище мое!

В оригинале precious («драгоценный») может употребляться в значении «драгоценный мой».

…кроме загадок, он ничего придумать не смог.

Игра в загадки – традиционный мотив древних сказаний. Встречается в древнесканд. «Саге о короле Хейдреке Мудром», а также в древнеангл. поэме «Соломон и Сатурн».

С. 87

Тридцать белых жеребцов…

Английская народная загадка (как и некоторые другие в этой гл.).

С. 90

…учил бабушку, как высасывают <яйца>?..

Толкин использовал здесь старую английскую поговорку: Go teach your granny to suck eggs – «Иди учи свою бабушку, как высасывать яйца» (т. е. «Не учи ученого»). Эта поговорка зафиксирована в словаре «Classic Dictionary of Vulgar Tongue», изданном в Англии в 1785 г.

И не дышит, а живет…

Аналогичная загадка встречается в древнесканд. поэме «Сага о короле Хейдреке Мудром». В этой саге рыбой оборачивается скандинавский бог Один.

С. 92

Всё что ни попадя сожрет…

Загадка представляет собой вольный перевод загадки из древнеангл. поэмы «Соломон и Сатурн».

С. 96

Вот какие гадкие мысли роились в его маленькой голове…

Мотив невыполненного обещания часто встречается в древнескандинавской традиции: похожий эпизод случается с богом Локи, который отказывается платить гному обещанный выкуп. Тот же Локи отбирает у карлика Андвари его сокровища, отказав тому в просьбе оставить при себе хотя бы одно, последнее колечко. За это Андвари налагает на это колечко проклятие (МС, с. 316, Локи).

С. 104

Бильбо был спасен!

В первом издании «Хоббита» эта глава выглядела несколько иначе: Бильбо побеждал в состязании, причем игра шла на жизнь Бильбо против Голлумова «сокровища». Но «сокровище» уже лежало в кармане у Бильбо, и, естественно, Голлум никак не мог выплатить проигрыша. Поэтому Голлум предлагает Бильбо вывести его наружу. Таким образом, в первом издании Бильбо получал кольцо вполне честным путем. «уж и не знаю, сколько раз Голлум попросил прощения, – пишет автор в первом издании. – Он без конца повторял: “Прос-сти насс! Мы не хотели его обмануть, мы хотели отдать то, что с насс причитается, правда, правда, мы хотели отдать ему наш единственный деньрожденный подарочек, и отдали бы, если бы он не потерялся!”» В итоге Голлум и Бильбо расстались «друзьями». Эта версия была настолько психологически неправдоподобна, что впоследствии сослужила Толкину хорошую службу – он смог выдать ее за «искаженную», рассказанную Бильбо под влиянием Кольца, из желания скрыть правду, ведь на самом деле хоббит не имел никаких особенных прав на владение Кольцом.

Глава VI. Из огня да в полымя

С. 108

Бильбо охотно принимал похвалы…

После того как хоббит нашел Кольцо, статус Бильбо изменяется, хотя поначалу гномы о Кольце не догадываются. Кольцо играет роль «подпорки», «подставки», которая уравнивает Бильбо с гномами и всем миром сказочной героики. «Кольцо позволяет Бильбо избрать активную роль в событиях», – говорит Шиппи (с. 60), называющий Кольцо «выравнивателем» (equaliser). Одновременно это исключает «презрительное» отношение читателя к миру архаики и детской сказки: вместе с Бильбо он понимает, что должен не «снизойти», а «подняться» до этого мира с помощью его же средств. Обладание Кольцом, пишет Шиппи, дает хоббиту возможность совершать в этом мире героические поступки, но так, чтобы это не вызвало у читателя недоверия; с помощью Кольца древность и современность получают уникальную возможность вступить в диалог в пределах одного текста. Главной темой этого диалога, как считает Шиппи, является мужество. Герои древних эпосов, как правило, не способны испытывать страх. Современному же человеку трудно представить себя внутри общества, ориентированного на абсолютное бесстрашие: трезво рассудив, он поймет, что мог бы претендовать в нем разве что на роль раба. Однако Бильбо Бэггинсу удается подняться гораздо выше. Ему ведом страх, но

он обретает и мужество – как бы в награду за жалость, которую он чувствует к безоружному Голлуму (этот эпизод появляется только во втором издании «Хоббита»), или за порыв спасти друзей (гл. 8). Это мужество «нравственное», а не «героическое» и является не врожденной чертой характера, а итогом борьбы со страхом; в итоге нравственная ценность этого мужества ставит его выше традиционного «героического» мужества.

С. 114

…напоминавшую огромную рождественскую елку.

Анахронизм. В Средьземелье, разумеется, никаких рождественских елок быть не могло, так как действие, по замыслу автора, разворачивается в прапрапрахристианскую эпоху, хотя и на нашей Земле.

С. 115

Варги.

Слово происходит от слияния древнесканд. «волк» (vargr) и древнеангл. «отверженный» (wearg).

Глава VII. Необыкновенные хоромы

С. 128

…величайший из великанов…

См. прим. к гл. 4.

С. 129

Каррок.

От carrec (древневаллийское «скала»). Этот корень входит, например, в английский топоним Крикхоуэлл.

С. 130

Беорн.

В письме к Н. Митчисон от 25 апреля 1954 г. (П, с. 178) Толкин подчеркивает, что Беорн (древнеангл. «медведь», ср. совр. англ. bear) был человеком, несмотря на все свои необычные способности. Ср. с именем героя древнеанглийской поэмы «Беовульф» – «медведеволк» (как и Беорн, Беовульф предпочитал сражаться без оружия и в одиночку), Толкин как бы моделирует сказочный вариант происхождения подобного имени и мифологическую родословную Беовульфа и ему подобных (что имеет свои соответствия в древних верованиях некоторых племен в свое происхождение от животных – тотемов этих племен). Но, как и в большинстве случаев у Толкина, основным стимулом к созданию образа Беорна послужили причины лингвистического порядка. Шиппи (с. 62) указывает, что в

древнеанглийском языке слово beorn означало не только «медведь», но и «человек»; и Толкин создает героя, который является одновременно и медведем, и человеком. В сущности, Беорн – это обретшее сказочную плоть и кровь старое слово. Этот прием очень характерен для лингвистически ориентированного творчества Толкина. Ближайший аналог Беорна в древней мифологии, кроме Беовульфа, – герой древнескандинавской саги Bothvarr Bjarki («медвежонок»). С древнескандинавских саг «списан» и характер Беорна; как отмечает тот же Шиппи, древнеисландские странники на традиционный вопрос принимавших их у себя во дворце королей: «Во что ты веруешь?» – традиционно отвечали: Ek trui a sjalfan muk – «В себя»; Беорн ответил бы так же.

С. 142

На склонах вереск ветры гнут…

В большинстве существующих переводов этого стихотворения последняя строфа связана с драконом, что, однако, является, по всей видимости, ошибкой. Из некоторых деталей следует, что речь идет о возвращении в Средьземелье духа зла – Саурона, который позже стал Некромантом. Претерпев развоплощение с гибелью Нуменора и потеряв значительную часть прежней силы, Саурон возвратился в Средьземелье как бесплотный Дух и обосновался в Зеленолесье, где постепенно вновь укрепился и обрел новую плоть. Присутствие Саурона превратило Зеленолесье в Чернолесье, о чем, возможно, и поется в гномьей песне.

С. 147

Я слыхал, что вода там заколдована…

См. прим. к гл. 8 *…тропа уперлась в речку.*

А сходить с тропы нельзя ни в коем случае!

Типичное для Толкина балансирование между традиционным сказочным запретом и «реалистическим» повествованием: с одной стороны, совет Беорна имеет чисто практический смысл (сойдя с тропы в таком лесу, как Чернолесье, заблудиться совсем не мудрено), но одновременно может иметь и смысл «волшебный», магический (не исключено, что тропа каким-то образом заколдована и идущий по ней находится под магической защитой), но об этом прямо не говорится, хотя можно было бы подыскать несколько косвенных свидетельств в пользу этого предположения, например: пауки нападают на Бильбо и гномов, только когда те сходят с тропы.

С. 152

Хоб-гоблины.

Персонажи английской народной демонологии. Упоминаются наряду с хоббитами (см. прим. к гл. 1) в книге Дж. Харди Denhem Tract, 1895 г.

Глава VIII. Пауки и мухи

С. 156

…тропа уперлась в речку.

Заколдованная река в английских сказках зачастую является границей эльфийской страны.

С. 160

…доносится шум большой охоты.

В этом эпизоде слышится явственное эхо древнеанглийской поэмы «Сэр Орфео», которую Толкин перевел на современный английский язык (опубл. в 1975 г.). В этой поэме рассказывается о том, как король эльфов похитил у музыканта сэра Орфео жену. Орфео отправляется за ней в страну эльфов и – в отличие от классического Орфея – вызволяет ее. Блуждая по стране эльфов, сэр Орфео не раз встречается с охотящимся королем эльфов, но видит его как бы сквозь некий прозрачный покров, отделяющий земной мир от потустороннего: «И в полдень, когда горячий свет лежал на листах и деревьях, / он часто видел, как король страны фей со своей свитой / охотился в лесах; / слышно было дальнее пенье рогов, и приглушенные крики, / и лай собак, / но ни разу они не затравили и не убили ни единого зверя, / и он не знал, куда они потом исчезали».

…олениха с оленятами – они были ослепительно белые, в отличие от совершенно черного подстреленного недавно оленя.

Появление животных белого цвета в английских преданиях предвещает близкую встречу с потусторонними существами (в данном случае – с эльфами). Легенда повествует о том, как белые олени были посланы из страны эльфов за бардом Томасом Лермонтом от эльфийской королевы, наделившей его песенным даром и даром пророчества.

С. 167

Слышите пение и звуки арфы?

Шиппи пишет, что арфа традиционно считается эльфийским музыкальным инструментом. Именно игрой на арфе сэр Орфео (см. выше) покорил эльфов, так что те согласились отдать ему похищенную жену. Шиппи отмечает, что на этом сюжете можно проследить разницу в мифологических представлениях древних об эльфах и гномах: в аналогичном древнескандинавском сюжете, где вместо

эльфов выступают гномы, северного Орфея – Хьярранди – не только не отпускают с наградой, но приговаривают к вечно повторяющейся смерти.

С. 169

Песня оборвалась на полуслове. Наступила мертвая тишина.

Одно из традиционных свойств эльфов – способность мгновенно переноситься в другое место.

С. 173

Лупоглазу пауку…

В оригинале Attercop – средневековое английское «ядовитая голова».

С. 182

Лесные эльфы.

Высшие эльфы. См. прим. к этой главе «Хоббита», ниже.

…в Эльфийской Стороне, что лежит на Западе, – а именно туда ушли некогда Светлые эльфы, Глубинные эльфы и Морские эльфы…

Эльфийская Сторона (в оригинале Faerie – термин, принадлежащий волшебным сказкам и впоследствии Толкином отвергнутый; см. прим. к гл. 3, *…дело пахнет эльфами!*) – Валинор. *Светлые эльфы* (кв. Калаквенди) – эльфийское племя, включающее в себя три меньшие группы – *Глубинных эльфов* (Deep Elves, или Нолдор(ов)), *Прекрасных эльфов* (Fair Elves, или Ваниар(ов)) и *Морских эльфов* (Sea Elves, или Телери). *Лесные (Темные)* эльфы на кв. называются Мориквенди (Сильм., с. 60–62). Возможны варианты перевода: так, например, «Светлые эльфы» могут быть переведены как «эльфы Света», а «Глубинные эльфы» как «эльфы Глубин», так как Светлые эльфы названы так из-за преданности этих эльфов Свету Валинора, а Глубинные эльфы – из-за глубины своих знаний.

Толкин переосмыслил в этих образах древнюю традицию, согласно которой существовали полевые, горные, лесные и морские эльфы (древнеангл. feld-elfen, berg-elfen, wudu-elfen и sae-elfen).

Король Лесных эльфов.

Из ВК становится известно, что имя его было Трандуил (синд., значение темное). Трандуил, отец Леголаса (см. ВК) родился в ПЭ. В начале ВЭ жил в Линдоне, но еще до исхода первого тысячелетия ВЭ ушел оттуда и основал королевство Лесных эльфов в Зеленолесье. Это королевство испытало много невзгод – атаки лесных пауков, нападения орков; воевали эльфы и с гномами, однако, несмотря на все бедствия, успешно продержались до описываемого в «Хоббите» времени. Королями Лесных эльфов обычно были эльфы-Синдары, за

которыми Лесные эльфы признавали старшинство.

Согласно древней английской традиции эльфы всегда жили сообществами, устроенными по типу монархий (Шекспир использовал в «Сне в летнюю ночь» традиционное имя короля эльфов – Оберон).

Глава IX. Бочки с контрабандой

С. 192

Вскоре оба начали пить вино и весело смеяться.

Эльфы традиционно считаются неравнодушными к вину. В английских сказках и преданиях часто можно встретить рассказы о каком-нибудь находчивом крестьянине, который вместе с эльфами путешествует по винным погребам королей и пэров (Henry Bett, English Mytns and Legends. NY., 1992. P. 12–13).

...с бескрайних плантаций Дорвиниона.

Дорвинион (синд. «страна +?») – страна на северо-западном берегу Моря Рун, населенная, по всей видимости, человеческими племенами. В ВК не фигурирует.

С. 196

Галион.

Синд. «зеленый».

Глава X. Радушный прием

С. 212

... к Эребору.

В «Хоббите» синдаринский перевод названия Одинокой Горы – Эребор – не употребляется; переводчики позаимствовали его из ВК.

Глава XII. Слабое место

С. 234

Хоббит ухватил большую двуручную чашу…

Прямая ссылка на «Беовульфа» Ср. ст. 2218–2232:

…к тем богатствам языческим
некий смертный
посмел проникнуть,
и, покуда уставший
страж беспечно спал,
вор успел золоченую
чашу выкрасть,
умыкнуть из сокровищницы
драгоценный сосуд…

…нерадивый
слуга старейшины…
…незваным гостем
вошел он под своды —
и страх и ужас
его обуяли,
но, вспять пустившись,
он, многогрешный,
успел, однако,
из той сокровищницы
похитить чашу…
…одну из множества
захороненных
в земле издревле…

С. 236
Смауга охватил неописуемый гнев…
Ср. «Беовульф», ст. 2286–2308:

Дракон проснулся
и распалился,
чуждый учуяв
на камне запах…
…златохранитель
в подземном зале
ищет пришельца,
в пещеру проникшего,
покуда спал он;
потом и пустыню
вблизи кургана
змей всю исползал,
но, ни единой
души не встретив,
он, ждущий битвы,
сраженья жаждущий,
вернулся в пещеру
считать сокровища —
и там обнаружил,
что смертный чашу
посмел похитить,
из зала золото!

Злоба копится
в холмохранителе,
и ждет он до ночи…
…Едва дождавшись
вечерних сумерек,
червь огнекрылый
палящим облаком
взлетел с кургана, —
тогда-то над краем
беда и грянула…

С. 240

И тут Смауг заговорил.

Речь Смауга продолжает стилистическую игру, на которой построен «Хоббит», представляя собой «агрессивно-вежливую речь типичного представителя высшего класса» (Шиппи, с. 70). Тем разительнее контраст между традиционной разумностью дракона и подчеркнутой принадлежностью его к миру животных.

С. 241

На самом деле именно так и следует разговаривать с драконами…

Разговор Бильбо с драконом напоминает беседу Сигурда и Фафнира из «Старшей Эдды» (песнь «Речи Фафнира» (Fafnismal)), в которой герой Сигурд беседует с раненным им драконом. Как и Бильбо, Сигурд благоразумно отказывается назвать дракону свое имя, так как знает (в отличие от Бильбо), что дракон может проклясть его драконьим проклятьем.

С. 242

На них это похоже.

Мотив особого влияния драконьих речей на человека в традиционной мифологии не встречается, и право «первооткрывателя» здесь остается за Толкином. Особая убедительность, «магия убеждения», по Толкину, в высшей степени свойственна Злу и его приспешникам (ср. ВК, гл. 10 ч. 3 кн. 2, о чарах Саруманова голоса), возможно, этот мотив имеет смысл проследить до рассказа о библейском змие, убедившем Еву съесть запретный плод. Эта волшебная способность может быть истолкована и в морально-нравственном плане, если допустить, что волшебство дракона заключается именно в его необыкновенном искусстве стилиста: мимикрировав стилистически в «умудренного опытом советчика», он оставляет Бильбо роль «неопытного, невинного юнца» (Шиппи, с. 70), и тот вынужден напрячь всю волю, чтобы преодолеть навязанную ему

роль, а также преодолеть соблазн заподозрить друзей в нечестности. Точно так же в Fafnismal дракон Фафнир своими речами пытается посеять рознь между товарищами, и это ему удается.

С. 246

Люди из Дейла каким-то образом понимали их язык…

Снова мотив из «Старшей Эдды», только на этот раз несколько измененный. Согласно «Эдде», человек начинал понимать язык птиц, отведав драконьего сердца.

С. 249

Король Бладортин.

Возможно, корень – *тин*, входящий в это имя, означает на синд. «серый». В других легендах король Бладортин не упоминается.

Согласно первоначальному замыслу, это имя должен был носить Гэндальф.

Гирион.

Синд. «дрожащий».

из истинного серебра…

См. прим. к гл. 13, *мифрил.*

Аркенстон.

Ср. древнеангл. eorkanstane – «драгоценный камень».

Глава XIII. Хозяина нету дома

С. 257

Мифрил.

Синд. «серое сияние». Подробнее об этом металле см. ВК, гл. 4 ч. 2 кн. 1.

Глава XIV. Огонь и вода

С. 268

Бард.

Имя скандинавского происхождения, означающее «рукоять меча».

С. 269

И все-таки небольшой отряд лучников… еще продолжал сопротивление.

Не сразу можно заметить, что здесь Толкин вводит в мир древней героики современный элемент: этот элемент, пишет Шиппи (с. 63), – «дисциплина». В древнеанглийском это слово первоначально относилось к монашескому аскетизму, позже стало означать военную муштру: во времена Толкина, пишет Шиппи, это слово наиболее часто означало «основное качество истинно британского характера времен

империи» – особое хладнокровие и терпение, отказ покидать место службы даже в случае отсутствия каких-либо шансов принести пользу и тем более сохранить жизнь (об этом много пишет Киплинг). Классический пример этой дисциплины – поведение матросов и офицеров корабля «Биркенхед», затонувшего 25 февраля 1885 г., когда 500 человек команды пошли на дно вместе с кораблем, приняв решение, согласно совету старших офицеров, не плыть к лодкам: там были женщины и дети, а лодки легко могли перевернуться. Такую же дисциплину проявило большинство пассажиров и членов команды при гибели «Титаника». Толкину, служившему в Первую мировую войну в английских войсках, это понятие было знакомо не на словах, а на деле. В древней героической литературе не встретишь ничего подобного. Только однажды, в «Саге об Эрике Рыжем», герой уступает другому свое место в лодке, но, по Шиппи, делает это ради «грубой бравады, а не во имя долга и дисциплины».

С. 271

...Смауг взвился, перевернулся в воздухе и рухнул!

Интересно сравнить смерть Смауга с гибелью других эпических драконов. В «Беовульфе» герой убивает дракона в честном поединке (правда, с помощью другого воина), но погибает и сам. Опоясывающего Мир Змея, Мидгардсормра, убивает Видарр, который встает чудовищу на нижнюю челюсть и раздирает его пополам. Сигурд из «Старшей Эдды» убивает Фафнира с помощью хитрости: он выкапывает яму и прячется в ней, дожидаясь, пока дракон проползет над ним; тогда Сигурд поражает дракона в единственное уязвимое место у того на теле – мягкий живот. Как видно из этого пересказа, Толкин использовал в «Хоббите» мотив «Старшей Эдды», однако способ убийства дракона выбрал совершенно новый.

Согласно первоначальному замыслу, дракона должен был убить Бильбо, однако позже Толкин от этой идеи отказался.

...в случае настоящей беды он никуда не годится!

Образ Магистра и «коммерческий» Озерный город, как и поведение Магистра во время пожара, в мире героического эпоса представляют собой анахронизм, который создает новые возможности для столкновения различных стилей внутри текста. Магистр не только современный коммерсант, чуждый духу героики; он также и современный «политик», умелый демагог, в разговоре с толпой искусно подменяющий одно другим и легко добивающийся своих целей.

Глава XV. Собирается гроза

С. 280

Даин.

См. прим. к гл. 1, *Двалин* (имена гномов).

Железные Горы.

В оригинале Iron Hills. См. карты к ВК.

С. 284

От таких разговоров Торин только мрачнел.

«Толкин с видимым удовольствием исследует характер “Торина” – мрачный, независимый и несвободный: таким характером отличались древнескандинавские герои», – пишет Шиппи (с. 49), добавляя, что опорным текстом для описания характера гномов в «Хоббите» является сага «Нескончаемая Битва» из древнескандинавского эпоса «Кудрун», где рассказывается о том, как король Хегни мстит викингу Хетинну за похищение дочери; викинг просит у короля извинения и готов жениться на девушке, однако Хегни отказывается от примирения и говорит, что его меч, Даинслейф, «наследие Даина», выкован гномами и, коль скоро вынут из ножен, не может успокоиться, пока не убьет врага. Тема трагической и безжалостной мести повторяется у Толкина на протяжении всей истории гномов (см. ВК, Приложение А, III).

С. 286

...Но Бильбо явно недооценил власть золота, на котором дракон пролежал много веков...

Одна из ранних поэм Толкина, опубликованная в 1923 г., называется «Iumonna Gold Galdre Bewunden», что в переводе с древнеангл. означает «золото древних людей, оплетенное проклятием» (строка из «Беовульфа»). Мотив проклятого золота – весьма древний мифологический мотив. Всякий, кто заберет у дракона его сокровища целиком, подпадает под действие этого проклятия, и сокровище приносит новому владельцу только беды. В поэме золото переходит от эльфов к гномам, затем к дракону, затем к герою – и, наконец, к королю; король терпит поражение в войне, и уделом золота становится забвение. Всем владельцам золото приносит несчастье – вначале они полны сил, а в конце жизни превращаются в немощных скупцов, очарованных собственным золотом. В этой поэме некоторые исследователи видят аллегорию человеческой истории, которая начинается с героизма и заканчивается «коммерциализмом», поклонением искусственным вещам, артефактам. К. С. Льюис видел в этом «великий всеобщий грех современной цивилизации». По Толкину, корни всякого современного греха лежат в прошлом. Эту

«преемственность греха», по мнению Шиппи (с. 68), Толкин и прослеживает в «Хоббите», как бы намекая, что сказочное «проклятие драконьих сокровищ», возможно, является лишь мифологической метафорой человеческой жадности, что особенно подчеркивается тем, что «проклятие» действует почему-то только на гномов – остальные герои «Хоббита» успешно избегают чар (кроме Магистра). Толкин развивает эту антиномию «нравственного» и «магического» в ВК.

С. 287

...какую долю сокровищ отдал бы ты моим родственникам, обнаружив под Горой никем не охраняемые богатства, а нас – мертвыми?

Шиппи (с. 65) утверждает, что стиль этих переговоров прямо заимствован из древнеисландской «Саги о Храфнкелле»: герои этой саги примерно с такой же скрупулезностью и дотошностью требуют друг у друга компенсаций за причиненный в феодальных схватках ущерб, и оба изо всех сил отпираются от выплаты, причем диалог выдержан в торжественном, высокопарном стиле, которым слушатель призван восхищаться. Однако Толкин не скрывает своего иронического отношения к этому стилю и не упускает случая «перевести» речи героев на язык современный (как ниже в разговоре Даина и Барда), обнажая истинное значение этих речей (не всегда благородное).

Глава XVI. Вор в ночи

С. 293

...согласно договору, который я, к счастью, сохранил.

В этой сцене речи и поведение Бильбо (равно как и его одежда) представляют собой разительный анахронизм. Он ссылается на письменный договор (письменных договоров в древнем мире не было), проводит четкое различие между выручкой и чистой прибылью, предлагает финансовый компромисс. Бард и Торин пользуются архаической лексикой и стилем, Бильбо употребляет нарочито современные слова – например, слово «выручка» (profit) появилось в английском языке только в XVIII в., а слово «интерес» (в том числе экономический) – только после нормандского завоевания. «Герой» (здесь – Бард) говорит с «бизнесменом», что создает яркий комический эффект. В то же время, пишет Шиппи, происходит чудо – древний мир оказывается способен воспринять мир новый, два разных стиля не антагонистичны. «Героический мир» с уважением и удивлением внимает «новому», предлагающему свою этику скромности и

компромисса. Происходит подлинная встреча двух времен и двух миров, и это, быть может, одна из самых сильных страниц «Хоббита» и подлинное «счастливое разрешение» стилистического конфликта, хотя до разрешения конфликта событийного еще далеко.

…не забыли еще страшной войны с гоблинами.

См. ВК, приложение А, III.

Глава XVII. Гроза разразилась

С. 309

Орлы! Орлы!

Толкин считал счастливую развязку обязательной для волшебной сказки.

Глава XVIII. Обратный путь

С. 316

Кили и Фили погибли, прикрывая Торина своими щитами и телами, ведь Торин был старшим братом их матери.

Хоббит сходит со сцены в Битве Пяти Воинств не случайно – повесть возвращается в мир чистой эпической героики, в котором нет места диалогу миров и стилей и где гномы, которые прежде в соответствии со вкусами нашего времени изображались с оттенком юмора, превращаются в суровых героев.

Шиппи (с. 62) пишет, что в цитируемой фразе Толкин использовал весьма древний мотив: всякий благородный герой древности обязан был до последней капли крови защищать в бою своих старших родичей. Этого мотива Толкин касается также в поэме-эссе «Возвращение Бьортнота, сына Бьортхельма».

С. 317

До свидания!… Если надумаешь навестить нас… мы устроим в твою честь поистине королевский пир… – …Чай – в четыре, но я рад видеть вас в любое время!

В этом обмене приглашениями проявляется стилистическое «примирение», которым завершился конфликт стилей, составляющий, по мнению некоторых исследователей, основу «Хоббита». Гномы и Бильбо говорят на разных языках, но произносят, по сути, одно и то же, и за разницей стилей проступает существенное единство смысла. По словам Шиппи, «реальность языка» и «реальность истории» в финале «Хоббита» отступают перед «реальностью человека».

Глава XIX. Последний переход

С. 322

…Совет добрых Волшебников и… Хранителей Предания.

В НС содержится текст, который Толкин написал уже после выхода в свет ВК, связывающий приложение А к ВК с «Хоббитом». Текст этот представляет собой эпизод, который мог бы быть вставлен в последние главы ВК и относится ко времени пребывания хоббитов в Минас Тирите. Гэндальф уступает настойчивым просьбам друзей и рассказывает подоплеку описанных в «Хоббите» событий. Оказывается, что главной целью Гэндальфа было не помочь гномам вернуть сокровище и убить дракона, но защитить Запад от растущей Тени. Гэндальф видел, что глава Белого Совета Саруман срывает все его планы, и знал, кто такой на самом деле Некромант (см. прим. к гл. 1). Знал он и о том, что вскоре Саурон-Некромант перейдет в наступление, хотя неизвестно было, с чего он начнет; вероятнее всего, он напал бы на страну эльфов к востоку от Туманных Гор – Лориэн и на Ривенделл. Ривенделл был далеко от владений Некроманта, однако Гэндальф подозревал, что для Саурона расстояния не представляют особого препятствия: Север к тому времени обессилел, под Горой не было уже короля, не было и Дейла. Только гномы с Железных Гор могли бы воспрепятствовать продвижению его войск, но зато на стороне Саурона мог бы выступить Смауг, а это привело бы к ужасным последствиям. Необходимо было ударить по Дол Гулдуру – крепости Некроманта. По дороге в Заселье, куда Гэндальф шел отдохнуть, он встретил Торина (см. ВК, приложение А, III), и они договорились отомстить дракону. Однако Гэндальф не слишком-то верил в успех предприятия, тем более что поначалу Торин отказывался путешествовать под покровом тайны и намеревался с самою начала обставить все дело как торжественное возвращение Короля-Под-Горой.

«Я покинул Торина и отправился в Заселье, – говорит далее Гэндальф, – собирая по пути обрывки новостей. Это было странное занятие. Я всего лишь следовал путеводной нити “случая” и сделал по пути много ошибок». Гэндальф знал Бильбо с детства и любил его. Оказавшись в Заселье, он сразу же навел справки о нем, так как план вовлечь в дело хоббитов уже начал созревать. Оказалось, что у Бильбо репутация чудака – он жил холостяцкой жизнью и замечен был в разговорах с чужестранцами, даже с гномами, что у хоббитов стяжанию репутации добропорядочного обывателя не способствовало. Зайдя к Бильбо, Гэндальф не застал хоббита дома, но садовник охотно поведал, что Бильбо, уходя, сообщил, что, дескать, пошел прогуляться

под эльфийский Новый Год (приблизительно шестое апреля), и предупредил, что если он встретит эльфов, то может и не вернуться! Гэндальф обрадовался настроениям Бильбо и со спокойной душой покинул Заселье, что, как выяснилось впоследствии, было ошибкой – упускать время было неразумно: к тому дню, когда Гэндальф явился за Бильбо, тот уже перестал думать о далеких путешествиях как о чем-то реальном, растолстел, стал скуповат и уже гораздо меньше отличался от своих соседей.

В итоге гномы, которых Гэндальф с трудом убедил ехать под покровом тайны и в сопровождении хоббита, пришли прямо-таки в ярость, увидев, кого собирается им подсунуть Гэндальф. По словам рассказчика, в «Хоббите» даже отдаленно не переданы те бурные эмоции, которые овладели гномами при виде «бакалейщика», – видимо, потому, что от Бильбо все разногласия постарались скрыть. Если бы не карта, о которой Гэндальф, кстати, вспомнил в последний момент, Торин решил бы, что над ним смеются, и в ярости удалился бы. Все висело на волоске, однако Гэндальф повел дело решительно, и Торин уступил. Именно из-за хоббита Гэндальф согласился ехать с гномами – он просил их получше смотреть за Бильбо и оберегать его, на что те только фыркнули: поезжай, мол, сам, если этот хоббит тебе так дорог, и оберегай свое «нещечко». Так Гэндальф и сделал, но на подходах к Чернолесью был вынужден покинуть гномов и отправиться на Совет. Вот как звучит диалог Гэндальфа – Торина в одном из сохранившихся фрагментов, опубликованных в НС:

«Все продумав, – рассказывает Гэндальф, – я снова отправился к Торину и попал как раз на тайное совещание гномов. Там были Балин, Глоин и другие соплеменники Торина.

– Итак, что ты имеешь нам сказать? – спросил Торин, едва я переступил порог.

– Ну, если все по порядку, – начал я, – то, насколько я понимаю, ты, Торин Дубощит, считаешь себя королем; королевство твое, однако, утрачено. Если ему и суждено возродиться, в чём я отнюдь не уверен, то произойдет это далеко не сразу. Начинать нужно с малого. Думается мне, что, сидя здесь, далеко от Одинокой Горы, вы не вполне представляете себе истинную мощь великого Дракона. Хуже того – да будет вам известно, что по миру стремительно расползается Тень, и Тень эта куда страшнее дракона. Но они – Тень и дракон – непременно объединят силы.

Не нападай я, кстати, вовремя на Дол Гулдур – так бы оно и случилось.

– Как видишь, открытое объявление войны не принесло бы тебе успеха, ведь рассчитывать на победу в такой войне вовсе не приходится, да ты и не готов воевать, – продолжал я. – Тебе придется предпринять что-нибудь попроще и поотчаяннее – одним словом, очертя голову да в пекло!

– Твои речи столь же темны, сколь невнятны, – оборвал меня Торин. – Говори яснее!

– Ладно, – согласился я. – Во-первых, ты должен отправиться в поход сам, а во-вторых – отправиться тайно. Никаких послов, никаких герольдов! Вызов бросать нельзя. Все, что ты можешь себе позволить, – это взять с собой кое-кого из родичей да нескольких преданных друзей. Но тебе понадобится и еще кое-что – нечто для тебя неожиданное!

– Что еще такое? – удивился Торин. – Говори!

– Минуточку! – остановил его я. – Ты намерен расправиться с Драконом. Но Дракон этот не только силен и страшен – он стар и чрезвычайно хитер. С самого начала пути вам не след забывать о двух вещах: о том, что он весьма памятлив и что нюх у него исключительный.

– Ну разумеется! – гордо сказал Торин. – Кто-кто, а гномы имели дело с драконами – и предостаточно! Так что не учи ученого!

– Отлично! – сказал я. – И все-таки мне представляется, что ваши планы как раз этих двух вещей и не учитывают. Поэтому я предлагаю вам пойти на ограбление. Да-да, ограбление! Кроме того, нужен запах, такой запах, которого Смауг, враг гномьего племени, опознать не сумеет. Смауг не может весь свой век лежмя лежать на своем драгоценном ложе и ни разу не заснуть. Он тоже спит, спит как миленький – и снятся ему гномы! Но можешь быть уверен, засыпает он только тогда, когда, обыскав все свои подземелья до последнего закоулочка, в очередной раз удостоверится, что гномами поблизости не пахнет. Да и тогда спит он вполглаза, а ушки держит на макушке: не слышно ли, часом, шагов какого-нибудь гнома?

– Послушать тебя, так это самое «ограбление» столь же неосуществимо и безнадежно, как и открытое нападение, – заметил Балин. – То есть ограбить Смауга невозможно!

– Верно, сделать это далеко не просто, – отвечал я. – Но отнюдь не невозможно! В противном случае зачем, скажи на милость, тратил бы я тут с вами драгоценное время? Скорее я назвал бы замысел ограбления нелепым до невозможности. Поэтому я и предлагаю вам решить эту задачу самым что ни на есть нелепым образом. Возьмите-

ка с собой какого-нибудь хоббита! Скорее всего Смауг и не слыхивал никогда о хоббитах, а уж не нюхивал их и вовсе наверняка!

– Хоббита?! – взорвался Глоин. – Из этих засельских простачков, что ли? Какой от хоббита прок? И уж тем более под землей! Чем бы хоббиты ни пахли, у этого твоего приятеля не хватит духу подойти даже к голенькому драконышу, который только что вылупился из яйца! Разве что на безопасное расстояние, чтобы тот вообще не смог его унюхать.

– Не спеши, Глоин! – остановил я его. – Нельзя рубить сплеча! Ты ведь мало знаешь о местных жителях. Видимо, вы зовете хоббитов простачками потому, что они щедро платят вам и не торгуются. А робкими вы считаете их потому, что они никогда не покупают у вас оружия. Но вы ошибаетесь, друзья мои! И во всяком случае, уж один-то из них наверняка сгодится тебе в попутчики, Торин! Малый он честный и сообразительный, – правда, мыслит чересчур здраво и вряд ли способен на безрассудство. Но, если судить по другим его соплеменникам, отваги ему не занимать. Правда, хоббиты – «смельчаки поневоле», если можно так выразиться: их отвага проявляется, только когда они столкнутся с настоящей опасностью. Пока хоббита не припрет к стенке, нипочем не догадаешься, каков он на самом деле.

– Поди еще проверь, правду ты говоришь или нет, – заметил Торин. – Насколько я знаю, опасностей хоббиты старательно избегают.

– Это чистейшая правда, – сказал я. – Хоббиты – народ весьма трезвомыслящий! Кроме того, мой хоббит – особенный. Думается, его можно было бы убедить пойти навстречу опасности. Я уверен, что в глубине души он и сам этого жаждет. У него это называется «попасть в приключение».

– Но не за мой же счет! – возмутился Торин, встал и принялся расхаживать по комнате. – Это, знаешь ли, не совет, а просто глупость какая-то! Не вижу, каким образом твой хоббит, будь он храбрец из храбрецов, возместит мне хотя бы дорожные издержки – если, конечно, нам вообще удастся уломать его!

– Не видишь? – остановил я Торина. – Лучше скажи – не слышишь! Ходят хоббиты совершенно бесшумно, и, заметь, это не составляет им ни малейшего труда. Как гном ни старайся, тут ему с хоббитом не сравниться даже под угрозой смерти. Наверное, никто из смертных в этом мире не умеет ступать так мягко. Боюсь, правда, что ты, досточтимый Торин Дубощит, этого не заметил – ведь сам ты ломился через Заселье с таким шумом (если не сказать хуже), что местные

жители слышали тебя за целую милю! И поймите наконец, что, предложив вам пойти на ограбление, я имел в виду ограбление профессиональное.

– Профессиональное?! – вскричал Балин, который, очевидно, не совсем правильно истолковал мои слова. – Ты хочешь сказать, что предлагаешь нам нанять опытного кладоискателя? Разве они еще не перевелись?

Я замешкался с ответом. Дело принимало новый оборот, и я не сразу решил для себя, как к этому относиться.

– Думаю, что не перевелись, – начал я осторожно. – За разумное вознаграждение опытный кладоискатель пойдет в такое место, куда вы сами сунуться не осмеливаетесь, и, возможно, попробует вернуть вам то, чего вы так добиваетесь…

Глаза у Торина заблестели: перед его мысленным взором возникли утраченные сокровища.

– Значит, ты советуешь воспользоваться услугами наемного вора? – сказал он с презрением, поморщившись. – Об этом, пожалуй, стоит подумать, – если, конечно, он не запросит лишнего. Но при чем тут местные увальни? Они же в драгоценностях не смыслят ни уха ни рыла. Они пьют из глиняных чашек и не могут, наверное, отличить бриллианта от стекляшки!

– Напрасно ты так уверенно говоришь о том, чего не знаешь, – резко сказал я. – Эти, как ты выражаешься, «увальни» живут в Заселье уже четырнадцать столетий и многому научились за это время. Они имели дела и с эльфами, и с гномами за тысячу лет до того, как Смауг обрушился на Эребор. По меркам твоих предков хоббиты, конечно, небогаты, но в их домах найдутся вещицы, какими ты, Торин, сейчас никак не можешь похвастать. Взять хотя бы моего хоббита. У него и золотые украшения водятся, и ест он на серебре, а вино пьет из чудесных хрустальных кубков.

– Так вот куда ты гнешь! – воскликнул Балин. – Значит, твой дружок – грабитель! Поэтому ты нам его и нахваливаешь?

Боюсь, услышав это, я потерял всякое терпение и осторожность. Дело в том, что гномы крайне тщеславны и вбили себе в голову, что красивых вещей никто, кроме них, делать не умеет, а значит, всякая мало-мальски ценная вещь, находящаяся в чужих руках, либо приобретена у гномов, либо у них украдена; я знал про эту придурь и раньше, но на этот раз слова Балина разъярили меня донельзя.

– Грабитель? – расхохотался я. – Ну конечно! Именно грабитель, причем профессиональный! Откуда же и быть у хоббита серебряным

ложкам? Я поставлю на его двери особенный грабительский знак, так что вы легко найдете, где он живет.

Затем я, рассерженный вконец, встал и горячо (да так горячо, что и сам подивился своему пылу!) сказал Торину:

– Ты должен найти эту дверь, Торин Дубощит! Учти – я не шучу!

Тут я неожиданно понял, что и в самом деле не шучу. Мои последние слова были вовсе не шуткой: я говорил серьезно. Мне совершенно необходимо было заручиться поддержкой гномов. Их нужно было уговорить во что бы то ни стало!

– Слушай меня, народ Дьюрина! – громовым голосом воскликнул я. – Если вы уговорите этого хоббита пойти с вами, вас ждет успех. Если нет – потерпите неудачу. Но если вы откажетесь даже попробовать, я разорву с вами все отношения! Ни советов, ни помощи вы от меня больше не получите, покуда над вашими головами не сомкнется Тень!

Торин уставился на меня в изумлении.

– Крепко сказано! – вымолвил он наконец. – Ладно, так и быть, попытка – не пытка! Ты, видать, у нас провидец, если, конечно, не свихнулся на старости лет!

– Вот и отлично! – сказал я. – Но вы должны идти к моему другу с доброй волей, а не с единственной целью посрамить мои седины. Вам нужно набраться терпения и не отступаться чуть что, даже если поначалу вы не заметите в моем хоббите ни отваги, ни жажды приключений, о которых я вам толковал. Поначалу он будет всячески отпираться. Но упускать его нельзя ни в коем случае!

– Ну уж набивать себе цену я ему не позволю! – решительно заявил Торин. – За спасение наших богатств ему будет, конечно, обещано приличное вознаграждение – но не более того!

Разумеется, я имел в виду совсем иное, но поправлять Торина было бесполезно.

– И вот еще что, – продолжал я. – Все приготовления нужно сделать заранее. К тому дню у вас все должно быть готово! Если он согласится – нельзя давать ему времени на раздумья. В поход на восток вы должны отправиться прямо из Заселья.

– Очень уж он у тебя странный, грабитель этот, – вмешался в разговор гном, которого звали Фили (как потом выяснилось, племянник Торина). – Величать-то его как? По крайней мере скажи, как он себя называет!

– Хоббиты называют себя настоящими именами, – сказал я. – Зовут же его не как-нибудь, а Бильбо Бэггинс. Других имен у него нет.

– Ничего себе имечко! – рассмеялся Фили.

– А вот ему оно представляется весьма достойным, – сказал я. – И очень ему подходит, потому что он – средних лет холостяк, несколько склонный к полноте. По всей видимости, главное, что его интересует в жизни, – это хорошо поесть. Говорят, кладовка у него битком набита всякой всячиной – а может быть, таких кладовок у него и несколько! В любом случае вы не потеряете времени даром!

– Довольно! – остановил меня Торин. – Если бы я не дал тебе

обещания, меня к твоему хоббиту и силком не затащили бы. Не желаю, чтобы из меня делали посмешище! Мне тоже не до шуток. Сердце разрывается в груди моей…

Я пропустил его слова мимо ушей.

– Сам посуди, Торин, – сказал я. – Апрель кончается, весна в разгаре. Приготовьте все как можно скорее. У меня есть еще кое-какие дела, но через неделю я вернусь. Если к тому времени все будет готово, я выеду вперед вас и подготовлю почву. А на следующий день мы явимся к нему все вместе.

С этим я гномов и покинул, полагая, что Торину, как и Бильбо, времени на раздумья давать нельзя. Все остальное вам хорошо известно в изложении Бильбо. Напиши я об этом сам – все, наверное, выглядело бы несколько иначе. Ведь Бильбо понятия не имел о том, что происходило в промежутке между моей беседой с Торином и нашей встречей. Скажем, о неимоверных усилиях, которые мне пришлось приложить, чтобы, минуя большие дороги, скрытно провести в Приречье большой отряд гномов. Ведь слухи о гномах ни в коем случае не должны были достичь ушей Бильбо прежде времени!

Стало быть, во вторник, 25 апреля 2941, я лично познакомился с Бильбо. Вообще-то я примерно представлял себе, чего ожидать, но, должен признаться, хоббит сильно поколебал мою уверенность в успехе затеи. Все оказалось куда сложнее, чем я предполагал. Но я твердо решил не отступаться! На следующий день, в среду, 26 апреля, я привел Торина и его товарищей в Котомку, что, кстати, тоже оказалось непросто, поскольку Торин сомневался и упирался до последнего. Бильбо был, разумеется, ошарашен и вел себя довольно нелепо. В общем, с самого начала все пошло наперекосяк, и злосчастная затея с «профессиональным грабителем» – а «грабитель» этот накрепко засел в голове у гномов – чуть не сработала против меня. Хорошо еще, я заранее сказал Торину, что в Котомке придется остаться на ночь, так как требовалось обсудить план дальнейших действий. Иначе все было бы потеряно. А уйди Торин из Котомки прежде, чем я успел переговорить с ним один на один, планы мои пошли бы прахом».

В другом фрагменте, повествующем о беседе Гэндальфа с друзьями в Минас Тирите, эта история рассказывается несколько подробнее, чем выше. Кроме того, есть и еще одно существенное добавление. Гном Гимли обращается к волшебнику с вопросом: как же случилось то, что случилось, и как все увязать воедино?

«Гэндальф ответил не сразу. Он встал и выглянул в окно,

выходившее на запад, где лежало море; солнце садилось, и на лицо волшебника лег отблеск заката. Так он стоял долго и ничего не отвечал. Наконец он повернулся к Гимли и сказал:

– Я не знаю ответа. С тех пор я изменился, и тяготы Средьземелья более не касаются меня. В те дни я ответил бы тебе так, как отвечал на такой же вопрос Фродо в прошлом году, весной. Всего лишь в прошлом году! Но теперь сроки не имеют никакого смысла. В то далекое, далекое время я сказал маленькому испуганному хоббиту, что Бильбо было предопределено найти Кольцо, причем отнюдь не создателем самого Кольца. Я мог бы добавить, что мне и самому было предопределено направить вас по предопределенному заранее пути. Для этого разум мой использовал только те средства, что были мне дозволены, и делал все, что мог, согласуясь с собственными соображениями. Но что было мне ведомо в глубине сердца и о чем я знал еще прежде, чем ступить на эти серые берега, – совсем иное дело. На забытом Западе я звался Олорином, и только с теми, кто обитает там, буду я говорить более открыто».

С. 326

…будут продавать с аукциона…

Шиппи предполагает, что последняя сцена «Хоббита», как и многое другое у Толкина, имеет лингвистические корни. В своем предисловии к словарю хаддерфилдского диалекта У. Хэя (именно в этом словаре упоминается слово baggins – см. прим. к гл. 1) Толкин особо останавливается на изменениях, которые подчас претерпевают «ученые» слова в устах простых людей, и приводит в качестве примера слово okshen (искаженное auction – «аукцион»), которое в хаддерфилдском диалекте означает «сумятица, смешение, неразбериха».

М. Каменкович,

В. Каррик

Иллюстрации

Примечания

1

Кабаков Р. И. «“Повелитель Колец” Дж. Р. Р. Толкина и проблема современного литературного мифотворчества», канд. дисс., ЛГПИ, 1989 г.

2

Название страны, где живут хоббиты.

3

Цитата из «Беовульфа», почти дословно приведенная Толкином в ВК (гл. 6 ч. 3 кн. 2), в переводе на современный английский («The light of it falls on the land»).

Спасибо за чтение!

Надеемся, что иллюстрации помогли вам глубже погрузиться в мир этого произведения.

—

ПОЛЕЗНЫЕ ССЫЛКИ

taplink.cc/chitai

По ссылке выше вы найдёте ресурсы, где мы выкладываем подобные работы бесплатно и способы поддержать проект если вам понравилось и вы хотите больше подобных книг.

—

Если вам понравилось это издание — поделитесь им с друзьями. Это поможет нам продолжать создавать иллюстрированные книги.